Джеймс Питер

Пусть ты умрешь

Моему чудесному агенту и другу Кэрол Блейк

1

Среда, 23 октября

Карл Мерфи был достойным, добросердечным человеком, семейным доктором и отцом двух детишек, растить которых ему пришлось в одиночку. Он много работал, делая все возможное для своих пациентов, список которых становился все длиннее и длиннее. Последние два года — после смерти любимой жены Ингрид — были нелегкими, да и некоторые аспекты самой работы давались тяжело, особенно когда приходилось извещать пациента о неизлечимой болезни. Но доктору и в голову не приходило, что он может нажить врагов и, уж конечно, что есть кто-то, ненавидящий его настолько, чтобы желать ему смерти.

Кто-то, планирующий убить его сегодня вечером.

Конечно, как ни старайся, каждому не угодишь, да и у него тоже всякое случалось. Большинство пациентов были людьми приятными и вели себя достойно, но попадались и такие, с кем нужны стальные нервы. И все равно он старался обращаться со всеми одинаково.

Доктор уже принял душ, переоделся после гольфа и теперь, задержавшись в этот октябрьский вечер у стойки клубного бара, потягивал в компании партнеров по турниру вторую пинту лимонада с лаймом, поглядывая незаметно на часы и ловя себя на том, что впервые за долгое, очень долгое время чувствует себя счастливым. В его жизни появилась новая женщина. Встречались они недолго, но доктор уже успел проникнуться к ней самыми теплыми чувствами. Он даже допускал мысль, что влюбился, но, будучи человеком закрытым, ничего не говорил об этом своим знакомым.

В начале седьмого — время поджимало — Карл Мерфи допил свой лимонад, совершенно не догадываясь, что на улице, в непогожей темноте, его уже поджидают.

Сестра Стефани забрала детей из школы и пообещала побыть с ними дома, пока он не привезет няню. Но задержаться она могла не позднее чем до без четверти семь — потом они с мужем собирались на деловой обед, и Карл не мог допустить, чтобы она опоздала из-за него. Он поблагодарил хозяина за любезность, выслушал ответные поздравления за хорошую игру и торопливо покинул заседание у девятнадцатой лунки, [1]грозившее затянуться до позднего вечера. У него была другая программа, куда более интересная, чем заурядная попойка в компании, пусть даже и приятной, старых знакомых. Он спешил к женщине, соблазнительной и страстной, и от одной лишь мысли увидеть ее снова — после последней встречи прошло три дня — его, как когда-то в юности, бросало в жар.

Отворачиваясь от ветра и дождя, доктор прошел к парковочной площадке, в самый конец, где оставил машину, открыл багажник и загрузил сумку с клюшками и прочими принадлежностями. Потом сунул в боковой кармашек завоеванный приз, маленький серебряный кубок, и застегнул молнию. Не замечая ничего вокруг, он думал только о свидании. Господи, как же изменилось все с ее появлением! Она стала лучом света в его хмурой жизни. Последние два года, после смерти Ингрид, были настоящим адом, и вот теперь, наконец, ему открылся выход из затянувшихся, казавшихся бесконечными сумерек.

Предаваясь приятным мыслям, Карл Мерфи не заметил неподвижной, во всем черном фигуры, притаившейся под тартановым ковриком на заднем сиденье. Ему даже не показалось странным, что свет внутри не включился, когда он открыл правую дверцу. Со старенькой «ауди» в последнее время постоянно что-то случалось, что-то отказывало или, как бензиномер, работало по настроению. Он уже заказал новую А6 и ожидал поступления в ближайшие недели.

Сев за руль, доктор накинул ремень, повернул ключ зажигания и включил фары. Потом перенастроил приемник с «Классик FM» на «Радио-4» — послушать вторую часть вечерних

новостей, — выехал со стоянки и покатил по узкой дороге около фэйрвея гольф-клуба «Хейуордс-Хит». Впереди показались огни идущей навстречу машины, и он подал к обочине, а когда уже собрался прибавить газу, услышал за спиной какое-то движение. В следующее мгновение что-то мокрое и едкое залепило его нос и рот.

Хлороформ, успел подумать Карл Мерфи, узнав характерный запах. Он еще попытался сопротивляться, но сознание уже путалось, ноги съехали с педалей, а руки соскользнули с руля.

2

Среда, вечер, 23 октября

Он поднес к глазам бинокль и, вглядываясь в темноту, навел на женщину, которую так сильно любил. Ночной прицел для арбалета, которым он пользовался для наблюдения, когда она выключала свет, лежал рядом, на столике.

Она пила какое-то белое вино — уже четвертый за вечер бокал — и снова набирала номер на телефоне. Вот, резко мотнув головой, отбросила прядь огненно-рыжих волос, упавших на милое личико. Знакомый жест. Она всегда делала так, когда нервничала или была на взводе.

Он не ответит, любовь моя. Не ответит.

3

Среда, вечер, 23 октября

Мужчины, боже мой! Что не так? В чем причина? В ней? Или в них?

Каждый делает в жизни глупости, думала Рэд. Большие глупости. Ты делаешь их, считая, что поступаешь правильно, и только потом начинаешь понимать, что ошибся. Ей, чтобы понять, понадобилось два года. Два года она никого не слушала, не принимала ничьих советов — ни семьи, ни друзей, ни даже полиции. И только через два года осознала, насколько опасен Брайс Лорен, мужчина, с которым она познакомилась и в которого влюбилась через объявление на страничке для одиноких сердец.

Если бы только можно было отмотать время назад, вернуться в прошлое с тем знанием и опытом, что были у нее теперь.

Пожалуйста, Господи.

Она ни за что не обратилась бы в то онлайновое бюро знакомств и не поместила бы там свое глупое объявление.

Одинокая девушка с огнем в волосах, 29 лет, чахнет на любовном пепелище. Ищет новое вдохновение, новое пламя для тлеющего костра. Приятного общения, дружбы и — кто знает — может быть, чего-то большего?

Большинство ответов — полный отстой. Но, с другой стороны, подружки предупреждали, что едва ли не все откликающиеся на такое объявление мужчины — женатики, которым и не надо ничего другого, как только перепихнуться по-быстрому.

Она отвечала подружкам, что по-быстрому неинтересно, но вот долгий и жаркий секс ее бы вполне устроил! Именно этого ей и недоставало те несколько лет, что были впустую потрачены на кретина Доминика, имевшего обыкновение проверять свою электронную почту уже через тридцать секунд после полуминутного секса.

К тому же Рэд считала себя достаточно умной, чтобы отличить проходимца от приличного парня.

Оказалось, что нет.

Она ошиблась, и, как выяснилось теперь, даже еще сильнее, чем представлялось тогда.

Прикладываясь в очередной раз к бокалу «совиньон блан» и считая в очередной раз доносящиеся из трубки гудки, Рэд и не думала, что за ней следят. Три. Четыре. Пять. Шесть. На часах — половина девятого. Карл опаздывал на свидание уже на полтора часа. И где его только черти носят?

На этот раз она дала отбой, не оставив сообщения, злая и оскорбленная до глубины души.

4

Среда, вечер, 23 октября

Вэн — супер! О да! Да! Из большой черной колонки «джобоун» рвалась Queen of the Slipstream Вэна Моррисона. Прекрасные слова, передававшие все то, что он чувствовал когда-то к Рэд, заполняли крохотную квартирку.

Живший этажом выше ворчливый старикан стукнул палкой по полу, как делал всегда, когда музыку внизу включали ближе к ночи. Ну и пусть себе.

Да, она была его «Королевой ветра». Его королевой.

Червонной дамой. Дамой сердца.

Рэд.

Красный цвет — цвет червонной дамы.

И она его отвергла.

Унизила.

Больно? О да, больно. Еще как. Эта боль не затихала ни днем, ни ночью. Ни на секунду.

Повезло, что удалось снять эту вот квартиру. Вид — то, что надо. Некоторые вещи предопределены судьбой. Например, они, он и Рэд, должны быть вместе. Он опустил бинокль и замотал головой, чувствуя в себе бурлящую ярость. Да, так случилось, что в их отношения вошло кое-что не очень хорошее, пусть даже плохое, но теперь это все в далеком прошлом.

Он навел бинокль на ее пикантные губки. Она в очередной раз подняла бокал. Эти губы… Он целовал их так страстно, так нежно. Он рисовал их на бесчисленных эскизах, один из которых — с недовольной гримаской и подписью *Я — режимная девчонка!* — висел в рамочке на стене.

Эти губы целовали его всего, с головы до пят. Думать о том, что они целуют другого мужчину, было невыносимо. Они — его. Они принадлежали ему. Он не мог представить, что кто-то другой касается ее нежной кожи, обнимает ее, нагую, входит в нее. Этот образ не давал ему покоя снова и снова, без конца, отзываясь внутри леденящим холодом. Он не мог представить, что она в миг оргазма смотрит в глаза другому, — его трясло в бессильной ярости.

Нет, теперь уже не в бессильной. Теперь у него был план.

Не будешь моей — не будешь ничьей.

Он задернул шторы и включил свет. Потом еще понаблюдал за ней немного на одном из висящих на стене мониторов. Она набирала номер на телефоне. Подключиться к телефону оказалось совсем нетрудно, достаточно было купить по Интернету шпионскую программу, «спайбабл», и тайком установить на мобильный Рэд. Программа позволяла слушать все разговоры, независимо от местонахождения, получать автоматически все входящие и исходящие текстовые сообщения, видеть номера, по которым звонила она и с которых

звонили ей, открывать все веб-сайты, которые она посещала, просматривать ее фотографии и, что важно, определять через джи-пи-эс ее точное местоположение.

Он обвел взглядом развешанные на стенах фотографии. Вот он сам — в розовом «леандровском» пиджаке и соломенном канотье на регате в Хенли, ни дать ни взять молодой Джордж Клуни, — и рядом Рэд — в легком, свободном платье. Вот другая, и на ней тоже он — в кожаном летном шлеме, в кокпите биплана «Тайгер мот». Там снова он — прилежный ученик в Центре управления воздушным движением аэропорта Гатуик. И там он — в квадратной академической шапочке и мантии на выпускной церемонии в парижской Сорбонне. И там — в таком же академическом наряде получает докторский диплом Сиднейской летной школы. А вон и его любимая — в форме пожарного. Рядом та, на которой он пожимает руку принцу Чарльзу, чуть дальше — Полу Маккартни. Внушительная экспозиция, да? Даже для королевы.

А она его отвергла.

Это родители вливали ей в уши яд. Это подруги загружали ее ложью. Как она могла, как посмела слушать их и верить им? Все разрушила, все сломала собственной глупостью.

Он добавил звук, смывая волной музыки вскипающие в голове мысли и не обращая внимания на настойчивый стук сверху мистера Брюзги.

Потом снова взял бинокль, выключил свет, подошел к окну и чуточку развел шторы. Видеть ее вот так, вживую, было куда приятнее, чем на мониторах, получавших и картинку, и звук из каждой комнаты ее квартиры. Так он лучше чувствовал ее боль.

Он посмотрел на окно третьего этажа дома напротив. В гостиной горел свет, и видимость была отличная. Она стояла, держа возле уха телефон, и выглядела очень обеспокоенной.

Да уж, есть отчего беспокоиться.

5

Среда, вечер, 23 октября

— Пожалуйста, не поступай так со мной, — сказала Рэд, когда мобильный снова переключился на голосовую почту после шестого звонка.

Привет, это Карл. Я не могу ответить сейчас, поэтому оставьте сообщение, и я перезвоню вам позже.

Она оставила три сообщения, но он так и не перезвонил. Первое ушло в 7.30 вечера, через полчаса после того, как Карл не заехал за ней в назначенное время. Они планировали пообедать в Чайна-Гарден. Второе сообщение отправилось в 20.00, а третье — она постаралась убрать сердитые нотки, что далось нелегко, — сразу после 21.00. Сейчас часы показывали половину одиннадцатого. Она даже проверила свои странички в Твиттере и Фейсбуке, хотя Карл никогда еще не пользовался ими для связи с ней.

Отлично! Какая подстава! Ну разве не замечательно?

Разрыв с Брайсом обернулся кошмаром, память о котором жила до сих пор. В первые недели после того, как его удалось выставить, с помощью полиции, она частенько замечала знакомый «астон-мартин» у своей старой квартиры. Самого Брайса видно не было, но и одного лишь присутствия машины хватало, чтобы по спине бежал холодок. Он перестал делать это только после того, как она, рассердившись по-настоящему, спустила ему все четыре колеса. Но и это был еще не конец. Иногда, во время одиночных тренировочных пробежек — она готовилась к участию в Брайтонском благотворительном марафоне, — Брайс попадался ей на глаза. Он следил издалека — с тротуара или из машины.

Такая слежка действовала на нервы, особенно когда она бежала по Даунсу вечером, в наступающих сумерках.

По совету людей из «Проекта „Убежище"», она переехала из квартиры вот в это временное жилье, снятое ими на вымышленное имя.

Квартира располагалась на третьем этаже и была выбрана из-за своего расположения — ее окна не просматривались с главной улицы — и наличия укрепленной входной двери. Мрачный, изрядно обветшавший викторианский особняк, переоборудованный когда-то в частную резиденцию, находился неподалеку от набережной Хоува. Из окон открывался вид на пожарную лестницу безобразного, 1950-х годов постройки, многоквартирного дома и переулок, который вел к автомобильной стоянке и гаражам за ее кварталом.

Предполагалось, что здесь она будет чувствовать себя в безопасности, но новое жилище действовало угнетающе. Узкий, слабо освещенный коридорчик вел в небольшую, открытой планировки зону, совмещавшую гостиную со столовой и старомодной кухонькой размером чуть больше камбуза и поделенной барной стойкой для завтрака. Еще здесь было две спальни: поменьше — ее она превратила в свою уютную норку — и побольше, с видом на гаражи и стоянку для велосипедов.

Она покрасила стены белой краской, что немного освежило квартиру, и повесила несколько картин и семейных фотографий, но все равно не чувствовала себя здесь дома и знала, что никогда не почувствует. Правда, теперь у нее появилась надежда — перебраться в скором времени в новую квартиру, квартиру-мечту. Она уже занялась продажей старой и рассчитывала на финансовую помощь родителей. Новая, просторная и светлая, находилась на верхнем этаже Ройял-Риджент — перестроенного дома времен Регентства на Марина-Пэрейд, в Кемптауне. С огромного солнечного балкона открывался восхитительный вид на пролив — марина к востоку и Брайтонский пирс к западу. Консультант по семейным отношениям посоветовала не ездить на ее любимом кабриолете «фольксваген-битл» 1973 года, поскольку он слишком заметный, так что теперь машина стояла в арендованном для этой цели гараже и выезжала лишь изредка для зарядки аккумуляторов и ремонта.

Она вылила в бокал последнее, что оставалось в бутылке «совиньон блан», которую открыла, когда окончательно поняла, что никуда с Карлом сегодня уже не пойдет. *Мужчины. Черт бы их побрал, мерзавцев.*

Но это так на него не похоже.

После кошмаров последних лет, после всего, через что ей пришлось пройти, Карл стал глотком свежего воздуха. Познакомила ее с ним лучшая подруга, Рэкел Ивенс, дантист. Карл работал в том же медицинском центре и относительно недавно овдовел. Жена умерла два года назад от рака груди, оставив его с двумя детьми. По словам Рэкел, теперь он готов был двигаться дальше и начать новые отношения. Еще она сказала, что, по ее ощущениям, у них может получиться.

И оказалась права.

Они пообедали вместе несколько раз, а потом, в прошлую субботу, когда его сыновья остались ночевать у родителей покойной жены, провели вместе целую ночь и едва ли не все воскресенье. В какой-то момент Карл широко улыбнулся и сказал, что, должно быть, здорово запал на нее, если даже принес в жертву свой традиционный утренний гольф.

Ей бы не хотелось, едва начав, стать вдовой гольфиста, ответила Рэд с такой же широкой — но многозначительной — улыбкой. Воскресное утро они провели в постели, потом сходили в «Шеллфиш энд ойстер бар» под Кингс-роуд-аркс, где позавтракали морепродуктами, устрицами и копченым лососем, и с удовольствием прогулялись по эспланаде. Ближе к вечеру Карл отправился за детьми, и они договорились встретиться вечером в среду. Он даже запланировал взять на этот день выходной, чтобы сыграть на турнире по гольфу, а потом заехать за ней в семь вечера.

Так где же он? Может, с ним что-то случилось? Может, попал в больницу? Карл не сказал, на каком именно поле будет играть в гольф, и теперь она не знала, куда звонить. Рэд вдруг подумала, что вообще-то знает о своем новом знакомом совсем мало, хотя и наводила о нем справки. И возможно, Карл мало кому о ней рассказал.

Позвонить в полицию? Спросить, не зарегистрировано ли в городе несчастных случаев? Нет, не стоит. За последние годы они приняли от нее слишком много звонков; каждый раз, после очередной ссоры, когда Брайс пускал в ход кулаки, Рэд набирала 999. Больницы? *Извините, я бы хотела узнать, к вам, случайно, не поступал доктор Карл Мерфи?*

Опыт прежнего общения с мужчинами подсказывал, что она, возможно, слишком снисходительна. Скорее всего, он просто напился в этом своем гольф-клубе, в девятнадцатой лунке, и напрочь о ней забыл.

Мужчины, чтоб их…

Она осушила бокал.

Пятый, отметил тот, кто наблюдал за ней.

6

Среда, вечер, 23 октября

Давно стемнело, но он все видел, не опуская бинокля. Она до сих пор носила дешевые наручные часики, выглядевшие так, словно достались из рождественской «хлопушки». Какой же крохобор этот ее новый любовничек, Карл, не мог, что ли, купить что-нибудь поприличнее? Подаренные им «Картье танк» она вернула вместе с остальными украшениями, когда выставила на улицу его чемоданы и сменила замки на дверях.

Вернула все, кроме тонкого серебряного браслета на правом запястье.

Он задернул плотно шторы, включил снова свет, сел за круглый столик и взял колоду карт. Развернул веером, сложил, снова развернул. Практика. Практиковаться приходилось по нескольку часов каждый день, отрабатывая репертуар трюков. На завтра у него было запланировано важное представление с демонстрацией фокусов для узкого круга на обеде брайтонских риелторов.

Может, и Рэд там будет. Ее ждал бы милый сюрпризец.

Есть дама и нет дамы!

Та, что была моей королевой, ею и останется.

Все еще носишь мой браслет!

Он знал, что это значит. Все по Фрейду. Она должна цепляться за что-то, что получила от него. Потому что, пусть даже и не хочет этого признавать, до сих пор его любит.

Держу пари, ты хочешь, чтобы я вернулся, ведь так? Еще немного — и умолять будешь, ведь будешь, да? Ты же находишь меня неотразимым, но просто не понимаешь этого. Все женщины считают меня неотразимым! Ты только не тяни слишком долго — я ведь вечно ждать не стану.

Шутка!

Я не приму тебя, даже если приползешь и будешь умолять. Ты и твоя мерзкая семейка. Ты и твои гнусные подружки. Ненавижу весь твой паршивый мирок. Я мог бы спасти тебя от всего этого.

И ты делаешь большую ошибку, не признавая очевидного.

Он посмотрел на часы — 23.10. Пора развлечься. Он вернул мобильный на столик в гостиной и положил в карман ключи от взятой напрокат «воксхолл-астра». Сейчас машина стояла в гараже через пару улиц отсюда, с фальшивыми номерами, скопированными с похожего автомобиля на долговременной стоянке аэропорта Гатуик. Потом надел черную куртку с капюшоном, проверил карманы — не забыл ли чего, — натянул черные кожаные перчатки, надвинул поглубже черную бейсболку и выскользнул в ночь.

7

Среда, вечер, 23 октября

Карл ворочался на коврике в темном багажнике собственной машины. Его трясло от страха и злости. Голова раскалывалась от боли. Не паниковать, говорил он себе, старательно дыша через нос и изо всех сил пытаясь успокоиться, направить мысли в нужное русло и найти выход из ситуации.

Где он? Как долго здесь находится? И почему, почему, черт возьми, это случилось с ним? Приняли за другого? Или неизвестный забрал ключи и сейчас грабит дом? А может, что еще хуже, его цель — дети, Дейн и Бен?

Господи, Рэд, должно быть, сходит с ума от беспокойства. Она дома, ждет, когда он заедет за ней. Если бы как-то позвонить… Но телефон в кармане брюк, а руки связаны, и до него не добраться.

Время от времени доктор слышал шум проезжающей машины. Следовательно, где-то поблизости проходит загородная дорога. Но машины проходили все реже и реже, а это означало, что время позднее. Человек, связавший его, знал толк в узлах — доктор не мог пошевелить ни руками, ни ногами, не мог избавиться от кляпа. Да еще эти болезненные спазмы. Поступает ли в багажник воздух? Это пугало его больше всего. Он вдруг понял, что чем быстрее дышит, тем больше потребляет кислорода. Нужно успокоиться. Рано или поздно кто-нибудь найдет его и спасет. Главное, чтобы воздуха хватило.

Во рту пересохло. Он уже давно отказался от попыток звать на помощь — крик уходил в кляп, который держала на месте какая-то лента, обмотанная, похоже, вокруг головы.

Ну должно же здесь быть что-то острое! Что-то такое, чем можно перетереть веревку. Он придвинулся к сумке с клюшками, услышал, как они глухо стукнули одна о другую, и подсунул руки к острому краю одной из них. Но при первой же попытке клюшка просто повернулась.

Помогите, пожалуйста, кто-нибудь.

Он снова услышал рокот приближающейся машины, шуршание шин по мокрой дороге… Надежда всплеснулась и опала — звук уже уходил вдаль.

Пожалуйста, кто-нибудь, остановитесь!

И еще одна… Те же знакомые звуки… скрип тормозов. *Да! Да! Господи, спасибо!*

Еще несколько секунд… Кто-то поднял крышку, и на него дохнуло холодом. В глаза ударил слепящий свет. Но радость была недолгой.

— Приятно видеть вас, мой друг, — мягким, вежливым голосом произнес стоящий за светом человек. — Извините, что заставил ждать — был немножко занят. Но вы ведь тоже не скучали, а?

Что-то металлическое царапнуло землю… плеснулась жидкость… В воздухе вдруг запахло бензином, и мысли закружились в водовороте ужаса.

— Вы ведь врач, да? — спросил незнакомец тем же вежливым тоном.

Карл замычал в ответ.

— У вас есть при себе какие-нибудь болеутоляющие?

Он покачал головой.

— Уверены? Никаких? Вы же врач, у вас наверняка должно что-то быть?

Карл промолчал, его трясло. Что, черт возьми, это все значит?

— Видите ли, обезболивающие понадобятся вам, а не мне. Если что-то есть, вам стоит принять. Учитывая, что будет дальше. И пожалуйста, поймите, дело вовсе не в вас. Вы ни в чем не виноваты. Я не какой-то садист — не хочу видеть, как вы мучаетесь. Поэтому и спрашиваю про обезболивающее.

Карла подняли, неловко вытащили из багажника, отволокли в сторону и бросили на мокрую траву. Хлопнула крышка.

— Мне нужно, чтобы вы написали записку, — сказал незнакомец. — Вы не против?

Карл промолчал и только щурился от бьющего в глаза света.

— Вы напишете прощальную записку. Я освобожу вам правую руку. Вы ведь правша?

Доктор только моргнул. Он чувствовал, что его вот-вот вырвет. Резкая боль обожгла лицо — незнакомец сорвал ленту. Вытащил изо рта кляп.

— Так лучше?

— Кто вы такой? Здесь какая-то ошибка, вам наверняка нужен другой. Я — доктор Карл Мерфи, — попытался объяснить он.

— Я знаю, кто вы. Если пообещаете не делать глупостей, освобожу руку. Левую или правую?

— Правую.

— Ну вот, давно бы так.

В свете фонарика блеснуло стальное лезвие, и в следующий момент доктор почувствовал, что правая рука свободна. Незнакомец сунул ему ручку и поднес вырванную из блокнота страничку. Такой блокнот лежал в медицинской сумке вместе с папкой-планшетом. В этот момент доктор успел увидеть незнакомца — весь в черном, бейсболка надвинута на глаза.

Его снова протащили по мокрой траве и прислонили к чему-то твердому и крепкому. К дереву. Перед ним снова появился планшет с чистой страницей.

— Пишите, Карл. Прощальную записку.

— Прощальную? Кому?

— *Кому?* Ну же, доктор! Чему вас учили в школе? *Кому!*

— Никакую записку я писать не стану! — с вызовом ответил доктор.

Незнакомец отошел. Карл напрягся, отчаянно пытаясь высвободиться и помогая себе свободной правой рукой. Но незнакомец быстро вернулся, неся что-то большое и темное. Снова плеснулась жидкость, и уже в следующее мгновение эта жидкость вылилась на него и потекла по плечам, спине, груди. В нос опять ударил характерный запах бензина. Доктор задергался. Бензин лился на голову, на лицо, щипал глаза. В свете фонарика появилась рука в перчатке с дешевой пластмассовой зажигалкой.

— Будьте паинькой, или хотите, чтобы я воспользовался этой штукой?

Его захлестнула волна ужаса.

— Послушайте… пожалуйста… Я не знаю, кто вы и чего хотите. Но мы ведь можем все обсудить? Только скажите, что вам нужно.

— Мне нужно, чтобы вы написали прощальную записку. Напишете — и я уйду. Не напишете — щелкну этой штукой, и посмотрим, что будет дальше.

— Не надо! Пожалуйста, не надо! Послушайте, это какая-то ужасная ошибка. Меня зовут Карл Мерфи, я врач общей практики, работаю в Брайтоне. Моя жена умерла от рака. У меня двое маленьких детей, они полностью зависят от меня. Пожалуйста, не делайте этого.

— Я прекрасно знаю, кто вы. И ничего не сделаю, если вы напишете записку. Даю вам ровно десять секунд. Пишите, и покончим с этим — вы никогда больше меня не увидите. Начинаю обратный отсчет. Десять… девять… восемь… семь…

— Хорошо! — крикнул Карл Мерфи. — Хорошо, я напишу!

Незнакомец улыбнулся.

— Я знал, что вы согласитесь. Вы же умный человек.

Он поправил планшет и шагнул ближе. На дороге появилась машина. Карл замер — а вдруг остановится? В свете пробивших заросли кустарника фар мелькнуло приятное лицо незнакомца. Но уже в следующее мгновение доктор понял, что машина прошла мимо, — звук таял в темноте.

Карл Мерфи собрался с духом и начал писать.

Едва он закончил, как незнакомец убрал планшет и ушел. Луч фонарика запрыгал, вытанцовывая, между деревьями. Оставшись один, доктор снова попытался освободиться. Ему даже удалось подцепить уголок ленты, но тот оторвался. Он снова впился в нее ногтями, но огонек уже приближался.

Незнакомец поднял его, ловко, как профессиональный пожарный, вскинул на плечо и понес куда-то, осторожно ступая в темноте.

— Отпустите меня! — сказал доктор. — Я же сделал, как вы хотели.

Незнакомец не ответил.

— Послушайте, пожалуйста. Мне нужно позвонить одному человеку, она ужасно беспокоится.

Молчание.

Время растянулось в вечность, и доктору казалось, что этому не будет конца. Иногда незнакомец включал фонарик, и луч убегал к темнеющим впереди кустам.

— Пожалуйста, кем бы вы ни были… я написал записку. Сделал все, как вы сказали.

Молчание.

— Черт, вас нести — все равно что бревно тащить, — пробормотал наконец незнакомец.

— Пожалуйста, отпустите меня.

— Всему свое время.

Немного погодя Карла вдруг бросили на какие-то мокрые и колючие кусты.

— Arrivé! [2]

Незнакомец начал снимать ленту, и доктор воспрянул духом.

— Спасибо, — прохрипел он.

— Не за что.

Почувствовав, что ноги свободны, Карл Мерфи облегченно выдохнул. Незнакомец стащил с себя комбинезон и швырнул на землю, а секундой позже доктор почувствовал, как его с силой толкают в бок… еще… и еще… Не успел он опомниться, как уже катился по крутому склону. Секунда… другая… и он плюхнулся спиной в грязь.

И тут же сверху обрушился водопад. Снова бензин, понял он с ужасом и попытался сесть, подняться, но сверху все лилось и лилось. А потом в темноте над ним мигнул крохотный огонек зажигалки.

— Пожалуйста! — крикнул Карл визгливым от страха голосом. — Пожалуйста, не надо! Вы ведь обещали!

— Я солгал.

Он увидел вспыхнувший лист бумаги. На мгновение лист повис в воздухе, как китайский фонарик, а потом, колыхаясь из стороны в сторону и разгораясь, поплыл вниз.

Брайс Лорен отступил на пару шагов. Секундой позже в темноте взметнулся огненный шар. Зрелище сопровождал жуткий вой, сменившийся криком о помощи, за которым последовали стоны и хрипы.

А потом наступила тишина.

Как быстро все кончилось.

Брайс даже расстроился немного. Почувствовал себя обманутым. Пусть бы Карл Мерфи помучился подольше.

Но ничего не поделаешь — в жизни всякое случается.

Он наклонился, поднял пропахший бензином комбинезон, повернулся и зашагал к машине.

8

Четверг, утро, 24 октября

Прошло больше трех месяцев, но, подав «порш» на парковочный прямоугольник, помеченный специальной табличкой с надписью «Для капитана», Энтони Масколо испытал прилив гордости.

Находящийся в нескольких милях к северу от Брайтона, гольф-клуб «Хейуордс-Хит» имел в своем распоряжении одно из самых престижных полей; Масколо всегда мечтал стать капитаном и, реализовав одну из главных своих амбиций, не без оснований полагал, что сумел достичь кое-чего в этой жизни. Кроме того, уйдя в отставку с поста руководителя парикмахерской империи, он мог посвятить все свое время исполнению накладываемых этой ролью нелегких обязанностей. Как же приятно выйти на поле в такое вот, как сегодня, или любое другое утро, не виня себя за то, что увиливаешь от работы!

Вдыхая милый сердцу запах свежеподстриженной травы, Масколо достал из багажника сумку с клюшками и вынул тележку. На часах было начало восьмого, стояло чудесное осеннее утро, поляна сверкала росой, и солнце лишь начало подниматься по голубому, со стальным отливом, небу. В воздухе чувствовался холодок, и душа предвкушала праздник. Если сегодня удастся сыграть так, как он играл последние две недели, у него появится реальный шанс впервые за все время понизить гандикап до однозначного числа.

Чертовски приятно!

Двадцатью минутами позже, подкрепившись булочкой с беконом и кофе, он уже стоял с тремя друзьями у белого колышка первой лунки и отрабатывал свинг драйвером. Так! Так! Так! Летом Масколо брал уроки у клубного тренера, что помогло значительно усовершенствовать стиль и, самое главное, избавиться от привычки закручивать мяч влево. В это утро он чувствовал себя в высшей степени уверенно.

— Два на два, по десятке с каждого? — предложил его напарник Боб Сэнсом.

Остальные кивнули. Энтони Масколо сделал первый удар и, подняв голову, проводил взглядом улетевший по ровнейшей траектории «тайтлист» номер четыре. Мяч прокатился по мокрой, коротко подстриженной траве и остановился в центре поля, пролетев добрых двести восемьдесят ярдов.

— Хороший удар, Энтони! — с искренней теплотой прокомментировали все трое его приятелей. Вот за это он и любил гольф: можно соперничать, но сохранять при этом дружелюбие.

После второго удар мяч улетел к краю грина, что позволяло закрыть первую лунку двумя легкими патами — весьма удовлетворительный пар.

Наклонившись за мячом, Энтони Масколо уловил слабый запах жареного мяса. Возможно, аромат доносился от одного из домов, окружавших поле по всему периметру, хотя, с другой стороны, если подумать, утро — не самое подходящее время для барбекю. Он похлопал себя по животу под джемпером — после отставки появился лишний вес — и сосредоточился на предстоящей задаче.

Они заканчивали вторую лунку — ее снова выиграл капитан, — когда запах жареного мяса заметно усилился.

— Похоже, у кого-то барбекю, — сказал Боб Сэнсом. — Свиная отбивная… Лучше свиной отбивной на гриле ничего и быть не может!

— Кое-что есть, — не согласился Энтони Масколо. — Попробуй говяжий стейк на косточке — розовый внутри и обугленный снаружи… Вот это и есть лучшее!

Терри Хейнс, отставной биржевой аналитик, нахмурился и посмотрел на часы:

— Да рано еще! Кто, черт возьми, разводит барбекю в половине девятого утра? Да и закусочная, по-моему, еще не открылась.

В турнирные дни перед десятой лункой открывалась палатка, где продавали хот-доги, бутерброды с беконом и напитки.

— Нет, — подтвердил Энтони Масколо.

— Только бы не те чертовы туристы! — проворчал Джерри Марш, отставной солиситор.

Летом у них пару раз возникали проблемы с юными отдыхающими, незаконно ставившими палатки на территории клуба, но те не спорили и без возражений уходили.

От второй лунки Энтони Масколо шел первым, но снова отвлекся на запах, и удар не получился — мяч ушел вправо, в густые заросли, где даже найти его было задачей непростой, а уж о том, чтобы сыграть, не могло быть и речи.

Он подождал, пока пройдут другие, и сыграл временным, опять не лучшим образом, но не так плохо, как в первый раз. Мяч остановился в нескольких ярдах от деревьев.

— Чтоб тебя! — выругался под нос Масколо и отправился на поиски первого мяча. Партнеры — все они сыграли прилично и вышли на фэйрвей — составили ему компанию.

Достав из сумки восьмой айрон, Масколо полез в чащу, прокладывая путь между высохшей крапивой, высматривая блеск белых ямочек, которые могли оказаться его мячом. Запах жареной свинины сделался здесь почему-то еще сильнее. Раздвинув клюшкой ветки, он попытался представить, куда мог улететь мяч, обо что удариться и в какую сторону отскочить. Надежда, однако, сменилась досадой — впереди, на другой стороне, виднелась глубокая канава.

Вот же незадача. Если мяч попал туда, добраться до него шансов нет, и тогда придется играть временным, а значит, следующий удар будет уже третьим. Рассчитывать на пар на этой лунке уже не приходится.

— Нет, правда, у меня от этого запаха аппетит разыгрался! — сказал Боб Сэнсом. — Я сегодня не завтракал — худею, а теперь просто слюнки текут! Галлюцинации начинаются — жаркое с хрустящей корочкой…

— Тебе повезло, у меня в сумке банка яблочного соуса! — пошутил Джерри Марш.

— А у меня картошечка с подливкой! — подхватил Терри Хейнс.

Энтони Масколо все же пробился через кусты ежевики к краю канавы и с тяжелым сердцем заглянул в нее, ожидая обнаружить мяч на дне, в мутной жиже.

Но увидел он кое-что другое.

— Господи!

Примеру партнера последовал и подошедший Джерри Марш. Увидев то же, что и Масколо, он отвернулся, мертвенно побледнев, а пару секунд спустя изрыгнул собственный завтрак на свои же двухцветные туфли.

— Боже, — пробормотал, пятясь и дрожа, белый как полотно Терри Хейнс. — О боже!

Уж так устроен человеческий мозг, что, когда Энтони Масколо достал мобильный и стал набирать 999, в голове его крутились примерно такие мысли: *Эге, а ведь раунд мы сегодня не доиграем, так что и насчет этой треклятой лунки можно не переживать!* Весь ужас открывшейся картины дошел до него вместе с вонью от блевотины Джерри Марша. Секунду-другую он еще смотрел в канаву, будучи не в силах отвести взгляд, потом, потрясенный до основания, отступил.

— Служба экстренной помощи, — произнес бесплотный голос. — Вам кого?

Голос шел из телефона.

Кого? Он и сам не знал.

— Пожарных. Скорую помощь. Полицию.

Телефон выскользнул из пальцев и упал в куст. Масколо отвернулся. Голова шла кругом. Он пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватился за деревце.

9

Четверг, утро, 24 октября

Детектив-суперинтендент Рой Грейс сидел в своем кабинете на третьем этаже Суссекс-Хауса, где разместились департамент насильственных преступлений и юстиции и отдел тяжких преступлений по Суррею и Суссексу, и допивал часовой давности кофе, температура которого колебалась где-то между «тепловатый» и «чуть теплый». На столе лежали несколько стопок бумаг, а в корзине «входящие» около шестидесяти писем, с которыми он и разбирался, начиная с семи утра и невзирая на усталость и синдром «детского мозга».

Его сын Ной, которому было уже почти четыре месяца, никак не хотел понять, что родителям по ночам нужно отдыхать. Впрочем, Грейс и не возражал — его до сих пор переполняла радость отцовства. И все же ночь хорошего, безмятежного сна была бы нелишней, думал он. К счастью, скоро у них с Клио таких ночей будет целых четыре!

Ровно через десять дней, в следующую субботу, они официально поженятся. Изначально это событие, отложенное затем из-за юридических трудностей с признанием умершей его давно исчезнувшей жены, Сэнди, планировалось провести в сельской церкви, в деревне, где жили родители Клио, но потом выбор пал на симпатичную церковь в Роттингдине, прибрежном поселке у самой восточной оконечности Брайтона. Причиной переноса стал тамошний викарий отец Мартин, с которым они оба встречались несколько раз по работе и к которому относились с большой теплотой.

А затем, в понедельник, у молодоженов начинался короткий медовый месяц и — сюрприз для Клио — четыре ночи в Венеции. Пару раз, давно, она упоминала, что всегда хотела посетить этот город. Теперь Грейс с нетерпением ждал возможности побыть с ней вдвоем, хотя и знал, что будет жутко скучать по Ною… но не по недосыпанию.

И все же, при всей любви к Клио, радость омрачала темная тень прошлого. Сэнди. Покоя не давало затаенное чувство вины, страх, что, может быть, в то время, как он живет своей и даже более счастливой, чем раньше, жизнью, Сэнди до сих пор страдает в руках какого-

нибудь похитившего ее и держащего в заточении маньяка или умерла ужасной смертью. Грейс старательно гнал эти мысли, зная, что сделал за минувшее десятилетие все возможное, чтобы найти ее. Вот и теперь он усилием воли заставил себя сосредоточиться на работе.

Одну стопку бумаг, самую маленькую и наименее важную, его новая секретарша пометила желтой наклейкой с собственноручной надписью «Регби». Грейс исполнял обязанности президента и секретаря полицейского клуба регби, и несколько ожидаемых в скором времени событий требовали его внимания. Другая стопка, также помеченная наклейкой, состояла из запросов и требований, поступивших от Николы Ройгард, недавно назначенной на должность комиссара по делам полиции и борьбе с преступностью. Будучи вторым по старшинству детективом, Грейс отвечал как за текущую работу, так и за пересмотр «висяков», в чем ему надлежало регулярно перед ней отчитываться. Приятная в общении женщина, она умела быть резкой и ничего не оставляла без внимания.

Третья, самая большая, стопка касалась неотложных бумажных дел, разобраться с которыми ему помогала финансовый следователь Эмили Гейлор, работавшая прежде в департаменте уголовной юстиции. Бумаги эти имели отношение к суду над обвиняемыми по самому свежему из последних дел, операции «Камбала», гнусному ограблению со смертью жертвы, случившемуся в Брайтоне в текущем году.

В блокноте айфона у Грейса хранился резервный список «обязательных дел» с перечнем приглашенных. Количество гостей было ограничено, поэтому, получая от кого-то отказ, они заменяли выбывшего кем-то из «списка ожидающих».

Людей, которых ему хотелось бы видеть на своей свадьбе, было так много, что это стало серьезной проблемой. Радостное, по идее, мероприятие оборачивалось большой головной болью.

Вот чего он ждал с нетерпением, так это традиционного покерного вечера, устраиваемого едва ли не каждый четверг на протяжении пятнадцати последних лет с участием нескольких его коллег-полицейских. На этой неделе очередь принимать картежников перешла к нему, и Клио уже готовила закуски и coq au vin [3]для традиционного ужина, делившего игру на две половинки.

В дополнение ко всему на этой неделе он был дежурным старшим следователем. Оставалось только надеяться, что ни одно из тринадцати среднестатистических убийств, приходящихся на графство Суссекс в течение года, не случится сегодня и не нарушит планы на вечер.

Разобравшись с бумагами по регбийному клубу, Грейс прошел в кухоньку — с холодильником и минимальным набором предметов, необходимых для приготовления кофе. Чайник уже закипел, когда зазвонил сотовый.

— Рой Грейс, — ответил он и моментально уловил тревожные нотки в голосе оперативного дежурного, инспектора Энди Килла.

Ничего хорошего новости не принесли. Впрочем, чего-то другого такого рода звонки никогда и не сулили.

10

Четверг, утро, 24 октября

— Вы в порядке, Рэд?

Нет, я совсем не в порядке, подумала она. Но ее босс Джефф Брейди, с которым она работала в агентстве недвижимости «Мишон Маккей», хотел услышать совсем другое. А от Карла по-прежнему ничего.

Вот же мерзавец.

Почему ты лгал мне?

Рэд оторвалась от описания объекта, подготовить которое ей поручили. Задание было в новинку, а сам объект, на ее взгляд, производил пренеприятное впечатление. Крохотный домишко в ряду ленточной застройки, задавленный находящимся рядом промышленным комплексом и расположенный на возвышенности, у дороги, по которой постоянно, денно и нощно, сновали машины. Окна выходили именно на нее. Плюс отсутствие парковки и угрюмый, не знающий солнца задний двор, достаточно просторный, чтобы прогуливать хромую песчанку.

— Я в порядке.

Джефф Брейди улыбнулся. Он всегда улыбался. Этот сорокапятилетний щеголь с ирландским акцентом источал обаяние. Скажи ему, что завтра конец света, он бы и тогда только улыбнулся и постарался провернуть еще одну сделку.

— У вас озабоченное лицо.

— Все хорошо.

Он посмотрел на монитор с только что напечатанным текстом.

Стильный коттедж рядовой застройки в пяти минутах ходьбы от вокзала, рядом с рекреационной зоной и всеми прелестями популярного района Черч-роуд. Требуется небольшое обновление. Две комнаты на первом этаже, раздельные кухня и гардеробная, две спальни наверху с отдельной ванной. Удобное расположение. Уникальная возможность приобрести собственность в центре города.

— Хмм, — задумчиво протянул Джефф. — Отметьте удобное транспортное сообщение, автобусная остановка рядом.

Так и есть, подумала Рэд. Остановка чуть ли не у двери, и движение такое, что весь дом содрогается.

— Хорошо, еще один плюс.

— *Очаровательный,* — сказал он. — Людям нравится это слово. У вас встречается *стильный*. Поменяйте одно на *очаровательный.*

— *Очаровательный*коттедж рядовой застройки?

— Да. Именно так. Мне нравится. Хорошо звучит. Что у нас с фотографиями?

Она щелкнула мышкой, выводя на экран фотографии и втайне гордясь проделанной работой. Брейди нахмурился.

— Ужасно. Кто это делал?

— Я, — ответила Рэд, не понимая, в чем дело.

Он ткнул пальцем в экран.

— Посмотрите, в туалете поднята крышка! На сушильной полке бутылка отбеливателя. В спальне повсюду разбросана одежда. Так фотографировать нельзя. Все должно выглядеть безукоризненно.

— Извините.

— Вы еще научитесь. Но эти нужно заменить. Сколько у вас сегодня просмотров?

— Пока двенадцать. С несколькими я еще работаю.

Брейди кивнул. Дневной нормой каждого риелтора-консультанта считалось пятнадцать просмотров в день.

— О’кей, — сказал он и пошел дальше.

Просторный, открытой планировки офис, в цветовом дизайне которого господствовал белый, был отделен от других помещений невысокой стеной. Висевшие над ней громадные

часы служили дополнительным напоминанием о ценности времени, которое непозволительно растрачивать попусту. На другой стене красовалась белая доска со сделанной синим маркером надписью: «Обратный отсчет пошел — 164 000!»

Слева шел список объектов недвижимости, цена которых возрастала со 165 000 фунтов до 3 500 000 фунтов. Справа отмечалось количество просмотров на сегодняшний день.

Все риелторы-консультанты подчинялись строгому дресс-коду: костюм, светлая рубашка и галстук — для мужчин, консервативный стиль и туфли, удобные для бесконечной ходьбы вверх-вниз по лестницам, — для женщин. День только начался; утренняя планерка едва закончилась, и теперь все готовились приступить к работе. В воздухе стоял запах кофе и всевозможных одеколонов, лосьонов после бритья, туалетной воды и духов. За окном заканчивался час пик. Время — 9.30.

Штат этого филиала состоял из девяти человек, и дела у фирмы шли хорошо, но Рэд была здесь новичком — последние двенадцать лет она занималась секретарской работой — и теперь, найдя свою нишу, только осваивалась на новом месте. За окном, если выпрямиться, открывался вид на торговый, вечно шумный район Черч-роуд и гипермаркет «Теско» на другой стороне улицы.

Рэд зевнула. Глаза болели после почти бессонной ночи, проведенной в ожидании звонка. Или стука в дверь. Карл подвел ее, бросил, но она все еще не желала в это верить. Такое поведение совершенно не вязалось с ее представлением о нем. По крайней мере, так она думала.

Ей действительно казалось, что он — другой. В отличие от кретина Доминика, а потом Брайса, воспринимавшего ее как свою собственность, Карл был таким мягким и заботливым, таким *нормальным*. Всегда спрашивал, как прошел день, чем она занималась, и даже с интересом слушал ее рассказы о тех объектах, которые она показывала клиентам. Брайс всегда любил рассказывать только о себе и иногда пытался продемонстрировать ей новый, еще не отработанный до конца фокус. А еще он запросто выходил из себя и обрушивался на нее за каждую мелочь.

Нет, мужчины все-таки дерьмо. Полное дерьмо.

А ведь она даже позволила себе поверить, что у них с Карлом может быть будущее. Он был первым из знакомых мужчин, с кем она, пожалуй, завела бы ребенка. Судя по его рассказам о сыновьях, Карл был замечательным отцом. По крайней мере, так ей казалось до вчерашнего дня.

Но не теперь, когда он так ее подставил.

Рэд перечитала описание объекта и добавила предложенное боссом слово. *Очаровательный*коттедж рядовой застройки.

Как же тяжело на сердце! Да, она злилась на Карла, чувствовала себя обманутой, но все равно, черт возьми, скучала по нему. Рэд составила и отправила еще одно сообщение. *Что случилось? Ждала всю ночь. Ты в порядке?*

Потом, на всякий случай, послала электронное письмо. *Карл, я серьезно беспокоюсь. Все ли у тебя хорошо? Если ты меня бросил, то хотя бы сообщи.*

Минут через десять она снова набрала его номер и снова попала на голосовую почту. Отправила очередное сообщение: *Карл, это Рэд, пожалуйста, позвони.*

Она повернулась к окну и замерла.

Брайс стоял на улице, в толстовке с капюшоном, и смотрел прямо на нее.

А через секунду исчез.

Рэд выскочила из-за стола, подбежала к двери и вылетела на тротуар. Мимо проехал автобус. За ним грузовичок службы доставки. Она посмотрела в одну сторону, потом в другую — никого похожего на Брайса. У него была характерная походка, он шел так, словно

весь тротуар принадлежал только ему, так что заметить его было нетрудно в любой толпе. Ярдах в ста слева от тротуара вдруг отъехало такси старейшей в Брайтоне и Хоуве компании «Стримлайн».

Был ли Брайс в нем?

Или все это ей только померещилось?

Нет, не померещилось. Рэд могла бы поклясться, что видела именно Брайса. Хитрый, надел толстовку с капюшоном, чтобы она не могла рассмотреть его ясно. Но хитрым он был всегда. Ему бы направить свои способности на что-то конструктивное, а не придумывать, как превратить ее жизнь в ад, и тогда, может быть, он и сам стал бы другим, более счастливым человеком.

Но, как говорил ее отец, отошедший от дел солиситор, такие, как Брайс, никогда не меняются. А значит, ей до конца жизни придется оглядываться.

И посматривать в окно.

11

Четверг, полдень, 24 октября

Брайс Лорен зевнул. После бурных событий прошлого вечера он почти не сомкнул глаз, а утренняя смена в химчистке начиналась в пять часов. В деньгах Брайс не нуждался, работу презирал, но у него была вполне определенная цель. Жарко, душно, тяжело да еще не самый приятный запах химикалий. Несколько раз он возвращался домой с головной болью от ядовитых паров и пересохшим горлом.

Но если все пойдет по плану, больше приходить сюда не понадобится. И у него были все основания считать, что именно так оно и будет. Он уже провел несколько репетиций у себя в мастерской, имитируя нужные условия, тщательно подготовился к сегодняшнему дню и теперь с нетерпением ждал.

Брайс улыбнулся, что случалось нечасто после…

Он нахмурился. Иногда одна даже мысль об этом отзывалась болью. В его понимании жизнь делилась на три четко разграниченных сегмента. Годы, как это теперь представлялось, бессмысленного существования — до знакомства с Рэд. С ней он ожил, как будто открыл глаза. То время было самое насыщенное, волшебное, захватывающее. И вот теперь эта бесцветная, с постоянным раздражением полужизнь. Невыносимо. Без нее. Без Рэд. Эндшпиль. Заключительные недели жизни, ее и его.

Но прежде чем все кончится, он еще преподаст урок им всем — ей и ее противным родителям. Прежде чем все кончится, она еще произнесет слова, которые он так хочет услышать. И эти слова будут ее последними: *Прости. Мне очень жаль.*

12

Четверг, полдень, 24 октября

Пожарная машина, две полицейских и скорая помощь — все припарковались на третьей лужайке гольф-клуба «Хейуордс-Хит».

Рой Грейс связался по радио с местным детективом-инспектором Полом Хезлдайном, который попросил его приехать лично, и теперь, сопровождаемый новоявленным детективом-инспектором Гленном Брэнсоном, шагал к месту происшествия за взволнованным секретарем клуба. Впереди уже виднелась трепещущая на ветру полоска сине-белой оградительной ленты; рядом с небольшой палаткой экспертов-криминалистов топтался полицейский в форме. Вышедший из палатки детектив-инспектор Хезлдайн — он был в

защитном комбинезоне, и узнать его можно было по высокой фигуре — нырнул под оградительную ленту.

Запах горелой человеческой плоти вызывает мысли о жареной свинине, думал Рой Грейс. Вызывает чувство голода. Но потом вы видите человеческий труп. И вот тогда ваш мозг выворачивается наизнанку от стыда за эту ужасную мысль. Но голод все равно остается. Они прошли мимо группы собравшихся у клуба гольфистов с сумками и тележками.

— Вы только посмотрите, как они все изрыли! — услышал Грейс возмущенный голос. — Неужто было обязательно выезжать на поле? А если туда упадет мяч? И когда, черт возьми, нам разрешат вернуться?

Удержавшись от соблазна повернуться и высказать недовольному джентльмену свое мнение, Грейс направился к инспектору, который с хмурым видом поприветствовал коллег и коротко ввел их в курс дела.

Суперинтендент знал Хезлдайна как человека вежливого, с изысканными манерами, пребывающего обычно в бодром, доброжелательном настроении. Когда-то, когда оба еще носили форму, они даже служили в одной группе быстрого реагирования в Брайтоне.

— Рад видеть тебя, Рой. Спасибо, что приехал.

— Я тоже рад тебя видеть, Пол.

Хезлдайн стащил перчатку и за руку поздоровался с обоими мужчинами.

— Так что у нас здесь?

— Тело. Сильно обгоревшее. Неподалеку практически пустая канистра из-под бензина. Ведем поиски на прилегающей территории.

— Имя уже есть? — спросил Грейс.

— Пока нет.

Грейс и Брэнсон вошли в палатку, сели на пластмассовые стулья и, приложив должные усилия, надели защитные комбинезоны и сапоги.

Брэнсон потянул носом воздух:

— Длинная свинья.

— *Длинная свинья?*

— Не знаешь, что такое *длинная свинья?*

— Не знаю.

— Хочешь сказать, ты не знаешь чего-то, что знаю я? — ухмыльнулся Брэнсон.

— И что же это такое?

Брэнсон покачал головой.

— Длинной свиньей каннибалы в Папуа-Новая Гвинея называют белых мужчин. Наверное, у вас такой же вкус, как у свиньи.

— Большое спасибо. А у вас какой вкус?

— Они не едят черных.

Детективы расписались в регистрационном журнале постового и, поднырнув под сине-белую ленту, последовали за Хезлдайном по обозначенному лентой же маршруту, между кустов ежевики. У края канавы они остановились и посмотрели вниз.

— Вот дерьмо! — вырвалось у Брэнсона.

Грейс смотрел молча, впитывая ужас открывшейся им картины.

— Ты «Кошмар на улице Вязов» видел? — не совсем к месту спросил Брэнсон.

Грейс знал, что он имеет в виду. Лежавшее в канаве напоминало реквизит из фильма ужасов.

Хотелось бы, но…

Тело лежало в грязи, посреди опаленной травы, с поднятыми вверх кулаками, словно готовилось нанести удар некоему невидимому противнику.

С обугленной кожей, безволосым черепом и пустыми глазницами, оно напоминало жуткую современную скульптуру, украденную из художественной галереи.

Если бы не запах горелого мяса. И не валявшаяся поблизости канистра.

Почувствовав подступившую к горлу тошноту, Грейс отступил от края.

В первый — и последний — раз его вырвало на вскрытии, когда он только начинал работать в полиции и в должности констебля присутствовал в морге. Случилось это после того, как патологоанатом вскрыл ленточной пилой череп лежавшего на стальном столе человека, перерезал разделочным ножом «сабатье» зрительные нервы и вынул мозг.

Вот тогда с ним и случилось то, что случается более чем с половиной полицейских, приходящих на свое первое вскрытие. Он позеленел и, пошатываясь, вышел из покойницкой. Позже, выпив сладкого чая и съев диетическое печенье, он пришел в себя, вернулся в покойницкую и оставался там до самого конца. Но вечером, уже дома, опрокинул один за другим три стакана виски, а потом, когда вернулась Сэнди, смотрел на нее глазами-рентгенами, видя и свитые кольцами кишки, и прочие внутренние органы. Заняться с ней сексом получилось только через две недели.

В последующие годы он справился с проблемой, но некоторые случаи все равно пронимали до основания. Так было с мужчиной в сожженной машине на Дитчлинг-Коммон, ставшего жертвой ненависти к геям. Искореженное, обугленное, безволосое нечто не могло, казалось, быть человеческим существом.

Как и то, что лежало сейчас в канаве.

Грейс сосредоточил внимание на одной детали — больших наручных часах, обгоревших и расплавившихся до неузнаваемости. Фиксация на неодушевленном предмете помогала не смотреть на само тело.

— Кто его нашел? — спросил он, поворачиваясь к Хезлдайну.

— Члены клуба. Вышли прокатить раунд…

Грейс и сам когда-то увлекся гольфом, но все оказалось не так просто. Сэнди не нравилось, что он, помимо работы, тратит время на что-то еще, и он, признавая справедливость ее упреков, согласился оставить это занятие, с неохотой решив, что гольф — не его игра.

— Где они?

— В клубе. Я попросил подождать. Они не очень-то довольны.

— Тот человек в канаве тоже, — сухо ответил Грейс.

Хорошо бы спуститься и рассмотреть все вблизи, но это означало бы оставить на месте происшествия еще и свои следы. Да и увиденное подтверждало то, что ему уже сообщили.

У Хезлдайна запищала рация. Недолго переговорив с кем-то, он повернулся к Грейсу:

— Похоже, нашли машину, которая может быть как-то связана с жертвой, хотя личность пока еще не установлена. Это в полумиле отсюда.

— И что там?

— Ключи в замке зажигания и предсмертная записка. Сейчас с машиной работает эксперт-криминалист Дэвид Грин. Следователь Клэр Деннис провела предварительный осмотр тела. Ничего подозрительного не обнаружила. В канистре осталось немного бензина. Возможно, поисковой группе удастся найти спички или зажигалку.

Грейс покачал головой.

— Что за жуткий способ покончить с собой. Думаю, если бы мне такое пришло на ум, я бы все-таки выбрал что-то не столь ужасное.

Хезлдайн кивнул. Брэнсон тоже.

Все это время Грейс напряженно размышлял. Самоубийство? Кто-то говорил ему однажды, что наилучший способ убить себя — барбитураты. Ты просто уходишь в приятном дурмане.

Самосожжение в грязной канаве?

И насколько же это мучительно? Жуть.

Он отвернулся и кивнул Хезлдайну:

— Поехали, посмотрим машину.

Следуя за инспектором, Грейс и Брэнсон прошли мимо знака со стрелкой и надписью «Тележки сюда», пересекли полянку и оказались у неширокой проселочной дороги. Возле самого края травы стояла «ауди-истейт», уже огражденная сине-белой лентой и под охраной констебля. Задняя дверца была открыта, и кто-то в защитном комбинезоне осторожно перебирал содержимое машины.

— Какие успехи, Дэвид? — спросил Хезлдайн.

Криминалист обернулся и, увидев Роя Грейса, захлопнул дверцу и приветливо улыбнулся:

— Привет, Рой! Вот уж не знал, что ты гольфист. У тебя какой гандикап?

— Не моя игра. Пробовал несколько раз, но ничего хорошего не вышло.

— У меня тоже — достали водные преграды.

Грейс криво усмехнулся. Юмор — вот что помогает всем полицейским в самых трудных ситуациях.

— И что ты тут раскопал?

— Мы только что получили подтверждение личности владельца машины. Некий доктор Мерфи. Адрес брайтонский. В багажнике сумка для гольфа и туфли. На переднем сиденье предсмертная записка. Почерк паршивый, но у врачей другого и не бывает.

Он прошел к передней дверце, открыл и указал на сиденье.

Записка лежала в пластиковом пакете для вещественных улик. Грейс достал из кармана перчатки, натянул, взял пакет и внимательно осмотрел записку. Текст был написан на листке в линейку, вырванном, похоже, из блокнота с пружинками.

Мне так жаль. Мое завещание находится у солиситора Мод Опфер из «Опфер Декстер ассошиэйтс». Жизнь после смерти Ингрид потеряла смысл. Хочу снова с ней соединиться. Пожалуйста, передайте Дейну и Бену, что я люблю их и всегда буду любить, а еще скажите, что папа ушел, чтобы заботиться о маме. Люблю вас обоих. Когда-нибудь, повзрослев, вы, может быть, сможете простить меня. ХХ.

На глаза навернулись слезы. А если нечто такое произойдет с ним самим? Если что-то случится с Клио, не получит ли Ной записку, в которой будет сказано, что отец оставил его?

Не дай бог.

Грейс перечитал записку и нахмурился. Потом положил ее на сиденье, достал телефон, сфотографировал и открыл сканер-приложение.

— Похоже, и впрямь записка самоубийцы и для нас интереса не представляет. Но я бы хотел, чтобы ее проверили на отпечатки. Снимите копию и отправьте оригинал в лабораторию Суссекс-Хауса. Я оставляю здесь инспектора Брэнсона и пришлю кого-нибудь из отдела тяжких преступлений для помощи в расследовании, но чутье подсказывает, что дело это локальное и вы справитесь своими силами. Тем не менее заберите машину — на случай, если понадобится произвести более полный осмотр.

— Спасибо, что приехал, Рой. Рад был тебя повидать. Надо бы встретиться как-нибудь, выпить пива, вспомнить прошлое.

— Это уже похоже на план, — ответил Грейс, с облегчением думая о том, что в случае убийства вечерний покер пришлось бы отменить, и тогда несколько ближайших дней он ужинал бы исключительно петухом в вине, уже приготовленным Клио для всей компании.

Хорошо еще, что она не выбрала жаркое из свинины.

И все-таки что-то не давало покоя.

Прежде чем уехать, суперинтендент попросил Дэйва Грина обыскать тело. Дэйв нашел обугленный мобильник, который тут же отправили в отдел высоких технологий.

Оставив коллег на месте происшествия, Грейс поехал в Суссекс-Хаус. Что-то было не так в той предсмертной записке, но что именно?

13

Четверг, полдень, 24 октября

— Возьми карту, — сказал Мэтт Уэйнрайт. Практика — залог успеха. — Любую, какая только понравится. И не показывай ее мне. — Он отработанным жестом развернул колоду перед Бобби Богалом, одним из своих товарищей по «синей смене» на пожарной станции Уэртинга.

— Запомнил?

Богал кивнул.

— Положи ее на место.

Богал вернул карту в колоду.

Тем же ловким жестом Уэйнрайт сложил веер в аккуратную стопку карт.

— Хорошо. А теперь, пожалуйста, сделай одолжение, постучи по колоде.

Богал постучал по колоде.

Секундой позже одна из карт выскочила из колоды и, кувыркнувшись, легла на пол лицевой стороной вниз.

— Подожди, не трогай. Скажи-ка нам, Бобби, какую карту ты брал.

— Даму червей.

— Переверни.

Бобби наклонился и перевернул карту — тройка треф.

Наблюдавшие за игрой пожарные — их собралось здесь десять человек — рассмеялись.

— Облажался, Мэтт! — заметил Дарен Уиккенс, начальник «синей смены».

— Неужели?

— У тебя что, мозги высохли? Бобби выбрал даму червей. А здесь тройка треф. Протри глаза!

Еще один взрыв смеха.

— Ладно, Бобби, постучи по колоде еще разок, — попросил Мэтт.

Богал с удовольствием постучал. Вторая выпрыгнувшая карта тоже кувыркнулась в воздухе и легла на пол лицом вниз.

— Переверни.

Бобби снова наклонился, поднял карту и повернул ее так, чтобы все увидели. Теперь это был пиковый валет.

— Ну, Мэтт, облажался по полной! — подвел итог кто-то из коллег.

— Еще фокусы есть? — спросил другой. — Может, повторишь тот, что показывал на прошлой неделе, когда надо было запомнить три карты?

Несколько секунд Уэйнрайт молчал, потом повернулся к Богалу:

— Что у тебя в кармане?

— Сигареты.

— Что еще?

Богал похлопал по нагрудному карману.

— Ах да, бумажник.

— Открой его.

— Осторожно! — крикнул кто-то. — Смотри, сейчас моль вылетит!

Все грохнули со смеху.

Богал достал бумажник и поднял, чтобы все видели.

— Скажи нам время, Бобби, — попросил фокусник.

Богал взглянул на запястье:

— Черт! Где мои часы?

— Можешь описать их?

— «Касио», на коричневом кожаном ремешке.

Мэтт поднял руку — на запястье висели «касио» на коричневом кожаном ремешке.

— Случайно, не эти?

Бобби Богал обжег фокусника сердитым взглядом — надо же, выставил его дураком!

— А теперь, Бобби, загляни в бумажник и скажи, что ты там видишь.

Бобби вытащил игральную карту и уставился на нее в полнейшем изумлении. Это была дама червей.

— Что за чертовщина! Ну и ну! Как ты это сделал, Мэтт?

— Если скажу, мне придется тебя убить.

Секундой позже взревела сирена.

На стене замигали три сигнальных лампочки. Одна означала небольшое происшествие, требовавшее выезда одной машины. Две — на выезд отправлялась вся дежурная команда. Три показывали, что ситуация крайне серьезная и необходимо привлекать резерв. Резерв состоял из добровольцев, живших и работавших на таком расстоянии от пожарного депо, покрыть которое можно за четыре минуты — на машине или велосипеде.

Все мгновенно вскочили и устремились к выходу из комнаты отдыха с ее диванами, креслами и пребывавшим по большей части в забвении бильярдным столом. Выскочивший первым старший смены открыл дверь к спусковой шахте. Все по очереди соскользнули по шесту вниз и побежали к огромному гаражу, где стояли пожарные машины — большие красные ящики, как называли их здесь. Приходя на смену, каждый первым делом укладывал форму и ставил сапоги с заправленными в них штанинами на определенное место возле машины.

Менее чем за минуту и пятнадцать секунд после сигнала все, кроме водителей — они не могли вести машину в сапогах, — переоделись в огнеборческие доспехи; гаражные двери поднялись, и две первые машины, каждая по восемнадцать тонн весом, завывая сиренами, выехали во двор, а потом, когда движение остановилось, и на улицу.

14

Четверг, вторая половина дня, 24 октября

— Начнем сверху? — предложила Рэд.

Весь день она пробыла в ужасном расположении духа, и бодрый тон давался ей нелегко. Молодая пара согласно кивнула.

— Мне нравятся эти дома, — продолжала Рэд, поднимаясь по лестнице. — При короле Эдуарде знали, как строить, поэтому дома и стоят так долго. И Портленд-авеню такая прелестная улица!

— Какие здесь детские учреждения? — спросила женщина — размеры ее живота указывали на немалый срок беременности, — когда они поднялись на площадку.

— В этом отношении, миссис Хоуви, Нью-Черч-роуд по-настоящему повезло. Их здесь несколько, в том числе Дипдин, частный детский сад, и Сент-Кристофер, до которого не больше пяти минут. Тоже частное учреждение, с прекрасной репутацией.

Муж скептически огляделся.

— По-моему, Сэм, площадка довольно маленькая.

— Да, — тут же отозвалась Рэд. — Дело в том, что архитекторы того времени считали более важными размеры спален. Я начну с меньшей. — Она открыла дверь и отступила, пропуская пару. — Идеальная комната для вашего малыша, согласны?

Комната и впрямь была симпатичная, окна выходили на южную сторону и боковую стену соседнего дома.

— Да! — воскликнула женщина. — Здесь чудесно!

— Вот только света маловато, — вставил муж.

Приятный парень, в хорошем костюме. И женщина милая, такая энергичная. Рэд ощутила укол зависти, заметив, как эти двое держатся за руки. Они продали свою квартиру и собирались расплатиться наличными, и этот домик был в их ценовом диапазоне. Она уже представляла, как они устраиваются здесь, в тихом жилом районе к северу от Нью-Черч-роуд, неподалеку от моря и почти рядом с большим торговым центром. Как гуляют по улицам, толкая перед собой коляску.

Она бы и сама с удовольствием поселилась в таком доме. Жила бы в нем с Карлом, носила бы его ребенка. Как чудесно все могло бы быть! Ее родители еще не познакомились с Карлом, но Рэд знала, что он понравился бы им. Ее мать, специалист по персональному росту, хорошо разбиралась в людях. Брайса она невзлюбила с первого взгляда, но тогда Рэд была без ума от него и не желала слушать предупреждения матери.

Из-за Брайса они и разругались, а уже потом он обвинил ее родителей в их разрыве.

Лишь когда мать предъявила доказательства, Рэд не оставалось ничего иного, как признать правду. Правду, состоявшую в том, что все, касавшееся Брайса, было ложью.

С Карлом она проявила большую осторожность и тайком навела о нем справки, из-за чего почувствовала себя подлой шпионкой, и немного успокоилась.

— Запасная спальня весьма приличных размеров и с отдельной ванной, — сказала она, открывая дверь в замечательную во всех отношениях комнату, которую приберегала напоследок.

— Да! — восхищенно воскликнула миссис Хоуви.

— Твои родители будут рады, когда приедут, — сказал муж. — Им будет где остановиться.

Звучит обещающе, подумала Рэд.

Она провела клиентов через площадку к pièce de resistance, [4]открыла дверь в главную спальню и, пока они осматривались, открыла на телефоне приложение «Скай-ньюс», из последних сил надеясь на какие-то новости о Карле.

— Ух ты! — сказала миссис Хоуви. — Вы правы — комната потрясающая.

— Вот только ванна немножко не то, — добавил мистер Хоуви.

— Мы всегда сможем ее заменить. Согласись, дорогой, комната — сказочная!

Рэд не слушала. Словно зачарованная, она смотрела на экран и не могла отвести глаз.

15

Четверг, ближе к вечеру, 24 октября

Обгоревшее тело из канавы гольф-клуба «Хейуордс-Хит» выглядело, если такое вообще возможно, еще ужаснее под ярким светом прожекторов. Гленн Брэнсон стоял вместе с сержантом Беллой Мой из отдела тяжких преступлений, которую Рой Грейс отрядил ему в помощь. Оба изрядно продрогли под холодным осенним ветерком, топчась за экранами, поставленными специально для того, чтобы патологоанатом министерства внутренних дел, доктор Фрейзер Теобальд, мог изучить тело на месте. Хотя пока что все указывало на самоубийство, перед детективами стояла задача исключить иные варианты.

Чуть раньше Брэнсону уже пришлось иметь дело с секретарем клуба Джеймсом Биркетом, считавшим, что полиция превысила свои полномочия, закрыв клуб, и требовавшим определенного ответа на вопрос: когда его членам разрешат возобновить игру? Облеченное в мягкую форму объяснение инспектора, что решение об открытии клуба зависит от выводов патологоанатома — подтвердит ли он вывод о самоубийстве или усмотрит признаки преступления, — секретарь воспринял крайне негативно. Второй вариант означал, что эта часть поля будет закрыта для игроков по крайней мере еще несколько дней.

Гленн попытался успокоить раздосадованного Биркета и, сдерживая собственное раздражение, вежливо осведомился: как чувствовал бы себя сам секретарь, если бы несчастный был членом его собственной семьи, разве он не хотел бы, чтобы полиция сделала все возможное, чтобы найти преступника, и разве позволил бы игрокам выйти на поле, зная, что они могут просто-напросто затоптать какую-то важную улику?

Сейчас, в режущем глаза свете прожекторов, тело еще более напоминало реквизит из фильма ужасов, и Брэнсон не в первый уже раз напомнил себе, что это останки человека, возможно, сына, отца, любимого. Пока патологоанатом работал с телом — неторопливо, тщательно, методично, — Гленн опасливо положил руку на плечо Беллы. В наш новый, политкорректный век с такими жестами следует быть поосторожнее, тем более в полиции. Одно сомнительное движение — и тебя обвинят в сексуальном домогательстве.

Ему нравилась Белла. Очень сильно. Хотя его жена Эри умерла всего пару месяцев назад, до ее внезапной смерти, последовавшей в результате несчастного случая, они уже больше года жили раздельно, и она начала процедуру развода. Даже под синим капюшоном защитного комбинезона Белла выглядела привлекательной. В свои тридцать с лишним она не была красавицей в традиционном смысле, но обладала выразительным лицом и хорошей фигурой, и Брэнсон полагал, что, если бы Белла позволила ему заняться ее внешностью — как когда-то Рой Грейс, — она расцвела бы по-настоящему.

И все бы хорошо, если бы не одно досадное обстоятельство. В данный момент Белла Мой, похоже, встречалась с одним из его коллег, сержантом Норманом Поттингом. Что она нашла в нем, этом четырежды разведенном, потрепанном жизнью, плешивом и далеко не молодом женоненавистнике и курильщике, Гленн не понимал. В любом случае он твердо вознамерился предпринять попытку наступления.

Она отозвалась на знак внимания, придвинулась ближе, прижалась к его плечу.

— Как же я замерзла! И проголодалась.

— Боюсь, свиные шкварки предложить не могу.

Белла поежилась:

— Какая гадость! Большое спасибо, Гленн.

У нее вдруг зазвонил телефон. Она ответила, а Гленн навострил уши, стараясь услышать голос звонящего. Белла отошла на пару шагов, и ее лицо ожило.

— Я сейчас на выезде. Самоубийство. Мы здесь с Гленном. Перезвоню позже, когда здесь все закончится, ладно?

Между тем патологоанатом достал линейку и измерил верхнюю часть ноги жертвы. Наблюдая за ним, Брэнсон думал о том, какие они разные, те патологоанатомы, с которыми ему доводилось работать. Низенькие, толстенькие, веселые. Изящные и красивые. Высокие и циничные. Жилистые и невозможно серьезные. Доктор Фрейзер Теобальд был мал ростом, имел плотное сложение и крохотные карие глаза. В свои пятьдесят с лишним он мог похвастаться лишь густыми усиками в стиле Адольфа Гитлера, выглядевшими нелепо под массивным носом, и растрепанным клоком жестких курчавых волос на голове. Брэнсон полностью разделял мнение Роя Грейса, заметившего как-то, что Теобальду недостает лишь толстой сигары во рту, чтобы сносно изобразить на любом маскараде Граучо Маркса.

Когда Белла закончила разговор, он вопросительно посмотрел на нее, но она отвела глаза.

— Послушай, Гленн, если тебе надо домой, иди и ни о чем не беспокойся — я останусь и сама со всем справлюсь.

— Мне спешить некуда.

— А как же дети?

— С ними сестра Эри. Они ее обожают, так что все в порядке.

Белла посмотрела на него с теплотой:

— У тебя действительно все хорошо? Это, должно быть, ужасно… твоя жена…

Теперь телефон зазвонил у него.

— Гленн Брэнсон, — ответил он.

Звонил Рей Пэкем, спокойный, методичный парень из отдела высоких технологий, задержавшийся на работе с коллегой, чтобы поработать с обгоревшим телефоном жертвы.

— С телефоном нам повезло, Гленн, — сказал он. — Будь это айфон — а они все закодированы, — ничего бы не получилось. А здесь у нас «Гэлакси S11», так что чип можно прочитать. Мы еще не закончили, но, думаю, кое-какая полезная информация уже есть. К твоему сведению, за последние двадцать четыре часа кто-то звонил на этот номер несколько раз.

— Номер звонившего определили?

— Да! — ответил Пэкем голосом человека, весьма собой довольного.

16

Четверг, вечер, 24 октября

В комнате на первом этаже таунхауса Клио, где Рой Грейс сидел за круглым самодельным столом со своими партнерами по покеру, тянуло сквознячком. Как и у некоторых из гостей, в пепельнице рядом с ним дымилась сигара. Он проверил две лежащие на столе карты — пиковый туз и трефовая девятка, — решая, чем ответить на розданный Шоном Макдональдом, недавно вышедшим в отставку констеблем службы общественного порядка, флоп.

Дама червей, трефовый туз и пиковая девятка.

Две пары, тузы и девятки. В принципе, очень даже неплохой расклад.

Посередине стола горкой высились игральные фишки. Рядом с каждым игроком стоял стакан виски или бокал вина и лежала стопка банкнот. В пепельницах — скорлупа от орешков и крошки от чипсов. Над столом — пелена дыма, постепенно смещавшаяся в сторону открытого окна. Клио осталась наверху — она занималась в Открытом университете и готовилась получить степень по философии. Ной спал в своей комнате за плотно закрытой дверью.

Грейс уныло взглянул на свою более чем скромную кучку фишек. Полной сосредоточенности на игре мешали посторонние мысли. С другой стороны, с такими картами его шансы выглядели неплохо. Он осторожно положил две фишки по одному фунту.

Слева от Роя сидел Боб Торнтон, давно вышедший в отставку детектив-инспектор и старейший на данный момент из регулярных игроков. Сама игра продолжалась уже много лет, неделю за неделей, по четвергам, в доме одного из картежников.

Началось это задолго до поступления Грейса на службу в полицию. Чаще других выигрывал как раз Боб, что подтверждалось и теперь внушительной горкой фишек и стопкой наличных.

Сгорбившись, прижав карты к груди, Торнтон осторожно проверил полученное на первой сдаче, и наблюдавшему за ним Грейсу показалось, что настороженные глазки за стеклами очков жадно блеснули. Он открыл и закрыл рот, по-змеиному стреляя языком, и Грейс, считавший, что умеет читать язык тела старого хитреца, сразу же понял: опасаться Боба не стоит, если, конечно, ему не повезет с картами в двух следующих раундах, терне и ривере.

Однако, к его удивлению, Боб Торнтон поднял ставку еще на три фунта. Грейс посмотрел на остальных. Гэри Блисдейл, тридцатичетырехлетний детектив из брайтонского управления уголовных расследований, серьезный парень с узким лицом и короткими курчавыми волосами, надевший по случаю толстовку поверх футболки, бесстрастно рассматривал свои карты.

Сидевший рядом с Гэри Крис Кроук представлял дорожную полицию. Худощавый, жилистый, коротко стриженный блондин с голубыми глазами и бьющим наповал шармом, Крис был законченным дамским угодником и, женившись недавно на состоятельной леди, вел образ жизни, более подходящий плейбою, чем полицейскому. Игрок он был рисковый и непредсказуемый, и Грейс, знавший Криса в этом качестве уже семь лет, так и не смог расшифровать язык его тела. Ему, похоже, было все равно, выиграет он или проиграет; гораздо легче просчитывать того, кому есть что терять. Сейчас Кроук удвоил анте, подняв на все пять фунтов.

Грейс перевел взгляд на Фрэнка Ньютона, тихого, начавшего лысеть мужчину, работавшего в отделе информационных технологий брайтонской полиции. Он редко блефовал, редко поднимал и в результате редко уходил с выигрышем. Обычно Ньютона выдавал нервный тик у правого глаза — верный признак наличия сильной карты. Именно этот сигнал он сейчас и подавал. Но потом вдруг покачал головой:

— Я пас.

Очередь снова дошла до Грейса. Ему оставалось либо поднимать ставку, либо выходить. На руках две пары и впереди еще две карты. Другие тузы и девятки не светились. Он добавил еще восемь фунтов.

Мысли опять устремились к предсмертной записке, которую он сфотографировал и теперь знал наизусть. Записка не давала покоя. За годы службы он не раз сталкивался с суицидами и дважды имел дело с замаскированными под самоубийство убийствами. Какого-то единого шаблона в них не было, да и кто знает, что творится в голове у человека, замыслившего столь ужасный шаг?

Из того немногого, что стало известно о жертве, следовало, что это был семейный доктор, человек симпатичный и уважаемый. Накануне Карл Мерфи отправился на турнир по гольфу и сыграл очень хорошо. Его сестра забрала из школы детей и ожидала возвращения брата домой. Он признался ей, что собирается вечером на свидание и поэтому договорился с няней.

Так ли ведет себя человек, задумавший самоубийство?

Еще одна карта открытой легла на стол. Тройка треф. Нет, ему такая не нужна. Грейс посмотрел на четыре лежащих на столе карты. Учитывая, что у него есть туз и девятка, расклад неплохой. Карты на столе — совершенный разнобой. Так что едва ли кому-то удастся собрать стрит или флеш. Он подвинул вперед пятифунтовую фишку, но вернуться мыслями к записке не успел — зазвонил телефон.

Грейс взглянул на дисплей — Гленн Брэнсон.

Извинившись, он поднялся из-за стола и отошел в сторонку.

— Извини, что разбудил, старичок.

— Очень остроумно.

— Речь о нашем самоубийце в «Хейуордс-Хит», интересует?

— Говори.

— На данный момент Фрейзер Теобальд самоубийство подтвердить не может. Скажет точнее завтра после вскрытия.

— Есть подозрения?

— Нет. Но для полной ясности необходимо вскрытие.

— Хорошо. Ты где? Все еще в клубе?

— Работаю над гандикапом.

— Ха-ха!

— Да, смех и только. Здесь такая холодрыга.

— Рой! — крикнул кто-то. — Ты с нами?

Грейс дал отбой и, вернувшись к столу, увидел лежащую лицом вверх последнюю карту — девятку червей.

Он моментально ощутил прилив адреналина. С его тузом и девяткой получается фулхаус. Три девятки и пара тузов. Он посмотрел на пять открытых карт. На секунду задумался, прикидывая варианты. Судя по тому, что есть, побить его некому. Единственный вариант — если у кого-то более высокий фулхаус с двумя тузами, полученными на руки при раздаче. Грейс оглядел партнеров и поднял ставку на десять фунтов.

Боб Торнтон облизал губы и добавил тридцать. Остальные сбросили карты.

Грейс пристально посмотрел на старого детектива. Боб, конечно, блефовал. Ладно. Он ответил тем же.

Торнтон не сдавался — еще тридцать.

— Ну, покажи свое, — сказал он.

Грейс швырнул на стол две свои карты и торжествующе усмехнулся.

Триумф, однако, оказался скоротечным.

Торнтон перевернул свои, явив двух дам.

— Фулхаус. Три дамы и пара девяток.

Старик подгреб к себе внушительную горку фишек.

Грейс состроил гримасу.

Торнтон ухмыльнулся и с лукавым видом облизал губы.

Вот же пройдоха! — подумал Грейс, с горечью понимая, что его перехитрили. Похоже, старый хрыч догадался, на какие детали обращает внимание противник, и сыграл на этом.

В дверях появилась Клио:

— Ужин готов! Ну, как у вас здесь?

17

Четверг, вечер, 24 октября

Рэд сидела перед телевизором с бокалом вина, глядя как завороженная на горящий ресторан «Куба Либре».

Скованная страхом.

«Куба Либре» был ее любимым рестораном, и именно туда, в те, уже далекие, счастливые времена Брайс повел ее на их первом свидании. Большой, просторный, с великолепным баром, удобными диванчиками и потрясающим меню. И так совпало, что туда же на их единственное свидание пригласил ее Карл.

Сейчас над рестораном кружил вертолет. Репортер, стоявший на дороге с микрофоном в руке, в окружении синих мигалок, кричал в камеру, что пожар, начавшийся в кухне, вышел сейчас из-под контроля.

Рэд допила вино, подлила в бокал еще и, хотя пообещала Карлу бросить курить, достала из пачки третью за вечер сигарету.

И тут в дверь позвонили.

Господи, пожалуйста, пусть это будет Карл!

Рэд подбежала к интеркому и посмотрела на крохотный черно-белый экран. Надежда схлынула. Она увидела двоих полицейских в форме и нажала кнопку:

— Да?

— Мисс Рэд Уэствуд? — заговорила женщина-полицейский. — Здесь сержант Нельсон и констебль Споффорд из суссекской полиции. Извините, что беспокоим вас так поздно. Мы можем поговорить?

Сердце тут же заколотилось. Констебль Споффорд много раз приезжал по вызовам, когда Брайс пускал в ход кулаки, и ей не оставалось ничего другого, как только звонить в полицию. Встречалась она и с сержантом Нельсон.

Часы показывали половину одиннадцатого вечера.

Несколько месяцев назад, истрепав в клочья нервы, она, по предложению подруги Рэкел, прочитавшей в «Аргусе» статью о благотворительности, обратилась за советом в «Проект „Убежище“». В тот день, когда она набралась наконец смелости выгнать Брайса, ей помогли укрепить дверь и окна и поставить глазок. Ей также посоветовали обратиться в полицию с официальным заявлением и выдвинуть обвинения, но тогда она не захотела этого делать из опасения разозлить Брайса еще больше.

Принятые меры не дали ощущения безопасности, и через какое-то время Рэд перебралась временно в эту квартиру с надеждой, что здесь он ее не найдет.

Выйдя в коридор, она прошла мимо дорогого дорожного велосипеда, который держала в квартире, поскольку предыдущий просто украли. Второй велосипед, для езды по городу — Рэд называла его *дерьмовым великом,* — стоял внизу, прикованный цепочкой. К нему она относилась спокойнее — украдут так украдут.

— Поднимайтесь. — Рэд нажала кнопку, прильнула к глазку — никогда не знаешь, кто может прятаться на лестничной площадке — и лишь потом сняла цепочку, повернула ключи в двух врезных замках и открыла укрепленную входную дверь.

На лестнице загорелся свет. Послышались шаги. А потом появились хорошо знакомые фигуры: высокий, подтянутый констебль Роб Споффорд и казавшаяся почти крохотной рядом с ним сержант Карен Нельсон. Густые, волнистые волосы как будто подпрыгнули, когда сержант сняла головной убор. Собранная и невозмутимая, она держалась уверенно и властно, одним лишь своим видом приводя в чувство самых разнузданных нарушителей порядка.

Ее двадцатидевятилетний коллега выглядел моложе своих лет благодаря, прежде всего, дружелюбному выражению лица и коротко постриженным темным волосам. Открытый взгляд располагал к общению, вызывал желание выговориться. И да, он умел слушать. Констебль часто бывал у нее, отзываясь на звонки по 999, а потом, в последующие дни и недели, заглядывал проверить, все ли в порядке. И тогда она говорила, а он слушал и предлагал свой совет. Рэд питала к нему искреннюю симпатию и уважала за основательность и мудрость.

Пригласив гостей в квартиру и закрыв дверь, она с беспокойством посмотрела на обоих:

— Что… что случилось?

— Мисс Уэствуд, нам нужно задать вам несколько вопросов, — сказала сержант Нельсон.

— Да, конечно. Хотите что-нибудь выпить? Чай, кофе, бокал вина?

Сержант покачала головой:

— Нет, спасибо. Если можно, мы бы сели.

Рэд провела их в гостиную и, щелкнув пультом, отключила звук телевизора.

— Этот пожар… ужасно…

— Любимый ресторан моей жены, — заметил констебль Споффорд. — Хотя, конечно, не по нашему карману. Разве что в особых случаях.

Все сели и несколько секунд молча смотрели на экран.

— Рада вас видеть, Роб… то есть констебль… Споффорд. — Рэд не знала, уместно ли называть полицейского по имени в присутствии старшего по званию.

— Несколько месяцев у вас не был. Все тихо?

— Да. Может быть, Брайс уехал или нашел себе кого-то.

— Это хорошо. — Констебль, как ей показалось, чувствовал себя немножко не в своей тарелке.

— Мисс Уэствуд, — продолжала сержант Нельсон, — судя по информации, полученной нами из телефонной компании «02», за последние двадцать четыре часа вы сделали довольно много звонков на один определенный номер. — Она назвала номер. — Это так?

Рэд неуверенно кивнула, чувствуя неприятное шевеление в глубине живота.

— Почему… почему вы спрашиваете?

Полицейские переглянулись, и Рэд разволновалась уже не на шутку.

— Зарегистрированный владелец этого номера доктор Карл Мерфи, — сухо, официальным тоном сказала сержант. — Позвольте спросить, вы его знаете?

Мелькающие на экране образы не давали сосредоточиться. Рэд схватила пульт и выключила телевизор.

— Почему? Что… что он сделал? С ним что-то случилось?

— Могу ли я спросить о характере ваших отношений с доктором Мерфи?

У Споффорда зазвонил телефон. Он достал его из кармана, взглянул на дисплей и, отключив, виновато посмотрел на женщин.

— Мы собирались встретиться, — сказала Рэд и пожала плечами. — Он должен был заехать за мной вчера в семь вечера, но так и не появился. А что? С ним что-то случилось?

— Вы давно встречаетесь?

Рэд на секунду задумалась.

— Около шести недель.

— Не касаясь деталей, мисс Уэствуд, как бы вы охарактеризовали ваши отношения с доктором Мерфи?

— В чем все-таки дело? — Нервничая, Рэд всегда раздражалась. Она посмотрела на Спофферда, но тот сохранял нейтральное выражение, хотя и чувствовал себя явно некомфортно.

Сержант посмотрела на нее сочувственно, и на мгновение Рэд показалось, что она смягчается, но ответ снова прозвучал бесстрастно, как будто женщина, спохватившись, отступила на позицию профессионального полицейского.

— Боюсь, вам нужно приготовиться к плохой новости. Мы нашли тело. Обстоятельства не вполне обычные, но есть основания предполагать, что это доктор Мерфи. Возможно, вы сумеете нам помочь.

— Тело?

— Боюсь, что да.

— Что вы имеете в виду? Он мертв?

— Официально личность еще не установлена. Но мы практически уверены, что это доктор Мерфи.

— Нет, это не он. Не Карл, — с чувством заговорила Рэд. — Вы ошиблись. Почему вы думаете, что это он?

— У вас была с ним какая-то размолвка? — спросила сержант.

Рэд решительно покачала головой:

— Абсолютно никакой. Вовсе нет. Я думала, что мы… — Она не договорила.

Карен Нельсон посмотрела на нее выжидающе и, не дождавшись продолжения, подтолкнула:

— Что вы думали?

Рэд покачала головой.

— Впервые в жизни я подумала, что встретила мужчину, не похожего на других. Только и всего. Но прошлым вечером он подвел меня. — Она залпом допила вино, взяла пачку и вытряхнула сигарету. — Вы не против, если я закурю?

— Дом ваш, — пожала плечами сержант.

— Мне запах даже нравится, — сказал Споффорд. — Пожалуйста…

— А вы не хотите? — Рэд протянула пачку.

— Я бы с удовольствием, но нет, спасибо.

Она закурила.

— Пожалуйста, расскажите, что случилось. Вы упомянули, что нашли тело… это несчастный случай?

Полицейские снова переглянулись, и этот взгляд сказал ей все, что требовалось знать.

— Пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне все, что вам известно, — взмолилась Рэд. — Он попал в аварию? Скажите хотя бы это!

— Мы можем установить, когда у вас был последний контакт с доктором Мерфи?

— Последний раз я видела его в воскресенье, но мы разговаривали каждый день, по нескольку раз. Я говорила с ним во вторник вечером. Он… — Она замялась на секунду. — Он сказал, что обожает меня.

— По-вашему, у доктора Мерфи была депрессия?

— Депрессия? Нет! Позвольте уточнить. Да, он говорил, что был глубоко опечален смертью жены. Что даже подумывал о самоубийстве, потому что очень ее любил. Но Карл никогда бы этого не сделал — из-за детей. Он просто не мог так с ними поступить.

— Так он все же говорил о самоубийстве? — Сержант сделала пометку у себя в блокноте. — Что именно он говорил?

Рэд покачала головой:

— Он говорил об этом не всерьез. Говорил, что такая мысль приходила ему в голову сразу после ее смерти, но он ее отбросил.

— Вы так уверены?

— В том, что он не мог покончить с собой? На сто процентов. Он очень позитивный. И живет ради детей. Они для него — все. — Ее вдруг словно накрыла темная туча. — Почему вы спрашиваете о самоубийстве?

— Я не хочу расстраивать вас без необходимости, мисс Уэствуд, — сказала сержант Нельсон, — но человек, тело которого мы нашли, вероятно, совершил самоубийство. Полной уверенности в том, что это Карл Мерфи, пока нет, но найденный на месте телефон — это тот, на который вы звонили.

Рэд закрыла глаза:

— Нет. Господи, нет. Пожалуйста, пусть это будет не Карл.

Сержант подняла руку, как будто извиняясь.

— Я сообщу вам, когда получу дополнительную информацию. Обещаю.

— Просто для уточнения, — сказал Споффорд. — У вас с Брайсом Лореном все тихо? Давно?

Рэд ненадолго задумалась.

— Да. Тихо. С тех пор как мы расстались.

— Вот и хорошо. — Он записал что-то в блокнот. — Вы ничего не слышали? Нигде его не видели?

— Нет. Он не звонил, и я его не видела. Хотя… Сегодня утром мне показалось, что я его видела из окна нашего офиса, но это не точно.

— Вы видели его сегодня утром? Несмотря на имеющееся решение суда? Ему ведь запрещено подходить к вам ближе чем на полмили. Вы сообщили об этом?

— Нет, — хмуро ответила Рэд. — У меня не было полной уверенности. Может, мне это показалось. Я вышла и не смогла его обнаружить. — Она пожала плечами.

Полицейские поднялись, и Рэд проводила их к выходу.

— Думаю, вы ошиблись. Мы с Карлом разговаривали… о будущем. Он не стал бы убивать себя. Поверьте мне. Вы просто ошиблись.

— Я свяжусь с вами, как только будут новости, — сказала Карен Нельсон.

Выходя следом за коллегой, констебль Споффорд сочувственно и вместе с тем беспомощно улыбнулся Рэд. Она не ответила. Как будто вдруг окоченела. Закрыла и заперла дверь. Внутри у нее все тряслось.

18

Четверг, вечер, 24 октября

Вэн — вот же молодчик! — зарубал Someone Like You, а сам Брайс смотрел сразу два разных шоу, причем оба без звука, на разделенном экране своего пятидесятипятидюймового

«самсунга». На одном шли новости, на другом — то, ради чего ему, по большей части, и требовался телевизор. По большей части, но не сегодня.

Ему нравилась эта песня. Они танцевали под нее на втором свидании в каком-то брайтонском ночном клубе. «Такая, как ты!» — прошептал он ей на ухо и поцеловал в щеку. Потом они поцеловались в губы и так, не размыкая губ, и протанцевали до самого конца песни.

Он видел, как она, проводив копов, вернулась в комнату, налила большой бокал белого вина и закурила еще одну сигарету.

Ах ты, ах ты. Слишком много куришь, крошка. Но не беспокойся, дыми! Это тебя не убьет. Тебя убьет кое-что другое, а не эти тонкие белые штучки с фильтром.

Она подобрала пульт и включила звук — шел выпуск новостей. Пожар в «Куба Либре» больше не показывали. На экране был премьер-министр. Он приехал на какую-то фабрику по производству супа и ходил по ней в дурацкого вида защитной шапочке и перчатках. Пробуя из большой ложки суп, премьер одобрительно кивал.

Рэд плакала.

Брайс тоже плакал. Он смотрел на экран лэптопа, на все те имейлы, что она присылала ему в те первые дни, когда они так любили друг друга.

Ты — чудо! Я так по тебе скучаю, мой дорогой Брайс. Жду не дождусь сегодняшнего вечера, xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

Господи, мой милый Брайс, что ты со мной сделал? Каждая секунда без тебя — истинная пытка. Жду и желаю. xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

Я говорила, что ты — самый изумительный, невероятный, умный, красивый мужчина из всех, кого я только встречала. Я так тебя хочу. Приходи поскорей. На мне уже нет ничего под одеждой, и я жду. xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

Глупая девчонка, — думал он, шмыгая носом и вытирая глаза. — *Глупая, глупая девчонка. Помнишь, как мы ходили смотреть «Отелло» в лондонском Олд-Вике? Помнишь ту строчку? Ты, как дикарь, который поднял собственной рукою и выбросил жемчужину ценней, чем край его.*

Помнишь?

19

Двумя годами ранее

К выбору платья Рэд подошла со всей тщательностью да еще привлекла к этому делу свою лучшую подругу Рэкел. В то субботнее июньское утро они вместе предприняли многочасовой поход по модным брайтонским магазинам. В конце концов она остановилась на простом черном платье «А-линия» из бутика на Дюкс-Лейн. И продавщица, и Рэкел — тоже рыженькая — подтвердили, что Рэд выглядит в нем потрясающе сексуально и притом без лишней откровенности.

Ей всегда шло черное, так что, следуя за метрдотелем через зал брайтонского ресторана «Куба Либре» — под громадными бамбуковыми лопастями, к столику в углу, — она чувствовала себя совершенно уверенно.

Мистер Лорен еще не пришел, с извиняющейся улыбкой сообщил метрдотель. Но, подойдя к столику, Рэд с удивлением обнаружила бутылку шампанского в ведерке со льдом и красную розу на тарелке перед стулом, к которому ее подвели.

— Желает ли мадам выпить что-нибудь?

— Нет, спасибо, — сказала она, хотя, по правде говоря, нервничала в тот момент так, что большой стакан коктейля был бы очень даже кстати.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и нескольких минут, как у ее столика возникло видение. Высокий, с короткими, уложенными с гелем черными волосами — ни дать ни взять молодой Джордж Клуни. На нем был прекрасный черный льняной пиджак, рубашка с открытым воротом, дорогие на вид джинсы и черные лоферы. А еще он улыбался — самой самоуверенной улыбкой из всех, что она видела, — демонстрируя безукоризненно белые зубы. Вживую он выглядел даже лучше, чем на фотографии.

— Вы пришли раньше — непростительная оплошность с моей стороны. Мне так жаль. — У него был фантастический голос с едва заметным американским акцентом. Он взял ее руку, поцеловал — она уловила тяжелый, пахучий и очень-очень сексуальный аромат его одеколона, — потом сел напротив и, еще раз улыбнувшись, сказал: — Вау! Вы совсем не такая, какой я вас представлял!

Она улыбнулась:

— Неужели? — Ей в голову пришла та же мысль. Такой роскошный мужчина, и зачем ему понадобилось пользоваться услугами бюро знакомств?

— Нет, на самом деле я имел в виду… Я видел вашу фотографию на сайте и на вашей странице в Фейсбуке… знал, что вы красивая, но… но не настолько же красивая!

— Ну, сказать по правде, вы для меня тоже приятный сюрприз! — призналась Рэд. — И спасибо за цветок. Вы очень внимательны.

— Любите шампанское?

— Ну, если уж вы настаиваете, — усмехнулась она.

Он поднял руку, помахал, и уже в следующее мгновение у столика возник официант.

— Марочное. Для вас — только самое лучшее.

Официант наполнил бокалы, и Брайс поднял свой.

— Итак… — Он улыбнулся, и от его улыбки у нее едва не растаяло сердце. — «Одинокая девушка с огнем в волосах, 29 лет, чахнет на любовном пепелище. Ищет новое вдохновение, новое пламя для тлеющего костра. Приятного общения, дружбы и — кто знает — может быть, чего-то большего?»

— Боже мой, как напыщенно и убого, — сказала она.

— Вовсе нет. По крайней мере, мое внимание оно привлекло. Поэтому-то мы здесь. И мне уже хорошо. А вам?

— Мне *очень*хорошо.

Они чокнулись.

Он сделал глоток.

— Знаете, я позволил себе небольшую дерзость. Мне сказали, здесь очень хорошее меню, но я подумал, что для нашего первого обеда следует заказать что-то особенное. В одном из имейлов вы упомянули, что любите морепродукты?

— Люблю.

— Отлично. Я позвонил и попросил управляющего приготовить двух лобстеров. А для начала — мне показалось, что мы могли бы чуточку отступить от меню… Как насчет белужьей икры? Вас устроит? Белужья считается лучшей в мире.

Все складывалось настолько ошеломительно, что в какой-то момент Рэд засомневалась — уж не подстава ли? Может, это подстроила Рэкел или кто-то еще из ее друзей? Но им-то зачем? Они бы никогда не позволили себе столь жестокого розыгрыша. Она снова посмотрела на него — его глаза, веселые и живые, улыбались ей. Все настоящее. Конечно, через край, но не поддельное.

— Господи… Вау… Вообще-то я никогда в жизни не пробовала икру… в смысле, настоящую. Только морского воробья, ту, что в банках.

— Для вас — самое лучшее, — повторил он. — Вы — великолепны, вы это знаете?

— Спасибо, но… нет, не знаю.

— Ну так вот, вы — великолепны!

Они снова чокнулись.

Кто этот Адонис? Все было как во сне. За годы после Доминика сколько лягушек она перецеловала! Неужели наконец повезло встретить принца? Она конечно же не могла опьянеть после одного бокала шампанского, но голова определенно шла кругом. В нем было что-то… колдовское. А еще он был очень, очень сексуален.

И все же тревожный звоночек еще звенел.

— Вы так и не рассказали мне в письмах, чем занимаетесь.

Она пожала плечами:

— Работаю секретаршей в одной проектной фирме. А вообще всегда хотела стать агентом по недвижимости.

— У меня есть контакты с несколькими агентами. Если захотите, могу вас с ними связать.

— Спасибо. А вы? Вы что делаете?

— Работал пилотом в «Юнайтед», в Штатах, потом устроился к одному техасскому миллионеру. К сожалению, заболела жена. Рак груди. Приходилось много времени проводить с ней, так что летать я больше не мог. Она из Англии и очень хотела провести последние дни здесь, с родными. Мне удалось пройти переобучение и получить наземную работу — авиадиспетчером в Гатуике.

— Как в фильме «Управляя полетами»?

— Да, только на самом деле там все не так.

Принесли икру. Ее подали в серебряной мисочке, обложенной льдом, с крохотными блинчиками и горкой сметаны. Серебристо-серые икринки были размером с миниатюрные горошинки. Ничего подобного Рэд прежде не видела. Ей они напомнили лягушачью икру.

Брайс показал, как это нужно есть: положил на блин немножко сметаны, на сметану водрузил немножко икры и, взяв блин руками, отправил все в рот.

Она сделала то же самое и попыталась замаскировать первоначальный шок. Ощущение было примерно такое же, как в детстве, когда она простудилась и мать заставляла ее пить рыбий жир. А потом она почувствовала, как тают на языке шелковистые икринки, и испытала что-то вроде волнительного трепета, осознав, что ест самый знаменитый и дорогой деликатес.

— И как? — спросил он.

— Изумительно!

— Вы — изумительная. — Он вдруг достал из внутреннего кармана колоду карт и развернул их веером, так что ей открылись все до единой карты.

— Ух ты! Впечатляет.

Он повернул карты так, чтобы их видела только она.

— Выберите одну. Любую. Дотроньтесь до нее, но мне не показывайте.

Она дотронулась до дамы червей:

— Готово.

Он тряхнул кистью, и карты сложились с легким шелестом. Снова развернул:

— Видите свою?

Ее карты не было. Рэд нахмурилась и оглядела стол — куда же она запропастилась?

— Нет. Не вижу.

— Откройте сумочку.

Она наклонилась, подняла с пола сумочку, щелкнула застежкой, открыла… И ахнула. Червонная дама лежала между телефоном и тюбиком помады. Рэд взяла ее.

— Вы эту выбрали? — спросил он.

— Невероятно! Как вы это сделали?

Он пожал плечами:

— Фокусы — мое хобби. Я занимаюсь этим ради удовольствия. Слышали о Волшебном замке в Лос-Анджелесе?

Рэд покачала головой.

— Бывали в Лос-Анджелесе?

— Нет.

— Может быть, я свожу вас туда когда-нибудь. Кто знает…

Она усмехнулась:

— В Лос-Анджелес я бы с удовольствием.

— У вас ничего не пропало?

— Вроде бы нет.

Он опустил руку в боковой карман и достал часы. Это был ее «свотч».

— Как? — воскликнула она.

Он передал ей часы, и она надела их на запястье.

— Да, вы меня поразили.

— Вы меня тоже.

Вопреки всем своим принципам — и совету Рэкел, — она все же пригласила его на кофе, когда они вышли из такси и он проводил ее к дому.

Он погладил ее по лицу, перебрал пальцами волосы, взял ее руки в свои и, наклонившись, поцеловал в губы.

— Не сегодня. Сегодня мы выпили немного лишнего. Я хочу, чтобы, когда мы займемся любовью, это было что-то особенное.

Рэд закрыла за собой дверь, прошла по общему коридору, мимо прикованного цепочкой велосипеда, поднялась по лестнице и, только войдя в свою квартиру на третьем этаже современного дома у реки Адэр, с видом на Шорэмский порт, заметила на правом запястье браслет.

Тонкий серебряный браслет опоясывал руку удобно и изящно. Незаметно такой не наденешь. Когда же он успел это сделать? Наверное, перед самым расставанием, когда взял ее за руки?

И еще больше сбивало с толку отсутствие застежки. Браслет был цельный. Рэд внимательно его осмотрела, потянула, но так и не обнаружила никакого соединения. Присмотревшись, она обнаружила аккуратную гравировку: *дама червей*. И символ — сердечко.

Телефон пискнул, оповещая о поступившем сообщении. Рэд достала его и посмотрела на дисплей.

Если захочешь снять, придется подождать до следующего свидания.

Она набрала короткое XXX.

И почти сразу же получила ответ: XXX.

20

Пятница, 25 октября

Рэд сидела у крохотной стойки, с покрасневшими после бессонной ночи глазами. Болела грудь — слишком много сигарет выкурила. В квартире все перевернуто — обычное состояние. Под телевизором и стереосистемой валялись диски, CD и DVD. Надо бы прибраться, но в данный момент она даже и не думала об этом.

На экране лэптопа висела первая страница «Аргуса» с броским заголовком: **Брайтонский ресторан уничтожен огнем**. Ниже красовалась фотография «Куба Либре» в окружении пожарных машин, с закопченным красивым серым фасадом. На часах было 8.20 утра. В ожидании выпуска новостей Рэд смотрела телевизор, без аппетита отправляя в рот ложку за ложкой овсянку и запивая ее кофе. За окном лил дождь, отчего гнетущий вид с пожарной лестницей напротив казался еще более гнетущим.

Самоубийство? Нет, невозможно. *Невозможно*. Они просто ошиблись. Что бы ни случилось с Карлом, он не убивал себя. Он не мог этого сделать.

Рэд чувствовала себя ужасно. Октябрь всегда был самым суровым, самым тяжелым месяцем года, преддверием наступающей долгой зимы. А еще ее ожидал паршивый, безрадостный уик-энд. Карл предлагал поехать на выходные в какой-то отель в Нью-Форесте. Теперь об этом можно забыть. Разве что он каким-то чудом выйдет на связь.

Если же нет, то ее ожидал ланч с родителями. Одинокая бедняжка Рэд, ее успешная старшая сестра, счастливая в браке и беременная.

Она чувствовала себя неудачницей, «хромой уткой» в семье. В отличие от Марго, которая не только удачно вышла замуж за благополучного управляющего одного из лондонских хедж-фондов, но и сделала головокружительную карьеру в юридической фирме в Сити.

А еще надо составить описание безобразного домишки, в который нормального человека и пряником не заманишь. И жить дальше, прячась от своего бывшего.

Мог ли Брайс иметь какое-то отношение к смерти Карла?

Конечно нет. Что за нелепость! Она посмотрела на браслет. Тот самый, который Брайс незаметно нацепил ей на руку после их первого свидания в ресторане «Куба Либре». Рэд вспомнила, как на втором свидании, когда она сказала, что не может снять браслет, и спросила, как ему удалось это сделать, он с усмешкой ответил, что фокусник никогда не выдает своих секретов. И пообещал снять браслет, когда она не будет больше его.

Тонкая потускневшая полоска так давно была на руке, что она уже перестала замечать ее присутствие. Но теперь присмотрелась. За последние беспокойные месяцы она потеряла больше стоуна, и браслет на запястье висел свободнее. Но не настолько свободно, чтобы снять. Несколько раз она порывалась обратиться к ювелиру и попросить срезать украшение, но что-то удерживало ее от такого шага. Страх?

Страх перед тем, что если Брайс увидит ее на улице без браслета, то заведется еще сильнее?

Услышав прозвучавшее в новостях «поле для гольфа», Рэд мгновенно посмотрела на экран. Несколько полицейских машин перед лесистым участком. Оградительная лента. Люди в синих защитных комбинезонах. Большой экран. Репортер с микрофоном в руке и мокрыми, спутанными волосами говорил: «Суссекская полиция до сих пор не дала информации относительно личности мужчины, обгоревшее тело которого обнаружено вчера в канаве, неподалеку от третьей лунки гольф-клуба „Хейуордс-Хит“».

Грудь сдавило так, что стало трудно дышать. Неужели Карл? Господи! Она схватила телефон и набрала рабочий номер Рэкел, но попала на автоответчик. Конечно, там же никого нет. Она позвонила на сотовый. На отправленные накануне эсэмэски подруга так и не ответила.

— Извини, что звоню так рано. Пожалуйста, скажи мне, Карл Мерфи был в офисе? Я имею в виду, вчера?

— Извини, что не ответила вчера. Мы ходили на обед. — Голос Рэкел звучал как-то странно. — И нет, его не было.

— Я, может быть, схожу с ума… но… думаю, с ним что-то случилось. Ко мне вчера приходили из полиции… насчет тела…

— Ни с какого ума ты не сходишь. Похоже, так оно и есть.

— Что? Почему ты так говоришь?

— Мне сегодня пришлось выйти раньше — по просьбе полиции. Им потребовалась зубная карта Карла.

На экране место действия переместилось в конференц-зал. Синее индикаторное табло с веб-адресом www.sussex.police.co.uk, артдисплей с пятью полицейскими значками на синем фоне и номер «Криминального дозора» внизу. Стройный, очень серьезный мужчина в костюме, с короткими, уложенными гелем волосами и голубыми глазами. Пока он говорил, внизу экрана бежала «быстрая строка»: *Детектив-суперинтендент Рой Грейс, отдел тяжких преступлений…*

— Мы надеемся провести официальное опознание в течение сегодняшнего дня. Однако на данной стадии результаты вскрытия не имеют решающего значения. Я обращаюсь ко всем, кто находился поблизости от гольф-клуба «Хейуордс-Хит» от полудня среды до девяти утра четверга и видел что-либо подозрительное или заметил припаркованный в неположенном месте автомобиль, позвонить в полицию или «Криминальный дозор» по следующим номерам…

21

Пятница, 25 октября

У Брайса Лорена были включены все телевизоры и все мониторы. Всего шесть штук. На одном шли утренние новости, но его больше интересовал другой. Рэд Уэствуд разговаривала по телефону со своей лучшей подругой Рэкел.

Они с Рэд обедали с Рэкел и ее мужем Полом, местным врачом общей практики, ходили с ними в кино и театр и даже провели как-то вместе целый уик-энд в Бате. Никакой особой симпатии они к нему не питали, но и ничего плохого ему не сделали. В отличие от родителей Рэд. Особенно этой стервы, ее мамаши.

Зубная карта.

Теперь уже недолго.

А потом и она узнает, что это только начало.

22

Пятница, 25 октября

Поспать толком не получилось. Вечерний покер он закончил с минусом — двести пятьдесят фунтов, один из крупнейших проигрышей за все время. Засыпáлось после покерных вечеров почти всегда плохо, но последний оказался хуже других. Беспокоил не

только проигрыш — годы уравнивают баланс, и атмосфера товарищества таких вечеров значила для него больше, чем сама игра. Покоя не давала предсмертная записка — что-то в ней было не так.

В половине девятого утра пятницы Рой Грейс сидел за столом с уже вторым ультракрепким кофе, просматривая ночные сериалы — журнал происшествий, — самым значительным из которых был пожар в ресторане «Куба Либре». Ресторана было жаль — они с Клио провели там несколько отличных вечеров.

Но мысли снова и снова возвращались к записке самоубийцы, которую Грейс сфотографировал на свой айфон.

Мне так жаль. Мое завещание находится у солиситора Мод Опфер из «Опфер Декстер ассошиэйтс». Жизнь после смерти Ингрид потеряла смысл. Хочу снова с ней соединиться. Пожалуйста, передайте Дейну и Бену, что я люблю их и всегда буду любить, а еще скажите, что папа ушел, чтобы заботиться о маме. Люблю вас обоих. Когда-нибудь, повзрослев, вы, может быть, сможете простить меня. XX.

Было в этом что-то очень клиническое. Некая тщательная продуманность. Совместима ли эта продуманность с состоянием человека, облившего себя бензином? И кто станет выбирать столь ужасную смерть, если только он не выступает с неким заявлением, политическим или религиозным? Семейный доктор, такой как Карл Мерфи, должен быть в состоянии полного помешательства, чтобы сотворить с собой такое. А если он был в этом состоянии, то как мог написать лаконичный, связный текст?

Рой Грейс снял трубку, позвонил детективу-сержанту Норману Поттингу, одному из самых опытных членов следственной группы отдела тяжких преступлений, и дал ему задание: получить образец почерка доктора у его секретаря; найти графолога и попросить его проанализировать и образец, и записку с целью убедиться, что они написаны одним и тем же человеком.

Грейс посмотрел на часы. До прихода финансового следователя Эмили Гейлор — с ней он работал по некоторым неясным пунктам операции «Камбала» — оставалось несколько минут. Клио, когда он уходил рано утром, еще спала. Странное дело. Он всегда любил свою работу и ставил ее превыше всего, но теперь, став отцом, переживал из-за того, что работа отрывала его от сына. Надо позвонить Клио и узнать, как там Ной.

Она сняла трубку после третьего звонка.

— Привет, дорогой. — Судя по тону, ее что-то отвлекало.

— Ты в порядке?

— Кормлю Ноя. Как закончилась игра?

— Не спрашивай. Но еда ребятам понравилась — все просили сказать тебе спасибо.

— Они такие милые.

— Так и есть.

Клио вдруг вскрикнула:

— У-у-у!

— Что случилось?

— Ной так присосался, что даже больно!

— Кто же знал, как трудно быть родителем. Хотел бы я помочь…

— Попробуй отрастить себе груди!

— Ладно, буду принимать гормональные таблетки.

Она снова вскрикнула, еще громче:

— Черт! — И тут же добавила: — Знаешь, что самое странное?

— Вот ты мне и скажи.

— Может, прозвучит чудно́, но когда я смотрела на Ноя ночью, то вдруг подумала, что когда-нибудь ты, может быть, будешь возить меня как согбенную старушку в инвалидном кресле.

— Надеюсь, это не случится в ближайшие годы.

— Ты прав, дорогой, нас никто не предупредил, как трудно быть родителем.

— Верно, но однажды Ной поймет, что ему крупно повезло в жизни. У него лучшая в мире мать. Ты только напомни ему об этом, когда он в следующий раз тебя укусит.

— У-у-у! — снова вскрикнула Клио. — Как же больно!

В дверь постучали.

— Мне пора. — Грейс послал по телефону поцелуй и, улыбаясь, положил трубку. Его вдруг окатила теплая волна любви к Клио и сыну. Но взгляд уже упал на предсмертную записку. Здесь было над чем подумать. — Войдите!

23

Пятница, 25 октября

В перечне того общего, что объединяло Гленна Брэнсона с Роем Грейсом, на одном из первых мест стояла нелюбовь к присутствию на вскрытии. Хотя центром современного расследования убийства по-прежнему остается место преступления, именно морг — и патоморфологическая лаборатория — во многих отношениях играет едва ли не решающую роль.

Но в половине девятого холодного и дождливого октябрьского утра городской морг, с его выложенными серой плиткой стенами и безжалостно ярким верхним светом, являл собой место, превзойти которое по степени депрессивности смогли бы немногие.

Облаченный в зеленый халат детектив-инспектор чувствовал себя явно не в своей тарелке, вдыхая тошнотворно-сладковатый, с привкусом бензина запах жареной свинины, исходивший от обуглившегося трупа на стальном столе посередине большего из двух помещений, разделенных квадратным арочным переходом. Запах этот почти полностью перебивал другое, более привычное и уже ассоциирующееся с этим учреждением зловоние, распространяемое дезинфектантами.

Слева от него, в соседней комнате, лежали на таких же столах три человека постарше — нагие, с кожаными бирками на пальцах ног. Подготовкой их занимался Даррен, ассистент Клио, заменявший ее на время декретного отпуска.

Свод черепа у каждого из троих был срезан ленточной пилой, скальп оттянут к лицу, мозг обнажен. Завернутая кожа живота покоилась на лобковой кости — последняя попытка защитить срам, — открывая желтоватые внутренние ткани и скрученные кишки. Вся троица ожидала прибытия местного дежурного патологоанатома, которому предстояло провести куда менее тщательное вскрытие, чем то, которое требовалось обугленной жертве, чьи руки словно застыли в последнем воинственном жесте.

Гленну почему-то вспомнилось прошлое вскрытие вскоре после того, как он разошелся с Эри, и почувствовал себя хуже некуда, Рой Грейс шепнул ему на ухо: «Как бы хреново ни было, уик-энд у тебя будет получше, чем у любого из тех, кто останется здесь на ночь».

Он усмехнулся, что случалось нечасто после смерти жены, и уже через пару секунд полностью сосредоточился на происходящем.

Едва успев умереть, каждый становится достоянием местного коронера, который и решает, требуется вскрытие или же нет. Главный критерий здесь — умер ли человек вследствие болезни, находясь под наблюдением врача, или его смерть нуждается в объяснении. Если причина очевидна — периодические проблемы с сердцем или рак,

вскрытие не проводится. Но если смерть была внезапной, наступила вследствие неведомых причин или несчастного случая — падения с лестницы или автомобильной аварии, — коронер назначает вскрытие, чтобы исключить или установить факт преступления.

В данном случае перед патологоанатомом стояла несколько иная задача: подтвердить, была ли смерть жертвы самоубийством, на что указывали улики, или имело место нечто более зловещее.

Министерство внутренних дел имело в своем распоряжении тридцать патологоанатомов, специализирующихся на криминальных случаях и получающих за свою работу хорошие деньги. Одним из них и был доктор Фрейзер Теобальд, также одетый в зеленый халат. В данный момент он, пользуясь хирургическими щипцами, вынул что-то, показавшееся Брэнсону человеческим легким.

— Интересно, — сказал доктор и продиктовал что-то специфическое, обращаясь к небольшому устройству, которое держал в левой руке. Брэнсон ничего не понял.

На дальней стене, рядом с автоматическими весами, висела таблица с указанием имени умершего и колонками, в которые заносились вес мозга, легких, сердца, печени, почек и селезенки. Пока что заполнены были только две колонки — «неизв. муж.» (вместо имени) и «7,5» (вес мозга).

Кроме Гленна Брэнсона, Даррена и его помощника, в морге находились Джеймс Гартрел, фотограф-криминалист, работавший сейчас около тела, и Филип Ки из офиса коронера. В зеленом халате, со спущенной под подбородок маской, он с озабоченным видом наговаривал что-то на диктофон.

— Думаю, вам всем надо это увидеть, — сказал Фрейзер Теобальд. — Может быть важно.

Все трое — Брэнсон, Гартрел и Ки — подошли ближе. Инспектор всеми силами старался не смотреть на частично обугленный мозг в открытой черепной коробке, но взгляд постоянно уходил в эту сторону.

— Левое легкое, — продолжал Теобальд. — Если наш клиент поджег себя сам, он должен был бы вдохнуть как огонь, так и дым. В грудной клетке и легких наличествуют причиненные огнем и дымом повреждения.

— И что это значит, доктор Теобальд? — спросил Гленн. — Хотите сказать, это соответствует тому, что и должно быть, если у нас самоподжог?

Доктор посмотрел на детектива. Лицо его закрывала маска, оставлявшая открытыми только пару пронзительных орехово-карих глаз.

— Именно так, да. Все это указывает на самоубийство.

— Но зачем делать это в канаве, в нескольких сотнях ярдов от машины? — спросил Брэнсон.

Теобальд пожал плечами.

— Кто знает, что происходит в голове человека, решившего свести счеты с жизнью? Строить предположения — не моя задача. Могу лишь сказать, что внешне на преступление ничто не указывает, по крайней мере на данной стадии. Но мне нужно более детально осмотреть тело и провести анализ крови.

Гленн Брэнсон вышел из прозекторской и позвонил Рою Грейсу. Странно, но его босс и друг вовсе не обрадовался, а ответил сухо и сдержанно, как будто все еще в чем-то сомневался.

24

Пятница, 25 октября

Доктору Джудит Биддлстоун — ее Рэд рекомендовали в брайтонской благотворительной организации, оказывающей помощь жертвам домашнего насилия, — было далеко за сорок. Прежде чем стать психологом-консультантом, она успела поработать инструктором в государственной службе здравоохранения. Теперь у доктора Биддлстоун был свой кабинет в подвальном помещении дома, расположенного в модном брайтонском квартале Норт-Лейн. Из-за горящих свечей здесь пахло, как в каком-нибудь храме, подумала Рэд. Сухопарая, по-спортивному подтянутая, с короткими подкрашенными волосами и живым веснушчатым лицом, доктор была в джинсах и тонкой черной футболке, несмотря на прохладный осенний день.

Рэд прикатила в Норт-Лейн на своем втором, *дерьмовом*, велике, уйдя с работы позже, чем планировала. Пара, которой она накануне показывала дом на Портленд-авеню, нагрянула в офис без предупреждения, запаниковав оттого, что уик-энд уже на носу и объект может уйти на сторону. Они хотели подписать предварительный договор, а Рэд не хотела упустить шанс оформить первую удачную сделку.

И вот теперь, в 18.35 пятничного вечера, на полчаса позже назначенного времени, они сидели друг против друга на бобовых пуфах, потягивая мятный чай под строгим взглядом малинового Будды, наблюдающего за ними с каминной полки. Это был их шестой сеанс.

Рэд начала с того, что рассказала о докторе Карле Мерфи, а закончила со вздохом:

— И я спрашиваю себя, нет ли во всем моей вины.

— Почему вы так думаете? — В голосе Джудит Биддлстоун чувствовался легкий акцент уроженки Ньюкасла.

— Не знаю. Я… просто… я кажусь себе такой бесполезной. У меня ничего не получается. Все, что ни делаю, заканчивается паршиво. Может, я сейчас просто не в себе. Сил уже нет.

— Такие тяжелые потери даром не проходят. Расскажите, почему вы чувствуете себя бесполезной.

— Вы, наверное, и сами знаете. У меня ничего не получилось с Брайсом.

— Вы так это видите? — нахмурилась Джудит Биддлстоун. — То есть в том, что у вас не сложилось, виноваты вы, а не он?

— Не знаю. У меня мысли как будто по одному кругу ходят. Но да, иногда я так думаю.

— У нас не очень много времени, и мне хотелось бы, чтобы мы еще раз прошлись по вашим отношениям с Брайсом, — сказала психолог, — потому что в них слишком много пробелов. Давайте вернемся к самому началу. Мне кажется, вы блокируете некоторые важные моменты… нет, не намеренно, но, однако же, постарайтесь вспомнить все, что можете.

Рэд попыталась.

Они переспали через три дня после первого свидания. И это было восхитительно. Любовь всю ночь напролет. Никогда еще у нее не было любовника столь страстного и внимательного. Она получила все и даже больше.

Проснулась в субботу утром — в его объятиях и в его квартире. Они снова занялись любовью. А потом, почти без перерыва, еще.

Уик-энд провели в постели. Заказали сначала пиццу, немного погодя что-то китайское. Смотрели старые фильмы по телевизору, пили шампанское «Редерер Кристалл». Он сказал, что ему нравится ее кожа, ее волосы, зубы, запах, юмор.

Ей нравилось в нем все.

— На следующий уик-энд он увез меня из Брайтона. В роскошный загородный отель. Заехал на своей машине, прекрасном «астон-мартине» с откидным верхом. Позже я узнала, что автомобиль Брайс взял напрокат. — Рэд закрыла глаза, вспоминая, как сидела на мягкой подушке, вдыхая насыщенный запах кожи, и теплый июньский ветер бил в лицо.

Они спали в роскошном номере с огромной кроватью, подолгу гуляли по песчаному пляжу, ходили на ланч и обедали и бесконечно пили марочное шампанское и дорогое белое вино.

Рэд рассказала психологу обо всем.

— И когда же пошло не так? — спросила Джудит Биддлстоун, когда она закончила.

Рэд пожала плечами:

— Трудно сказать. Наверное, не так пошло еще раньше, чем мы встретились.

Психолог ждала.

— Проблемы у него начались в детстве.

— Какие проблемы?

— Думаю, над ним надругались.

— Почему вы так думаете?

— Он проговорился пару раз. Это и навело меня на мысль…

— Что именно он сказал?

— В общем-то не так уж много. Иногда, когда злился, вспоминал свою мать, называл ее дрянью. Брайс не терпит, когда курят, и я старалась не попадаться ему на глаза с сигаретой. Но однажды попалась, и он сказал, что я такая же, как его долбаная мамаша. Только говорить о ней все равно не захотел. Я пыталась… ждала, что он раскроется, но он только сердился каждый раз. Сильно сердился. И я перестала расспрашивать.

— Итак, когда вы спрашивали его о детстве, он сразу же начинал сердиться. Вы это хотите сказать?

— Да.

— И по-вашему, причина в том, что в детстве он подвергся насилию?

— Такое ведь случается? Дети, подвергшиеся насилию, сами, вырастая, становятся насильниками.

— Бывает и так, но вопрос не столь прост. Связь более сложная, чем просто причинно-следственная. Мне интересно, что вы вывели из поведения Брайса именно такое заключение. Как думаете почему?

— Он помешан на контроле. И на аккуратности — всегда все поправляет. — Она невесело усмехнулась. — Птичка испачкала машину — и он уже в бешенстве. Будет мыть, полировать, опять мыть — всю машину. А если учесть, что он живет у моря, где всегда чайки, такое случается постоянно.

— Вас это тоже касалось?

— Да. Чувство было такое, будто ходишь по яичной скорлупе. Все время стараешься не сделать что-то, что могло бы его завести.

— И вы решили, что он такой из-за случившегося с ним в детстве?

— Помню, он как-то сказал, что я поняла бы его лучше, если бы знала, что сделали с ним родители.

— Хотите рассказать?

— Брайс все время говорил, что я никудышная. Не умею готовить, плохая любовница. Что заниматься со мной любовью то же самое, что трахать дохлую рыбину. И я ему верила; наверное, до сих пор считаю себя ни на что не годной. Я потеряла к себе всякое уважение. Но потом, унизив меня, даже ударив, он начинал плакать, просить прощения, обещал исправиться. В один из таких моментов, моля о прощении, Брайс и сказал, что я поняла бы его лучше, если бы знала, что сделали с ним его родители.

— Он объяснил, что имел в виду?

— Нет, он никогда не говорил об этом. Я решила, что, должно быть, случилось нечто очень плохое.

— Вы сами говорили, что много раз, в поздний период ваших отношений, звонили в полицию. Так?

— Да. Один полицейский, молодой констебль из патрульной службы… Спофорд… Боб Спофорд… Он был особенно добр ко мне. У него в детстве случилась похожая ситуация, его отец измывался над матерью. Это он помог мне связаться с «Проектом „Убежище"». И он постоянно убеждал меня порвать с Брайсом.

— Можете объяснить, почему вы тогда не воспользовались советом констебля Спофорда и не оставили Брайса?

Рэд пожала плечами:

— Не знаю. Может, Брайс меня запугал. А потом он всегда так раскаивался. Наверное, я думала, что могу ему помочь.

— Ага. Иначе говоря, вы сохраняли отношения с Брайсом из-за того, что случилось с ним в детстве?

— Глупо, да?

— Ну зачем же быть к себе такой строгой.

— Я ничему не научилась, да? Думала, что смогу его спасти. Думала, что, если смогу помочь ему открыться, он станет добрее ко мне. Но чем настойчивее я пыталась разговорить его, тем сильнее он злился.

— Вы не жалеете себя, но жалеете Брайса, пострадавшего, как вы полагаете, в детстве.

— Вот видите, даже с этим ничего не могу поделать.

— Это Брайс вам внушил? Что вы делаете все не так?

— Он постоянно это твердил. А я жутко злилась, просто с ума сходила. Старалась делать все как надо, но только еще больше портила. Я бы, наверно, почти все сделала, чтобы он только стал ко мне добрее.

— И мирились почти со всем в надежде на будущее?

— Я много думала об этом, — вздохнула Рэд. — Вы не представляете, как он умел перевоплощаться. Человек, который только что ненавидел вас и поносил, вдруг становился мягким и любящим. Ему ничего не стоило повернуть так, что я сама считала себя виновницей ссоры, что все произошло из-за моего несоответствия.

— *Вашего*несоответствия?

Рэд рассмеялась:

— Да. У меня был целый список этих несоответствий. Хотите послушать?

— Думаю, оставшееся сегодня время можно потратить с большей пользой, чем подкреплять искаженное восприятие Брайсом действительности. У меня есть копия отчета, посланного констеблем Спофордом в «Проект „Убежище"» и хранящегося в вашем досье. Вы видели его? Отчет шел как приложение к обсуждению вашего случая на собрании МКОР.

— МКОР?

— Да. Собрание проводится каждые две недели с присутствием представителей полиции, благотворительных организаций, министерства здравоохранения, министерства образования и различных медицинских и социальных служб. Рассматриваются дела тех, кто подвергается риску домашнего насилия. Межведомственная конференция по оценке рисков. МКОР. — Джудит Биддлстоун открыла красную пластиковую папку и достала несколько подшитых страниц. — Вы сами дали мне разрешение на получение этого отчета. Приведу небольшую выдержку. Вот что он пишет: «Я чрезвычайно обеспокоен ситуацией с мисс Рэд Уэствуд. Считаю, что отношения, в которых она состоит, носят жестокий, оскорбительный

для нее характер и угрожают ее будущей безопасности и благосостоянию и что полиции Суссекса необходимо принять меры. Я вижу боль в ее глазах. Ей страшно».

Рэд моргнула, сдерживая слезы. Кивнула.

— Да, — едва слышно прошептала она. — Мне было страшно. Я не видела будущего. Не видела возможности другой жизни. Я… вы знаете… С Карлом мне показалось, что какое-то счастье все-таки возможно.

Психолог протянула салфетку, и Рэд вытерла глаза. Всхлипнула. Шмыгнула носом.

— Черт. Да что с ним не так, с Брайсом? Вроде бы все при нем — шарм, харизма, талант, — но есть что-то… не знаю, может быть, прозвучит странно, но я бы назвала это ген неудачника, если такое вообще существует.

— Что именно вы имеете в виду под геном неудачника?

— Думаю… Тут ведь вот в чем дело. Он очень талантливый. Замечательный художник. По-настоящему хорошо рисует. Прекрасный карикатурист. Он пытался опубликовать свои работы — в газетах, журналах, но ничего не получилось. Пару лет назад почти удалось — «Прайвит ай» согласился взять его карикатуру, но только с небольшим изменением. И он отказался. Послал их куда подальше. Я пробовала повлиять, убеждала согласиться, пойти на уступку — в общем-то то изменение, которого они хотели, оно ничего не меняло, зато у него появлялся бы шанс пойти дальше. Но он этот шанс упустил да еще и на меня накричал, сказал, что я ничего не понимаю, что его искусство целостно и никаким изменениям не подлежит. Он так разъярился, буквально вышел из себя. Плеснул мне в лицо вином, ударил — просто спятил. Я даже думала, честно, что он меня убьет.

— Ох…

— Я попыталась выбежать из квартиры. У меня началась самая настоящая истерика. Он не пускал. Схватил и держал — он очень сильный, постоянно качается. Я заперлась в туалете и позвонила в полицию. Он расплакался, стал жаловаться, что его никто никогда не любил и не понимал. Умолял простить.

— Это все только ваши воспоминания, Рэд. Теперь вы в безопасности.

— Да, только я и сейчас чувствую все так остро, словно это вот-вот повторится.

— Знаю. Но теперь все в прошлом. Все закончилось. Вы же это сознаете, да? Расскажите, как все кончилось.

— Приехала полиция. Констебль Споффорд и одна женщина. Разговаривал с ними Брайс. Сказал, что ничего серьезного, обычное недоразумение. Они спросили, подтверждаю ли я это и хочу ли, чтобы он остался. И я подтвердила — да, недоразумение, и да, я хочу, чтобы он остался.

— Понятно. Ослушаться Брайса было бы неблагоразумно, да?

Рэд ответила не сразу.

— Знаете, я сама толком не разобралась. Все перепуталось. — Она пожала плечами. — Я думала, что, может быть, ему недостает только любви. Что если я буду любить его, то смогу как-то изменить.

— Знаете, что говорят, когда двое влюбляются?

— Нет.

— Женщина всегда надеется, что сумеет его изменить. А мужчина всегда надеется, что она навечно такой и останется.

Рэд слабо улыбнулась.

— Поэтому все браки заканчиваются разочарованием?

— Не все. Но многие. — Психолог тоже улыбнулась. — Итак, ген неудачника — эго, не дающее Брайсу идти вперед?

— Эго у него огромное, тут никаких сомнений быть не может. А еще он хороший фокусник и не раз говорил мне, что когда-нибудь прославится по-настоящему, затмит и Дэвида Копперфилда, и Зигфрида с Роем. Причем Брайс и сам в это верил. Когда мы только познакомились, он давал по нескольку представлений в неделю, но потом их становилось все меньше и меньше — думаю, из-за того, что он терпеть не мог, если кто-то не обращал на него должного внимания, а еще срывался, если трюк не срабатывал. И еще он был просто одержим Гудини. Все твердил, что он лучше Гудини. Иногда заставлял меня связывать его и надевать наручники, а потом освобождался от них за несколько минут.

— Заставлял вас связывать его? А вы не хотели?

— Мне это не нравится.

— То есть дело не просто в эскейпологии? Скажите, а всегда ли только вы его связывали, или он тоже связывал вас?

— По большей части связывал он, и меня это сильно пугало. Брайс всегда и все доводил до предела, когда мне начинало казаться, что я уже по-настоящему задыхаюсь.

— Дышите, Рэд, дышите. Сейчас вы в безопасности.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы успокоиться и прийти в себя.

— Мне и сейчас бывает страшно, когда я думаю обо всем, что он со мной делал.

— Знаю. Вы дышите — это помогает.

Рэд сделала пару глубоких вдохов и рассмеялась:

— Как глупо. Я просто вспомнила, а ощущение такое, словно задыхаюсь… как тогда. Надо же!

— Ничего глупого в этом нет.

— Я любила его. Правда. Была от него без ума. Какое-то время даже считала, что его послала мне судьба, что мы созданы друг для друга. Он частенько говорил, что мы уже встречались в другой, предыдущей жизни и я — по глупости или наивности, считайте как хотите, — верила ему.

— Это не глупость и не наивность. Люди, когда встречаются и влюбляются, именно так себя и чувствуют. Между ними существует невероятно сильная связь. У вас с Брайсом тоже так было?

— Да, так. Я думала, что встретила мужчину, с которым у меня будут дети, с которым я проживу до самого конца. И надо же, вот такой облом.

— Вы слишком строги к себе. Давайте говорить о том, что вы эти отношения прекратили. И к этому факту никакие *глупо* не применимы. Что послужило поворотным пунктом?

— Главную роль сыграла моя мать. Я, кажется, говорила, что она помогает заключенным и работала консультантом по лайф-коучингу? [5]

— Да, говорили.

— Моя мать ужасно меня раздражала. Постоянно твердила, что он ей не нравится, что она ему не доверяет. Знаете, что я думала?

Психолог покачала головой.

— Наверное, вам покажется странным, но я думала, что она, может быть, ревнует.

— Вы думали, что ваша мать ревнует к вашему бойфренду? Ну, знаете, это довольно необычно.

Рэд пожала плечами:

— Моя мать уже давно, несколько лет назад, призналась, что в их с отцом отношениях огонек погас. Мы с ней всегда были очень близки и говорили в том числе и о таких вещах. Тогда, в самом начале нашего знакомства, Брайс казался мне идеалом, был таким

заботливым, внимательным. Вот я и подумала, что у нее, может быть, всколыхнулись какие-то воспоминания.

— Значит, ее предупреждений насчет Брайса вы не слушали?

— Даже не знаю. Я была без ума от него. Готова целовать землю, по которой он ходит. Он мог быть добрый, веселый и невероятно сексуальный в постели. Мне ни с кем не было так хорошо. Только потом, когда мы съехались и стали жить вместе, я начала понимать, что Брайс помешан на контроле. Поначалу шло нормально; он брал меня за покупками, решал, что мне лучше носить, платил за все. Конечно, мне это льстило. Потом стал требовать отчета чуть ли не за каждую минуту. Где я была, что делала. Если встречалась с друзьями, он желал знать, что я пила, что ела, кто платил.

— Вот сейчас, рассказывая мне об этом, что думаете?

— Думаю, с моей стороны было большой глупостью прожить с ним так долго.

— Заметьте, Рэд, вы говорите, что Брайс был жестоким, контролировал вас, потому что подвергся насилию в детстве, и тут же вините себя за то, что прожили с ним так долго. И в первом, и во втором случае вы снимаете ответственность с Брайса и возлагаете ее в значительной степени на себя.

— Потому что отчасти так оно и есть.

— Знаете, мне еще не приходилось встречать женщину, которая, став жертвой надругательства, не считала бы, что отчасти сама виновата в случившемся. Думаете, они действительно во всем виноваты?

— Конечно нет!

— Так чем вы отличаетесь от других?

— Что не все в порядке, я знала еще до того, как Брайс стал распускать руки. Однажды утром, когда мне нужно было на работу, забрал всю мою обувь и не отдавал, пока я не поклялась ему в вечной любви.

— И как вы к этому отнеслись?

— Разозлилась, конечно, и в то же время, знаете, мне это польстило! Приятно же думать, что тебя так вот сильно любят. Наверное, меня можно назвать наивной. Но дальше все покатилось под гору. Только хуже и хуже. Поворотным пунктом стало решение матери — я узнала об этом позже — нанять частного детектива, который заглянул бы в прошлое Брайса. Мне Брайс говорил, что работает авиадиспетчером в аэропорту Гатуик. Мама показала отчет детектива, согласно которому никаким авиадиспетчером он никогда не работал. В Гатуике Брайс какое-то время числился в пожарной команде, но его выставили из-за того, что он подверг опасности жизнь коллеги, а потом ударил своего начальника. Из Штатов его депортировали после драки с предыдущей подружкой. Брайс утверждал, что был там пилотом, но на самом деле лицензии пилота никогда не имел.

Психолог украдкой взглянула на часы:

— У нас осталось лишь несколько минут, и обсудить все, что вы здесь рассказали, мы уже не успеем. Давайте сделаем паузу и продолжим на следующем сеансе, хорошо?

— Конечно.

Последние пару минут своего времени доктор Биддлстоун потратила на то, чтобы убедиться, что ее клиентка в состоянии добраться домой.

— До понедельника, Рэд.

— В половине девятого утра?

— В половине девятого утра.

Брайс, внимательно слушавший весь разговор, сделал пометку в электронном дневнике — подключиться и послушать.

25

Пятница, 25 октября

Сегодня у него был день больших покупок, и список получился действительно внушительный. Список необходимого для осуществления всех его планов. Многое, конечно, можно было бы приобрести через Интернет, но такие покупки легко отслеживаются. Уж лучше проехать по магазинам, расплачиваясь наличными. Спасибо дорогой маме, умершей гораздо раньше, чем она сама — или он — ожидала.

А оставила она немало. Целых семьсот пятьдесят тысяч фунтов чистыми — после того, как это жулье, агенты по недвижимости, получили свои комиссионные, а вороватый солиситор заграбастал свою жирную долю. И на первых, и на второго у него были свои планы, но это потом, позже.

Первый заход — магазин скобяных товаров «Доккерилс» на Черч-роуд, в центре Брайтона. Он выбрал его потому, что там всегда было полно народу и никто не стал бы обращать внимание на мужчину в бейсболке, покупающего клещи, болторезы, дисковую пилу, клейкую ленту и молоточек.

Следующим пунктом, куда он отправился на арендованном фургоне, был магазин-склад электротоваров рядом с Дэвигдор-роуд в Хоуве. Здесь были приобретены несколько таймеров, преимущественно с радиусом действия в тысячу и более метров, четыре цифровых реле и тысяча метров нихромового провода. Третья остановка — «Эр-Эф-солюшнс» на Клифф-индастриаэл-истейт, за Льюисом, где корзину пополнили набор реле и переключателей. Потом — поездка в «Лансинг бизнес парк» за тремя автомобильными аккумуляторами, из которых можно получить серную кислоту, и специальными клеящими лентами. На обратном пути он прикупил в газетном киоске пальчиковых батареек — как АА, так и ААА.

Возвращаясь в Брайтон, он взял бургер в придорожном мобильном буфете, где его тоже вряд ли могли запомнить. Шопинг возбуждает аппетит.

Перекусив, он заскочил в садово-огородный центр в паре миль от дороги и прихватил несколько пакетов хлората натрия, используемого для уничтожения растительности.

Натянув бейсболку пониже, он отправился в аэропорт Гатуик и заехал на долговременную автостоянку, не забыв взять талончик у автоматических ворот. Следуя указателям, сделал несколько кругов. Мимо проехал и остановился неподалеку автобус, приняв десяток человек с багажом.

Счастливого пути, подумал он, с грустью наблюдая за парочкой, успевшей, прежде чем подняться, обменяться поцелуем. А ведь на их месте могли быть и они с Рэд. Отправились бы в какой-нибудь солнечный рай. Может быть, на Мальдивы.

Загрузился в автобус и бизнесмен в костюме и с дорожной сумкой, дополненной чехлом для одежды.

Удачной поездки! И возвращайся с закрытой сделкой!

Он занял свободное место, выключил двигатель и приготовился ждать. Камера видеонаблюдения была только одна, на некотором удалении. Ожидание затягивалось, и уже начало смеркаться. Погода портилась, и с потемневшего, тяжелого неба пролился дождик. Отлично! Кто-то проехал мимо на новеньком «Ягуаре XF», не представлявшем для него ни малейшего интереса. Потом прикатила «Мазда MX-5». Тоже не то. «Порше-кайен». Снова мимо. «Форд-фокус». Слишком свежая модель. И тут же небольшой «лексус»-седан. Надо постарше.

И тут — бинго!

Десятилетней давности БМВ пятой серии. И надо же — припарковался практически напротив.

Так тому и быть!

Из машины вышла пожилая парочка в летних одеждах, выглядевших нелепыми на фоне дождливой осенней погоды. На мужчине была панама, на женщине-толстухе — что-то вроде цветочного вигвама. Мужчина взял кейс с заднего сиденья, его спутница — солидных размеров сумочку. Потом он открыл заднюю дверцу, вытащил два громадных чемодана на колесиках, запер машину, и они направились к ближайшей автобусной стоянке.

Может быть, и они были когда-то молодыми и красивыми, подумал он. Как они с Рэд. Через десять минут пара поднялась в автобус.

Хорошего отдыха, недоумки безобразные!

Дождавшись, пока стемнеет, он вышел из машины, натянул поверх бейсболки, почти на самые глаза, капюшон и прихватил с заднего сиденья нужные инструменты. Учитывая, как вырядилась эта парочка клоунов и какой у них багаж, отбыли они надолго. Так что времени у него хоть залейся.

Одним ударом молотка он разбил боковое окно БМВ, просунул руку и повернул ручку. Завизжала сигнализация. Он нырнул внутрь, дернул ручку, поднял капот и быстренько перерезал нужные провода. Сигнализация умолкла. Он настороженно и нервно огляделся. Нет, охранники и не думали поспешить на сигнал. Не считая пустого автобуса, нарезающего свои круги с монотонностью ищущего подружку робота, на парковке никого не было.

Он закрепил на руле фиксирующий диск, который украл из пожарного депо аэропорта. Такой диск применяется пожарными в тех случаях, когда подушка безопасности не сработала и нужно предотвратить ее случайное наполнение. Потом он нырнул под руль и срезал внешнюю защитную перегородку, после чего осторожно, чтобы не тронуть сенсоры, вскрыл саму подушку. Белые соляные кристаллы азида натрия упали в подставленный вовремя пластиковый стакан, который он прихватил на заправочной станции.

Азид натрия — одно из самых ядовитых химических веществ в мире. Действует намного быстрее цианида и для него, в отличие от последнего, яд которого можно нейтрализовать амилнитритом, антидота нет. Не имеющая вкуса жидкость соединяется в крови с гемоглобином — смерть наступает через несколько минут. Плюс ко всему азид натрия практически не выявляется, если только не искать его целенаправленно.

Он еще не знал наверняка, понадобится ли ему эта штучка, но как дополнительный вариант почему бы и нет? Лишних вариантов не бывает.

Ох, крошка, ох, Рэд, не надо было тебе доводить меня до этого. Ох, не надо было.

Не хочется даже думать, что будет, когда ты проглотишь азид натрия. Честно, не хочется. Но раз уж на то пошло, я предпочел бы это, чем видеть, как ты трахаешь доктора Карла Мерфи.

Азид натрия. Не самая приятная смерть. Даже совсем не приятная.

Но есть плюс — милосердно быстрая.

Хотя после всего, что ты мне сделала, хочу ли я, чтобы ты умерла быстро?

Хочешь знать правду, Рэд? Вообще-то я бы предпочел увидеть, как ты мучаешься. Услышать, как ты кричишь, что любишь меня. Как сильно хочешь, чтобы я вернулся. Что ты сделаешь все, лишь бы вернуть меня.

Что ты даже готова проглотить азид натрия ради этого.

И вот тогда я посмотрел бы в твои глаза и сказал: «Извини, Рэд. Противоядия нет». Осталась бы со мной, и тебя ждала бы долгая и счастливая жизнь. Дети. Внуки. Рождество в кругу семьи. Спокойная старость. И все такое.

А теперь у тебя меньше минуты.

Считаные мгновения, чтобы подумать над своими ошибками.

Считаные мгновения, чтобы осознать, как ты сожалеешь обо всем.

Считаные мгновения, чтобы понять, как хорошо все могло бы быть у нас с тобой.

Люди часто говорят, что, мол, так вот и случается. И дерьмо на голову падает. Но, знаешь, это отмазка. Дерьмо падает под собственным весом.

Подумай об этом.

Он прокрутил сообщения к первым эсэмэскам от Рэд. Остановился на одном.

Боже, я так люблю то, что ты со мной делаешь:)))) Думаю о тебе, и меня переполняют нежность и любовь. И мне это нравится! Нет, Я ЭТО ЛЮБЛЮ! Какие божественные чувства. Как бы я хотела, чтобы ты был сейчас рядом, обнимал меня, голую, был во мне.

Прикрывая стаканчик от дождя, он поспешил в фургону, скользнул за руль, поставил стакан в пластиковый пакет и осторожно завязал на прочный узел.

Азид натрия убивает за шестьдесят секунд. Найти его можно только в старых автомобильных подушках безопасности. Там, когда они разворачиваются при столкновении, его нейтрализуют другие вещества.

К тому времени, как пара чудиков вернется из отпуска и обнаружит, что их БМВ взломан, а подушка разрезана, его уже давным-давно не будет.

И азида натрия тоже, возможно, не будет.

Боже, Рэд, я не могу жить без тебя. И видеть тебя с другим тоже не могу. Слишком больно. Я этого не вынесу. Это твои родители во всем виноваты. Тот поэт, Филип Ларкин, все правильно написал: «Тебя ломают мать с отцом, пускай без умысла, но все ж…»

Ох, Рэд, твои тебя точно испортили. По высшему классу.

26

Пятница, 25 октября

Рой Грейс сидел дома, на диване. Рядом с ним лежал предварительный отчет о вскрытии доктора Карла Мерфи, а у ног, вытянувшись на спине и лапами вверх, дремал Хамфри. Глядя, как Клио кормит сына, он параллельно просматривал список приглашенных.

— Ной обедает! — приговаривала Клио, отправляя в крохотный ротик ложечку картофельного пюре. — Привет, Ной, а что ты ешь сегодня? Ням-ням!

Грейс вспомнил, что давно не подкладывал корма Марлону. Золотой рыбке исполнилось одиннадцать лет, но она все так же неутомимо кружила по аквариуму. Каждое утро, спускаясь вниз, Грейс готовился увидеть ее покачивающейся безжизненно на воде и каждый раз с облегчением отмечал, что она все так же активна и все так же печальна. Марлон был его связью с Сэнди, единственной живой ниточкой. Когда-то они вместе выиграли эту рыбешку на ярмарке, а недавно, полазав по Интернету, Грейс узнал, что рекорд продолжительности жизни у золотых рыбок — тридцать четыре года.

Ухватив с пластмассового подноса щепотку толченого банана, Ной попытался сунуть ее в рот. Несколько комочков сползли по пальцам, свалились на поднос и соскользнули на коврик; по подбородку растянулась тонкая полоска слюны.

— М-м-м… ням-ням, Ной! — Клио вытерла сыну подбородок.

Иногда Грейс ловил себя на том, что не может отвести от мальчика глаза, почти не веря, что это — их сын, их с Клио творение. В такие моменты, когда лицо Клио светилось любовью и счастьем, его переполняли эмоции и слезы наворачивались на глаза.

Грейс наклонился и почесал Хамфри живот. Черный пес, помесь лабрадора и колли, довольно заворчал, дергая правой задней лапой. Суперинтендент поднял отчет и скользнул взглядом к тому месту, которое сам же обвел красным кружком. В крови Мерфи обнаружили следы антидепрессанта паксил, и патологоанатом отметил в примечании, что существует возможная, но недоказанная связь между препаратом и самоубийствами.

— Не поможешь с ключом, дорогой? — спросила вдруг, повернувшись к нему, Клио.

Открытая на странице с кроссвордом, «Таймс» лежала рядом со списком приглашенных и книжечкой судоку. Клио занималась в Открытом университете, и, хотя в эти первые, самые трудные месяцы после рождения Ноя сосредоточиться получалось не всегда, она не сдавалась, а чтобы поддерживать мозг в активном состоянии, пристрастилась решать кроссворды и судоку.

Грейс взглянул на ключ. Четыре по горизонтали, девять букв, отмеченных Клио красным. Ключ из трех слов.

Хандра на экваторе!

Грейс задумался.

— Депрессия? — предположил он.

— Депрессия? — повторила Клио, хмурясь.

— Так называется зона пониженного атмосферного давления, в частности, экваториальная штилевая полоса, где парусные суда часто простаивают без движения неделями.

— А также понижение земной поверхности, да? — Ей тут же пришлось отвлечься, потому что Ной выплюнул банановую мякоть прямо на пол под себя. — Ах ты, Ной! Какой озорник! — Клио снова повернулась к Рою. — Да, депрессия. Подошло. И мне нравится. Думаю, ты прав.

Глядя, как она вписывает слово, Грейс вспомнил, что его мать тоже увлекалась кроссвордами, когда он был ребенком, но ее увлечение так и не передалось ему — в отделе тяжких преступлений загадок хватало и без того. Мысли возвратились к самоубийству Мерфи, заставляя еще внимательнее вчитываться в отчет патологоанатома. Сестра доктора сказала, что он несколько раз заговаривал о самоубийстве после смерти жены, но в последнее время вроде бы выглядел бодрее и жизнерадостнее.

Пока что улики указывали скорее на самоубийство.

Тогда почему у него нет полной уверенности?

27

Воскресенье, 27 октября

Будильник сработал в три часа ночи. Брайс резко сел, стряхивая сон. Выбрался из постели, прошлепал в ванную, открыл кран, налил стакан воды и проглотил две таблетки анаболических стероидов.

Потом, не одеваясь, установил на полу гребной тренажер и отработал в максимальном режиме пятнадцать минут. Закончив с тренажером, он лег на живот и сделал сто отжиманий. Думая все время о Рэд. Представляя себя с ней. В ней. Потом сделал пятьдесят качаний, чувствуя, как натягиваются мышцы живота. Еще двадцать минут поработал с гантелями. Выполнив программу, Брайс вернулся на кровать и лег.

Он лежал, думая о ее чудесных густых прядях. Запахе ее тела. Обо всем том, что она говорила ему.

Боже, Брайс, меня так тянет к тебе. Я хочу тебя каждую секунду, что мы не вместе. Я чувствую, как нарастает и нарастает это желание. Мы будем вместе через 42 180 секунд. Вот уже 42 176! Господи, как же мне не хватает тебя! Я ТАК тебя хочу!:)))) XXXXXXXXXX.

А потом ты меня бросила.

Вышвырнула из своей квартиры. Вернула те прекрасные часы, что я подарил тебе.

Ты ведь не хотела этого, правда? Тебя настроили против меня, ведь так?

Это все твоя злобная мамаша. Ты не виновата. Я должен простить тебя, верно? Должен.

Но теперь это уже невозможно.

Единственный вариант — убить тебя.

Брайс посмотрел на мониторы. Инфракрасная камера в спальне показывала кровать и беспокойно ворочающуюся Рэд. *Не спится, да? Раненых лошадей из жалости пристреливают. Я поступлю с тобой так же — убью из жалости.*

28

Воскресенье, 27 октября

Рэд проснулась в слезах. Часы на тумбочке у кровати показывали 3.32. Она проплакала всю субботу. К растерянности и страху прибавилась печаль. Жуткое ощущение утраты и беспомощности. Вообще-то они были любовниками совсем недолго, и Рэд, хотя втайне и навела о нем справки, чувствовала, что едва знает доктора Карла Мерфи. И с чего бы так горевать по человеку, которого едва знаешь? Она не знакомилась с его родителями и семьей и не представляла, как могла бы контактировать с ними. Но все равно испытывала глубокое, пронзительное ощущение утраты.

А еще Рэд чувствовала себя виноватой. Могла ли она сделать что-то? Должна ли была сделать что-то? Заметить какие-то признаки беды и протянуть руку, удержать? Что толкнуло его к краю? Какая неадекватность в ней? Ее неспособность отвернуть его мысли от смерти к жизни?

Рэд лежала в темноте, вспоминая все их разговоры. Да, конечно, он говорил, как сильно любит своих детей. Говорил, как грустит по ушедшей безвременно жене. Но он также говорил о том, что нужно двигаться дальше, что важно быть сильным — ради детей, которые должны жить в нормальной семье. И то, что он говорил, никак не предвещало скорого самоубийства.

Не раз и не два Карл упоминал, что, как ни горька потеря, как ни тяжело ему без Ингрид, его главный приоритет — дети. Он должен позаботиться о том, чтобы они выросли в тепле родительской любви. Чувству, объединившему Рэд с Карлом Мерфи, определенно недоставало той страсти, что связывала ее на первых порах с Брайсом Лореном, — здесь было больше нежности, доброты, участия, того, что свойственно дружбе. Он был такой милый. Снова, как и во все последние дни, она ломала голову, пытаясь вспомнить, найти в его словах что-то, какое-то предзнаменование грядущей беды.

И ничего не находила.

Больше всего Карл говорил о своих детях — как сильно он любит их и что они всегда будут для него на первом месте.

Да, в первое после смерти жены время он пару раз обмолвился в разговорах с сестрой, что хотел бы уйти. Может быть, дело в том, что Карл принимал антидепрессанты? Рэд читала где-то, что некоторые имеют побочный эффект и могут резко, неожиданно затронуть суицидальную струну. Не случилось ли чего-то в этом роде и с Карлом?

Она провалилась в тяжелое, без сновидений, забытье и проснулась снова в 6.15. Зная, что уснуть больше не получится, Рэд встала, облачилась в беговую форму, спустилась вниз, открыла дверь и побежала к скрытой в темноте набережной. Она пересекла Кингсвей, в обычные дни шумную и забитую машинами, но в раннее воскресное утро пустую и тихую, пробежала мимо боулинг-клуба и повернула с променада вправо. Миновала Лагуну, клуб «Любителей глубоководной рыбалки», целую террасу белых элегантных домов в мавританском стиле, принадлежащих местным знаменитостям вроде Адели, Ника Бери, Нормана Кука и Зои Болл, и побежала дальше, по периметру Шорэмской гавани.

Самоубийство?

Карл был доктором. Он был умным. И знал, какие депрессанты опасны и каких следует избегать.

Ведь так?

29

Воскресенье, 27 октября

Примерно в половине двенадцатого Брайс, одетый в джинсы, рабочие ботинки и флисовую куртку поверх свитера, свернул с дороги, которая вела к Девилз-Дайк, на ухабистую проселочную, которая шла на юг — мимо фермерского дома, к скоплению брошенных построек, в которых помещались теперь его склады и мастерская и которые он снял под вымышленным именем. Тем же самым, на которое была зарегистрирована и эта машина.

Темно-зеленый «лендровер-дефендер» пробирался вперед подпрыгивая и кренясь на своих прочных, надежных рессорах. Машина устраивала его по всем статьям — настоящий хамелеон, как он сам. Она одинаково смотрелась и у городского тротуара, и посреди поля в сельской глубинке; рабочая лошадка, привычная глазу и не привлекающая к себе внимания в любых обстоятельствах.

А что внимания не привлекает, то и не запоминается.

Брайс объехал дряхлый сарай с брошенным старинным плугом, уже попавшим в объятия разросшихся кустов ежевики, проскочил мимо стоящего на отшибе дряхлого железнодорожного вагона, похоже приспособленного кем-то под жилище и выглядевшего довольно странно вдалеке от цивилизации, и скатился по короткому скосу чуть в стороне от бесхозного трейлера для перевозки лошадей, осевшего на четырех выдохнувших колесах, кучки ржавеющих металлических стоек и выжженных проплешин, напоминавших о проведенных им здесь экспериментах. Он остановил «лендровер» между тремя небольшими, надежно закрытыми постройками — бывшим зернохранилищем, мастерской и заброшенной маслодельней — и вышел.

Примерно в миле к югу раскинулся жилой массив Хенглтон, примыкавший к Брайтону и Хоуву с запада, за ним лежали Саутвик и Портслейд, а еще дальше — Шорэмская гавань. Отсюда была видна высоченная труба теплостанции, а в ясный день Брайс мог бы при желании рассмотреть Канал. Сейчас, однако, шел мелкий надоедливый дождик, и небо пряталось за туманной облачной дымкой. Впрочем, никакие виды его в любом случае не интересовали. Может быть, когда-то в прошлом, в другой жизни…

Той, где была Рэд.

Тогда его интересовало все. Тогда он смотрел на мир другими глазами. Тогда, с ней, он видел красоту во всем. Без нее яркий, полный красок мир стал однообразно серым. Брайс никогда не привозил ее сюда, в это тайное место, где отрабатывал свои фокусы и трюки. Обращению со взрывчаткой он научился в Территориальной армии, [6]где был и сапером, и

специалистом по обезвреживанию бомб и откуда его вышвырнули. Об электронных системах безопасности узнал в брайтонской фирме по установке сигнализации «Лангард алармс», откуда его тоже — и совершенно несправедливо — выставили.

Но то было тогда.

Он пробежал под дождем к мастерской с зарешеченными окнами и вывеской «Файруоркс Лтд.» на входной двери.

Будучи лицензированным производителем фейерверков, Брайс имел возможность без проблем заказывать всевозможные виды взрывчатки. Он открыл увесистый навесной замок и два врезных, вошел, закрыл и запер на двойной запор двери и включил свет.

Как всегда, он начал с того, что проверил, все ли в порядке и на месте. Пробежал взглядом по обшитым фанерой стенам; баллонам с оксиацетиленом, кислородом, закисью азота; токарному станку; морозильной камере, заполненной сухим льдом; забитому химикатами холодильнику; стеллажам, заставленным компьютерным оборудованием, руководствами, измерительными приборами, трубками и прочим. Одна полка была целиком занята потускневшими серебряными кубками, выигранными им на всевозможных конкурсах иллюзионистов и фокусников.

Да, он был хорош! Чертовски хорош. И это признавали другие. Но только не мать Рэд. А сама Рэд так и не дала ему шанса проявить себя. Придет день, и она об этом пожалеет. Они обе пожалеют. Он — лучший. Лучший из лучших. Зеленейте от зависти, Гудини, Дэвид Копперфилд, Зигфрид и Рой.

Но сейчас все его мысли занимали телевизионные мониторы на стене. Брайс щелкнул силовым переключателем, и через несколько секунд они замигали. На одном из них он увидел Рэд, которая печатала что-то на компьютере в запасной спальне. Рассылаем имейлы? Постим в Фейсбуке? Или в Твиттере? Ладно, он проверит, когда вернется домой. Все, что печатала Рэд, каждые пятнадцать минут пересылалось на его домашний компьютер.

Оделась она сегодня консервативно: тонкая черная водолазка, твидовая юбка, черные легинсы и ботинки. Специально для воскресного ланча с этой ведьмой, ее мамашей, и папашей. Наверняка будет и старшая сестрица, пугавшая Рэд своей удачливостью и практичностью — и карьеру выстроила, и беременность спланировала, — и ее муж, этот надутый индюк. *Бедняжка Рэд! Но если повезет, ты еще можешь спастись! Все сочтено!*

И снова на руке те же дешевые часы, что были у нее на их первом свидании. Те, на которые она сменила подаренные им «картье».

Нехорошо, — мысленно укорил ее Брайс. — *Ты же классная леди. Тебе нужно носить «картье». Что бы ни произошло между нами, я так хочу, чтобы ты носила достойные часы.*

Брайс ввел код в айфон и проверил поступившие сообщения, втайне надеясь, что среди них, может быть, есть и от Рэд. Но ничего не было, и он принялся пролистывать старые тексты, которые сохранил все до единого. Прокручивая их в обратном порядке, Брайс как будто возвращался к тем дням, когда она была без ума от него. А он — без ума от нее.

Вот это отправлено, когда он шел к ней на квартиру.

Жду не дождусь, хочу тебя увидеть, моя роскошная Рэд!:) XXX 3 мин.!

И ее ответ:

Не могу терпеть так долго! XXX.

Вот уже две мин.:) XXX.

Придется начинать без тебя! XXX.

Одна мин.! XXX.

Да, он хорошо помнил тот вечер. Как и много других, таких же, когда он мчался — к ней, часто на сумасшедшей скорости, злясь на всех, кто его задерживал. Когда оставалось

немного, он сообщал расчетное время прибытия и начинал поминутный обратный отсчет. Он подбегал к порогу, жал на звонок, замок бесшумно открывался, и он входил в подъезд и бежал по ступенькам наверх. Ее дверь уже была приоткрыта, и их губы встречались. Чья-нибудь нога толкала дверь… Не говоря ни слова, не сводя глаз друг с друга, улыбаясь, они стягивали друг с друга одежду и делали это тут же, на полу в прихожей, потому что не могли пройти дальше, не могли больше ждать.

Глядя теперь на мониторы, показывающие ее нынешнюю квартиру, он видел то, что напоминало об их коротком времени вместе. Коврик, лежавший на полу в гостиной, тот самый, на котором они занимались любовью. Тот, на котором она, стащив с него брюки и трусы, брала его в рот и смотрела ему в глаза с таким доверием, с такой любовью, а он стоял, вцепившись пальцами в ее волосы.

Когда же все пошло не так?

Брайс знал. Конечно, знал. Это все ее чертова хитрая мамаша. И ее чертов слабак папаша.

То, что я делаю, — это так печально. Но я должен. Я не могу жить, зная, что ты там, что целуешь кого-то другого, что впускаешь кого-то в себя. На самом деле я не хочу сделать тебе плохо. Тебе нужно это понять. Просто я должен. Я не могу жить, пока ты встречаешься с другими мужчинами.

Не могу нести эту боль.

Извини за машину, это лишь небольшой урок. Сначала ты должна быть наказана. Потом умрешь.

Я все тебе объясню. Скоро. В другой жизни. В нашей следующей жизни мы соединимся навечно. Как влюбленные в той поэме Китса, «Ода греческой вазе». Я читал ее вслух, и она так тебе нравилась. Ты говорила, что это мы. Любовники, застывшие в мраморе, за мгновение до поцелуя, но еще не разделившие любовь. Им это не дано. Они так и пребудут вечно в этом миге предвкушения, совершенного благоговения.

Они не познают разочарования.

Господи, Рэд, почему ты разочаровала меня? Почему ты, черт возьми, всегда слушала эту дрянь, свою мать?

Брайс огляделся. Ему было хорошо здесь, спокойно, в этой его мастерской, под шум барабанящего по крыше дождя. Никого не видно. Никого не слышно.

Взрыв никого не потревожит. Как и вспышка пламени. Здесь он проверял свои последние зажигательные устройства — как самодельные, так и купленные.

Проверял то, что планировал использовать.

На мониторе Рэд пошевелилась и поднялась. Прошла к входной двери. Сняла с вешалки плащ и зонтик.

Тебя ждет сюрприз, мой ангел. Я делаю это для тебя, спасаю от унижения воскресного ланча с сестричкой и ненавистным зятем, с твоими чертовыми родителями.

Поверь, это не лучший способ провести последнее в твоей жизни воскресенье.

30

Воскресенье, 27 октября

В полдень Рэд вышла из дому, торопливо перебежала дорогу под легким дождиком и повернула направо, на Уэстборн-Террас-Мьюз. Через пару минут она уже подошла к гаражу, где держала своего любимца — желто-черный кабриолет «фольксваген-битл» 1973 года выпуска. Брайса машина не впечатлила. Опасная, сказал он. Нет подушек безопасности. И

этот почти флуоресцентный цвет, как будто ее обгадила гигантская чайка. Брайс хотел купить ей современный кабриолет «гольф», но Рэд отказалась. Она любила эту машину.

Что и объяснила Брайсу в совершенно недвусмысленных выражениях — *у машины есть душа.*

Рэд повернула ключ в замке и подняла гаражную дверь. «Жук» стоял там, сияющий, любовно отполированный всего три недели назад. Она открыла дверцу, села за руль, вставила ключ зажигания и повернула. Как всегда, двигатель тут же отозвался, ожил, всхрипнул и перешел на уверенное, ровное жужжание. Рэд любила его знакомый запах, смесь старой краски, заводского очистителя и легкой сырости.

Рэд дала задний ход, выехала из гаража, вышла и закрыла дверь. Потом вернулась за руль, накинула ремень безопасности и покатила вдоль набережной. Возле памятника королеве Виктории свернула налево. Дождь усилился, застучал настойчиво по матерчатой крыше. Окна затуманились.

Она пересекла Черч-роуд и направилась к Драйв. Обогреватель уже работал вовсю, нагоняя в салон тепло и успешно сдерживая октябрьский холодок. На перекрестке Олд-Шорэм-роуд загорелся красный, и она остановилась в ряду других машин. Переключилась на «нейтралку», потянула рычаг ручного тормоза. «Джус FM» передавала музыку, и Люсинда Уильямс пела песню, которую так любил Брайс.

Когда-то эта вещь нравилась и ей самой.

«Эта песня о нас с тобой», — сказал как-то Брайс.

Так оно и было.

Мой день уходит… Твой знак на мне остался…

Сердце откликнулось болью. Брайс. Да, он оставил свой знак, как никто другой. Она верила, что встретила мужчину, с которым проживет жизнь до конца.

Черт возьми, Брайс, что же случилось? Почему? Почему ты это сделал? Почему с самого начала не рассказал правду? Может быть, все вышло бы иначе.

Ей вдруг почудился запах гари. Светофор переключился на зеленый, и машины впереди тронулись с места. Рэд убрала тормоз, переключилась с нейтральной на первую и придавила педаль газа. Но двигатель заглох. Сзади кто-то просигналил. Она подняла руку — мол, извините — и повернула ключ. Мотор заурчал, потом заскрежетал и остановился. За спиной у нее поползли змейки дыма.

Черт. Черт. Черт.

Еще больше дыма, кислого, вонючего, повалило снизу.

Сзади снова просигналили, уже настойчивее, нетерпеливее.

Рэд закашлялась. Мысли заметались в панике. Дым сгущался. Она распахнула дверцу и тут же услышала тошнотворный хруст — промчавшийся мимо белый фургон едва не снес ее начисто, но почти сразу же скрипнул тормозами и остановился. Рэд вывалилась на дорогу в облаке дыма. Еще одна машина вильнула и остановилась.

— Что еще за игры? — крикнул кто-то, и до нее дошло, что это шофер фургона. — Ну ничего себе, — присвистнул он, увидев дым. — Секундочку, милая, у меня огнетушитель.

Что-то захрустело.

Водитель сбегал к фургону и быстро вернулся с небольшим огнетушителем.

— Откроешь капот?

Рэд вытащила ключ из зажигания, подбежала к заднему замку, всадила ключ и надавила на кнопку. Дым поднимался от радиатора.

— Открывай! Только медленно и осторожно!

Рэд приподняла крышку на несколько дюймов. Дым валил с обеих сторон.

— Вызывай пожарных! — крикнул водитель фургона, поднимая крышку выше.

Словно загипнотизированная, она смотрела, как его накрывает дым. Потом опомнилась, подбежала к дверце, просунулась внутрь, схватила сумочку, достала телефон и набрала 999.

Водитель фургона — невысокий, полный мужчина за сорок — направил пенную струю на двигатель.

— Экстренная помощь. Вам какую службу? — поинтересовался бесплотный голос.

— Пожарную, — прохрипела Рэд. — У меня машина загорелась.

Языки пламени вырывались из моторного отделения. По обе стороны от них остановились машины, но Рэд как будто и не замечала их. Из притормозившего автобуса выскочил и подбежал к ней какой-то парень с еще одним огнетушителем. Теперь уже двое заливали двигатель пеной, но огонь только разгорался. Пламя рвалось вверх, вынуждая людей отступать.

В ожидании пожарных Рэд в ужасе наблюдала, как ее автомобиль превращается в огненный клубок.

31

Воскресенье, 27 октября

У себя на складе Брайс Лорен переключил мобильный Рэд на громкую связь и начал открывать ящик с фитилями медленного горения, полученный в начале недели из Китая.

Бедняжка Рэд. Ты, похоже, сильно расстроилась из-за машины. Нужен подарок, да? Думаю, подарок тебя взбодрит. Милый такой подарочек, который ты прихватишь с собой в могилу.

32

Воскресенье, 27 октября

Коттедж «Понд» представлял собой длинный, узкий, крытый соломой дом с низкими потолками, относящийся, по крайней мере частично, еще к тюдоровским временам. Располагался он на извилистой сельской дороге к северу от Хенфилда, маленького городка в восьми милях к северу от Брайтона. «Понд» был и оставался для Рэд настоящим домом и — порой — убежищем.

От дороги коттедж закрывала высокая стена аккуратных тисов, верхушки которых украшали фигурно выстриженные птички, предмет едва ли не маниакальной заботы ее отца. С тыльной стороны к нему подступал ухоженный сад с прудом для уток, посредине которого красовался миниатюрный островок, а дальше расстилалась лужайка площадью в акр, откуда открывался вид на уходящие к горизонту сельскохозяйственные угодья. Со времени выхода в отставку отец Рэд, юрист-консультант по семейным делам в Брайтоне, делил время между работой в саду и хождением по прибрежным водам на небольшой парусной яхте «Рэд Марго». Названная в честь дочерей, яхта была настоящей страстью родителей. В детстве сестры провели на борту немало уик-эндов и каникул, иногда не по собственной воле, иногда с удовольствием исследуя порты Девона, Корнуолла, Нормандии, Бретани и островов Канала.

Рэд радовалась, что родители так увлечены садом, и сам вид дома, даже в дождь и под хмурым небом, добавил ей бодрости. Не радовала лишь перспектива встречи с сестрой и ее жалким супругом. А ведь они с Карлом планировали ленивое воскресное утро в постели и поездку в один из его любимых загородных пабов — «Гриффин» во Флетчинге или «Кот» в Уэст-Хоутли, а может, в «Ройял оук» в Уайнэме.

В этот визит Рэд сильнее, чем обычно, ощущала себя неудачницей. Она расплатилась с таксистом, достав деньги из кошелька дрожащими руками и оставив большие чаевые — в знак признательности за доброту и сочувствие. Все еще потрясенная случившимся, она вышла из машины, поспешила к двери и вынула из сумочки ключ, понимая, что безнадежно опоздала к воскресному ланчу. На часах было без четверти три, а отец всегда четко следил за тем, чтобы к столу садились ровно в час пополудни.

Когда Рэд вошла в объединенную с кухней столовую, все — родители, сестра и ее противный муженек Рори — уже разместились вокруг дубового стола и ели яблочный пирог с кремом. От плиты шло приятное тепло, камин в гостиной дышал уютным запахом поленьев.

— Бедняжка, — встретила ее мать. — Такая неприятность. Извини, что начали без тебя, но не пропадать же ягнятине.

Рыжеволосая, в мешковатом свитере и джинсах, она и в свои шестьдесят с небольшим оставалась очень привлекательной женщиной. Ну как же так можно, раздраженно подумала Рэд. Уж за столько-то лет могла бы запомнить, что ее дочь не ест ягнятину! Давным-давно, когда Рэд было девять лет, они попали в «пробку» и долго стояли за грузовиком, везшим ягнят в Шорэмскую гавань. С тех пор она категорически отказывалась есть ягнятину. Тогда же она принципиально стала вегетарианкой, и хотя теперь, иногда и с неохотой, ела мясо, потому что того требовал организм, баранина оставалась запретным блюдом.

Бездумный комментарий задел и без того натянутые нервы. Рэд сердито уставилась на мать. Почему она не зарубит себе на носу, что ее дочь не имеет ничего против плавников, но решительно отвергает мех, рога и копыта. «Для меня, мама, баранина не существует с тех пор, когда кто-то убил и пустил на отбивные ягненка», — едва не сказала она, но удержалась. Устраивать сцену не было ни настроения, ни сил.

Отец — как всегда, растрепанный, в бесформенных штанах, парусиновых туфлях и шетландском свитере поверх полушерстяной рубашки — уже стоял рядом, протягивая бокал шампанского.

— Охладил специально для тебя, мой ангел! — сказал он, целуя ее в щеку.

— Так у тебя машина загорелась? — поинтересовалась сестра. — Эта древняя развалина? Рано или поздно так и должно было случиться, так что удивляться нечему.

С самого раннего детства Марго удавалось выставить младшую сестру неумехой и едва ли не дурочкой, и теперь она проделала то же самое несколькими словами и язвительной, высокомерной улыбочкой. Марго опередила Рэд на четыре года и всегда была любимицей отца. В школе она получала самые высокие оценки и самые лестные отзывы, а Оксфорд окончила со степенью бакалавра.

Сейчас Марго была влиятельным адвокатом в Сити и зарабатывала, как по секрету сообщила мать, около миллиона фунтов в год. Резкие черты лица, коротко постриженные черные волосы и костюм от модного дизайнера — сшитый с учетом всех требований семимесячной беременности. Плюс новенький БМВ пятой серии, красующийся на подъездной дорожке. Такая машина уж точно никогда не загорится.

Характеризуя Рори, работавшего в каком-то хедж-фонде, имевшего связи с неким министром кабинета тори и питавшего собственные политические амбиции, Рэд обычно говорила, что он втиснулся в собственную задницу настолько глубоко, насколько это возможно без того, чтобы голова вылезла из глотки. Воспитанник Итона и потомок аристократов, высокий и светловолосый, он являл собой безвольное существо, одетое сегодня в розовую рубашку, красные вельветовые джинсы и черные замшевые лоферы от Гуччи.

— Тебе чертовски повезло, что это случилось там, где случилось, — сказал он тоном тупого политика, который взял на вооружение, политиком еще и не став. — Представь, все

произошло бы на большой дороге в час пик. Из-за тебя опоздали бы сотни и даже тысячи людей. Классическим авто место в музее, а не на общественных дорогах.

«Или в твоей заднице», — чуть не добавила Рэд.

— Машина миленькая, — вставила мать. — Но непрактичная, не на каждый день, согласна?

— Вообще-то не согласна, — заявила Рэд. — Классические машины наносят гораздо меньший вред окружающей среде, чем современные.

— Мы с мамой так рады, что ты не пострадала, — сказал отец. — И все же что произошло?

— Пожарные считают, что дело в проводке. Говорят, со старыми машинами такое бывает. Сгорела полностью.

— Оставим машину, дорогая. Ты как? — спросил отец. — Этот твой новый мужчина, как он?

— Новый мужчина? — Марго вскинула голову, как стервятник, приметивший на дороге свежую жертву.

— Вполне приличный человек, — сказала мать. — Доктор! Полная противоположность этому ужасному вруну Брайсу.

У Рэд сжалось сердце.

— Расскажи нам об этом новом мужчине, — потребовала Марго.

Рэд отпила шампанского. Последними новостями она с родными еще не поделилась и выкладывать их сейчас была не в настроении.

— Мы все рады, что ты наконец-то избавилась от Брайса, — подхватил отец. — Ужасный человек. Мы, конечно, не говорили тебе об этом, но он — совершенный мошенник. Слава богу, мы вовремя его раскусили.

— Тебе действительно крупно повезло, — сказала Марго. — А ведь ты едва не вышла за него замуж. Дорогая, мы все тебя любим и хотим для тебя только самого хорошего. Но этот тип, Брайс как-его-там. Нет, правда, омерзительная личность.

— Я любила его, — с вызовом заявила Рэд, допивая шампанское. За руль теперь садиться не надо, так что пей, хоть залейся. Что ей нравилось в родителях, так это их безусловно положительное отношение к выпивке. — Тогда я действительно его любила.

— От отчаяния? — съязвила Марго.

Рэд бросила на сестру сердитый взгляд и, подтянув графин с кларетом, налила в бокал еще вина.

— Ты поэтому вышла за Рори? — Сдерживать злость уже не получалось. — Потому что стукнуло тридцать и ты боялась остаться на полке?

— Думаю, все было совершенно не так, — возмутился Рори.

Последовавшую за этим неловкую паузу прервала мать.

— Марго, дорогая, Рэд не хотела так сказать. — Она укоризненно посмотрела на младшую дочь: — Ты ведь не хотела?

— Мне кажется, вы не понимаете, что я тогда действительно любила Брайса. Да. Очень. Я бы сделала для него все. — Она пожала плечами, отпила вина, повернулась к сестре. — Да, может быть, я и впрямь влюбилась в Брайса от отчаяния. Я ведь никогда не была мисс Совершенство, да?

— А не сменить ли нам тему? — предложил отец. — Поговорим о чем-нибудь более приятном. Ты говорила, что нашла новую квартиру. Похоже, она идеально тебе подходит.

— Я все-таки хочу услышать об этом новом мужчине в твоей жизни, — заупрямилась Марго.

Рэд залпом допила вино и налила еще. Пожалуй, лучший вариант сегодня — упиться до бесчувствия. Ей так хотелось рассказать им всем о смерти Карла, но что-то удерживало. Может быть, страх? Ведь смерть Карла могла бы стать еще одним пунктом в длинном перечне неудач и катастроф, сопутствовавших ей на протяжении всей жизни. Или, может быть, после последних кошмарных двух часов ей отчаянно хотелось хоть немного любви и заботы от своей семьи.

— Я действительно думала, что Брайс — тот самый, единственный. И спасибо маме, что выяснила о нем правду. Одному Богу известно, чем бы все закончилось, если бы не ее интуиция. Я могла бы выйти замуж за монстра.

— Но теперь-то это в прошлом, да, дорогая? Ты нашла новую квартиру, которая тебе нравится, так?

— Надеюсь, документы оформим в ближайшее время. И я бы очень хотела, чтобы вы ее посмотрели.

— Где это? — спросила сестра.

— Недалеко от того места, где я сейчас. В районе Кейптауна. Она роскошная. Балкон на верхнем этаже с видом на море — настоящий гелиоприемник. Думаю, это еще и хорошее вложение. Кое-что надо обновить, но я не против, потому что для меня это будет хороший проект.

— Когда можно приехать и посмотреть? — спросила мать.

— Да в любое время. Хозяева сейчас в Австралии. Как насчет следующего уик-энда? В субботу или воскресенье, если вы свободны? Я договорюсь с агентом, возьму ключи.

— Мы свободны, дорогая? — Отец обратился к матери.

— Лучше в воскресенье. В четверг или пятницу, если они не ошиблись с прогнозом погоды, нам нужно отвести лодку, а в субботу у нас куча дел в Брайтонской марине.

— Ах да, мы возвращаем яхту из Чичестера на зиму.

Яхту переводили в марину каждый год, обычно в конце октября, чтобы работать на ней в зимние месяцы.

— Значит, в воскресенье. Буду ждать с нетерпением.

33

Воскресенье, 27 октября

Слушая семейную беседу и кипя от возмущения, Брайс Лорен открыл большой блокнот «молескин» с наклейкой «Рэд файл», в который записывал все разговоры Рэд с родственниками, и сделал новую пометку.

Какая же мерзкая семейка!

Картина стояла перед глазами как живая. Он и сам сиживал за их столом, когда приезжал с Рэд несколько раз на обед или ланч. Настоящая пытка. А еще дважды сталкивался с другой змеей, сестрицей Рэд, и этим слюнтяем, ее муженьком.

Но сестра и ее муж — дело второстепенное. Настоящее зло, чистый яд — мамаша. С супругом-подкаблучником.

Я могла бы выйти замуж за монстра.

Он записал всю фразу целиком.

Неужели, Рэд? Это я — монстр? Я? Ну, если ты и впрямь так думаешь, пусть так и будет! Я стану чудовищем! Но ты ведь это не всерьез, правда? Расстроилась из-за машины? Ненадежная была штучка. Я ведь предупреждал. Не следовало бы тебе ездить на старье, где нет никаких современных средств безопасности. Туда ей и дорога, я бы так сказал. Да, да,

понимаю, ты огорчена. Надо взбодриться. Может, тебя порадует небольшой приятный подарочек, а? Так как?

Кое-какие мысли у меня есть.

Подарок… хороший штрих.

Брайс взглянул на часы. Однажды — к тому времени они уже встречались почти год — они прогуливались, держась за руки, по лондонской Бонд-стрит и остановились у витрины магазина «Картье». Вот тогда Рэд и сказала, что это, наверное, самые элегантные в мире часы.

Брайс помнил, как засияло от радости ее лицо, когда несколько недель спустя он надел ей на руку «картье танк».

Но то было тогда.

Он вернулся к разговору, записанному и переданному шпионской программой «спайбабл» в числе прочих, потом включил его заново, сначала, чтобы прослушать внимательнее.

Особенно те части, где речь шла о нем.

«Вполне приличный человек. Доктор! Полная противоположность этому ужасному вруну Брайсу».

Голос матери. Камиллы Уэствуд.

Камилла!

Ты такая чопорная, Камилла. Даже не представляешь, как я любил твою дочь. А любил я ее так, как никого прежде. Она была моим солнцем, моим светом, моим смехом. Не только самой сексуальной штучкой из всех, кого я знал, — она была моей половинкой. Мы занимались любовью, и твоя дочь, Камилла, шептала мне на ухо, что хочет быть со мной до самого конца.

И я ответил, что хочу того же.

А через три дня она меня выгнала.

Потому что ты отравила ее ядом. Ты и твой муженек.

Так что, я — монстр?

О’кей, пусть так. Переживу. Но только ты должна понять, что они творят, монстры. Они убивают людей. Рвут на куски. Ну, довольна?

Обрадуешься, когда узнаешь, что умрешь?

Нет, не надо было тебе так говорить.

«И спасибо маме, что выяснила о нем правду. Одному Богу известно, чем бы все закончилось, если бы не ее интуиция. Я могла бы выйти замуж за монстра».

А помнишь ли, Рэд, какие сообщения ты мне присылала? Ты ведь была без ума от меня, как и я был без ума от тебя. Помнишь, как это было, пока твои родители не отравили твой разум?

Каждая частичка меня думает о тебе. Это самое прекрасное чувство, и я хочу, чтобы оно оставалось со мной долго-долго. Я просто улетаю от того, что ты делаешь со мной. Я так люблю быть с тобой, даже если мы просто смотрим друг на друга. Мне так повезло с тобой. Я еще никогда не чувствовала ничего подобного. Обожаю тебя. Каждый дюйм тебя. Я засыпаю, мечтая о тебе, и просыпаюсь, желая тебя. Я считаю часы до нашей встречи. XXXXXXX + xxxxxxxxx + xxxxxxxxxxxxxxxx.

А черт, как же я тебя обожаю.

P. S. Я сказала, что обожаю тебя? XXXXXXXXXXXX.

P. S. Я сказала, как сильно я тебя обожаю?

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.

Ты писала мне это за два дня до того, как бросила.

Нельзя передумать так быстро. Так не бывает. Если только человеку не отравили разум ядом.

Мне правда очень жаль, но никто не вправе вмешиваться вот так вот в чувства другого человека. В отношениях всегда есть Рубикон. Мы перешли его давно. Я думал, что мы перешли его в тот день, когда занимались любовью и ты попросила, чтобы я кончил, глядя тебе в глаза.

В ту ночь наши души переплелись.

Ты хотя бы понимаешь, как я зол теперь?

Вот почему мне придется убить тебя, Рэд. Я не могу жить в мире, где ты с другим мужчиной. Мое сердце не желает это принимать. Извини, Рэд. Мне очень жаль. Какая жизнь могла бы быть у нас… А вместо этого приходится готовиться к смерти.

Одинокая девушка с огнем в волосах, 29 лет, чахнет на любовном пепелище. Ищет новое вдохновение, новое пламя для тлеющего костра. Приятного общения, дружбы и — кто знает? — может быть, чего-то большего.

Хотела огонька, Рэд?

Ты его получила.

34

Понедельник, 28 октября

В понедельник, в половине девятого утра, Рэд снова сидела в подвальной консультации неподалеку от брайтонского вокзала, и малиновый Будда милостиво взирал на нее с каминной полки. В комнате было прохладно — допотопный электрообогреватель выдавал лишь скудную порцию тепла.

— Как прошел уик-энд? — спросила Джудит Биддлстоун.

— Давайте не будем об этом.

— Ох, извините, дорогая. Хотите о чем-то поговорить?

— У меня загорелась машина.

— Господи… Вы не пострадали?

— Я в порядке. Успела выбраться раньше, чем она вспыхнула. Потом пришлось терпеть колкости сестры за воскресным ланчем. В общем, не самый лучший уик-энд. Постоянно думала, что мы с Карлом планировали провести его совсем иначе.

— Ваша старшая сестра, Марго, вы ведь называли ее *успешной!*

— Да, и она всю жизнь напоминает мне об этом.

— Я так понимаю, обрести уверенность она вам не помогла?

— Наверное, нет. Нет.

— Хотите поговорить об уик-энде или вернемся к тому, что обсуждали в прошлый раз?

— Давайте поговорим о Брайсе. Я ведь ради этого к вам и пришла.

— Вы сказали, что частный детектив, которого втайне от вас наняла ваша мать, выяснил, что Брайс лгал вам, так? Лгал о своем прошлом, о том, чем зарабатывал на жизнь. Как Брайс узнал, что вам это известно?

— Я сама сказала ему об этом.

— И как он отреагировал?

— Категорически все отрицал. Говорил, что детектив ошибся и спутал его с кем-то.

— Что потом?

— Я сказала, что мне надо подумать о наших отношениях и нашем будущем. Он и слушать не хотел. Твердил, что мы обручены, что проживем жизнь до конца — вместе.

— А вы были обручены?

Рэд заколебалась с ответом.

— Как вам сказать… В его представлении — да. Мы однажды обедали в ресторане «Куба Либре» — там, где было наше первое свидание, — и он вдруг поставил на стол коробочку. Открыл, достал кольцо и надел мне на безымянный палец. А потом попросил выйти за него замуж. Кольцо, если честно, мне не понравилось, не в моем вкусе — чересчур броское, вульгарное. Да и в нем самом я на тот момент была не уверена. Слишком много было всякого. Как на качелях — то хорошо, то плохо. Мы вернулись ко мне в квартиру и уже там поссорились — он как будто спятил. Закончилось тем, что я позвонила в полицию. Приехал констебль Споффорд. Брайса арестовали и увезли, потому что оставаться с ним я не могла — боялась. Но на следующий день им пришлось его отпустить, потому что до рукоприкладства не дошло, все ограничилось словесными оскорблениями, а выдвигать какие-то обвинения я не стала.

— Итак, полиция забрала его в тот вечер, когда он сделал вам предложение. Из-за того, что Брайс стал на вас кричать. Вы сказали, что вам нужно время — подумать и разобраться, однако ж он считал, что вы уже помолвлены. Вы сами как это понимаете? — спросила психолог. — Какой во всем этом смысл?

— Ну, вот так вот у нас с ним и было. Брайс всегда добивался своего. Получал, что хотел. А противостоять ему я не научилась. Я знала, что не приняла его предложение, но вариант с полицией не сработал — Брайс вернулся на следующий день, милый, внимательный. Вел себя так, словно мы и впрямь обручились. И я под него подстроилась. Не хотела давать ему повод для новой сцены.

— Думаю, причина его срыва была в той информации, которую добыл для вашей матери детектив?

— Несомненно! Чего там только не было, и все — одно другого хуже. Оказалось, что Брайс врал мне о своем прошлом и не сказал, что был осужден в Штатах за нападение на человека. Я хотела порвать с ним, но каждый раз, когда заговаривала на эту тему, он начинал плакать, жаловаться на тяжелое детство, говорить, что я даю ему чувство собственного достоинства. Клялся, что изменится. Говорил, что да, понимает, что не идеален, но детектив, мол, ошибся, принял его за другого человека, а он ни в чем мне не солгал. Брайс умел убеждать, а мне хотелось верить ему.

— Как вы думаете, почему вам хотелось верить ему?

— Когда я узнала, что́ раскопал детектив, когда поняла, что мама была права, не доверяя Брайсу, я почувствовала себя такой дурочкой. С другой стороны, я столько себя вложила в наши отношения, что не могла просто повернуться и уйти.

— Понимаю, это трудно, — согласилась психолог. — Вот это несоответствие в отношениях, когда понимаешь, что с тобой обращаются несправедливо, что тебя унижают, но при этом не хочешь подвести черту, я сравниваю с опытом солдата-новобранца.

— Как это?

— Базовая подготовка в британской армии очень тяжелая. С новичками обращаются довольно жестоко, и я не встречала еще никого, кто сказал бы, что ему все далось легко и просто. Каждый день новобранца — это принуждение и боль, как эмоциональная, так и физическая. Каждый день его унижают и ломают. Тем не менее редко кому из солдат

нравится, когда посторонний человек говорит, что если армия так жестока, то, может быть, лучше уйти и поступить на флот.

— Вот это мне понятно. Вложив столько себя в наши отношения, я чувствовала, что если уйду, то потеряю больше, чем если останусь. И Брайс постоянно твердил, что если я порву с ним, то никогда не найду другого. Звучит, может быть, глупо, но я верила ему. Он заставлял меня верить. Наверное, я позволила ему остаться от отчаяния. Понимаете, Брайс умеет очаровывать и убеждать. Умеет влиять на людей.

— Я-то понимаю, а вы? Вы понимаете? В полной мере сознаете, как ловко он манипулировал вами?

— Да, манипулятор он искусный. Даже после того, как я выложила ему все, что мать узнала от детектива, ему еще долго удавалось оставаться милым и внимательным. Я начала думать, что, может быть, он на самом деле изменился. Хотела уйти, но поддалась его уверениям и клятвам и осталась. Глупо, но дала ему еще один шанс. А потом, через несколько недель, я сказала что-то — как будто зацепила в нем какой-то проводок, — из-за чего он снова слетел с катушек, буквально взбесился.

— И что же вы зацепили?

— Он стоял перед зеркалом, голый, любовался собой. У него по этой части что-то вроде мании. Встает посреди ночи, принимает стероиды и качается. Я просто пошутила, процитировала какую-то строчку из Робби Бернса — Брайс с таким довольным видом себя разглядывал. Я сказала: «Хорошо бы мир видел нас такими, какими мы сами себя видим». И тут началось. Грохнул зеркало, повернулся — а сам кричит, трясется. Схватил осколок и на меня. Я уж подумала, что все, конец. Не помню, как выскочила из квартиры, вылетела на улицу — босиком. Какой-то парень выгуливал собаку — остановился, вызвал полицию, и Брайса арестовали.

Вот тогда я и решила, пока его нет, выставить вещи. Собрала все, в том числе и то ужасное обручальное кольцо и часы «Картье», сложила в два чемодана, с которыми он переехал, и попросила констебля Споффорда прийти утром, когда Брайса должны были выпустить. Роб… то есть констебль Споффорд… вынес вещи к двери, а когда Брайс появился, сказал, что я не желаю его видеть и что в квартиру его не допустит.

— И что Брайс?

— Не сказал ни слова. Забрал чемоданы и спокойно ушел. Агнец.

— Любопытно. Учитывая, что вы к тому времени неплохо знали Брайса, такого ли поведения от него ожидали?

— Тогда я ни о чем таком и не думала, радовалась, что он не закатил очередную сцену, но потом, через несколько часов, поймала себя на том, что мне страшно. Знакомые говорили, что все кончилось, но я-то знала, что не кончилось. Думаю, Брайс уже никогда не оставит меня в покое.

— Почему вы так думаете?

— Потому что, в его представлении, я принадлежу ему. Пару дней спустя пришло какое-то странное анонимное письмо. Я вскрыла — там был рисунок. Игральная карта, червонная дама. Я сразу поняла — от него. Только не знала, что это значит, думала, может быть, он так прощается.

— А потом?

— Ничего. Полное молчание. Я подумала, что он, может быть, все понял и пошел своей дорогой. Подруги пытались мне помочь, познакомить с кем-нибудь, но я была не в том состоянии, чтобы с кем-то встречаться. Потом моя лучшая подруга Рэкел Ивенс — она дантист — рассказала про очень симпатичного, молодого доктора Карла Мерфи, работающего вместе с ней в медицинском центре, вдовца с двумя детьми. Я согласилась

встретиться. Кроме Карла, пришла и Рэкел со своим мужем Полом. И знаете, как говорится, искорка проскочила. Он мне сразу понравился; после всей тьмы с Брайсом я как будто увидела свет. Нам было хорошо вместе, весело. Мне даже понравилось, что у него дети — он так заботился о них. В общем, Карл оказался хорошим человеком. Мы начали строить планы.

— И вот теперь вы думаете, что его нет в живых?

Рэд покачала головой:

— Я точно знаю, что он мертв. Полиция провела идентификацию по зубным картам. Совершил самоубийство. Облил себя бензином и поджег. Так они говорят. Вы можете в такое поверить? Чтобы доктор устроил самосожжение? Уж медик-то должен знать, насколько болезненна такая смерть. Можно же принять какие-то таблетки. Выписать самому себе и выпить.

— А как вы это объясняете?

— До сих пор не могу поверить, что Карл убил себя.

— То есть в самоубийство вы не верите?

— Мне сказали, что вскрытие подтвердило версию самоубийства. Но почему? Почему он так поступил с собой?

— Вы меня спрашиваете?

— Да. У вас есть объяснение? Я, например, ничего не понимаю.

— Вряд ли я смогу дать какой-то комментарий, не зная человека. Мне интересно, как вы смотрите на случившееся, как это понимаете, ведь вы знали Карла.

— Думала, что знаю. Как вы считаете, мне следует идти на похороны?

— А вы как считаете?

— Я даже не знаю, когда они состоятся и где пройдут, — может быть, узнаю сегодня. Может быть, если пойду, то стану воспринимать все реальнее? Может быть, это поможет мне подвести черту?

— Насчет черты — да, похороны могут помочь. Но это зависит от того, что вы чувствуете.

— Я бы хотела как-то закончить с Брайсом, — сказала Рэд, меняя тему. — Знаете, оно еще со мной, чувство вины. Мне кажется, что это все из-за меня, эти его срывы.

Психолог заглянула в блокнот, пробежалась по заметкам.

— Вы то же самое говорили на нашем последнем сеансе, в пятницу. Почему вы вините себя?

Рэд ненадолго задумалась.

— Наверное, дело в том, что он постоянно внушал мне это — что я подвожу его, не дотягиваю до требуемого уровня, не оправдываю его ожиданий. В кухне. В постели.

— А вы хотели оправдать его ожидания?

— Конечно.

— И четко понимали, чего он от вас ожидает?

— Не уверена, что понимаю.

— Извините, я недостаточно ясно выразилась. Любопытно. Мы говорим о Брайсе и его ожиданиях, и возникает неясность. Я вот что имела в виду: ожидания Брайса никогда не менялись в зависимости от его настроения или ситуации?

Рэд горько рассмеялась:

— Конечно, менялись. Вчера он мог быть всем доволен, а сегодня, когда я делала то же самое, срываться на крик.

— Он вел себя так в компании? Например, когда вы были с его друзьями?

— Вот тут-то и есть еще одна странность. У него не было друзей. Ни одного. Мне казалось, у каждого есть лучший друг, разве нет?

— Обычно так и бывает. Значит, у него никого не было? Коллег по бывшей работе? Приятелей из детства?

— Никого. Только я. В первые дни знакомства я так гордилась им, хотела похвастаться перед всеми моими знакомыми. Устраивала так, что с некоторыми мы встречались в барах и ресторанах. Но если я разговаривала с другим мужчиной, он жутко ревновал. Мы были на одной вечеринке в Брайтоне, и я завела совершенно невинный разговор с мужем моей подруги. Брайс подлетел и к нему — мол, какого черта ему от меня надо. Так разошелся, что мне пришлось его держать, а иначе он бы точно ударил того парня. Я увела Брайса домой, и мы сильно поругались. Он называл меня шлюхой, подстилкой… Потом связал, заткнул тряпкой рот и изнасиловал. Я думала, он меня убьет.

Рэд замолчала. Отвернулась.

— Теперь вы в безопасности. Вам досталось ужасное испытание, но теперь все позади. Вы его прошли. Слышите, Рэд? Вы со мной?

— Где-то рядом.

— Оставайтесь со мной. Вам незачем туда возвращаться.

— Всего лишь воспоминание, но чувство такое, будто это происходит сейчас.

— Знаю.

— Утром он плакал, ныл, умолял простить. Говорил, что сделал это только потому, что любит меня и боится потерять. Развязал меня только после того, как я пообещала, что не стану звонить в полицию. А потом, когда уже развязал, снова взбесился — из-за того, что я обмочилась.

Джудит Биддлстоун кивнула. Глаза ее потеплели, а губы сложились в невеселую улыбку.

— Мне было так стыдно.

— Вам нечего стыдиться. Кто выиграл от того, что вам было стыдно?

— Наверное, Брайс. Я бы ни за что не рассказала полиции о том, что он со мной делал, как меня унижал. Не знаю, как это я вам рассказала.

— Так или иначе, но рассказали и, рассказав, перенесли стыд туда, где ему самое место. Стыдиться должен Брайс.

Рэд помолчала немного, потом спросила:

— Как думаете, это хороший знак, что он больше не напоминает о себе? Ну, если не считать ту червонную даму, которую он прислал через несколько дней после нашего разрыва?

— А вы сами что думаете? Прошло более четырех месяцев. Верите, что все закончилось?

— Хочу верить. Но не могу. Не могу представить, что он отпустит меня так легко. Я думала, что видела его в четверг возле нашего офиса, но, может, мне это только почудилось. Я выбежала на улицу, но его там не было.

О нет, моя милая Рэд, — подумал, слушая разговор, Брайс. — *Ничего тебе не почудилось.*

35

Понедельник, 28 октября

Брайс сидел с подключенным наушником, сжав кулаки; уголок рта дергался от нервного тика.

Монстр. Мерзкий. Вульгарный. Четыре месяца? А вы, леди, знаете, как течет время в аду? Линейное время — бессмысленная концепция. Почему четыре месяца должны отличаться от четырех минут? Четырех дней? Четырех лет? Болит не меньше, болит больше. Боль нарастает с каждым днем. И какой же вы психолог, если думаете, что я забыл и пошел дальше, своей дорогой. Вы можете мерить время минутами, днями и месяцами. Но для меня все слилось в единый континуум боли. Четыре месяца боли. Для меня они — давящий груз.

Как и эти бьющие в сердце слова.

Так я монстр, а, Рэд?

Вульгарный. Отвратительный. Мерзкий. Так-то ты обо мне думаешь? Такое прекрасное кольцо. Я заказал его специально для тебя у одного из лучших ювелиров Брайтона. Оно обошлось мне в десять тысяч фунтов из моего наследства.

Знаешь что, Рэд? Я начинаю думать, что мне крупно повезло — ты ведь просто избалованная девчонка. Может, я еще должен спасибо тебе сказать. Нет, серьезно. Чем больше я думаю, тем лучше понимаю, что должен тебя благодарить — ты вовремя меня отпустила.

А чтобы выразить мою признательность, я приготовлю тебе подарок.

36

Понедельник, 28 октября

В понедельник, в начале одиннадцатого утра, Рой Грейс занимался бумажной работой, имевшей отношение к делу Лукаса Дейли, одного из арестованных в рамках недавней операции «Камбала». Розыском активов Дейли занималась финансовый следователь Эмили Гейлор.

Бумаг скопилась целая тонна, и он хотел расчистить завалы к концу недели, до свадьбы и начинающегося вслед за ней короткого медового месяца. Но от работы то и дело отвлекала свадебная папка, подготовленная Клио и также лежавшая на столе. Собранные в ней документы касались заказа брачной церемонии и последующего приема, договора с кейтеринговой компанией, доставки напитков и закусок. Самой большой головной болью оставался план рассадки гостей. Мало того что требовалось решить, кого пригласить, а кого — нет, так приходилось еще и думать, кого куда посадить, и это был уже настоящий кошмар.

В дверь постучали, и тут же, не дожидаясь ответа, в кабинет легкой походкой вошел Норман Поттинг. В руке у него был большой коричневый конверт.

— Доброе утро, шеф.

Вид у сержанта был весьма самодовольный. Некоторое время назад у него диагностировали рак простаты, и примерно в то же время Грейс заметил перемены к лучшему в его облике. Прическа осталась прежней, но прикрывавшие лысину седые пряди внезапно почернели и приобрели неестественный блеск. Страшноватые твидовые пиджаки с кожаными заплатами на локтях и серые фланелевые брюки уступили место темно-серым костюмам, свежим рубашкам и галстукам, которые больше не показывали, что́ их владелец ел на завтрак. И наконец, вонючий запах трубочного табака сменился неким приятным ароматом.

— Садись, Норман.

Вопреки обыкновению, сержант прошел к столу не шаркающей походкой, а легким, едва ли не пружинящим шагом.

— Хотел спросить, как твоя простата? Есть новости?

— Ну, пока все хорошо, сэр, — немного смущенно ответил Поттинг. — Уровень ПСА значительно понизился. Врач доволен.

— Хорошо. И в чем, по его мнению, причина?

— Регулярный секс. С половой жизнью у меня сейчас полный порядок. Он думает, все дело именно в этом.

Получив информации даже больше, чем ожидал, Грейс кивнул и усмехнулся:

— Хорошо, Норман. Так держать.

— Стараюсь, шеф. Еще как. — На его лице снова промелькнуло смущенное выражение. — Вообще-то я в том числе и поэтому пришел. Насчет вашей свадьбы.

— Да?

— Премного благодарен за приглашение.

— Мы с Клио будем рады тебя видеть.

— Дело в том… — Поттинг покраснел. — Хотел спросить… ну, знаете… если вы еще не всех рассадили… нельзя ли сесть с детективом-сержантом Мой?

Грейс посмотрел на него и ухмыльнулся:

— Вот как? Значит, мои подозрения были не напрасны?

— Подозрения?

— Разумеется, я не мог не заметить определенные сигналы. Что-то есть, верно?

— Я ведь никаких инструкций не нарушаю, нет, сэр? — встревожился Поттинг.

— Инструкций, регулирующих отношения сотрудников? Нет, не нарушаешь. Так вы с Беллой встречаетесь?

— Можно и так сказать. Вообще-то уже не просто встречаемся. Мы вроде как… — Он снова покраснел. — Я сделал Белле предложение — как раз вчера вечером, если быть точнее, — и она согласилась.

Грейс усмехнулся. Пара получалась, что и говорить, незаурядная — кто бы только мог представить? — но он все равно был рад за обоих. Белле далеко за тридцать, и последние несколько лет она, пожертвовав личной жизнью, ухаживала дома за больной матерью. Что касается Нормана, частенько бывавшего врагом самому себе, то он лишь недавно освободился из цепких лап хитроумной, безжалостно его эксплуатировавшей тайки, после чего мать-природа нанесла ему еще один подлый удар.

— Так она станет миссис Поттинг номер пять?

— Пятой и, надеюсь, последней!

Мужчины помолчали, думая каждый о той мрачной правде, что, как пресловутый слон в комнате, стояла за последней репликой.

— Что ж, она — дама симпатичная. Будем надеяться, у вас впереди долгий и счастливый брак, — сказал Грейс. — Вы оба это заслужили. Я позабочусь, чтобы вы сидели вместе. И — поздравляю!

— Спасибо, весьма признателен. — Поттинг печально улыбнулся. — Ладно, теперь к делу. — Он вытряхнул на стол содержимое конверта, несколько скрепленных листков, и подтолкнул их к Грейсу. — Вы просили, чтобы предсмертную записку Карла Мерфи проверил графолог? На предмет сравнения с его обычным почерком?

Грейс кивнул:

— Да. И что?

— Здесь полный отчет. Довольно детальный. Если коротко, записку практически наверняка написал сам доктор. Этот графолог кое-чем мне обязан, так что работу сделал быстро.

— Хорошо, Норман. Спасибо.

— Есть только одна небольшая странность, — продолжал сержант. — По словам графолога, в обычном почерке наклон у Мерфи вправо, вперед, а в этой записке наклон влево, назад.

Грейс нахмурился:

— А что, врачам в наше время приходится много писать или теперь все печатают?

Сержант ненадолго задумался.

— Ну, врачей я в последнее время видел больше, чем хотелось бы. Некоторые выписывают рецепты от руки, но большинство печатают.

— Надо поговорить с его секретарем. Пусть пороется в бумагах, посмотрит, есть ли там образцы с левым наклоном. Если нет, тогда это что-то значит.

— То есть он пытался подать нам сигнал? Типа скрытого послания?

— Возможно. — Суперинтендент помолчал. — Ты ведь любитель кроссвордов, а?

— Уже несколько лет решаю кроссворды в «Телеграф». По крайней мере, пытаюсь. А что?

— Я даже не предполагаю, просто рассуждаю… Оказывается, доктор Мерфи тоже был любителем кроссвордов. Может быть, прибегнув к необычному наклону, он давал знак, что пишет под принуждением, и тогда, может быть, оставил какое-то зашифрованное сообщение. Не стоит ли проверить весь текст? Посмотреть на него как на возможный кроссворд?

Поттинг нахмурился.

— Хмм, попробую.

— Скорее всего, это ничего нам не даст, но я хочу сам убедиться. Пока что и вещественные доказательства, и анализ записки указывают на самоубийство, но… — Грейс пожал плечами.

Едва сержант вышел из кабинета и закрыл за собой дверь, как зазвонил телефон.

— Рой, — голос принадлежал его новой секретарше, — мне только что звонили из офиса главного констебля. Том Мартинсон спрашивает, сможете ли вы увидеться с ним ближе к вечеру. Я записала вас на совещание по нераскрытым делам, но потом вы свободны. Шесть вечера устроит?

И тут же небо как будто нахмурилось. Грейс рассчитывал пораньше вернуться домой и помочь Клио уложить Ноя спать. Не важно, что он был вполне взрослым мужчиной и опытнейшим офицером — звонок от главного констебля мгновенно натянул нервы. Первая мысль — сделал что-то не так, и теперь его ждет взыскание. Но ничего такого на ум не приходило. Может быть, он и сам не осознал ошибку как таковую. Или его собираются уведомить о некоем грядущем событии. Или в режиме работы полиции Суссекса произошло какое-то изменение.

Всякое может быть.

— Он не намекнул, с чем это связано? — спросил Грейс.

— Боюсь, что нет.

Откуда-то появилось ощущение, что хороших новостей ждать не стоит.

Предчувствие не обмануло.

37

Понедельник, 28 октября

Заголовок на шестой странице «Аргуса» гласил: **Главный коп женится в субботу.**

Сидя перед компьютером в маленькой комнате своей мюнхенской квартиры, из окон которой открывался вид на бурливые, чуть выше водопада, воды реки Изар, Сэнди Ломан как зачарованная смотрела на экран.

Свадьба детектива-суперинтендента Роя Грейса и Клио Мори состоится в церкви Святой Маргариты в Роттингдине, в 2.30 пополудни, воскресенье, 2 ноября. Ожидается присутствие многих старших чинов полиции, включая главного констебля Тома Мартинсона. Свадьба подведет черту под долгими годами скорби, последовавшими за необъяснимым исчезновением более десяти лет назад бывшей жены суперинтендента Сандры (Сэнди) Кристины Грейс, официально признанной умершей в августе этого года.

— Мама?

Как не вовремя! Старательно пряча раздражение, она повернулась к Бруно:

— Ja, mein Lieber? [7]

Мальчик проголодался. Она пообещала, что вот сейчас, через несколько минут, приготовит ему ужин.

— Мне только нужно доделать здесь кое-что, — добавила Сэнди по-немецки.

Сын ушел, недовольный, вернулся к компьютерной игре, в которой убивал футуристических солдат на межгалактическом поле битвы.

Сэнди зашла на сайт «Люфтганзы», потом на «Бритиш эруэйз» и, наконец, на expedia.com. Все складывалось как нельзя лучше. На следующей неделе в немецких школах начинались каникулы, забирать сына с занятий не придется. За пять минут она заказала билеты в Лондон и номер в брайтонском отеле «Земляничные поляны» — на двоих.

Как удобно, объявил меня мертвой, думала она, с каждой секундой все сильнее распаляясь от злости. *Собрался, значит, жениться, да, Рой Грейс? А вот я так не думаю.*

38

Понедельник, 28 октября

Понедельник никогда не был у Рэд любимым днем недели, и этот не стал исключением. В субботу она показала готовые к продаже объекты четырнадцати клиентам, а уже сегодня семь из них позвонили, чтобы отказаться. На этом, однако, огорчения не кончились. Пара, которую Рэд водила в домик на Портленд-авеню в четверг и на которую возлагала такие большие надежды, сообщила, что нашла кое-что поинтереснее у другого агентства, и отозвала сделанное ранее предложение.

Рэд ушла из офиса в пять часов, хотя обычно оставалась в офисе по крайней мере до половины шестого. Рэкел Ивенс собралась взять ее с собой в класс йоги — по утверждению одной из подруг, именно то, что Рэд сейчас и надо. Почему бы и не попробовать что-то новенькое для разнообразия?

Следуя заведенному распорядку, по пути домой Рэд завернула в продовольственный — купить что-нибудь простенькое для микроволновки на ужин. Пройдясь по секции охлажденных продуктов, она достала из холодильного шкафа рыбный пирог, прихватила пакет замороженной фасоли, бросила все в корзину и…

В этот самый момент ее ослепила яркая вспышка.

Кто-то вскрикнул.

И уши заложило от громкого хлопка.

Ее заволокло облаком едкого черного дыма. В глазах защипало, накатили слезы… *Черт, уж не террористы ли*, мелькнула мысль. Дыма становилось все больше, он клубился, раскатывался.

Рэд повернулась и побежала по проходу по направлению, как ей представлялось, к двери, но налетела на кого-то, споткнулась и, попятившись, опрокинула стеллаж с какими-то банками, которые с грохотом запрыгали по полу. Потеряв ориентацию, она задержала дыхание. Где же выход? Над головой завыла сигнализация. Рэд метнулась вперед и больно ударилась о что-то ногами. Полка? Она выдохнула… и вдохнула вонючий дым.

В горло как будто натолкли тлеющей ваты. Объятая паникой, кашляя и задыхаясь, Рэд упала на колени. Где-то писали, что при пожаре лучше всего держаться как можно ближе к земле. Вокруг кричали люди. Глаза слезились так, что она уже ничего не видела. Где-то в стороне грохнул еще один взрыв. И еще. Сирена выла как злобный дух. Внезапно Рэд почувствовала, как на голову полилась холодная вода. Сирена продолжала бушевать, перекрывая крики и вопли.

Вот же дерьмо. Рэд выронила корзинку, думая лишь о том, как спастись. Где, черт возьми, выход? Где-то рядом зазвонил мобильный.

Лицо лизнуло пламя. Она развернулась и поползла на четвереньках, опустив голову как можно ниже. Наткнулась на что-то твердое, больно ударившись щекой. Тележка.

Чья-то рука схватила ее и потащила.

— Помогите! — выдавила Рэд.

Рука приподняла ее, и она ухватилась за нее с отчаянной надеждой на спасение. В клубящейся темноте не смолкали крики ужаса и неутомимый вой сирены.

В лицо вдруг ударил холодный воздух. Зашипели электрические двери. Выползла. Стоя на коленях, Рэд жадно глотала свежий воздух. Вечерний сумрак пронзали гудки пожарных машин. Она оглянулась — из хаоса выбирались, шатаясь и падая, люди. Мимо нее, словно призраки, скользили по тротуару полоски синего света.

Выбралась, подумала Рэд, откашливаясь. *Слава богу, выбралась!*

Террористы взрывают одну бомбу в помещении, выкуривая людей, а потом, когда примчатся спасатели, вторую, вспомнила она прочитанное или услышанное в новостях. *Отсюда надо убираться. И поскорей.*

Пожарные машины все прибывали, но теперь к ним добавились еще и полицейские. В безумной какофонии звуков Рэд поднялась, забрала свой велосипед и покатила прочь, хватая ртом воздух, выдыхая панику и ужас.

Убирайся отсюда!

В груди горело. Давя изо всех сил на педали, она проехала по Нью-Черч-роуд и свернула налево, на свою улицу, Уэстборн-Террас. Густой, удушающий дым залег в легких и ноздрях, и только к концу пути его сменил холодный морской бриз.

Ее била дрожь.

Черт.

Что же случилось?

Что случилось? Террористы?

Ничего другого в голову не приходило.

Рука дрожала так сильно, что ей понадобилось несколько попыток, чтобы вставить ключ в замок входной двери. Рэд вошла, втащила велосипед, поставила к стене, пристегнула цепочкой. Потом, щелкнув переключателем таймера лестничного освещения, поднялась на третий этаж.

Здесь ей снова пришлось повозиться с ключами. Она переступила порог, включила свет, захлопнула дверь и, обессиленная, прислонилась к ней спиной, собирая разбежавшиеся мысли.

Что-то было не так.

Что?

Она задумалась. Не сразу, но ответ пришел. Холодея от страха, она посмотрела на левую руку.

На безымянный палец.

На безвкусное, вульгарное, инкрустированное брилиантами обручальное кольцо, то самое, которое она вернула Брайсу Лорену, когда выставила его вон.

То самое кольцо, которое снова было на пальце.

39

Понедельник, 28 октября

Трясясь от страха, Рэд стояла под голой, испускавшей чахлый свет лампочкой, висевшей над ней на гибком шнуре как напоминание об угрозе пожара. Ноги приросли к полу. Она посмотрела на кольцо, обвела взглядом прихожую, держась одной рукой за дверь, готовая распахнуть ее и выскочить на лестничную площадку.

Неужели Брайс здесь?

Взгляд нервно метнулся вдоль прихожей к другим дверям. Одна закрыта, другая слегка приоткрыта.

Нет ли его там, за одной из них?

Или в гостиной?

Или в ванной?

Входная дверь закрывалась на два врезных замка, открыть которые, как уверяла женщина из «Проекта „Убежище“», невозможно. Запирающиеся окна с двойными рамами и закаленным стеклом. Просто так это все не преодолеешь.

Как, черт возьми, это кольцо оказалось у нее на пальце? Тот незнакомец в магазине, который взял ее за руку и вывел к двери, а потом, так и не сказав ни слова, растворился, был ли это Брайс?

Не он ли умышленно поджег магазин? Отвлекающий маневр, чтобы надеть ей на палец кольцо? Однажды, когда у них все еще было хорошо, он сказал, что именно так, создавая замешательство, и работают карманники.

Но если Брайс был там, то попасть сюда раньше ее он никак не мог. Или мог? Рэд достала из сумочки телефон, нашла в «Любимых» номер констебля Споффорда и уже подожила палец на кнопку, но сдержалась — в последний месяц она слишком часто беспокоила его по пустякам. Вместо этого разулась и, держа в одной руке телефон, а в другой туфлю, продвинулась осторожно к своей комнате и резко, так что та ударилась о стену, распахнула дверь.

Лэптоп стоял на столе с опущенной крышкой — как и должно. В комнате было пусто.

— Здравствуйте, констебль Споффорд, — громко сказала Рэд, держа палец на кнопке и обращаясь главным образом к невидимому гостю, если, конечно, он каким-то образом сюда пробрался. — У меня в квартире посторонний. Вы не могли бы приехать? Да, прямо сейчас. Через пять минут? Спасибо. Да, я остаюсь на связи.

Она открыла дверь в маленький туалет. Заглянула. Никого. Прокралась дальше по коридору и, дрожа от страха, пинком распахнула дверь в спальню. Тоже пусто. Ничего не тронуто. Постель аккуратно застелена белым махровым покрывалом. Рядом с подушками — два потрепанных плюшевых мишки, Моппет и Эдуард.

Рэд проверила ванную — ничего.

По-прежнему держа в руке туфлю, она вошла в самую большую комнату, объединенную со столовой гостиную.

Пусто.

На барной стойке кофейная чашка и тарелка — как и должно быть — и «киндл», на котором она каждое утро читала «Таймс».

Рэд торопливо вернулась в прихожую, накинула цепочку и задвинула внутренний засов.

Наконец-то можно успокоиться. Она откашлялась, снова прошла в кухню, налила стакан холодной воды, села за стол и залпом выпила. Потом начала крутить кольцо, но, как ни старалась, снять не получалось.

Таившееся до времени ощущение потери нахлынуло вдруг с леденящей силой и излилось слезами. Рэд шагнула к холодильнику, достала бутылку белого испанского вина «Альбарино» — оно нравилось Брайсу и, как ни странно, пришлось по вкусу ей, — открыла и налила полный бокал. Выпила. Налила еще. На сердце было тяжело, как будто к нему подвесили гири. Рэд сняла провонявшую дымом одежду, бросила топ и юбку в корзину — отнести утром в химчистку, — а остальное сунула в стиральную машину.

Голая, она вошла в ванную, отодвинула стеклянную дверь и включила на полную мощный душ — одно из немногих достоинств временного жилища. Проверила рукой температуру и вошла в кабинку.

Несколько минут Рэд роскошествовала под тугими струями, вымывая запах дыма из волос и пор кожи, потом намылила палец и наконец-то стащила треклятое кольцо. Мысли теснились и путались. Карл был мертв, и этот факт никак не укладывался в голове. И как все-таки оказалось на пальце кольцо? Кто это сделал?

Брайс. Никакого другого объяснения не могло и быть.

Значит, он находился в мини-маркете, когда там начался пожар?

Трюки с огнем — одни из его показательных.

Мысли торили дорожки между событиями, прокладывали пока еще неочевидные связи. «Куба Либре»? Ее машина? Или это только воображение? И вот и теперь, вечером, магазин?

Задумавшись, Рэд вышла из кабинки и обернулась огромным дорогим полотенцем. Пока она стояла под душем, зеркало на стене полностью запотело. Она приоткрыла окно и дверь, и стекло начало понемногу проясняться. Втерла в волосы кондиционер. Нанесла на лицо ночной крем. Снова повернулась к зеркалу. И замерла.

В самом центре стекла отчетливо проступили знакомые очертания.

Вертикальный прямоугольник с сердечками в уголках. И силуэт увенчанной короной женской головы.

Червонная дама.

40

Понедельник, 28 октября

В начале седьмого вечера помощник Тома Мартинсона провел Роя Грейса в просторный, элегантно оформленный кабинет главного констебля. Офис занимал угловое помещение на втором этаже особняка эпохи королевы Анны, из-за чего весь комплекс, вместивший в себя штаб-квартиру суссекской полиции, получил название Мэллинг-Хаус. Здесь, в этом строгом, представительном здании, и расположились все старшие чины суссекской полиции.

Грейс нервничал, и ему отнюдь не полегчало оттого, что и самому Тому Мартинсону было, похоже, не по себе. Вскочив из-за огромного полированного стола в форме буквы L, главный констебль шагнул ему навстречу с протянутой для рукопожатия рукой.

— Спасибо, что заглянули, Рой. — За обычно бодрым, твердым тоном проскользнула нотка неуверенности.

Мужчины прошли к двум кожаным диванчикам в углу, разделенным кофейным столиком. Грейс сел на краешек одного, шеф опустился на краешек другого. Подтянутый, с короткими, уже начавшими редеть, темными волосами, приятный и одновременно серьезный в обращении, шеф полиции был в белой форменной рубашке с эполетами, черном галстуке и черных брюках.

— Выпьете что-нибудь, Рой? Чаю? Кофе? Воды? — Мартинсон нервно помял пальцы, что не ускользнуло от внимания Грейса.

— Нет, сэр. Спасибо.

— Ладно. Хорошо. Послушайте, я подумал, что должен сообщить вам заранее. Вы ведь знаете, что помощник главного констебля Ригг собирается уходить?

— Да, сэр, знаю. Его ведь назначили заместителем главного констебля Глостершира?

— Верно. Так вот мы уже приняли решение по кандидатуре преемника, который приступит к исполнению обязанностей в следующий понедельник. Вы, если не ошибаюсь, будете в отпуске? По случаю медового месяца?

— Так точно, сэр.

— Мы с Джудит ждет воскресенья с большим нетерпением. Такое радостное событие.

Грейс улыбнулся.

— Вы окажете нам с Клио большую честь своим присутствием.

— Мы очень обрадовались, получив приглашение! В Роттингдине чудесная церковь — лучшего места для свадьбы не придумаешь. — Мартинсон мимолетно улыбнулся и тут же принял серьезный вид. — Дело вот в чем. У нас было несколько кандидатур на это место, но с человеком, имеющим очевидные преимущества перед другими, у вас, как нам известно, возникали некоторые проблемы в прошлом. Я лишь хочу, чтобы вы поняли — его назначение ни в коей мере не является отражением моего мнения о вас, которое исключительно высокое.

Грейс нахмурился — интересно, о ком может идти речь? На ум пришло только одно имя, но его он сразу же отбросил.

Словно подхватив эту отброшенную мысль, Мартинсон объявил:

— Главный суперинтендент Кэссиан Пью, из лондонской полиции.

— Кэссиан Пью? — сбивчивым эхом, словно надеясь, что ослышался, отозвался Рой Грейс.

— Он обладает всеми качествами, необходимыми для этой роли.

Грейс чувствовал себя насекомым, попавшим в раковину и захваченным водоворотом, безжалостно увлекающим его в сливное отверстие. *Кэссиан Пью?*

— Знаю, у вас случались разногласия, но он уверяет меня, что все забыто и осталось в прошлом.

Грейс познакомился с Кэссианом Пью, когда тот, будучи инспектором лондонской столичной полиции, приехал в Суссекс проводить учебный курс по обеспечению общественного порядка. Годом позже Грейс снова столкнулся с этим заносчивым служакой, прибывшим в составе подкрепления, присланного из столицы в помощь местным силам правопорядка на время проходившей в Брайтоне конференции Лейбористской партии. И наконец, восемнадцать месяцев назад Кэссиана Пью вызвала Элисон Воспер, тогдашний помощник главного констебля. Главной задачей Пью была организация полицейского расследования, включая поиски на территории дома Грейса, на основании подозрения, что он убил Сэнди и захоронил ее останки в саду.

Этого Рой Грейс простить ему не мог. Пью постоянно хорохорился и напускал на себя важный вид, изображая начальника даже тогда, когда никаким начальником не был. Шеф, как все знали, терпеть не мог зазнаек и конечно же просто пошутил сейчас? Человек столь рассудительный, как Мартинсон, просто не мог принять такое решение. Назначить этого говнюка его, Грейса, шефом?

Всего год назад Грейс, рискуя собственной жизнью, спас Кэссиана Пью от верной смерти, когда тот, в машине Грейса, после погони и столкновения едва не сорвался с обрыва на Бичи-Хед. После того случая Пью попросил о переводе в столицу и, как надеялся Грейс, исчез из его жизни.

И вот теперь он возвращается. Невероятно!

— Не могу сказать, сэр, что я очень этому рад, — отбросив осторожность, сказал суперинтендент.

— Я допускал такой вариант, — ответил Том Мартинсон. — Если вам совсем невмоготу, посмотрим, нет ли возможности перевести вас на другую должность, но мне бы не хотелось отпускать столь ценного офицера из отдела тяжких преступлений. Может, стоит немного потерпеть? Главный суперинтендент категорически настаивает, что ничего не имеет против вас лично.

Грейс задумался. Из всех известных ему должностей в штате суссекской полиции очень немногие — и это в лучшем случае — могли сравниться с тем, чем он занимался сейчас. Расследование убийств — вот его призвание. Он мог бы сосчитать по пальцам дни, когда, просыпаясь утром, не хотел идти на работу.

Но служить под Кэссианом Пью?

Паршиво.

41

Понедельник, 28 октября

— Черт.

Полотенце соскользнуло на пол. Рэд обернулась и в панике бросила взгляд на закрытую дверь. *Черт, вот черт. Нет!* Ее снова трясло от ужаса. Побывал ли здесь Брайс? Здесь ли он сейчас? Не проник ли в квартиру, пока она была в душе?

Рэд закрыла на задвижку дверь ванной и прислонилась к стене, глядя на силуэт на зеркальном стекле. Потом подбежала к окну, распахнула, посмотрела вниз, на опустевшую улицу. Третий этаж. Прыгать слишком высоко. Страх пульсировал в крови, вязал узлы в животе. Холодный, сырой воздух только добавил дрожи. В какой-то момент она словно переместилась в детский кошмар, где за ней гналось чудовище и где крик умирал, так и не вырвавшись из горла. Закричать? Позвать из окна на помощь?

Услышит ли кто-то?

Ужас понемногу сменялся злостью. *Чтоб тебя, Брайс!* Она попыталась успокоиться и рассуждать логично. Квартира проверена, входная дверь заперта. Он не мог попасть сюда, пока она была в душе.

Или мог?

Все еще дрожа, Рэд подобрала полотенце и оглядела ванную — чем бы вооружиться. Туалетный ершик? Круглое зеркальце? Бутылка лосьона? Коробочка с кремом? Она взяла зеркальце, отодвинула засов, распахнула дверь.

И выглянула в пустую прихожую.

42

Понедельник, 28 октября

В своей квартире на противоположной стороне улицы Брайс сидел перед монитором, сигнал на который поступал с мини-камеры, скрытно установленной в держатель настенного зеркала в ванной. Наблюдал и посмеивался.

Приятно смотреть на нее голую. Приятно видеть, как она испугалась. Он видел, как Рэд, держа на изготовку зеркальце, вышла в прихожую, посмотрела влево, потом вправо. Видел, как она еще раз обошла всю квартиру, проверила каждую комнату, заглянула в каждый шкаф и, наконец, взяла телефон и набрала номер.

Брайс знал, кому она звонит, и не ошибся.

— Констебль Споффорд, — ответил голос.

Его порадовала паника в ее голосе. Порадовал уверенный тон полицейского, сказавшего, что будет у нее через пятнадцать минут. Того самого ублюдка, который несколько месяцев назад встретил его у дома с чемоданами.

Брайс переключил внимание на экран лэптопа, на карту Гугла с домиком ее родителей возле Хенфилда. Домик, где жила эта тупая стерва, ее мамаша, со своим жалким мямлей муженьком. Недолго им осталось.

Он приблизил домик, внимательно изучая окна и крышу.

Потом ввел еще один адрес. Ройял-Риджент, жилой многоквартирный дом на Марина-Пэрейд, где Рэд собралась купить квартиру своей мечты. Которую в следующее воскресенье она будет показывать родителям.

Дом твоей мечты. Мечтай!

43

Понедельник, 28 октября

Услышав звонок домофона, Рэд — она была уже в черных колготках, черной, до колен, юбке, серой водолазке и ботинках — посмотрела в маленький видеоэкран у двери и облегченно выдохнула. На нее смотрело знакомое, хотя и слегка искаженное дешевыми линзами, дружелюбное лицо констебля Роба Споффорда. Она нажала кнопку. Подождала. Примерно через минуту в дверь негромко постучали. Она посмотрела в глазок, сняла цепочку и открыла два замка.

Едва Споффорд переступил порог, как Рэд торопливо закрыла дверь и задвинула засов.

— Огромное спасибо, что пришли.

Она в первый раз видела его без формы; в темной куртке-бомбере поверх футболки и джинсах он выглядел худощавым, подтянутым и более крепким, чем в форме.

— Не стоит. Я сегодня не на дежурстве, но сержант позвонил. Рассказывайте.

— Даже не знаю, с чего начать.

— По-моему, вам не помешает выпить.

Она кивнула:

— Так и сделаю. Составите компанию?

— Хотелось бы, но нет, спасибо.

Присутствие доброжелательного, уверенного в себе полицейского подействовало успокаивающе. Ведя констебля в кухню, Рэд чувствовала себя в безопасности. Она налила себе бокал «Альбарино», ему — стакан воды, и они вместе прошли в гостиную. Споффорд расположился на диванчике, Рэд устроилась в жестком, видавшем виды кресле.

— Ничего, если я закурю?

— Ничего, если позволите и мне присоединиться.

Она усмехнулась:

— Так вы тоже курильщик?

— Да. Только моей жене не говорите.

Рэд взяла пачку, пододвинула пепельницу, угостила гостя сигаретой и щелкнула зажигалкой.

— Итак, рассказывайте.

Она закурила. Затянулась.

— Знаете, наверное, это звучит глупо, но я и вправду не знаю, с чего начать.

— Можно издалека.

— Ладно. Дело в том, что Брайс — я, кажется, уже говорила — подрабатывает фокусником.

— Да, говорили.

— У него много трюков с огнем. Есть, например, такой: он дает вам визитку, и она вдруг вспыхивает.

— Так.

— Может быть, я, как говорится, складываю два и два и получаю пять. Но Карл, мой новый бойфренд, сгорел заживо. Потом пожар случился в ресторане, где мы познакомились с Брайсом и куда на первом свидании меня водил Карл. В воскресенье, когда я отправилась на ланч к родителям, загорелась моя машина. Сегодня, по пути домой с работы, я зашла в местный магазин, и там тоже начался пожар. Вернувшись домой, я обнаружила у себя на пальце обручальное кольцо, которое мне подарил Брайс и которое я вернула ему. — Она показала на лежащее на столике кольцо. — Я пошла в душ, и на зеркале в ванной появилась червонная дама. На нашем первом свидании, в ресторане «Куба Либре», Брайс показывал фокус именно с червонной дамой, которая каким-то образом оказалась в моей сумочке.

Спаффорд нахмурился:

— Покажите мне зеркало.

Рэд провела его в ванную, указала на зеркало, а потом посмотрела сама и замерла в изумлении.

На стекле ничего не было.

Констебль посмотрел на зеркало, потом на нее и снова на зеркало.

— Оно было здесь. Я ничего не выдумываю. — Рэд подошла ближе, присмотрелась, пытаясь отыскать следы нарисованной дамы, но стекло было абсолютно чистое, как будто его только что тщательно протерли.

— Оно было здесь! — повторила она, повернувшись к Спаффорду.

Тот лишь вскинул брови.

— Правда. Было. Я же не сумасшедшая.

— Где именно?

Рэд показала, хотя и сама уже начала сомневаться. Спаффорд шагнул ближе, несколько секунд изучал стекло, потом снова посмотрел на нее:

— Вы ведь были под стрессом?

— Роб, пожалуйста, не надо со мной так. Я видела. Я ничего не выдумываю. Пожалуйста, не принимайте меня за полоумную невротичку. Я видела. Правда.

Констебль подался вперед и несколько раз дохнул на стекло.

И секундой позже на зеркале снова появилась дама червей.

44

Понедельник, 28 октября

Какой сообразительный, констебль Споффорд!

Брайс с интересом наблюдал на мониторе, как полицейский с важным видом расхаживает по квартирке, проверяет окна и входную дверь, качает головой. И говорит Рэд, что не нашел ничего подозрительного.

Конечно! И не найдешь!

— Возможно ли, что у Брайса есть ваш ключ? — спросил Споффорд.

Хорошая мысль, Бэтман! Но мне не нужны ключи. Ты и не представляешь, что при подготовке саперов в Территориальной армии большое внимание уделяется умению открывать замки. А еще у меня был дружок в Штатах, взломщик. На земле нет такого замка, который я не открыл бы за тридцать секунд. Гарри Гудини не сделал бы этого быстрее. Но я ведь не стану делиться с тобой моим маленьким секретом, верно?

Так что делай, что должен. Давай, рисуйся перед Рэд. Может, рассчитываешь ее трахнуть? Давай, приятель, удачи тебе. Она же, как та паучиха, черная вдова. Трахни ее, а потом она тебя съест. Закончишь куском дерьма у ее порога.

Но тебе ведь не привыкать, констебль Споффорд, верно? Ты всегда им был, верно? Куском тупого протеина, поглощенного, переваренного и извергнутого на следующий день.

Увидимся в аду. А пока, дружок, развлекайся. Принимай важный вид, втирайся в доверие к Рэд.

Но только не воображай, что ты спасешь ей жизнь.

45

Понедельник, 28 октября

Грейс вернулся домой в начале восьмого вечера. Клио сидела на диване в гостиной — в мешковатом топе, спустив с плеча бретельку — и кормила Ноя. По телевизору шла старая серия «Мисс Марпл», и она сразу же приглушила звук и улыбнулась. Хамфри подбежал к хозяину, виляя как сумасшедший хвостом, и запрыгал у ног. Грейс рассеянно обнял пса. Клио, заметив его настроение, мгновенно нахмурилась.

— Как прошел день, дорогой? — неуверенно спросила она.

— Не спрашивай. — Он прошел через комнату, поцеловал ее в щеку и легонько чмокнул сына в пухлую ручку.

— Папочка дома, Ной! Посмотри! — прочирикала Клио своим «детским» голосом, любовно глядя на сына. Потом обеспокоенно взглянула на Роя. — Что случилось?

— Расскажу, только сначала успокоюсь. Не стоит Ною слышать, как я ругаюсь.

Грейс прошел в кухню, смешал водку с мартини, выпил. Потом налил еще, поднялся на второй этаж, вышел на террасу и закурил сигарету.

Кэссиан Пью, чтоб его! Самый большой говнюк из всех, кого ему доводилось встречать за двадцать лет службы. На его фоне даже предшественница заместителя главного констебля Питера Ригга, язвительная Элисон Воспер, выглядела почти святой. Что же, черт возьми, творится? Год назад Кэссиан Пью после неудачной попытки подставить его убрался поджав хвост туда, откуда пришел, в столичную полицию, и вот теперь это дерьмо будет его боссом?

Главный суперинтендент категорически настаивает, что ничего не имеет против вас лично.

Слова Тома Мартинсона звучали в голове неубедительным эхом. Новость из разряда хуже не придумаешь. Рой уже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя так хреново. Он сел на плетеный стул, хмуро огляделся. Что же делать?

Уйти из отдела? Бросить любимую работу? Ну уж нет. Он никогда не был слабаком, никогда не пасовал перед трудностями. Надо найти выход. Выстоять. Его позиции и без того серьезно ослабли после недавнего слияния отделов тяжких преступлений Суссекса и Суррея; детективов в обоих графствах ожидали сокращения. А что, если назначение Пью — это мягкая попытка избавиться от него? Не ведет ли главный констебль какую-то свою игру? Нет, это паранойя.

Если подвести итог его работы за последние два года, результат получится очень даже неплохой. Да, один убийца сбежал или, может, утонул в Шорэмской гавани. Да, Гленна Брэнсона подстрелили, и еще один сотрудник серьезно пострадал. Может, его физиономия перестала кому-то нравиться? Единственный способ обеспечить будущее — делать свое дело лучше всех, держаться на виду у комиссара полиции. Стать незаменимым.

Но чтобы отличиться, чтобы показать себя в лучшем свете, нужно большое, общественно значимое дело. И где его взять?

Он еще не знал, что такая возможность ему скоро представится.

46

Понедельник, 28 октября

Выпивка помогла поправить настроение. Клио уже давно уложила Ноя и сама поднялась наверх. Грейс сидел на диване с разогретыми в микроволновке вегетарианскими равиоли из «Маркс энд Спенсер» и смотрел новости по телевизору. *Пошел к черту, Кэссиан Пью. Только попробуй встать у меня на пути, и я сотру тебя в порошок. Ей-богу, сотру.*

В новостях заговорили о сокращениях в штате полиции. Главный констебль Том Мартинсон, отвечая на вопросы, занял оборонительную позицию. На непосредственной борьбе с преступностью, заверил он интервьюера, это никак не отразится.

Грейс всегда восхищался его непоколебимой уверенностью. В сражении с преступностью победы быть не может. Так было и так есть. Злодеи есть и будут, они появляются из всех слоев общества, причиняют боль людям, разрушают, а то и забирают чужие жизни. Главная задача полиции — убеждать население, что оно под защитой. Этим и занимался сейчас Мартинсон.

Зазвонил рабочий телефон. Приближение свадьбы не освобождало его от исполнения, согласно очередности, обязанностей старшего следователя. Можно было бы, конечно, переложить эту ношу на кого-то другого, о чем он и подумал, принимая звонок.

— Детектив-суперинтендент Грейс?

Звонил инспектор Энди Килл, оперативный дежурный участка Хейуордс-Хит.

— Рой, мне позвонила патрульная с Джон-стрит. Она находится сейчас во временной, безопасной квартире некоей мисс Рэд Уэствуд, которая переехала туда после серьезной размолвки со своим бойфрендом. Похоже, парень проник и в эту квартиру. Вместе с патрульной там находится констебль Спофорд, и он хотел бы переговорить с вами. Я могу его переключить?

— Да, конечно, — сказал Рой Грейс, мысленно произнося совсем другие слова. Не следовало пить. Впрочем, у него был в запасе план Б.

В трубке щелкнуло, затем раздался голос:

— Детектив-суперинтендент Грейс?

— Да, что у вас?

Констебль подробно доложил ситуацию с Рэд Уэствуд и ее бывшим любовником Брайсом Лореном, фокусником с сомнительным прошлым. Упомянул сгоревшего доктора Карла Мерфи. Пожар в ресторане «Куба Либре». Возгорание «фольксвагена». Задымление в продовольственном магазине. Обручальное кольцо, загадочным образом появившееся на пальце мисс Уэствуд. Изображение червонной дамы, проступившее на зеркале в ванной. Подводя итог, констебль выразил уверенность в том, что Брайс Лорен побывал в безопасной квартире и представляет опасность для мисс Уэствуд.

— Все это мне очень не нравится, — сказал Грейс, выслушав Спофферда до конца. — О смерти доктора мне известно, но о возможной связи этого случая с другими происшествиями я слышу впервые. С мисс Уэствуд может кто-то остаться? Я прямо сейчас отправлю к вам человека из моего отдела.

— Сэр, я сам здесь останусь, — ответил констебль.

Грейс дал отбой и, тут же набрав номер Гленна Брэнсона, ввел друга в курс дела.

— Сможешь съездить туда?

— Дай мне полчаса. Попробую попросить сестру Эри, чтобы пришла и посидела с детишками.

— Ты — молодец.

— Да, знаю. А вот ты, похоже, не в духе.

— Так и есть, не в духе.

— Пьешь при исполнении?

— Если придется ехать, возьму водителя. Но сейчас мне и впрямь надо пропустить стаканчик. Остальное расскажу завтра.

— Все в порядке? — забеспокоился Гленн.

— Нет, не все.

— Ной и Клио? Они как?

— У них-то как раз полный порядок. Да ты не беспокойся, завтра расскажу.

47

Понедельник, 28 октября

Рэд сидела на диванчике, понемногу потягивая вино и напоминая себе, что ей нужно остаться трезвой и собранной. По телевизору шли десятичасовые вечерние новости. Обручальное кольцо лежало на столике, а вот браслет, снять который она снова и снова пыталась, никак не поддавался. За последнее время она прилично похудела, и браслет уже свободно болтался на запястье, но дальше не проходил. Рэд уже решила, что утром пойдет к ювелиру и избавится от этой чертовой штуковины.

В прихожей вызванный констеблем Споффордом слесарь менял оба замка на входной двери. Сам констебль разговаривал по телефону с бюро помощи жертвам домашнего насилия.

Через несколько минут слесарь, добродушный, жизнерадостный мужчина в форменном синем комбинезоне — его основным местом работы была местная тюрьма, где он отвечал за поддержание в должном состоянии всех замков и запоров, — вошел в комнату и вручил Рэд два комплекта блестящих новеньких ключей. Она знала, что долго здесь не задержится, но, поскольку с датой переезда еще не определились, хотела по возможности максимально обеспечить свою безопасность на ближайшее время.

— Готово! — сказал слесарь. — Заодно заменил цепочку на более прочную и поставил дополнительный замок, который можно закрывать изнутри. Завтра, по просьбе констебля Споффорда, переоборудую запасную спальню в безопасную комнату. Укреплю стены и дверь, а еще там будет мобильный телефон с прямым выходом на полицию и номер констебля Споффорда на быстром наборе. В этой комнате вы гарантированно, при любых попытках проникновения, продержитесь один час — вполне достаточно, чтобы полиция успела до вас добраться. На всякий случай, если понадоблюсь, вот вам моя карточка. Там и имя стоит — Джек Танкс.

— Большое спасибо, Джек.

— И не тревожьтесь, мисс Уэствуд. Я проверил ваши окна и завтра тоже поставлю новые замки. Сюда и сам Гудини не заберется.

Гудини — старый мошенник, — подумал Брайс. — *У него, конечно, не получилось бы. Тем себя и тешьте.*

Несмотря на присутствие констебля и слесаря, Рэд едва не подскочила, услышав резкий писк домофона. Взглянув на видеоэкран, она увидела высокого чернокожего мужчину в куртке-бомбере с сияющей, как метеорит, бритой головой и нажала кнопку:

— Да?

— Детектив-инспектор Брэнсон из отдела тяжких преступлений.

— Поднимайтесь. — От волнения у нее сел голос. — Третий этаж. И большое спасибо, что пришли.

Брайс Лорен улыбнулся. Все шло по нарастающей. В полном соответствии с его планами.

Ох, Рэд, а ведь все могло бы быть иначе. Если бы ты не слушала родителей, а следовала велению сердца. Лежали бы сейчас в постели, занимались любовью, и впереди у нас была бы целая жизнь. А теперь мы оба — история. Ну разве не трагично?

— Инспектор Брэнсон? — спросила Рэд, открывая дверь высокому и добродушному здоровяку.

— Точно. Однофамилец Ричарда, только без миллиона фунтов в банке! — с улыбкой ответил он.

Через пять минут инспектор уже сидел в гостиной, попивая кофе и делая пометки в блокноте. Констебль Споффорд, удостоверившись, что подопечная в надежных руках, отбыл домой.

— Давайте начнем с самого начала, — предложил Гленн Брэнсон. — Как вам нравится.

Рэд мгновенно прониклась к нему симпатией. Детектив как будто излучал тепло и добрую энергию. И в то же время его окружала аура печали и ранимости, словно он только что перенес какую-то личную трагедию. Она пересказала историю знакомства, потом еще час разворачивала цепочку последующих событий, начиная с открытия — благодаря стараниям нанятого матерью детектива, — что Брайс врал ей относительно своего прошлого, и заканчивая странными происшествиями последней недели.

Брэнсон спросил, сохранились ли электронные письма, которыми они обменивались с самого начала. Рэд открыла лэптоп и показала объявление, которое сама поместила на онлайновом сайте свиданий.

Одинокая девушка с огнем в волосах, 29 лет, чахнет на любовном пепелище. Ищет новое вдохновение, новое пламя для тлеющего костра. Приятного общения, дружбы и — кто знает — может быть, чего-то большего?

Инспектор записал и ненадолго задумался.

— Если я правильно понимаю, вы полагаете, что те пожары на прошлой неделе могут быть связаны?

— Да. Уж слишком много совпадений. Каждый из них так или иначе имеет отношение ко мне.

— Судя по тому, что я слышал, этот Брайс Лорен — просто больной.

Мы имеем дело с кем-то очень больным, не так ли, инспектор? Что ж, давайте посмотрим, насколько вы умны! Уверяю вас, такого вы еще не видели.

48

Вторник, 29 октября

Мэтта Уэйнрайта только что повысили, назначив командиром расчета «синей смены», и этот день был его первым в новой роли, а посему он решил прибыть пораньше, чтобы произвести благоприятное впечатление. Пересменка происходила не раньше половины девятого утра, но уже в половине восьмого Уэйнрайт ехал по еще темным улицам и под дождем в сторону пожарного депо Уэртинга, размышляя о том, как управиться с расчетом в течение дня.

Думал он и о новом, почти доведенном до совершенства карточном фокусе, который, если будет тихо, планировал опробовать на одном из парней. Занятый этими мыслями, Мэтт не заметил белый минивэн, упорно державшийся за ним на расстоянии двухсот ярдов в чуть забрезжившем свете дня.

Он повернул налево, проехал вдоль депо и припарковался на свободном месте в задней части площадки. Несколько дверей гаража были открыты, и две машины уже заняли свои места в автопарке, вымытые и вычищенные коллегами, как и положено перед сдачей смены.

Затянувшись в последний раз, Уэйнрайт бросил окурок в окно, и тот прокатился несколько ярдов, разбрасывая искры, прежде чем погас под дождем.

Пожарный никогда не знает, что будет через пять минут, и в этом одна из волнительных особенностей работы. Сирена может зазвучать в любую секунду. Как только это случится, личный состав должен покинуть общую комнату, спуститься по шесту, облачиться в форму и умчаться к цели, уложившись в расчетное время — девяносто секунд.

За пятнадцать лет службы Мэтт еще не встречал пожарного, который не любил бы свою работу вот за этот адреналиновый кайф, за острые ощущения от гонки на громадном красном звере. И никакие деньги не могли компенсировать тот лихорадочный трепет, с которым ты несешься на восемнадцатитонной машине по улицам города, и зачастую сопутствующее ему предвкушение опасности, когда ты не знаешь, что ждет тебя в конце.

Интересно, что принесет сегодняшний день? Большинство пожарных, как и он сам, считали самым трудным и заманчивым вызовом пожары в жилых помещениях, когда задействовать приходилось всевозможные аспекты подготовки. Некоторым нравилось вытаскивать попавших в дорожную аварию людей. Другие предпочитали масштабные пожары в промышленных строениях, к тушению которых привлекались десятки расчетов со всего графства. Но самым волнительным для всех было спасение людей.

Немалое число пожарных объединяла общая черта: хотя все они служили в депо, и именно эта служба была той осью, вокруг которой вращалась их жизнь, некоторые при этом еще и подрабатывали на стороне. Мэтт надеялся, что когда-нибудь увлечение магией принесет хорошие деньги, и тогда он сможет посвятить ему все время. Судя по растущему списку заказов и приглашений, дело шло в правильном направлении. А учитывая, что дома у него двое детей, жена Сью была бы только рада, если бы ему не пришлось заниматься этим опасным и зачастую отнимающим свободное время делом.

Прячась в тени, под проливным дождем, Брайс Лорен наблюдал за Мэттом Уэйнрайтом, пока тот не вошел в здание депо. Вот тогда-то он и сосредоточил внимание на брошенном окурке. Через несколько минут обе пожарные машины вернулись в гараж, и двери закрылись. Задняя площадка автопарка опустела, и падающий из верхних окон чахлый свет бросал на нее мозаичный узор.

Одетый с головы до ног во все черное, Брайс прокрался к окурку, поднял его и осторожно опустил в пластиковый пакет, который положил в карман. Затем, выпрямившись и оглядевшись, он прошел к «ниссану» Уэйнрайта и за несколько секунд открыл дверцу со стороны водителя.

Уэйнрайт доставал его последние три года. Съедал его ланч. Много о себе воображал. Перехватывал представления, на которые метил Брайс. И на которых он показал бы себя намного лучше.

Хватит, дуралей, больше этому не бывать.

Брайс проскользнул в машину и закрыл дверцу.

49

Вторник, 29 октября

— С добрым утром, старичок. Есть пара минуток? — спросил Гленн Брэнсон, входя без четверти восемь утра в кабинет Роя Грейса, и остановился, заметив на столе чашку кофе, открытую банку кока-колы и блистерную упаковку парацетамола.

Спущенный галстук, болезненная бледность лица, налитые кровью глаза выдавали то ли недосыпание, то ли тяжелое похмелье. В данном случае верны были оба варианта.

— Дерьмово выглядишь.

— Спасибо, — хмуро ответил Грейс.

— Я серьезно. Устроил вчера мальчишник, а мне сказать забыл?

— Очень смешно.

Грэйс посмотрел на инспектора, явившегося на работу в одном из своих модных костюмов, на этот раз коричневом с отливом, и галстуке, который вполне могли прислать с Марса. Для человека, всего три месяца назад потерявшего жену — пусть даже они и не жили уже вместе, — Гленн в последние недели казался на удивление бодрым и жизнерадостным. С другой стороны, потеряв жену, он вернул детей, дом и нормальную жизнь.

Небо за окном, с его видом на парковку у супермаркета «Асда», посерело, приобретя цвет могильного камня, и поливало город дождем.

— Помнишь Кэссиана Пью? — спросил Грейс.

— Красавчика Кэссиана Пью? Златокудрого офицера лондонской полиции со скребущим, гнусавым голоском? Того, что наведывался сюда в прошлом году и ухитрился достать едва ли не всех в этом здании и управлении уголовных расследований Суссекса? Да, помню, и, к несчастью, хорошо. Мистер Двуличие.

Грейс опрокинул стакан колы и подлил еще.

— Да.

Он тоже помнил его слишком хорошо. Потому и перебрал прошлым вечером, о чем жалел теперь, в холодном свете дня. После того как Пью поджав хвост сбежал в Лондон, Грейс узнал, что он фальсифицировал улики по одному старому делу, и пригрозил ему арестом. Чего он не знал ни тогда, ни теперь, — это того, что у Кэссиана Пью был короткий роман с его женой Сэнди.

— Не могу поверить! — отозвался Брэнсон, услышав последние новости. — Пью? Заместителем главного констебля?

— Что ж, придется поверить.

— Помнишь тот фильм, «Афера»?

— С Робертом Редфордом и Полом Ньюманом?

— И Робертом Шоу.

— И что?

Брэнсон пожал плечами.

— Я об этом подумаю. Мы выведем мерзавца на чистую воду.

Грейс улыбнулся. Впервые с того момента, как накануне вечером вышел из кабинета Тома Мартинсона.

— Спасибо, друг, ценю твое отношение. Может, я сначала попробую организовать пропагандистское наступление.

— А пропагандист у тебя есть?

— Поищу, погуглю, — снова усмехнулся Грейс и тут же посерьезнел. — Ладно, ты же не мои проблемы явился выслушивать. Рассказывай.

— Вчера вечером ты попросил меня съездить и поговорить с мисс Рэд Уэствуд, так?

Грейс кивнул.

— Приятная дамочка. Умная, рассудительная. Я изложу тебе всю историю, и, думаю, ты согласишься со мной, когда услышишь, что в том деле с доктором — обгоревшее тело возле гольф-клуба «Хейуордс-Хит» и предсмертная записка — не все так просто.

— То есть?

— То есть это могло быть не самоубийство.

— Все улики указывают на то, что доктор покончил с собой. — Грейс отпил кофе. — В момент возгорания он был жив. Во рту и горле обнаружены ожоги. В легких — дым.

— А теперь выслушай меня. — Брэнсон достал блокнот и зачитал все, что записал накануне.

Через двадцать минут Грейс, покопавшись в сваленных на стол папках, нашел нужную. Из папки он достал предсмертную записку доктора Мерфи, и глаза сами отыскали показавшееся ему любопытным предложение.

— Что эта леди рассказала о докторе?

Гленн задумался. Выглянув в окно, Грейс увидел медленно ползущую с холма патрульную машину. Показав левый поворот, она свернула к воротам центра временного содержания. На заднем сиденье сгорбленная фигура. Арестованный по подозрению в каком-то преступлении. Мысли на мгновенно повернули к сыну. В мире столько злодеев, и лишь небольшой их процент попадает за решетку. Как, черт возьми, сделать мир безопасным для Ноя?

Пока Гленн Брэнсон читал ту часть своих записей, которая касалась доктора Карла Мерфи, Грейс делал свои пометки. Доктор был заядлым гольфистом — что соответствовало местонахождению тела вблизи поля, — и, судя по тому, что он знал, клуб «Хейуордс-Хит» имел высокую репутацию.

— Рэд сказала, что он любил кроссворды, — продолжал Брэнсон. — Каждый день решал кроссворд из «Таймс» и с гордостью говорил, что его лучшее время лишь две минуты уступает мировому рекорду.

— У тебя как с кроссвордами? — спросил Грейс.

Брэнсон покачал головой:

— Не думаю, что особенно силен. Эри — да, иногда решала, даже ко мне за помощью обращалась. Я в них ничего не понимал, кроме тех, где про кино. Эри говорила, что я тупой. — Гленн на секунду погрустнел, потом пожал плечами. — Наверное, так оно и есть. Она была умнее меня. — Он снова помолчал. — Мы хорошо жили. До того как…

Грейс вопросительно посмотрел на друга, который впервые за долгое время упомянул жену.

— До того как?..

Брэнсон пожал плечами.

— До рождения Сэмми. Вот тогда все и изменилось. Я вдруг перестал быть номером один в ее жизни. Не допусти, чтобы такое случилось у вас с Клио.

Грейс понимал, что он имеет в виду. Они с Клио несколько раз обсуждали эту тему и решили, что, хотя с рождением Ноя многое изменилось и они оба его любят, у них всегда будет оставаться время друг для друга.

Он кивнул:

— Мы над этим работаем.

— Работайте как следует, дружище. Наша кривая счастья как упала, так и не поднялась. После рождения Рэми все стало еще хуже, а потом у Эри началась депрессия.

Голос дрогнул; Гленн осекся, не договорив, и Грейс увидел, как по его щеке скатилась слезинка. Подавшись через стол, он похлопал друга по плечу.

— Она превратила твою жизнь в ад. Ты такого отношения не заслужил. Не забывай об этом.

Гленн улыбнулся и вытер слезу тыльной стороной ладони.

— Да. Знаю. Но все равно вспоминаю и ничего с собой поделать не могу.

— Было бы странно, если бы не вспоминал.

Гленн кивнул и шмыгнул носом.

— Ладно, давай к делу. Есть еще одно обстоятельство, на которое нужно обратить внимание. Рэд сказала, что жена Карла, та, что умерла, была по рождению немкой, как и его мать.

— И что тут такого важного?

Брэнсон покачал головой.

— Она ничего важного и не видит.

Рой Грейс задумчиво побарабанил пальцами по столу. Голова гудела, словно ее жалила тысяча пчел.

— Не нравится мне вся эта история с пожарами.

— Я и не думал, что она тебе понравится.

— У нас есть отчет о вскрытии, а против него — ничего. Но… — Грейс пробежал глазами по заметкам. — Связь между пожарами. Единственное общее звено — сама мисс Уэствуд. Думаю, надо бы поговорить с Джеком Скерритом.

Являясь начальником отдела тяжких преступлений, Рой Грейс мог самостоятельно принять решение о переквалификации расследования в отношении смерти доктора Карла Мерфи. Но поскольку полной уверенности в обоснованности такого решения у него не было, а более тщательное, полномасштабное расследование отнимало больше времени и требовало больших финансовых затрат, он пришел к выводу, что в данной ситуации следует прибегнуть к обычной практике и обратиться к вышестоящему начальству — как для того, чтобы подстраховаться и прикрыть спину, так и на всякий случай. Тем более что новый помощник главного констебля Кэссиан Пью, несомненно, будет искать любой повод, чтобы поймать его на просчете и устроить нагоняй.

Грейс позвонил помощнику Скеррита, и тот сказал, что шеф сегодня в отъезде, но завтра утром у него будет тридцатиминутное окошко.

— У тебя медовый месяц, так что расследование я могу взять на себя, — предложил Гленн. — Не хочу, чтобы ты с этим путался.

— Работа на первом месте.

Инспектор покачал головой.

— Работа и твой брак с Сэнди подпортила, и мои отношения с Эри развалила. Не допускай этого больше. Клио — особенная, другой такой не найдешь.

— Карл Мерфи тоже был особенным для кого-то, — возразил Грейс. — И мы обязаны установить истину.

— Я не позволю тебе сломать собственную жизнь. И тебе нужно это понять.

Грейс поднял голову, посмотрел на друга и увидел, что тот абсолютно серьезен.

50

Вторник, 29 октября

Утро давно наступило, но дождь все лил с черного неба. Сидя в фургончике, припаркованном неподалеку от пожарного депо Уэртинга, Брайс Лорен был рад такой погоде. Двери депо поднялись, и через несколько секунд оттуда выехали, с включенными сиренами и мигалками, две машины и влились в полноводный автомобильный поток. Было начало десятого. Наблюдая за машинами, Брайс заметил на пассажирском сиденье второй знакомую фигуру Мэтта Уэйнрайта, командира расчета пожарного отделения. Знакомая картина.

Пожарной бригаде положено покинуть депо через девяносто секунд после сигнала и далее следовать только что полученным и распечатанным на листке инструкциям и указаниям, поступающим в режиме реального времени на компьютерный монитор в кабине. Ему самому нравилось быть членом пожарного расчета.

Не понравилось только, когда его выставили оттуда.

Выставили совершенно незаслуженно. Мэтт был фокусником-любителем. Брайс помогал ему, показал несколько трюков, а потом этот паршивец начал использовать их как свои. Так быть не должно.

И да, он положит этому конец!

Машины с ревом пролетели мимо.

А в голове остался крик.

Мать.

Брайс заткнул пальцами уши. Но крик не умолкал.

Крик из той ночи.

Ночи, когда он вырвался на свободу.

51

— Ты готов, дорогой?

Она ввалилась, пошатываясь, в его спальню. Без ничего, если не считать красных туфель на каблуке. В губах кривая самокрутка с дюймовым пеплом на конце. Он лежал на кровати, читал комикс про Денниса-мучителя. С собой она принесла запах алкоголя и едкую, отдающую резиной вонь тлеющего наркотика.

Она тяжело опустилась на край кровати и удивленно посмотрела на сорвавшийся и спланировавший на ковер серый пепел. Длинные спутанные рыжие волосы упали на лицо —

занавес над первым актом. Она протянула ему самокрутку и приказала затянуться. Он покорно затянулся. Еще, сказала она и сунула руку под одеяло. Схватила, сжала пальцы.

У него закружилась голова. Где-то глубоко в животе появилось странное, как бывает от щекотки, ощущение. Лицо обожгла жаркая волна стыда. В жадных, настойчивых прикосновениях ее пальцев было что-то эротичное. Дряблое, морщинистое тело скользнуло под одеяло, и комикс полетел на пол. Она еще сильнее сжала пенис и начала неторопливо и мягко его массировать. Брайс не хотел этого, но чувствовал, как он растет, увеличивается, крепнет.

— Мамочка сделает это лучше, — прошептала она. — У-у-у, какой большой мальчик. Какой большой! Какой милый! Тебя будут хотеть многие женщины, но они все нечистые, грязные. Ты слишком хорош для этой швали. Ты — маменькин мальчик. Большой маменькин мальчик. Дай-ка мне почувствовать тебя в себе.

Он хорошо помнил и другую ночь, тремя месяцами позже, на праздник святого Валентина. Ему было шестнадцать. Тогда он впервые выпил. С Рикки Хели, своим единственным школьным приятелем. Они оба были высокими, крепкими парнями и выглядели старше своих лет. В пабе связываться с ними не посмел никто. Рикки тоже был аутсайдером — симпатичное лицо и неуклюжее, долговязое тело. У них единственных в классе не было подружек, их даже не тянуло к девчонкам, и на свидание ни один, ни другой ни разу не ходили. Брайс и заговорить-то с девушкой не смел — боялся реакции матери.

В то утро они с Рикки получили, к нескрываемому изумлению одноклассников, по десятку валентинок с изъявлениями любви и страстных желаний от тайных обожательниц. Они даже поверили в чудо, но потом ухмылки товарищей выдали их коварную игру.

Вечером приятели ушли в загул. Они слонялись по Кейптауну, от паба к пабу, в некоторых из которых, по словам Рикки, можно было получить бесплатную выпивку. Кое-где мужчины постарше ставили им пиво и виски и заводили разговоры. Опрокинув стаканчик, Рикки хватал Брайса за руку и торопливо уводил, не обращая внимания на жалобы и протесты угощавших.

Брайс впервые отведал спиртного и, бредя домой по крутому подъему, мимо Квинс-Парка, цепляясь за так же нетвердо державшегося на ногах Рикки, чувствовал, как внутри у него разгорается злость. Пошатываясь, они добрались до Фрешфилд-роуд, пересекли широкую улицу и взяли курс на скромный домик, где жил Брайс.

— Спасибо, — пробормотал он. — Спасибо за помощь, Рикки. Уж и не знаю… — В глазах помутилось, и ему пришлось остановиться. Рикки вдруг подался к нему и крепко прилепился губами к его губам.

— Эй! — Брайс оттолкнул приятеля.

Рикки не отступил и, зажав его лицо между ладонями, приник еще сильнее и даже стал проталкивать язык в рот. Собравшись с силами, Брайс врезал правым коленом ему между ног, а когда Хели отшатнулся, шагнул вперед и смачно залепил кулаком в нос. Брызнула кровь. Хели попятился и, споткнувшись, свалился на землю.

— И больше не пытайся, педик гребаный, — прохрипел Брайс и, оставив приятеля на тротуаре с расквашенным носом, вошел в дом и закрыл за собой дверь.

И тут же услышал запинающийся голос матери.

— Это ты? — Она едва ворочала языком.

— Угу…

— Где шлялся?

— Гулял.

— Ты пил? — В голосе прорезались обвинительные нотки.

— Мне шестнадцать.

— Был с женщинами?

— Нет.

— Ты мне так нужен. Иди к мамочке.

Брайс тяжело и неохотно поднялся по ступенькам, с каждым неверным шагом все сильнее ненавидя *это*, ненавидя себя и то, что будут говорить в школе, если только узнают обо всем. Он протащился по площадке, толкнул дверь в ее спальню и остановился у порога. Мать сидела в своей розовой постели, с сигаретой в губах и почти пустым стаканом виски в руке. Груди едва не вываливались из кружевной сорочки.

— Иди ко мне, малыш, — ухмыльнулась она.

— Я устал, мам.

— Иди и сделай приятное мамочке! Мамочке так нужно это сегодня. Иди сюда, малыш. — Она затянулась, выпустила дым через нос и раздавила сигарету в заполненном окурками блюдце, стоявшем у кровати. По телевизору шел фильм, какой-то боевик с крутыми парнями, из тех, что она смотрела без перерыва. — Давай, дорогой, доставь его мне.

Внезапно тлевшая внутри его злость полыхнула жарким пламенем, и что-то как будто взорвалось. Полными ненависти глазами он смотрел на мать, сжимая кулаки. Смотрел на ее викторианский столик красного дерева. На толпившиеся на столике флаконы с духами, баночки с косметикой, пузыречки, бутылочки и тюбики, баллончик с лаком для волос.

Лак для волос.

Алкогольная дымка вдруг рассеялась. Мысли прояснились. Он сунул в карман левую руку и достал платок.

— Иди к мамочке!

— Только высморкаюсь.

Он не стал сморкаться, но обернул платком правую руку.

Она нахмурилась:

— Что ты делаешь?

Споткнувшись о туалетный столик, он схватил баллончик правой рукой, сбил большим пальцем крышку и, метнувшись к матери, изо всей силы надавил на клапан и направил струю в лицо матери.

Она вытаращилась на него в полнейшем недоумении, но уже в следующую секунду, попав на тлеющую сигарету, спрей вспыхнул, превратившись в ревущую огненную струю. Мать вскрикнула, но он лишь еще сильнее вдавил клапан. Огонь перекинулся на волосы, и она снова вскрикнула и завертелась. Уже занялась сорочка и постельное белье, а Брайс все давил и давил на клапан. Ее лицо почернело, крики ослабли и сошли на хрип. Еще немного, и она упала. Невидящие глаза еще жили, два белых шарика вращались в потемневших глазницах, рот открывался и закрывался.

Огонь разбежался по всей кровати. Отступив к двери, Брайс смотрел, как вспыхивают занавески, как пламя лижет потолок. Мать еще дергалась, но в комнате уже ощущался запах жареного мяса.

Брайс поставил баллончик на прикроватную тумбочку, поднял с пола и вернул на место колпачок, вышел из спальни и, оставив дверь открытой, прошел к себе. Не включая света, проскользнул к окну и выглянул на улицу. Хели исчез. Это хорошо. Никого больше на улице не было. Хорошо. Он тихонько открыл окно, впуская свежий воздух. Потом распахнул ставни и секунду спустя услышал, как заревело пламя.

В свете уличных фонарей Брайс торопливо разделся, натянул пижаму и халат, сунул ноги в домашние тапочки и, еще пошатываясь, вышел на площадку. Спальня матери уже

превратилась в бушующий ад. Жар опалил лицо, но он ждал. Ждал, пока не загорелся дверной косяк, и огонь не переполз на площадку.

Только тогда Брайс осторожно, держась за перила и улыбаясь, спустился, размотал носовой платок и сунул его в карман.

Он подождал еще несколько минут у подножия лестницы. Огненная река уже катилась с ревом вниз. Он открыл входную дверь и вывалился наружу.

— Пожар! Господи, пожар! Пожар! Помогите! Помогите!

Добравшись до соседей, Брайс нажал кнопку звонка и принялся колотить в дверь:

— Пожар! Помогите! Пожалуйста! Там моя мать! Пожалуйста, помогите!

52

Среда, 30 октября

В суссекской полиции шеф управления уголовных расследований Джек Скеррит пользовался заслуженным уважением — жесткий, решительный, твердый полицейский старой школы, чуждый политкорректности и не склонный внимать увещеваниям мягкосердечных либералов. Бывший коммандер Брайтона и Хоува, он имел за спиной большой опыт службы как в регулярной, так и в уголовной полиции. Сейчас ему было пятьдесят два, и в конце года его ждала отставка. Несколько месяцев назад, на вечеринке по случаю проводов на пенсию другого офицера, Скеррит сказал Грейсу, что больше всего в отставке его прельщает возможность ходить в паб и свободно излагать мнение по каждому вопросу, не опасаясь, что тебя процитируют на следующий день в газете, а потом тебе устроят разнос. Придерживаясь, в общем, правых взглядов, он вовсе не был слепым фанатиком.

Этим утром Скеррит пребывал не в лучшем настроении — новость о назначении Кэссиана Пью едва не отправила его на больничную койку. Грейс и Брэнсон сидели за двенадцатиместным круглым столом в просторном офисе наискосок от кабинета Грейса в Суссекс-Хаусе, а старший суперинтендент изливал желчь.

— Том Мартинсон — отличный парень. Не понимаю. Обязательно с ним поговорю. Вернуть этого поддонка то же самое, что поставить психа во главе сумасшедшего дома. Чушь!

Когда Скеррит наконец успокоился, Грейс коротко изложил суть дела, предоставив Брэнсону возможность детально объяснить причины, позволяющие предполагать, что смерть доктора Карла Мерфи не была самоубийством.

Скеррит покачал головой.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но, боюсь, вы меня не убедили. Не так давно помощник главного констебля Ригг чуть заживо меня не съел из-за расходов этого отдела, и поддержать ваше прошение о переквалификации расследования с самоубийства на убийство со всеми сопутствующими расходами я на основании изложенного не могу. Решение, Рой, должен принять ты сам, ясно понимая, что делаешь.

— Так что еще мне нужно, Джек? — раздраженно спросил Грейс.

Вообще-то выдержка изменяла ему редко, но недосыпание в сочетании с неуступчивостью Скеррита подвели его к опасной черте.

— Опыта тебе не занимать, Рой. Чутье на убийство у тебя хорошее. Но на этот раз, думаю, оно тебя подвело. Меня ты не убедил.

Грейс постучал себя пальцем по носу.

— Нюх полицейского, сэр. Он и говорит мне, что дело пахнет убийством.

— Несмотря на предсмертную записку, подлинность которой подтвердил графолог, и вопреки выводам, изложенным в отчете патологоанатома?

— Насчет записки полной уверенности у меня нет, но и подтвердить сомнения фактами я пока тоже не могу.

— Что касается пожаров, Рой… Связь между ними установлена?

— Как раз этим я сейчас и занимаюсь. Обсуждаем каждый случай с главным пожарным следователем.

Скеррит кивнул.

— Послушай. Ясно одно — никто не знает, что на уме у человека за секунды до самоубийства. Доктор Карл Мерфи вряд ли мог рассуждать здраво. Отец двоих детей не станет сводить счеты с жизнью, если он в здравом рассудке.

Грейс посмотрел на Брэнсона, потом снова на главного суперинтендента.

— Что нужно, сэр, чтобы вы передумали и поддержали мое прошение о переквалификации дела на убийство?

— Подкрепи сомнения в подлинности записки — это будет серьезный аргумент. Сможешь убедить меня, что она написана под давлением, вот тогда мы и подумаем.

Грейс невесело улыбнулся. Скеррит не был идиотом и, скорее всего, видел всю ситуацию яснее, чем он сам. И возможно, он был прав в том, что принимал решение на основании представленной информации. Но что-то подсказывало Грейсу, что здесь не все так просто.

Скеррит развел руками:

— Извини, но решать придется тебе. А захочешь поговорить — всегда пожалуйста.

53

Среда, 30 октября

На часах было около десяти, когда два детектива молча вернулись в кабинет суперинтендента и задумчиво сели к круглому столу.

— Хочешь кофе? — спросил Грейс.

Гленн уныло кивнул.

— Я принесу.

— Нет, я схожу…

Гленн махнул на друга рукой.

— Тебе, старичок, надо поберечь силы для брачной ночи.

— Ха-ха! — Грейс поджал губы и стукнул кулаком в ладонь. — Убедить, что записка написана под давлением? И с чего, черт возьми, предлагается начать?

В дверь постучали, и Норман Поттинг, не дожидаясь ответа и помахивая листком бумаги в прозрачном файле, решительно прошел в кабинет. Вид у него был чрезвычайно самодовольный. Увидев хмурые лица детективов, он остановился.

— Извините, не помешал?

— Все в порядке, — отозвался Грейс. — Что-то срочное?

— Может быть, шеф. Предсмертная записка доктора Мерфи, помните, вы просили меня взглянуть на нее? Похоже, я кое-что нашел.

Детективы мгновенно оживились.

— Рассказывай.

Поттинг достал из файла листок и положил на стол. Эта была копия предсмертной записки с обведенными кружками отдельными словами и примечаниями на полях, сделанными синими чернилами. Сержант сел. Грейс и Брэнсон последовали его примеру — один сел справа от Поттинга, другой слева, и оба придвинули стулья поближе.

Мне так жаль. Мое завещание находится у солиситора Мод Опфер из «Опфер Декстер ассошиэйтс». Жизнь после смерти Ингрид потеряла смысл. Хочу снова с ней соединиться. Пожалуйста, передайте Дейну и Бену, что я люблю их и всегда буду любить, а еще скажите, что папа ушел, чтобы заботиться о маме. Люблю вас обоих. Когда-нибудь, повзрослев, вы, может быть, сможете простить меня. XX.

Поттинг указал на имя солиситора.

— Я решил для начала связаться с юридической фирмой и переговорить с этой самой Мод Опфер, может быть, узнать что-то новое. Не получилось. Такой юридической фирмы, «Опфер Декстер ассошиэйтс», просто не существует.

Грейс нахмурился.

— Мне это название среди местных тоже не встречалось, но я подумал, что она, может быть, лондонская или находится где-то еще.

Поттинг покачал головой.

— Я сразу подумал, что здесь что-то не так. Фамилия Декстер — на ум приходит герой телесериала, серийный убийца. Ну, вы знаете, что я имею в виду?

Грейс кивнул.

— Да, его Клио смотрит.

— Я тоже несколько серий видел, — сказал Брэнсон.

— Опфер — тоже чудное имя, — продолжал Поттинг. — Мне стало интересно — что оно значит? Забил в Гугл-переводчик — он распознает слово или фразу на самых распространенных языках. Оказывается, с немецкого это слово переводится как «жертва».

— Ни фига себе! — воскликнул Брэнсон.

— Карл Мерфи хорошо говорил на немецком, — объяснил Поттинг. — Его мать родом из Мюнхена — отсюда и его собственное имя, Карл. На языке кроссворда «Мод» очень близко от немецкого mord, что означает «смерть». И такой заядлый любитель кроссвордов, как Карл Мерфи, конечно, это знал. Складываем два слова, вводим в Гугл и получаем — «жертва убийства».

Несколько секунд Грейс и Брэнсон молча смотрели на обведенные кружками слова и приписку на полях.

— Это, конечно, только предположение, — сказал Поттинг. — Но вы что думаете?

Грейс уже не слышал. Он достал телефон и дрожащей рукой набрал номер Скеррита.

54

Среда, 30 октября

Хотя Грейс и прошел специальную подготовку по методу когнитивного интервью свидетеля и подозреваемого, сам он допросы проводил редко, предпочитая доверять организацию этого трудоемкого процесса более опытным членам своей команды и сосредоточиваясь на общем руководстве и наблюдении. Наиболее важные эпизоды допроса он обычно просматривал позднее в записи.

Грейс ясно понимал как то, что за двадцать лет службы накопил большой опыт, так и то, что с годами увеличивается опасность заразиться самодовольством. Именно по этой причине самые бывалые и тертые падают и бьются куда сильнее новичков.

Свидетельством тому — многочисленные трагические авиакатастрофы, когда за штурвалом находился капитан воздушного лайнера, в том числе едва ли не худшая из всех: столкновение на Тенерифе в 1977 году двух «Боингов-747», один из которых принадлежал компании KLM, а другой — «Пан-Америкэн». Можно долго перечислять случаи, когда опытные хирурги ампутировали в больнице не больную, а здоровую конечность — именно по причине невнимательности и небрежности как следствия самоуспокоенности. И наконец, никто не опровергнет тот печальный факт, что все топовые эксперты по лавинам погибли как раз под лавинами.

Вот почему в начале и на протяжении каждого расследования убийства Рой Грейс прилежно записывал все принимаемые решения в свой полицейский блокнот и проверял каждую процедуру на соответствие образцу, изложенному во всех деталях в «Руководстве по расследованию убийств».

Но сейчас суперинтендент чувствовал, что должен лично увидеть Рэд Уэствуд и поговорить с ней. В начале шестого вечера Грейс вошел в комнату для опроса свидетелей, находившуюся неподалеку от конференц-зала.

Квадратная, без окон, комната была обставлена скромно, но довольно уютно: кофейный столик с графином воды, стаканами и тремя кофейными чашками; укрепленная высоко на стене камера видеонаблюдения и встроенное записывающее оборудование. Гленн Брэнсон пришел раньше и уже устроился рядом с заметно нервничавшей женщиной лет тридцати, замершей на краешке стула в скованной позе. Грейс подмигнул коллеге, которого раньше уже укорил за чересчур броский галстук. Специалистов по допросам с самого начала учат одеваться как можно проще и незаметнее, чтобы свидетеля ничто не отвлекало. Говорить что-то Брэнсону сейчас было уже поздно, так что суперинтендент сосредоточил внимание на молодой женщине, решая, что же он все-таки хочет узнать от нее за ближайший час.

Привлекательное лицо, немножко узкое и кажущееся еще уже из-за длинных, элегантно подстриженных и разделенных посередине пробором темно-рыжих волос, обрамлявших его с обеих сторон. Тонкая черная водолазка, короткая твидовая юбка, черные легинсы и черные, до колен сапоги. Когда он вошел, она вежливо улыбнулась, показав красивые белые зубы. Все бы хорошо, но женщина явно держалась из последних сил.

— Рэд Уэствуд — детектив-суперинтендент Рой Грейс, — сказал Гленн и повернулся к женщине. — Суперинтендент Грейс будет возглавлять расследование по этому делу. Так что вы попали в хорошие руки — он у нас лучший.

Рэд Уэствуд улыбнулась, и все ее лицо как будто осветилось на мгновение, а потом на него снова набежало темное облачко. В это мгновение Грейс успел увидеть в ней огромное внутреннее тепло. И тут же проникся глубокой симпатией.

Он закрыл дверь и сел.

— Мисс Уэствуд, вы не против, что наш разговор будет записываться?

— Нисколько.

Голос у нее был сильный, уверенный, немного раскатистый, но карие глаза, как и пальцы, постоянно трогавшие серебряный браслет на запястье, выдавали тревогу и нервное напряжение. Из других украшений у нее было серебряное колечко на большом пальце правой руки и тонкое серебряное ожерелье с крестиком и несколькими серебряными брелками.

Гленн, привстав, включил видеозапись.

— Семнадцать ноль пять, среда, тридцатое октября, — произнес Рой Грейс. — Опрос мисс Рэд Уэствуд проводят детектив-суперинтендент Рой Грейс и детектив-инспектор Гленн Брэнсон. — Он посмотрел на Рэд. — Вам, наверное, пришлось уйти с работы, мисс Уэствуд. Спасибо.

— Спасибо вам. Я прошла через ад и очень признательна за ваше приглашение. — Она посмотрела сначала на одного, потом на другого детектива и нервно улыбнулась. В этом комнате, в этом здании ее окружала атмосфера безопасности. Сейчас она бы даже согласилась остаться здесь навсегда.

— Я знаю, что вы уже рассказали инспектору Брэнсону о том, что произошло вечером в понедельник, но мне хотелось бы попросить вас сделать это еще раз, если вы, конечно, не против, — сказал Грейс.

— Нет, конечно. С чего мне начать?

— Расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с Брайсом Лореном.

Она состроила гримаску, и Грейс заметил, как наморщился ее миленький носик.

— Вообще-то мне не очень приятно об этом рассказывать. До него у меня были довольно долгие отношения с одним парнем, Домиником Чандлером, но в какой-то момент я поняла, что не хочу провести с ним остаток жизни. Мы шли разными курсами. И он, и я хотели детей, но только я не хотела детей от него. Мы расстались — не очень красиво, но это уже другая история.

— В тех ваших отношениях были другие проблемы? — спросил Грейс.

— Другие проблемы?

— Не был ли, например, Доминик Чандлер склонен к насилию?

Рэд решительно покачала головой:

— Нет, вовсе нет. В этом смысле он был человеком очень мягким. И опасаться ему было нечего — пока мы оставались вместе, я была абсолютно ему верна.

— Вы не считаете, что Доминик имел основания чувствовать себя обиженным, затаил зло?

— Доминик? Нет. Я столкнулась с ним несколько месяцев назад на вокзале в Хоуве. Он был в хорошем настроении, бодрый, сказал, что собирается жениться. Нет, насилие и Доминик несовместимы.

Детективы переглянулись.

— Хорошо, — продолжал Грейс, — а теперь расскажите, что случилось после того, как вы расстались с Домиником Чандлером.

— Я съехала с его квартиры и сняла свою. Мне сразу стало легче, но в то же время… понимаете… я четко сознавала, что мои биологические часы тикают, время уходит. Если хочешь завести детей, надо с кем-то познакомиться. И не тянуть. Друзья устроили мне несколько свиданий вслепую, но все они закончились ничем. Потом моя лучшая подруга Рэкел Ивенс посоветовала поискать счастья на сайтах знакомств. Ну и я зарегистрировалась на двух таких сайтах и повесила объявление.

— Что вы там написали?

Гленн достал блокнот и принялся искать страницу с записанными в понедельник вечером словами. Рэд покраснела и открыла сумочку.

— Я захватила его с собой. Подумала, что может понадобиться. — Она развернула листок и прочитала: — «Одинокая девушка с огнем в волосах, 29 лет, чахнет на любовном пепелище. Ищет новое вдохновение, новое пламя для тлеющего костра. Приятного общения, дружбы и — кто знает — может быть, чего-то большего?» — Она посмотрела на детективов. — Немного чересчур, да?

Мужчины сохранили непроницаемое выражение.

Грейс взял у Рэд листок, прочитал и вернул ей.

— В разговоре с инспектором Брэнсоном вы назвали Брайса Лорена фокусником. У него были трюки с огнем?

Она кивнула:

— Да. Более того, в прошлом он даже работал пожарным. Может, и сейчас работает.

Детективы нахмурились.

— Вы полагаете, что Брайс Лорен может работать в пожарном депо? — уточнил Гленн Брэнсон.

— Ну, там ведь и другие работы есть, кроме пожарного. Можно быть, например, внештатным сотрудником автоматической пожарной станции. Для этого нужно жить или работать поблизости от нее. — Она вскинула брови. — Но, честно говоря, Брайс может заниматься чем угодно и быть кем угодно. Когда мы только познакомились, он рассказывал, что был пилотом в Штатах, а потом перешел в службу воздушного движения, чтобы быть рядом с больной женой. Все оказалось враньем. У него даже имя ненастоящее, а вымышленных — не сосчитать.

— Вы их знаете? — спросил Грейс.

— Некоторые. Брайс Лорен — это только для знакомства. Его настоящее имя мне неизвестно, и он нагородил столько лжи о своем прошлом, что, может быть, и сам его толком не помнит. Наверняка я знаю только то, что раскопал нанятый мамой, втайне от меня, детектив; вообще-то теперь я благодарна ей за это. Некоторое время он служил сапером в Территориальной армии, но оттуда его, как и отовсюду, выгнали. Он работал в компании, занимавшейся установкой систем безопасности, но и там долго не задержался. Брайс — талантливый иллюзионист. Он даже начал делать себе имя в Брайтоне, но и этот шанс тоже упустил.

Грейс неодобрительно насупился.

— Похоже, ваш приятель обладает набором умений, вполне подходящих для всего, в чем мы можем его подозревать.

— А еще он замечательный художник, в первую очередь карикатурист.

— Какие из его фокусов связаны с огнем?

— Таких немало: Один назывался «Зажги шнурок», другой — «Зажги бумагу», был еще «Зажги шерсть». Он очень увлекался пиротехникой, а однажды сказал, что у него есть побочный бизнес по изготовлению на заказ фейерверков.

— Вот как? — встрепенулся Гленн Брэнсон. — Что еще он вам об этом рассказал?

— Совсем мало. Сказал только, что у него есть мастерская, но где именно, я даже не представляю. Думаю, где-то в Суссексе.

— Как долго вы были вместе?

— Около двух лет.

— И он ни разу не свозил вас в эту мастерскую? Не рассказал, где она? — удивился Брэнсон.

— Не забывайте, почти все это время он лгал, притворяясь, что работает авиадиспетчером в Гатуике. Приходил домой со смены, рассказывал, как прошел день, что случилось. И так убедительно рассказывал, что у меня и малейших подозрений не возникало. Только когда мама показала отчет из детективного агентства…

— Хорошо. А теперь постарайтесь вспомнить и рассказать нам, как вы чувствовали себя, когда впервые встретились с Брайсом, — попросил Рой Грейс.

— Я была тогда не в лучшем состоянии, и после нескольких тягостных лет с Домиником Брайс поначалу воспринимался как дуновение свежего воздуха. Наверное, он искренне увлекся мной. Осыпал подарками. А я верила всему, что он рассказывал о себе. И почему мне было не верить? У меня не было на то абсолютно никаких причин. Я так злилась на мать за то, что она отнеслась к нему с подозрением. Как говорится, любовь слепа. Так оно и есть. Я

была слепа. Несколько месяцев ничего не видела и не желала видеть. А ведь должна была бы догадаться, потому что никто из моих друзей комфортно себя с ним не чувствовал.

— Вы знаете, где он живет сейчас?

— Нет, не знаю.

— Суд вынес решение, согласно которому ему запрещено жить ближе чем в полумиле от вас, — сказал Брэнсон. — Вы сказали, что вроде бы видели его возле вашего офиса в прошлый четверг. Но до конца не уверены, да?

— Не уверена.

— Кто-то другой, кроме Брайса Лорена, мог нарисовать червонную даму на зеркале в вашей ванной? — спросил Грейс.

— Никто. Без меня ко мне никто не заходит, даже водопроводчик. Но как он мог туда попасть?

— Судя по всему, парень он изобретательный.

— О да.

— Наша первоочередная задача состоит в том, — продолжал Рой Грейс, — чтобы установить связь между Брайсом Лореном и смертью доктора Карла Мерфи, пожаром в ресторане «Куба Либре» и мини-маркете и возгоранием вашей машины. Но если он действительно побывал вчера в вашей квартире, если это он надел вам на палец кольцо, то ваша безопасность не гарантирована. Мы можем арестовать его — если сумеем найти. Но вам необходимо переехать. Считать вашу квартиру безопасной больше нельзя.

— Сейчас там есть специальная комната, — вмешался Гленн Брэнсон. — Закрыть и открыть ее можно только изнутри — она неприступна и обеспечивает защиту по меньшей мере на час. Этого времени вполне достаточно, чтобы мы успели подъехать.

— Вообще-то я скоро переезжаю, — сообщила Рэд. — В ближайшие дни подпишу документы.

— Куда переезжаете? — спросил Грейс.

— Ближе к набережной, в Кейптаун.

Суперинтендент задумался.

— И когда это произойдет?

— В ближайшие месяц-полтора.

— Откровенно говоря, я бы хотел, чтобы вы вообще уехали из Брайтона.

— Уехала? Вы о чем? Куда?

— Куда-нибудь подальше. И чтобы сменили имя — до тех пор, пока мы не найдем этого человека и не арестуем.

Рэд покачала головой:

— Нет, нет, я не хочу никуда уезжать. У меня здесь работа, новая карьера. Я не намерена отступать перед этим мерзавцем. Не могу позволить ему взять верх. Я останусь в Брайтоне.

— Это ведь не навсегда, — попытался убедить ее Брэнсон.

— Я не хочу терять работу. Пожалуйста. Вы ведь не можете заставить меня уехать?

Грейс покачал головой.

— Но в соответствии с руководящими указаниями я обязан взять с вас подписку, — извиняющимся тоном сказал Грейс. — Документ чисто формальный. В нем говорится, что мы не имеем возможности обеспечить вам круглосуточную защиту, а потому советуем принять меры предосторожности и рассмотреть как вариант возможность переезда.

— Мы могли бы официально приставить к вам сотрудника службы защиты свидетелей, хотя, как я понимаю, таковой у вас уже имеется в лице констебля Споффорда. — Брэнсон взглянул на суперинтендента, ища у него одобрения. — Но охранять вас день и ночь он не в состоянии.

Рэд ощутила неприятный холодок в животе. Наверное, переезд был наилучшим вариантом. Но вся ее жизнь, все, что она знала и любила, было здесь, в Брайтоне и вокруг него. Жить где-то вдалеке, одной, в каком-нибудь прибрежном пансионате, в незнакомом месте, на другом конце страны. Без семьи, без друзей. И как тогда быть с работой?

— Дело в том, Рэд, что у нас ограниченные ресурсы. Мы не имеем возможности гарантированно защитить вас, но можем вас спрятать, — добавил Брэнсон.

— Вы только что сами сказали, что Брайс очень изобретательный. Если он захочет найти меня, то найдет, как уже нашел мою квартиру. Если за всеми этими пожарами действительно стоит Брайс, то это значит, что он хочет напугать меня, наказать. Не думаю, что мне угрожает физическая опасность. Если бы он хотел навредить, то уже сделал бы это, ведь так?

Детективы снова обменялись взглядами, и Рой Грейс посмотрел ей в глаза:

— Как вы думаете, возможно ли, что он хотел наказать доктора Мерфи?

— Наказать Карла?

— Да. За то, что он встречался с вами?

Рэд ошеломленно посмотрела на них и увидела перед собой серьезные лица двоих мужчин. По коже побежали мурашки. Полный смысл сказанного детективом дошел до нее лишь теперь, и живот как будто скрутило узлом. Мысль эта уже несколько дней мерцала где-то на периферии сознания, но она отказывалась ее признавать. У Брайса, конечно, была темная сторона, но он ведь не мог зайти настолько далеко? Не мог?

— Вы… вы думаете… думаете, что он… он… — Рэд не договорила. Не смогла. Она просто не знала, что сказать. Ее словно обволокло темным, едким туманом.

А потом через туман пробился голос чернокожего детектива. Заботливый. Мягкий.

— Рэд? Вы в порядке?

Она посмотрела на него сквозь слезы:

— Нет. Пожалуйста, скажите, что Брайс не… не… О боже. — Она закрыла лицо руками и дала волю слезам, выплакивая все, что скопилось за последнюю неделю.

Гленн Брэнсон протянул салфетку, и Рэд, всхлипывая, промокнула глаза.

— Извините. Мне очень жаль. Господи. В тот день, когда я порвала с Брайсом, когда выставила его с помощью констебля Споффорда, мне казалось, что кошмар закончился. А теперь у меня такое чувство, что он тогда только начался.

55

Среда, 30 октября

Начался, девочка, тут ты права! Это я тебе обещаю. В день, когда ты унизила меня, в тот день и начался твой кошмар. Хотя, если уж быть точным, кошмар — слово неправильное. Видишь ли, после кошмара просыпаются.

С тобой этого не будет.

Брайс слушал разговор, сидя в наушниках за столом у себя в мастерской, перед открытым на одном из компьютерных мониторов твитдеком. Слушая, он продолжал печатать. Работа в многозадачном режиме — так это называется. В последние месяцы у него это

хорошо получалось. Слушать Рэд и заниматься другими делами. Что-то из услышанного вызывало у него улыбку, что-то раздражало и злило.

Но больше всего его бесили те звуки, что издавали Рэд и доктор, занимаясь сексом. Все эти ее стоны, вздохи, словечки, срывавшиеся с ее губ в мгновения экстаза.

Те же словечки, что он слышал вживую, когда она кончала вместе с ним. Она как будто знала, что он подслушивает, и нарочно его дразнила.

Он должен был положить этому конец, прекратить и принять меры, чтобы этого никогда больше не случилось — потому что терпеть такую боль невозможно.

Брайс вышел из твитдека. Интернет — великое дело; в нем так легко оставаться безымянным. Безымянным он был и в реальной жизни. Создать виртуальную личность нетрудно, но это требует некоторых физических усилий. Пройтись по жилым многоэтажкам, вытащить из почтовых ящиков побольше желтовато-коричневых конвертов — с квитанциями по оплате, водительскими удостоверениями, бланками налоговых деклараций, — которыми пользуются многочисленные административные учреждения. Потом заглянуть в журнал регистрации смертей государственного архива, найти совпадающие имена и фамилии людей, умерших слишком юными, чтобы обращаться за паспортами или водительскими правами. Сейчас у него были документы на семь различных имен — паспорта, водительские удостоверения, банковские счета, кредитные карточки, — зарегистрированных по семи различным адресам электронной почты. Как и его «лендровер».

Они собирались приставить к Рэд сотрудника из отдела семейных проблем. Как мило! Рэд можно связать и заставить смотреть, как он будет резать эту самую сотрудницу — или сотрудника — на кусочки. Хороший урок любителям совать нос в чужие сердечные дела. Вот тогда эта щеголиха Рэд поймет, что ее ожидает, какой сюрприз он ей приготовил. Если он увидит ужас на ее личике, это будет достойная расплата за всю ту боль, что причинили ему и сама Рэд, и ее гадкая семейка. Он заставит ее смотреть. Долго. Часами. Днями. Может быть, даже неделями. Она, конечно, станет молить о пощаде. Просить, чтобы он вернулся. Обещать, что у них все будет как раньше. Заверять его в вечной любви.

Вечная любовь. Любовь, что не умрет никогда.

Услышать такие слова было бы приятно.

В последние мгновения ее жизни.

Но сначала нужно поработать. Брайс открыл программу анимации и начал рисовать лодку.

Интервью закончилось. Рэд собиралась домой. Лодка принимала симпатичные очертания. Брайс выбрал из «Спотифая» песню Рода Стюарта Sailing, одну из любимых песен Рэд. И улыбнулся, слушая. *Я плыву…*

Жизнь на океанской волне. Хей-хо.

А может быть, смерть.

Надо найти в Гугле адмиралтейские карты Канала.

56

Среда, 30 октября

В начале девятого вечера, выдавшегося по-октябрьски сырым и холодным, Гленн Брэнсон свернул на Черч-роуд.

— Я выйду где-нибудь здесь, — сказала Рэд.

— Уверены? Могу доставить вас прямо к подъезду. Убедиться, что вы в безопасности.

Ей понравился этот высокий, большой и заботливый великан с добрым лицом. Рядом с ним она чувствовала себя в полной безопасности и вместе с тем ощущала его тайную печаль, его уязвимое место. Рэд предприняла пару попыток расспросить детектива о личной жизни, пока они ползли в плотном потоке машин от управления уголовных расследований, но он стойко держался одной темы: необходимости для нее быть начеку ради собственной же безопасности.

— Спасибо, но мне еще нужно купить что-нибудь из продуктов.

Они как раз проезжали мимо почерневшего от сажи фасада мини-маркета с перегороженным входом и табличками *«Извините, мы закрыты»* на двери.

— Будьте осторожны там, куда пойдете. Больше никакой пиротехники, ладно?

Она невесело улыбнулась и указала на гипермаркет «Теско» через дорогу.

— Если можно, высадите меня вон там.

Инспектор показал правый поворот.

— Доставка к двери — для мадам!

Прижимаясь к тротуару, Гленн заметил грязную бритую голову старого знакомого, пятидесятилетнего Джимми Уэста, прохаживавшегося возле мусорной урны. Скорее всего, бывалый пройдоха собирал чеки, чтобы зайти потом в магазин, набрать соответствующее пробитой сумме количество продуктов и преспокойно удалиться. Впрочем, сейчас Джимми Уэст интересовал его меньше всего.

— Вы очень добры, — сказала Рэд, открывая дверцу.

— Да, я и сам знаю, — усмехнулся Гленн.

Она улыбнулась и даже едва не чмокнула его на прощание, но в последний момент воздержалась, решив, что такой жест будет не совсем уместным. И, помахав рукой, захлопнула дверцу.

Гленн проводил женщину долгим взглядом. Симпатичная леди. От него не укрылась промелькнувшая на ее лице нерешительность. Если она хотела поцеловать его, он был бы совсем даже не против. Скорее наоборот.

Между тем Джимми Уэст двинулся к мусорной урне. Брэнсон опустил стекло с левой стороны, высунулся и крикнул:

— Привет, Джимми! За покупками собрался, а?

Уэст нервно обернулся и, зыркнув по сторонам, наткнулся на знакомое лицо.

— А, добрый вечер… э, сержант. Сержант Бистоу!

— Брэнсон. И не сержант, а инспектор. Что поделываешь?

— Я? Да так… иду. Просто прохожу мимо.

— Вот и хорошо. Тогда иди. Мимо.

Джимми поднял палец, сигнализируя о своей готовности подчиниться.

Гленн посидел еще немного, наблюдая за Уэстом, пока тот не убрался с автостоянки и не вышел на улицу. Когда-то он жалел таких, как Джимми. Людей, которые, пусть и по своей вине, попали в жизненный водоворот. Но после нескольких лет в полиции его, как и многих знакомых коллег, отношение к ним изменилось. Опыт закаляет и ожесточает. Ты начинаешь выискивать в людях плохое, а не хорошее. И чаще всего долго искать не приходится.

Но вот в Рэд хорошее было точно. Он это почувствовал. Почувствовал ее тепло.

Гленн отъехал от тротуара и, развернувшись, остановился на другой стороне улицы. Дождался, пока она вышла из магазина с двумя пакетами. Держась на почтительном расстоянии, проводил до дома, подождал, пока войдет, и, убедившись, что ей ничто не угрожает, поехал назад, в Суссекс-Хаус.

57

Среда, 30 октября

Рэд включила свет на лестнице и, поглядывая настороженно по сторонам, поднялась по ступенькам с двумя тяжелыми пакетами из «Теско». На площадке она остановилась, прислушалась, посмотрела в коридор, вниз, на лестницу, и только потом поставила пакеты, вытащила ключи и проверила, на месте ли вставленный между дверью и косяком волосок. Волосок был на месте.

Рэд открыла три замка, вошла в прихожую, включила свет, закрыла дверь, задвинула задвижки и набросила цепочку. Постояла несколько секунд, вслушиваясь в тишину, отсеивая посторонние звуки. Снаружи донесся затихающий вдалеке вой сирены. Она пронесла пакеты по короткому коридорчику, щелкнула выключателями в безопасной комнате за укрепленной дверью и спальне, проверила обе, потом заглянула в ванную, повернула в кухню и, наконец, поставила пакеты на пол.

Из двух купленных бутылок «совиньон блан» одна отправилась в морозильную камеру, другая — в холодильник. Туда же проследовали молоко, сыр, хлеб, голубика и виноград. Салат остался на столе. Рэд вскрыла упаковку с рыбным пирогом, сунула его в микроволновку и установила таймер.

На автоответчике мигал красный огонек. Она ткнула пальцем кнопку и стянула пальто. Сообщение от матери. Мать всегда звонила на домашний и оставляла сообщение вместо того, чтобы набрать номер сотового, который она постоянно носила с собой. И что с этим делать? Сказано тысячу раз, а толку никакого.

Привет, дорогая. Прогноз погоды на завтра хороший, так что мы с твоим отцом рано утром отправляемся на поезде в Чичестер, а потом вернемся на лодке в марину. Если сможешь, возьми отгул на денек и присоединяйся к нам — свежий воздух тебе на пользу!

Вот уж да, угрюмо подумала Рэд. Целый день на воде — морозить задницу, жевать сэндвичи с недоваренным яйцом и помидорами, пить теплое пиво да еще в придачу слушать очередную лекцию благонамеренных родителей, которые не преминут напомнить, как она испортила себе жизнь.

Рэд позвонила матери и сказала, что, конечно, очень хотела бы составить им компанию, но у нее завтра три просмотра, так что не пойти на работу нет никакой возможности. Поговорив, они еще раз подтвердили, что встретятся в воскресенье, в полдень, на ее новой квартире.

Убрав телефон, Рэд открыла крышку лэптопа и первым делом проверила почту. Как обычно, тонна спама, предложение поиграть в следующую среду в лакросс, на которое она тут же ответила согласием, и еще одно с напоминанием о новогодней вечеринке — Рэд отметила дату в календаре.

И вдруг — новое письмо.

Рэд Уэствуд, у вас новые подписчики в Твиттере.

После трех лет пребывания в Твиттере у нее набралось всего-то сто тридцать семь фолловеров — жалкий результат, учитывая, что сама Рэд числилась в подписчиках более чем у семи тысяч человек, включая Джонатана Росса, Стивена Фрая, премьер-министра, президента Обаму и прочих знаменитостей по всему миру. Не то чтобы данный факт сильно ее беспокоил, но заиметь новых фолловеров всегда приятно.

Она кликнула по ссылке и прочитала: «Червонная дама следит за тобой».

58

Среда, 30 октября

После разговора с Рэд Уэствуд других доказательств суперинтенденту уже не требовалось. Он поверил ей, почувствовал ее боль и почти сразу же позвонил Клио — предупредить, что задержится, но постарается быть как можно раньше. Голос у него был усталый.

— Пожалуйста, дорогой, возвращайся. Ной весь день не в духе, по-моему, у него режутся зубки.

Стараясь не поддаться чувству вины, Грейс следующие полтора часа провел в офисе. Сначала попросил Тони Кейса, заведовавшего административной частью Суссекс-Хауса, освободить для него помещение оперативного штаба, где несколько сотрудников завершали дело, следствие по которому уже закончилось. Потом сделал ряд звонков, собирая команду из тех, кто был ему нужен, и оповещая об утреннем совещании в половине девятого следующего утра.

По пути домой, в самом начале десятого, Грейс продолжал звонить, пользуясь гарнитурой хэндс-фри. К тому моменту, когда он, все еще с телефоном в руке, вышел из машины, большая часть людей была уже оповещена. Он прошел через двор таунхауса Клио, в котором они жили до предполагаемого, если покупка не сорвется, в ближайшие недели переезда в загородный дом. Чуть раньше, в конце рабочего дня, его порадовали обнадеживающим известием из агентства недвижимости, сообщив о потенциальном покупателе его собственного дома, в котором он жил с Сэнди. Конкретного предложения в агентстве ожидали утром.

Он открыл ключом замок и толкнул дверь, думая о том, как правы были все те, кто говорил ему, что ребенок изменит всю его жизнь. Так оно и случилось, несмотря на все их с Клио попытки. Наверное, иначе не могло и быть, учитывая свалившуюся на них огромную ответственность.

Вплоть до последнего месяца беременности Грейса, когда он приходил вечером с работы, ожидал запах ароматизированных свечей, музыка и Клио с бокалом холодного коктейля и страстным поцелуем.

Сегодня запах был другой — детской присыпки и свежевыстиранных пеленок, которые Клио предпочитала памперсам. Сама она сидела в просторном халате на диване, совмещая кормление грудью с телевизором, и мужа встретила вымученной улыбкой.

— Привет, дорогой. Как прошел день?

Грейс сбросил пальто и потрепал скачущего рядом Хамфри.

— Ну, как тебе сказать… вообще-то немного паршиво. Новое расследование, убийство, без которого я сейчас прекрасно бы обошелся.

Клио мгновенно погрустнела:

— И это как-то скажется на нашем…

— Нет и нет! — оборвал ее он. — Ни на субботе, ни на нашем медовом месяце это никак не отразится. Как наш маленький дружок?

Ной сосал грудь и даже не открыл глаза.

— Пока все в порядке. Но весь день капризничал из-за комбинированного питания. Не думаю, что мы сегодня успеем выспаться. Тебе, наверное, лучше лечь в гостевой спальне.

Рой покачал головой:

— Один за всех и все за одного!

Она улыбнулась:

— Это ты у Гленна позаимствовал?

— Вообще-то нет. «Три мушкетера» — одна из немногих книг, которые я помню с детства. — Он посмотрел на экран телевизора. — Я бы выпил.

— Все уже готово.

Грейс послал ей воздушный поцелуй и вышел в кухню, где смешал водки с мартини, после чего вернулся в гостиную и сел на краешек дивана. Первый же глоток пробудил желание покурить, но с этим надо было подождать, пока Ной не отправится в постельку.

— Если хочешь отложить медовый месяц, я пойму, — заверила его Клио.

— Об этом нет и речи.

— Мне бы не хотелось, чтобы Кэссиан Пью использовал это против тебя. Он вполне может обвинить тебя в том, что ты бросил дело на середине расследования.

Грейс покачал головой:

— Следствие уже идет. Я все спланирую, а с исполнением прекрасно справится и Гленн. И я не допущу, чтобы что-то вставало у нас на пути… как бывало раньше.

— С Сэнди? — Едва произнеся это имя, Клио тут же об этом пожалела. — Извини, я не хотела…

Он пожал плечами:

— То — в прошлом. У нас впереди целая жизнь, и я так тебя люблю. Прежние ошибки не повторятся. Договорились? — Грейс улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ.

— Ты еще не отказался от мальчишника?

— Ничего такого не планируется. Завтра вечером сходим куда-нибудь с ребятами и Гленном, пропустим по паре пива. А в пятницу я переночую у него. Говорят, жених не должен видеться с невестой в день свадьбы.

— Какая радость, я смогу побыть одна весь вечер.

— А помнишь, как мы, бывало, вместе принимали душ, намыливали друг друга? Господи, это было так сексуально.

— Точно! Обещаю, на следующей неделе будем принимать душ каждый вечер. Я сделаю тебе массаж. Ты чертовски меня заводишь, Рой Грейс. Жаль, что в последнее время я редко это показываю — слишком устаю.

— Я тоже, милая.

Он наклонился и поцеловал ее.

Ной перестал сосать и разревелся.

59

Среда, 30 октября

Рэд услышала плач и открыла глаза — ослепительный, как лазер, луч бил в сетчатку. Она зажмурилась. Снова открыла глаза. И увидела лицо.

Брайс.

Брайс смотрел на нее сверху вниз.

Рэд лежала, сжавшись, замерев, и смотрела на него. Прямо в глаза. Попыталась заговорить, но страх заглушил голос. Она попыталась еще раз. И еще. И наконец выдавила:

— Чего ты хочешь?

Свет погас. Она всматривалась в темноту. Вслушивалась. Ловила звук шагов. Тряслась от страха.

Был Брайс в комнате или нет?

Снова плач в темноте. Вопль боли. Вой. Долгий, мучительный, пронзительный крик. Звякнула крышка мусорного бака. Сцепились коты. Потом завыла сирена. *Полиция, пожалуйста!* Сирена умолкла. Звук мотора — такси. Стук дверцы. Крики. Двое пьяных, мужчина и голосистая женщина. Женщина сыпала отборными ругательствами. Мужчина огрызался, демонстрируя ливерпульский акцент.

Был Брайс в комнате или нет?

Потом еще какие-то люди. Все вдребезги пьяные. Кто-то запел «Правь, Британия!». Другой принялся орать «Чайки! Чайки! Чайки!».

Футбольные фанаты.

Рэд посмотрела на часы у кровати. Светящиеся стрелки показывали 2.18.

— Чайки!

— В жопу чаек!

— Ни разу не пробовал!

Взрыв смеха.

Кричать? Звать на помощь? Помощь от кого? От кучки пьяных болельщиков? Она вся — ноги, живот, руки — покрылась гусиной кожей.

Был здесь Брайс или нет?

Рэд осторожно, чтобы не опрокинуть стакан с водой, вытянула руку, нащупала лампу и нажала на кнопку. Бледный свет разлился по комнате.

Никого. Она была одна.

В груди гулко колотилось сердце. Рэд взяла телефон с прикроватного столика, поднесла палец к кнопке быстрого вызова, номер 1. Замерла, прислушиваясь. Пьяная пара продолжила путь, но фанаты остались и снова затянули хвалебный гимн своим «Чайкам».

Рэд знала, что надо бы встать и осмотреть квартиру, но боялась выйти из спальни в коридор. И поэтому просто лежала, слушая песнопения и переругивания пьяных фанатов. Прислушиваясь к тишине в собственной квартире. А потом вдруг услышала мужской голос.

— Предполагается, что сто тридцать семь человек погибли в результате одной из крупнейших в Индии катастроф на транспорте, вызванной обрушением железнодорожного моста в ста милях к северу от Калькутты.

Рэд перекатилась на бок и посмотрела на мигающее табло радиочасов — 6.30. Нахлынула волна облегчения. Брайс, светивший фонариком ей в лицо, был лишь сном. Только и всего. Она закрыла глаза и задремала, вполуха, как всегда по утрам, слушая новости.

Минут через двадцать Рэд соскользнула с кровати и, нагая, прошлепала в ванную. Посетила крохотный туалет. Потом прошла в кухню, заварила чашку чая и приготовила завтрак из овсянки и фруктов.

И вдруг замерла.

Что это? Фокусы памяти?

Вчерашний вечер. Оставшаяся с завтрака немытая посуда лежала на сливной полке. Плюс контейнер из-под рыбного пирога, который она собиралась выбросить утром. А еще тарелка, миска для салата и коробка от низкокалорийного фруктового йогурта.

Теперь ничего не было.

Только чистая посуда в сушке.

Она открыла нижнюю дверцу с мусорной корзиной. Крышка поднялась, явив свежий, неиспользованный черный пакет.

В животе все перевернулось. От страха похолодело в груди. Она повернулась, метнулась по коридорчику к двери, остановилась. Удостоверилась, что не спит. Посмотрела на дверь — задвижки на месте.

Нет, Брайс не мог быть здесь прошлой ночью, ведь так?

Не мог выйти через дверь так, чтобы цепочка осталась на месте. Не мог выпрыгнуть в окно — слишком высоко. Рэд торопливо проверила окна, выглянула в бледное утро. Нет, невозможно. Если бы он вылез через окно, какой-то след обязательно бы остался. Веревка, шнур, провод. Что-то.

Но если не Брайс, то кто же тогда вымыл посуду и вынес мусор? Она сама? Рэд знала, что выпила накануне лишнего. И это объяснение? Она так напилась, что обо всем забыла?

И черт возьми, она точно видела ночью Брайса. Но цепочка на месте. Войти через дверь не мог никто. Никто не мог запереть ее за собой. Тогда как же она видела его?

Нет, это все воображение, подумала Рэд. Никакое другое объяснение невозможно.

60

Четверг, 31 октября

За несколько минут до половины девятого утра Рой Грейс вышел с чашкой кофе из кабинета и, воспользовавшись картой-пропуском, открыл дверь в отдел тяжких преступлений. Пройдя по коридору, стены которого украшали щиты с пришпиленными к ним фотографиями с мест преступлений, картами и газетными заголовками, извещавшими о раскрытии недавних убийств, он вошел в оперативный штаб номер один.

ОШ-1 представлял собой просторную, современной планировки комнату с тремя овальными рабочими столами, вокруг которых расселась его команда. На стене висели три белых доски. Первая — с фотографиями, сделанными у поля для гольфа клуба «Хейуордс-Хит» и помеченными стрелками и разноцветными рукописными подписями. На второй была представлена серия фотографий Брайса Лорена и две Рэд Уэствуд. На одной Рэд перед брайтонским «Шеллфиш энд ойстер бар», на другой, с бокалом шампанского в руке, — на террасе с видом на Средиземное море.

У кого-то зазвонил сотовый — рингтоном старомодного звоночка. По комнате распространился запах яичницы с беконом — Гай Батчелор принес горячий завтрак из мобильного кафе «У Труди» через дорогу. От одного лишь аромата у Грейса свело желудок. Его завтрак состоял из овсянки, проглоченной на бегу в половине шестого, когда он уходил из дому.

Сержант Белла Мой просматривала розданные только что листки с информацией по делу; перед ней, как всегда, стояла коробочка «Мальтезерс». Норман Поттинг прошествовал к своему месту с картонным стаканом кофе, и Грейс заметил, как они с Беллой обменялись скрытными улыбочками. Он и сам улыбнулся про себя, радуясь за Беллу — бедняжка наконец-то ожила и выглядела по-настоящему счастливой — и Нормана, чья личная жизнь в последнее время представляла собой череду неудач, кульминацией которых стал кошмар с его тайской невестой.

Присутствовали также два молодых, способных детектива-констебля, Алек Дэвис и Джек Александер, и опытные члены команды — недавно произведенный в сержанты Джон Экстон, сержант Гай Батчелор и эксперт-криминалист Дэвид Грин. Кроме детективов, здесь были инспектор Джеймс Биггз из дорожной полиции, аналитик информационной системы Кили Скэнлан, регистратор Бекки Дэвис, главный пожарный следователь Тони Гарр, криминалист-ортопед Хейдн Келли (методы анализа походки оказались более чем кстати в двух

предыдущих расследованиях), детектив-инспектор Гордон Грэм, специалист из отдела финансовых расследований, и Рей Пэкем.

Грейс подождал, пока подойдут еще два констебля, Франческа Джемисон и Клер Уэстмор, затребованные им утром для вспомогательной работы, после чего сел за свой рабочий стол, на котором уже лежали его полицейский блокнот и подготовленные секретаршей материалы. Просмотрев бегло бумаги, он открыл блокнот и записал дату и время совещания.

— Всем доброе утро. Добро пожаловать на первое совещание по операции «Муравьед», расследованию предполагаемого убийства доктора Карла Мерфи, чье обгоревшее тело было обнаружено на поле гольф-клуба «Хейуордс-Хит» утром прошлого понедельника, 24 октября.

— А его что, посчитали за переносное препятствие? Или оно им там с неба упало? — фыркнул Норман Поттинг.

Шутку встретили хихиканьем, но смешки тут же стихли под суровым взглядом Грейса.

— Спасибо, Норман. Прибереги свои остроты для другого раза, ладно?

— Извините, шеф. — Сержант повернулся к Белле Мой, похоже, ожидая от нее поддержки и одобрения, но она, сделав вид, что ничего не заметила, протянула руку за конфеткой.

На секунду отвлекшись, Грейс лишь теперь заметил распечатку кадра из мультфильма «Муравей и Муравьед» со стоящим в полный рост туповатым Муравьедом. Какой-то шутник пришпилил ее к двери. В отделе вышучивание названия операции стало своего рода традицией, но на сей раз картинка появилась быстрее обычного.

— Прежде чем начать, хочу сообщить, что меня не будет с субботы по следующую пятницу, 8 ноября, по причине нашего с Клио бракосочетания и короткого медового месяца. На это время мои обязанности переходят к детективу-инспектору Брэнсону.

Сидевший через два стула от него Гленн поднял руку.

Рой повернулся к белой доске с фотографиями Брайса Лорена. На одной тот был в полосатой футболке и шортах; на другой — в университетской шапочке и мантии; на третьей, полученной из уголовного досье, заведенного на него в Соединенных Штатах, — рядом с измерительной линейкой и с идентификационным номерком на шее.

— Этот человек — наш главный подозреваемый. Найти его необходимо как можно скорее. Помимо уже сказанного, мы подозреваем его в серии поджогов, имевших место в нашем городе на прошлой неделе. Мы полагаем, что его настоящее имя Томас Уильям Шевиот. По крайней мере, под этим именем он провел три года в исправительном учреждении Филадельфии за нападение на свою подругу. По словам детектива, с которым я разговаривал, избил он ее очень сильно. Так что мы здесь имеем дело не с мистером Приятным Парнем, ясно?

Грейс заглянул в записки.

— У Томаса Шевиота несколько вымышленных имен. Последнее — Брайс Лорен. Предыдущие — Пэт Толли, Дерек Джордан, Майкл Эндрюс и Пол Райли. Благодаря сотрудничеству с филадельфийской полицией у нас есть его отпечатки и ДНК. Умный, одевается хорошо, умеет говорить — короче, настоящий обольститель. Находиться может где угодно, но я полагаю — по причинам, которые станут понятны позднее, — что сейчас он здесь и может нанести удар в любую минуту.

Он снова посмотрел на листок.

— Что еще нам известно о Брайсе Лорене — во избежание путаницы будем называть его так, — так это то, что он работал фокусником, хорошо знаком с пиротехникой и вообще большой придумщик. В Соединенных Штатах выдавал себя за пилота «Американ эрлайнз» и инвестиционного банкира, а в Британии за авиадиспетчера аэропорта Гатуик. Здесь же, в

Соединенном Королевстве, получил лицензию на производство пиротехнических средств. Мы проверили указанный адрес — промышленный объект в Суффолке, — но там его давно уже нет. Известно также, что он талантливый карикатурист.

Грейс отпил воды из стакана.

— Я привлек к расследованию психолога-криминалиста доктора Джулиуса Праудфута. Некоторые из вас помнят его отличную работу в операции «Гудини» по делу Туфельщика. Доктор Праудфут примет участие в наших будущих совещаниях. Так вот, по его мнению, Брайс Лорен — человек самовлюбленный, очень высокого мнения о себе и демонстрирует черты классического нарцисса. Вот что я записал с его слов: «Нарциссизм — черта крайне опасная и развивается часто у людей, которым недоставало любви в детстве и которые компенсируют ее нехватку во взрослой жизни посредством раздутого самомнения, надменности, стремления выставлять необоснованные требования. Они отличаются неустойчивым темпераментом, резкой сменой настроения и — что весьма примечательно и опасно и является неотъемлемым качеством психопата — полным отсутствием эмпатии».

Далее Рой изложил слушателям историю отношений Брайса Лорена и Рэд Уэствуд и поделился имеющейся на данный момент информацией о пожарах. Закончив, он приступил к распределению поручений. Констебли Джек Александер и Алек Дэвис получили задание опросить всех членов гольф-клуба «Хейуордс-Хит», бывших на месте днем и вечером 23 октября или утром 24 октября.

— Мне нужен список всех, кто играл в тот день в клубе «Хейуордс-Хит». Всех до последнего. Любителей, которые, может быть, приходили поиграть за плату или купить что-то в специализированном магазине. Всех служащих клуба. Мне нужен список поставщиков. И еще — эта задача очень важная — выяснить мачты каких мобильных телефонных компаний находятся поблизости. Нам нужны распечатки телефонных звонков за соответствующее время. Не исключено, что преступник позвонил кому-то, чтобы сообщить, что *работа сделана*. В таком случае надо выяснить, кто.

Заметив, что Норман Поттинг поднял руку, суперинтендент кивнул.

— Шеф, вы «Криминальный дозор» намерены использовать?

— Мы с ними связывались, и они проявили интерес. Но в ближайшие две недели эфира у них нет. Мы также собираемся объявить награду. — Грейс повернулся к сержанту Экстону: — Джон, поручаю заняться сбором информации с использованием наших негласных источников. — Он посмотрел на Поттинга: — Норман, у нас есть последний известный номер мобильного Брайса Лорена. Телефонная компания «O2». Свяжитесь с офисом оператора связи и получите схему его передвижений, а также выясните — это крайне важно, — активен ли еще этот номер.

Грейс отпил кофе, прошелся глазами по заметкам и указал на две фотографии Рэд Уэствуд:

— Я отдавал их в лабораторию. Обе сделаны цифровой камерой «моторола». Мы можем установить точное место и время съемки, а также расстояние, на котором фотограф находился от объекта. Мисс Уэствуд сказала, что Брайс Лорен — умелый фотограф. У нее десятки снимков, причем не только с ним, но и просто пейзажных. Надо взять у нее альбом, просмотреть и попытаться определить его излюбленные места.

Поттинг согласно кивнул.

Грейс повернулся к Белле Мой:

— Белла, если все эти пожары дело рук Брайса Лорена, то, возможно, он и сам обгорел. Ваша задача — проверить все больницы в прилегающем районе, выяснить, были ли обращения с ожогами в отделения экстренной медицинской помощи и совпадают ли даты с тем, что мы знаем.

Он посмотрел наконец на криминалиста-ортопеда Хейдна Келли, терпеливо ждавшего своей очереди в нескольких шагах от него.

— Хейдн, спасибо, что так быстро откликнулись. В ночь смерти доктора Мерфи ночь была ясная, но до этого сорок восемь часов шел сильный дождь. Мне сказали, там обнаружены хорошие отпечатки.

— Верно, обнаружены, — подтвердил Келли. — Но пока что совпадений с имеющимися в базе данных найти не удалось.

— Тем не менее вы можете вычислить в толпе человека, оставившего эти отпечатки? — спросил Грейс. — По походке?

— Если у меня будет видеозапись, то да, смогу, причем с высокой степенью точности.

Настала очередь финансового следователя Гордона Грэма. Обычно подозреваемых отыскивают по денежному следу. В наше время большинство людей пользуются кредитными и дебетовыми картами. Движение денег помогает установить время и место. Оборот наличности сокращается, и это тоже помогает полиции. Грэм коротко обрисовал те действия, предпринять которые предстояло его лучшему следователю Эмили Гейлор.

У Грейса вдруг завибрировал телефон. Номер звонившего не определился. Обычно во время совещания он принципиально не принимал никаких звонков, но на этот раз что-то подсказало, что звонок важный.

Предчувствие не подвело. Звонил констебль Роб Споффорд. Судя по взволнованному голосу, что-то случилось.

Грейс сделал знак Брэнсону продолжать совещание и, приложив телефон к уху, вышел в коридор.

61

Четверг, 31 октября

Суперинтендент закрыл за собой дверь в оперативный штаб.

— Говорите, — сказал он в трубку.

— Извините за беспокойство, сэр, но мне нужно отправить вам кое-что. Это только что пришло на электронную почту Рэд Уэствуд. Там довольно большое приложение.

С чтением приложений на телефоне у Грейса частенько возникали проблемы.

— Я иду в кабинет, посмотрю на экране. Перезвоните мне через две минуты на этот же номер.

Он торопливо прошел к офису, отмахнувшись от хотевшей сказать что-то секретарши, сел за стол и открыл электронную почту. Секундой позже на экране появилось сообщение от констебля Споффорда. Грейс кликнул по приложению.

Рисунок, отчасти черно-белый, отчасти цветной, напоминал детский, но был явно выполнен умелой рукой и представлял собой набросок качающейся на бурных волнах яхты с двумя фигурками, мужской и женской, в кокпите. Из воды выступали акульи плавники, а прямо из середины яхты, окутывая паруса, вздымалось пламя. Огненные языки пересекала короткая надпись из одного слова — *БУМ!*

Секундой позже зазвонил телефон.

— Рой Грейс, — бросил он.

— Получили, сэр?

— Да. И что это значит?

— Не знаю, говорила ли вам Рэд Уэствуд, что Брайс Лорен хорошо рисует?

— Да, говорила.

— Он патологически ненавидит ее родителей, особенно мать. Считает, что отношения у них с Рэд испортились именно из-за нее.

— Потому что она наняла частного детектива, который раскопал правду о его прошлом?

— Да, сэр.

— И что тогда означает этот странный рисунок? Какая-то злобная шутка?

— Полагаю, тут кое-что посерьезнее. Родителям мисс Уэствуд может угрожать опасность. У них есть тридцатидвухфутовая яхта, и сегодня они отправляются из Чичестера в Брайтонскую марину, где и поставят ее на зиму. Может быть, это и шутка, но мне представляется, что он заложил на лодке какое-то воспламеняющееся или даже взрывное устройство. Мы знаем, что он умеет обращаться со взрывчатыми веществами и умеет изготавливать бомбы — научился за время службы в Территориальной армии. Кроме того, у него есть допуск к взрывчатке согласно имеющейся лицензии.

— Известно, откуда пришло письмо?

— Нет, сэр. Я в таких вещах не разбираюсь. Может быть, кто-то из отдела высоких технологий сумеет помочь.

Грейс еще раз посмотрел на рисунок, и по спине пробежал холодок. За намеренно детской простотой таилось что-то мрачное и зловещее. Он кликнул по значку «печать».

Принтер заурчал и принялся за работу.

— Они уже вышли или мы этого не знаем?

— Мисс Уэствуд говорит, что пыталась позвонить родителям. По ее словам, они собирались выйти пораньше. Сигнал был плохой, и она лишь успела услышать, как мать сказала, что они вне зоны приема.

— Другими словами, они в море?

— Похоже, что так, сэр.

Грейс на секунду задумался.

— Сколько времени они проведут в море?

— Мисс Уэствуд говорит, что это зависит от погоды и от того, пойдут ли они только под парусом или воспользуются мотором. Примерно шесть часов.

Грейс отметил про себя деловитость и оперативность констебля. Умный, рассудительный, организованный. Потенциальный кандидат в его команду.

— Название яхты?

— «Рэд Марго», сэр. Названа по именам дочерей. Я так понимаю, ее отец серьезно увлекается вином.

«А возможно, и историей», — едва не добавил Грейс.

— Рисковать мы не можем. Необходимо срочно снимать их с яхты. У мисс Уэствуд есть какие-то средства связи с ними?

— По ее словам, на борту есть рация, но это не значит, что они ее слушают.

Много лет назад Рой Грейс ходил с Сэнди вокруг греческих островов и помнил, что радио должно быть в каюте. Если родители Рэд на палубе, то они, конечно, ничего не слышат — при условии, что оно вообще включено. Грейс почувствовал, что начинает паниковать. Он снова посмотрел на рисунок. Вот же дерьмо! Если опасность реальна, сколько времени у них осталось? Минуты? Часы? Или уже поздно?

Он пробежал по коридору, пошел в ОШ-1, извинился перед Гленном за вторжение и сунул распечатку Рею Пэкему.

— Бросай все, откладывай другие дела и посмотри, можно ли узнать, откуда это послано. — Он повернулся к присутствующим: — У кого-нибудь есть морской опыт?

— У суперинтендента Ника Слоуна есть, — отозвался эксперт-криминалист Дэйв Грин. — Он даже удостоверение получил.

— Где Слоун сейчас?

— Уехал в Лондон.

— Постарайся связаться с ним и пусть позвонит мне. Дело срочное.

Пригласив Гленна следовать за собой, Грейс поспешил в кабинет, на ходу вводя друга в курс событий. В кабинете он сел за стол, снял трубку, включил громкую связь и набрал номер оперативного дежурного Хейуордс-Хит инспектора Энди Килла.

— Нам нужно срочно найти эту яхту и снять с нее людей, — сказал он Энди, изложив ситуацию. — У них там должен быть спасательный плот или шлюпка. Второй вариант — эвакуировать их вертолетом. Служба воздушной полиции может его предоставить?

Обслуживавший Суссекс вертолет базировался в Редхилле, куда его недавно перебросили из Шорэма.

— Им потребуется минут двадцать пять, чтобы попасть туда, — ответил Килл. — И это при том, что вертолет вообще доступен. Думаю, лучше обратиться к береговой охране. Их вертолет сейчас в Ли-он-Солент. Они и доберутся быстрее, и необходимым оборудованием располагают — лебедка у них точно есть. Да и найти им будет легче. Над Каналом сейчас низкая облачность и видимость довольно плохая.

— Хорошо, свяжись с ними.

— Сэр, какая есть информация относительно местонахождения «Рэд Марго»?

— Информации очень мало.

— Описание яхты имеется?

— Секунду. — Грейс прикрыл трубку ладонью и повернулся к Гленну: — Позвони мисс Уэствуд. Нам нужно полное описание яхты и номера на парусе. Позвони сам — она тебя знает.

Брэнсон кивнул.

— Перезвоню через несколько минут.

— Хорошо, — сказал Килл. — У меня было что-то подобное в прошлом году, когда мы пытались отыскать лодку, подозревавшуюся в перевозке наркотиков. Нам они тогда сильно помогли. Я был на связи с их начальником Джеймсом Ходжем. Номер сейчас перешлю.

— Ладно. Ты расшевели береговую охрану, а я позвоню чуть позже.

Грейс записал номер, положил трубку, попросил Гленна вывести на экран карту южного побережья, от Чичестера до Брайтонской марины, и набрал номер.

Джеймса Ходжа пришлось ждать несколько минут, и все это время Грейс нервно барабанил по столу, глядя на развернутую на экране карту.

— Чем могу помочь? — раздался наконец голос Ходжа, человека, судя по голосу, спокойного и деловитого.

— Нам нужно срочно установить местонахождение тридцатидвухфутовой яхты, идущей из Чичестера в Брайтонскую марину. На борту два человека, и им грозит опасность, поскольку лодка заминирована. Этих двоих нужно снять. Вы можете помочь?

— У вас есть дополнительная информация относительно их местонахождения?

— Только то, что я сказал. Вероятно, в море они вышли не очень давно.

— Все суда водоизмещением более трехсот тонн обязаны, находясь в море, включать АИС — автоматическую систему идентификации. Суда с меньшим водоизмещением, к каким, вероятно, относится и ваша яхта, иногда имеют АИС на борту, но редко включают ее днем — разве что в сильный туман — из-за того, что она сильно сажает аккумуляторы. Есть она у них или нет, вы, похоже, не в курсе?

— Не в курсе.

Ходж ненадолго задумался.

— Если они идут из Чичестера в Брайтон, то, скорее всего, воспользуются каналом Луи, в двух милях от моря, если только не попытаются остаться незамеченными.

— Не думаю, что у них есть для этого причины. Это пожилая пара, люди вполне респектабельные.

— Я свяжусь с Шорэмской гаванью и Брайтонской мариной — может быть, они смогут подтвердить курс. При сегодняшних погодных условиях яхта вроде той, о которой вы говорите, способна делать пять-шесть узлов. Вам известно, когда они отплыли?

— По нашим предположениям, около часа назад.

— Тогда они должны быть на радаре. Облачность сегодня низкая, так что поиски с воздуха будут затруднены. Но, думаю, мы сможем ограничить район поисков несколькими милями. Сколько времени у нас есть?

— Нисколько.

Зазвонил телефон. Дэвид Грин сообщил, что суперинтендент где-то в море и связаться с ним не представляется возможным.

Грейс снова посмотрел на рисунок и поймал себя на том, что остро ощущает собственную беспомощность. Найти в море крохотную яхту при плохой видимости будет нелегко. Господи, пусть бы у них была АИС и пусть бы они ее включили.

Если только еще не поздно.

Опять зазвонил телефон.

Инспектор Килл доложил, что вертолет береговой охраны поднялся в воздух и будет у чичестерской бухты через десять минут, после чего пройдет на небольшой высоте вдоль канала Луи. Второй вертолет вылетит через двадцать минут. В тот же район идут на полной скорости два судна береговой охраны, но на месте они будут в лучшем случае через час.

— Через час?

— Будем надеяться, что вертолеты обнаружат их раньше. Я также связался с «Ройял нэвал эксплозив орднанс диспозал». Если мы снимем людей, яхта превратится в неуправляемую дрейфующую бомбу.

«Если их уже не разорвало», — подумал Грейс, но ничего не сказал.

В животе у него свивался тошнотворный клубок страха.

62

Четверг, 31 октября

Рэд пришла на работу в начале девятого — начальство созвало срочное совещание с обязательным присутствием всех сотрудников. Ее подташнивало от страха и жуткого беспокойства за родителей. Констебль Споффорд заверил, что будет держать ее в курсе всего, что касается поиска яхты.

Но новости не радовали. Яхта превратилась в потенциальную плавучую бомбу на одной из узких морских линий Канала. К поискам с воздуха, начатым береговой охраной, подключился военно-морской флот; все суда получили предупреждение: при обнаружении яхты держаться от нее подальше. Все попытки связаться с ними по радио результата пока не дали.

И на этой яхте ее родители. Да, они, случалось, раздражали ее, но она любила их всем сердцем, и они были самыми близкими — ближе даже, чем сестра, — людьми на свете.

Фактически, кроме них, у нее ничего на свете не осталось. И вот эти самые дорогие люди оказались на борту плавучей бомбы, даже не догадываясь об угрожающей им опасности.

Черт! Заныло сердце. Во всем виновата только она. Она привела в семью этого монстра Брайса Лорена, и теперь он уничтожал их. Если бы она не поместила то чертово объявление. Если бы с самого начала слушала мать и не позволила отношениям с Брайсом зайти так далеко. За окном дождь поливал тротуары. Вот тебе и прогноз, обещавший подходящую для морской прогулки погоду, думала Рэд, наблюдая за старушкой с тележкой для покупок, которая, закутавшись в прозрачную накидку и прикрывшись красным зонтиком, угрюмо протопала мимо окна.

Брайс, ты — мерзкий больной ублюдок. Рэд стащила пальто и села за стол. На столе уже лежала стопка новых инструкций для отправки клиентам, а позже ее ожидала поездка для оценки нового объекта, небольшой квартирки в Уголке поэтов, только что поступившей на рынок. После полудня она наметила два просмотра, но рабочее настроение никак не приходило. Рэд просто сидела и ждала звонка. Ждала новостей от констебля Споффорда.

Едва выйдя из комнаты для совещаний, она включила компьютер, открыла почту и принялась просматривать бесконечный поток просочившегося через фильтры компании спама, механически удаляя входящие после того, как убеждалась, что в них нет ничего от Брайса. К счастью, от него ничего не было. Мысли снова вернулись к родителям.

Милые папа и мама превратились в угрозу для судоходства. Только потому, что вышли в море. Только потому, что любили ходить под парусом и хотели заниматься этим, выйдя в отставку.

Плавучая бомба?

Рэд вдруг вскочила, вылетела из комнаты, забежала в туалет, захлопнула за собой дверь и подняла крышку унитаза. В следующую секунду ее вырвало. Отдышавшись, она выпрямилась, прополоскала рот, плеснула на лицо холодной водой, утерлась бумажным полотенцем, а вернувшись, полезла в сумочку за жевательной резинкой. И тут зазвонил мобильный.

— Да? — выдохнула она.

Голос констебля Споффорда звучал серьезно и не предвещал ничего хорошего.

— Я только что узнал от инспектора Брэнсона, что яхта ваших родителей обнаружена и опознана.

— Отлично! — С души как будто упал камень.

— Да, вот только… — Судя по тону, он вовсе не разделял ее энтузиазма. — Боюсь, есть проблема.

63

Четверг, 31 октября

Пансионат «Земляничные поляны» представлял собой узкое, с выпуклым фасадом здание в стиле Регентства неподалеку от набережной Кемптауна. Рядом с ярко-красной дверью стоял знак с изображением большой земляники, а внутри красно-белая тема неназойливо продолжалась в зонах общего пользования и небольших, элегантных комнатах.

Большинство гостей останавливались только на ночь или приезжали на уик-энд. В основном ими были догадливые «бюджетные» туристы, рассчитывавшие получить кое-что побольше традиционного приморского «номера с завтраком»; любовники, приехавшие в Брайтон провести романтическую ночь, и обычные молодожены. Но попадались в общей массе и немногочисленные долговременные гости, по большей части бизнесмены, и постоянные клиенты, пользовавшиеся особенной популярностью у хозяев, Джереми Огдена и

Шэрон Каллаган. Тем более это касалось тех, кто проводил здесь худые зимние месяцы. Среди последних же рекордсменом считался нелюдимый затворник Пол Миллет, чей срок проживания в пансионате превысил четыре месяца.

Мистер Миллет приезжал и уезжал, когда ему заблагорассудится. Иногда он днями оставался в комнате, не показывая носа. Иногда исчезал на несколько дней и даже недель. Но плата поступала регулярно — всегда за месяц вперед. Ни владельцы пансионата, ни управляющий «Земляничными полянами» не знали о своем загадочном, но любезном госте ничего, кроме того, что видели. А видели они приятного на вид мужчину, ближе к сорока, высокого, с короткими, темными, уложенными гелем волосами, который вполне мог бы сойти за младшего брата Джорджа Клуни. Одевался он дорого, здороваясь, широко улыбался, демонстрируя безукоризненно белые зубы, но в разговор никогда не вступал. И, в отличие от некоторых других одиноких постояльцев, никогда не приводил никого на ночь. А еще он был маниакально аккуратен и чистоплотен, сам прибирал постель и мыл кружку и стакан.

Хозяева полагали, что у него в городе какой-то бизнес — легальный или нет, это их не касалось, поскольку платил он регулярно, был вежлив и комнату содержал в порядке. Брайтон есть Брайтон. Они повидали всякого, и до сих пор он не сделал ничего, что могло бы их насторожить.

Сегодня он был на месте и, как обычно, сидел, не подавая ни звука, в комнате.

Пол Миллет сидел за столиком у окна с опущенным жалюзи, горизонтальные планки которого делали его невидимым снаружи. Ему же открывался полный вид и на зеленую лужайку в центре площади, и на серую воду далекого Канала.

Родители Рэд на яхте. Мистер и миссис Уэствуд. Джереми и Камилла. *БУМ!*

Он усмехнулся. *Если долго ждать на берегу реки, тела твоих врагов проплывут мимо*. Старик Сунь Цзы, древний китайский воин, понимал кое-что в таких делах. И пусть здесь не река, но все же что-то похожее.

БУМ!

Он усмехнулся и снова выглянул наружу между планками. Прошелся взглядом по улице. Из этого окна ему был виден каждый, кто входил через переднюю дверь. Путь отхода он спланировал давно, в тот день, когда впервые сюда приехал. Вверх по черной лестнице, через люк на крышу, вниз по пожарной и в задний двор.

На деревянном столе справа от него лежал симпатичный чемоданчик с принтом земляники снаружи и чайными принадлежностями внутри. На часах — половина десятого утра. Он поднялся, налил воды в электрический чайник, включил.

Пока вода закипала, он вернулся за стол и открыл только что полученный имейл из частного детективного агентства. Прибегнуть к посторонней помощи пришлось по необходимости, поскольку отслеживать все происходящее в одиночку он не мог, а пропустить что-то не хотел.

Ну уж нет. Только не в такой восхитительный день! И пусть хмурится небо, на сердце — праздник! В душе — светло и солнечно! К чертям расходы на агентство. Что такое деньги? В последние дни жизни? С собой не унесешь, так уж лучше тратить, тратить и тратить! Веселиться. Радоваться.

БУМ!

08.33: Объект выходит, поворачивает налево на Уэстборн-Террас, к Нью-Черч-роуд.

08.41: Объект поворачивает направо, на Нью-Черч-роуд, идет на юг.

08.53: Объект пересекает дорогу и входит в гипермаркет «Теско». Покупает сэндвич с тунцом и яблоко. Платит 4.10 наличными.

09.03: Объект пересекает дорогу и входит в офис агентства «Мишон Маккей».

Пол Миллет улыбнулся. *Самый обычный день, детка. Но не такой уж заурядный, а?*

Он прислушался к взволнованному голосу в наушниках. Беспокоишься? Хорошо. Очень хорошо!

— Проблема? — спросила Рэд.

— Вертолет береговой охраны связался по радио с вашими родителями.

— Они в порядке? Они в безопасности?

— Мы обнаружили их, Рэд, но проблема в том, что мы не можем снять их с лодки. Поскольку есть угроза взрыва, вертолету не дают разрешение спуститься достаточно низко, чтобы воспользоваться лебедкой. Вашим родителям нужно либо спуститься на спасательный плот, либо прыгнуть в воду и отплыть на безопасное расстояние, чтобы их могли подобрать. Пока они отказываются это сделать — то ли из упрямства, то ли из страха.

— Мама всегда боялась воды, особенно моря. Вот же черт!

— Но ходить под парусом не боится?

— Папе нравится, а она с ним за компанию. Так всегда было.

— Рэд. — Споффорд перешел на серьезный тон. — Если ваши родители останутся на яхте, то могут погибнуть. Вас они послушают?

Рэд помолчала, пытаясь представить возможное развитие ситуации. Отец с матерью на яхте… вертолет кружит… снижается…

— Послушают, черт бы их подрал.

Секундой позже сквозь треск разрядов Пол Миллет услышал ненавистный голос ее матери. И усмехнулся.

БУМ!

64

Четверг, 31 октября

Она расплатилась с таксистом, привезшим их из аэропорта Хитроу, добавила щедрые чаевые и вышла на тротуар. Ее десятилетний сын, одетый в аккуратное пальто «в елочку», последовал за ней. Шофер достал из багажника большую дорожную сумку и рюкзак, отнес их к входной двери и спросил, не нужно ли помочь. Она ответила, что все в порядке, и он уехал.

По правде говоря, ей просто требовалась небольшая пауза. Она вдохнула запах моря, и вместе с них нахлынули воспоминания. Сердце сжалось. Сын потянул ее за руку.

— Мама! — Он показал на парящую над головой, всего в нескольких ярдах, чайку.

Она улыбнулась рассеянно и закрыла глаза, слушая крики чайки и рев проносящихся машин.

В свои почти сорок она оставалась привлекательной женщиной: короткая черная челка под кожаной кепкой, пальто с поднятым воротником, большие модные очки от солнца, несмотря на серое утро. Открыв глаза, она увидела черную балюстраду справа, симпатичные металлические фонари, тоже черные, и большую красную землянику на белом фоне привинченной к стене старомодной вывески. Само название заведения она не видела, но решила, что это именно то, что и надо, — ей понравился элегантный вид пансионата.

Она втащила по ступенькам сумку, распахнула входную дверь, протолкнулась через вторую, белую, с черно-белой табличкой *«Есть свободные номера»*, и наконец поднялась по крутым, застланным красной ковровой дорожкой ступенькам к регистрационной стойке. За спиной тяжело сопел сын.

Приятная молодая женщина в розовой блузке встретила их теплой улыбкой.

— Здравствуйте, вы заказывали номер?

— Да, заказывали.

— И на какое имя?

— Ломан.

Женщина за стойкой нахмурилась, прошлась пальцем по списку.

— Ага, есть. Фрау Ломан с сыном, так?

— Ja. — Прожив много лет в Германии, она привыкла отвечать на такого рода вопросы автоматически.

Женщина пододвинула ей регистрационный журнал:

— Будьте добры, распишитесь, пожалуйста.

Гостья просмотрела форму для заполнения. Имя. Фамилия.

Она взяла ручку и написала в первой колонке — Сэнди.

65

Четверг, 31 октября

«Это все из-за меня», — в отчаянии повторяла про себя Рэд, сидя на заднем сиденье патрульной машины рядом с инспектором Брэнсоном. За рулем был Тони Омотосо из дорожной полиции, и автомобиль с включенной сиреной пробивался в плотном потоке, текущем в сторону Шорэмской гавани. Брэнсон заверил ее, что лучший способ остаться незамеченным — воспользоваться полицейской машиной, потому что на них обычно никто внимания не обращает.

— Они в безопасности, и это уже хорошая новость, ведь так? — сказал Гленн Брэнсон.

Рэд хмуро кивнула, но все же добродушное спокойствие чернокожего детектива помогло немного расслабиться.

— Если все сложится удачно, взрывать яхту не придется, — продолжал инспектор. — Военные не позволяют другим судам подойти ближе. Ваш бывший должно быть рассчитал, что они будут в пути около шести часов. Если в ближайшие двенадцать часов бомба не взорвется, яхту осмотрят и отбуксируют в безопасное место, где продержат под наблюдением еще пару дней, а уже потом проверят досконально. Может, это все было лишь шуткой, а?

Рэд кивнула, хотя сама так не думала. Брайсу нравилось пугать ее, но его угрозы редко бывали пустыми. Скорее всего, что-то не так с таймером или детонатором. Она посмотрела на детектива — рядом с ним ощущение опасности исчезало; казалось, ни с ней, ни с ее родными ничего плохого случиться не может.

— Они так любят эту свою яхту. Она для нас всех — часть жизни. У родителей две страсти — сад и яхта.

— Знаете, что я думаю? — сказал инспектор.

— Нет. И что?

Рэд замерла — их машина пересекла разделительную линию и вылетела навстречу громадному бензовозу. Водитель как будто и не замечал стремительно приближающейся махины, словно сирена обеспечивала его иммунитетом от смерти. Они проскочили в узкую брешь, которой и не было еще секунду назад, и Рэд облегченно выдохнула. Машина снова нырнула в общий поток. Слева, за гаванью, промелькнула высокая труба теплостанции, потом шлюзы, длинный ряд складов, белые громадины нефтехранилищ. Они пролетели на красный, распугивая оказавшиеся на пути автомобили, и ворвались в Шорэм.

Неподалеку отсюда находился Центр искусств «Роуптэкл», куда, в счастливые времена, Брайс Лорен привозил ее на воскресный утренний джаз-концерт Херби Флауэрса. Минутой позже они уже мчались по тоннелю в аэропорт, а когда выскочили на свет по другую сторону, Рэд снова увидела склады и ангары и снижающийся над ними большущий красно-белый вертолет.

— Должно быть они! — сказал Брэнсон. — «Индия Джулиет»!

Через несколько сотен ярдов они свернули с узкой дороги и остановились. Громадный вертолет коснулся земли. Лопасти еще рассекали воздух, дверцы оставались закрытыми. Потом — Рэд показалось, что прошла вечность, — задняя дверца открылась, и из нее спустился трап. Секундой позже Рэд увидела отца — в красном спасательном жилете. Вот только ни радости, ни облегчения на его лице она не заметила — оно было темнее тучи.

66

Четверг, 31 октября

— Говорю вам, если бы на борту была бомба, я бы ее увидел. Я хожу на этой яхте чуть ли не тридцать лет и знаю ее как свои пять пальцев. Там нет никакой бомбы. Что вам непонятно? — возмущался сидевший сзади отец.

— Дорогой, нельзя быть уверенным на сто процентов, — пыталась унять его мать.

— А я думаю, что инспектор Брэнсон оказал большую любезность, доставив вас домой! — добродушно добавила Рэд.

— Так что, они теперь собираются взорвать нашу лодку? — не утихал отец.

Они ехали — уже не так быстро — по А23, держа курс на север.

— Не думаю, сэр, — отозвался сидевший впереди Гленн Брэнсон. — За ним понаблюдают какое-то время.

— За ним? — проворчал отец. — Лодки — женского рода. Значит, за *ней*понаблюдают какое-то время. Так?

— Следующий поворот налево, — негромко сказала водителю Рэд.

Они свернули, проехали оставшийся справа гараж, развернулись и покатили дальше, в гору. Рэд посмотрела на мать.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ты когда-нибудь пробовала спуститься на спасательный плот? — спросила, вместо ответа, миссис Уэствуд.

— Нет.

— А тебя поднимали лебедкой на вертолет? Тебе пропускали под мышки стропы? Я думала, они разорвут меня пополам!

— По крайней мере, ты в безопасности.

— Я и прежде была в безопасности. Спасибо, дорогая. Твой отец прав: там нет никакой бомбы. Это все тот ужасный человек, да?

Вообще-то полицейские не хотели, чтобы ее родители возвращались домой, но те стояли на своем и никаких аргументов не принимали. Как и Рэд, они не намеревались сдаваться перед Брайсом. В результате полиции ничего не оставалось, как приступить к организации скрытого наблюдения с целью взять под охрану всю семью.

Они проехали по главной улице Хенфилда и возле булочной свернули налево. Все молчали. Дорога пошла вниз. Слева осталась церковь и мини-карусель, справа — паб, за которым начинались уходящие вдаль поля. Дорога сузилась до одной полосы.

— Еще сто ярдов и налево, — сказала Рэд.

Сзади к ним подлетела, с включенной «мигалкой» и сиреной, полицейская машина. Водитель сбросил газ и прижался к заросшей кустами обочине, но патрульный автомобиль пронесся мимо и скрылся из вида.

— Давайте за ним, — севшим вдруг голосом попросила Рэд. Паника, словно ошейник, сдавила горло.

Омотосо свернул влево на проселок. И почти сразу же Рэд уловила запах. Едкий, кисловатый запах дыма. Горящего пластика, краски, дерева. Через сто ярдов, после следующего поворота, запах сделался еще сильнее. Рэд почувствовала, как в животе затягивается тяжелый, плотный узел. Дорогу перегородили два автомобиля техпомощи. Дальше стояли две пожарные машины, патрульные и мотоцикл. В стороне — «скорая помощь».

Оранжевые языки пламени устремлялись вверх, жадно глотая соломенную крышу.

Горел родительский дом.

Констебль Омотосо еще не успел остановиться, а Рэд уже открыла дверцу, выскочила и побежала — пробилась через небольшую толпу зевак, перепрыгнула через змеящиеся шланги и метнулась к ступенькам.

— Пожалуйста, отойдите, — остановил ее женский голос.

Она не слушала. Она рвалась вперед. *Черт, черт, черт!*

Слезы покатились по щекам. От едкого дыма щипало в глазах. Казалось, огнем объято все. Пылающие куски соломенной крыши плыли в воздухе, как гаснущие угольки китайских фонариков. Рэд повернулась к родителям и… замерла.

Она не хотела видеть их лица. Не хотела вообще кого-либо видеть. Она закрыла лицо руками и горько заплакала.

В десяти милях от горящего дома, в комнате пансионата «Земляничные поляны», Брайс Лорен довольно улыбнулся. Плач Рэд ласкал слух.

В целом мире не было звука приятнее.

67

Четверг, 31 октября

— Мы имеем дело с призраком. — Такими словами Рой Грейс начал вечернее рабочее совещание.

Стрелки часов только что перевалили за половину седьмого. Совещание пришлось перенести в конференц-зал, поскольку в ОШ-1 все участники операции «Муравьед» уже не помещались. После утренних событий в команду пришлось привлечь дополнительные силы, в том числе криминалиста-психолога доктора Джулиуса Праудфута, в результате чего ее состав увеличился до тридцати шести человек. Внешность доктора Праудфута — коренастого, пузатого мужчины около сорока, с поросячьими глазками, ямочками на щеках и редеющими седыми волосами, которые он непонятно для чего зачесывал вперед и смазывал гелем, — могла дать искаженное представление о его способностях; на самом же деле в своей области он был одним из лучших.

Большую часть зала занимал прямоугольный стол, за которым разместились все присутствующие. Сверху на Грейса уже давили. Никола Ройгард, комиссар по делам полиции и борьбе с преступностью, уже выразила свою озабоченность в связи с волной поджогов главному констеблю, который в свою очередь поставил вопрос перед помощником главного

констебля Риггом. Рой знал: в конце концов ответственность ляжет на него. Полиция приняла все меры для обнаружения Брайса Лорена, но тот как сквозь землю провалился.

И где, черт возьми, его искать?

Проверка шла по всем известным именам, которыми мог пользоваться Брайс Лорен. Проверялись кредитные карточки, без которых в наше время трудно получить номер в большинстве отелей. Проверялись фирмы по аренде автомобилей, продаже железнодорожных и авиабилетов, пассажиры паромов, рестораны, заправочные и продовольственные супермаркеты. Пока — ничего. Проверялись и ближайшие больницы, куда мог обратиться человек с серьезными ожогами, но и это ничего не дало.

На номер, который назвала им Рэд Уэствуд, в течение нескольких дней никто не звонил, что нисколько не удивило суперинтендента. Брайс Лорен почти наверняка пользовался телефоном с предоплаченной картой, расплачивался наличными и не заходил в Интернет.

— Может, он уже уехал из страны, — предположил сержант Экстон.

Грейс посмотрел на него:

— Почему ты так думаешь, Джон?

— Мы знаем лишь некоторые из его вымышленных имен, и у него вполне могут быть другие. Нельзя исключать, что он уже смылся за границу по фальшивому паспорту.

Краем глаза Грейс заметил, как в зал, молчаливо извинившись за опоздание, проскользнул явно взволнованный чем-то Рей Пэкем из отдела высоких технологий.

— Не думаю, что Брайс Лорен уехал, — сказал он. — С какой стати? Давайте подумаем, что он делает и для чего, и выведем модель. Он убил нового любовника Рэд Уэствуд. Поджег ресторан, в который приглашал ее на первое свидание и куда — так уж совпало — ее повел Карл Мерфи. «Фольксваген» Рэд тоже загорелся не сам — кто-то поработал с обмоткой и топливопроводом. Так, Тони? — Он посмотрел на Тони Гарра.

— Так. Когда такое случается со старыми машинами, мы обычно списываем все на проводку — у них это частая проблема. Но вы попросили, мы посмотрели повнимательнее и обнаружили, что да, кто-то похимичил с обмоткой и топливопроводом. Через несколько минут после того, как двигатель заработал, обмотка перегрелась и вспыхнула, когда на нее попал бензин.

Грейс поблагодарил его и продолжил:

— Лорен знал, как дорога Рэд эта машина. Потом он выкурил ее из продовольственного магазина и, пользуясь суматохой, надел на палец подаренное им раньше кольцо. Затем чуть ли не до смерти напугал червонной дамой на зеркале. И наконец, когда внимание всех было привлечено к яхте, поджег дом ее родителей. — Грейс посмотрел на сержанта Экстона. — И ты думаешь, Джон, что он уже закончил? Я так не думаю. На мой взгляд, поджигая все, что она любит, Лорен хочет напугать ее до смерти, но его конечная цель — иная. И ее он еще не достиг. Я познакомился с другими замешанными на одержимости случаями и считаю, что он только начал. Худшее еще впереди. И мне представляется, что Брайс Лорен никуда не уедет. Он здесь, в Брайтоне. Готов держать пари на что угодно.

— Он здесь, босс, — подал голос Рей Пэкем. — И я могу отвести вас туда, где он сейчас!

68

Четверг, 31 октября

Не хотелось ни есть, ни разговаривать. Рэд сидела с родителями в столовой отеля «Квинси» в Истборне, уныло ковыряя жареную камбалу. Рядом разделывался со стейком отец и играючи расправлялась с курицей мать.

— Хорошая говядина, — прокомментировал первый.

— Неплохой цыпленок, — добавила мать.

И снова молчание.

Столовая была вполне сносная. Немного старомодная. Персонал вежливый, внимательный. Из-под рамы тянуло сквозняком, за окном сгущалась промозглая тьма. Так же темно и стыло было и на душе у Рэд.

Родителей привезла сюда полиция. Их записали под вымышленными именами. На другой стороне улицы, если присмотреться хорошенько, можно было увидеть небольшой седан с двумя пассажирами. Должно быть, это и есть скрытое наблюдение, думала Рэд. Паршивая работа — сидеть всю ночь напролет, ждать чего-то, что, скорее всего, и не случится. Брайс не глуп.

А вот она наделала глупостей.

И что получилось?

Дом сгорел до основания. Со всеми воспоминаниями, фотографиями. Не осталось ничего. Ничего.

Из-за нее.

Единственная хорошая новость — яхта цела и невредима. Ее отвели к отдельному причалу и будут держать под наблюдением еще сорок восемь часов. Если ничего не взорвется, специалист-взрывотехник поднимется на борт и осмотрит яхту.

Рэд отпила вина, густого, с сильной дубовой нотой австралийского шардоне, слишком сладкого, на ее вкус. Но матери оно понравилось, а отец тут же послушно заказал бутылку. Алкоголь немного помог, но она старалась не увлекаться, потому что, вопреки рекомендациям полиции, собиралась вернуться в свою квартиру.

Дом.

Крепость Уэствуд.

Рэд уже не в первый раз попросила прощения у родителей, но они только подняли бокалы и посоветовали не винить себя. В какой-то момент она даже подумала, что вот сейчас отец скажет: «Не беспокойся, дорогая, всякое бывает». Конечно, ничего такого он не сказал, а мать обронила, что им «нужно узнать, как там лодка».

Отец грустно кивнул. Как будто дом был каким-то придатком, а яхта играла в их жизни самую важную роль.

— Они обещали не взрывать ее. Сказали, что будут держать под наблюдением.

— Мне правда очень жаль, — сказала Рэд. — Я ужасно перед вами виновата.

— Чем? — спросил отец.

— Это из-за меня вы оказались в таком положении. Из-за мерзавца, который поджег ваш дом.

— Мы еще не знаем, поджег ли его Брайс, — сказала мать.

Рэд удивленно посмотрела на нее. «Мама, ты что, с луны свалилась», — хотела спросить она, но сдержалась.

— Это он. Можете мне поверить.

— Мадам закончили? — спросил официант, недовольно посматривая на нетронутое блюдо.

Рэд кивнула и пожала плечами. Меньше всего ей хотелось сейчас есть.

Часом позже она вошла в квартиру, предварительно проверив контрольный волосок, заперла дверь и накинула цепочку. Потом заглянула в ванную, туалет, спальню и безопасную

комнату, дверь в которую оставила приоткрытой — на случай, если убежищем придется воспользоваться.

Потом она прошла в гостиную, налила вина, закурила и жадно, с удовольствием затянулась. В этом было что-то умилительное, но родители до сих пор, хотя ей исполнился тридцать один год, не знали, что она курит. Они бы этого не одобрили.

Рэд выключила свет, подошла к окну и посмотрела вниз, как всегда выискивая незнакомую машину.

Полицейских она не увидела, но решила, что они где-то неподалеку, зато увидела припаркованный поблизости фургончик, которого не было еще пять минут назад, когда она приехала.

По спине пробежал холодок страха.

69

Четверг, 31 октября

В начале девятого вечера Рой Грейс повернул вправо в самом начале Хоув-стрит и поехал по набережной. В машине, самом обычном, без полицейских знаков, «форде», сидели Гленн Брэнсон, Рей Пэкем и Норман Поттинг. Налетевший порыв ветра ударил в лобовое стекло. Слева тянулась зеленая лужайка, за ней променад, еще дальше — море; справа — современные многоквартирные дома и викторианские особняки. Грейс хорошо знал этот район; неподалеку отсюда жили они с Сэнди.

— Чертовски хороший вечерок для мальчишника, — сказал Гленн Брэнсон. — Поздновато, но по стаканчику пропустим, да? Ребята ждут.

— Посмотрим, — отозвался Грейс.

— Это не вариант. Мы намерены тебя напоить.

Не обращая на него внимания, Грейс повернул вправо напротив боулинг-клуба, выехал на Уэстборн-Террас, застроенную элегантными белыми домиками в викторианском стиле, и прижался к тротуару. Чуть дальше вправо уходила узкая улочка с викторианскими домиками по обе стороны.

Сейчас она пряталась в темноте, освещенная только уличными фонарями да отсветом городских огней. Справа виднелся еще один «форд», в котором сидели Роб Споффорд и женщина-констебль. Чуть впереди стоял белый фургон без опознавательных знаков с вызванной суперинтендентом группой поддержки в составе восьми человек. Все они были люди опытные, подготовленные и должным образом экипированные, чтобы взломать двери и достойно ответить на любое потенциальное сопротивление. В запасе у Грейса — за углом и в полной готовности — был полицейский наряд со служебной собакой.

Четверо детективов выбрались из машины и, поеживаясь от ветра, подошли к «форду» Споффорда. Увидев их, констебль сразу же вышел.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он Грейсу.

— Добрый вечер. Так где квартира мисс Уэствуд?

Они прошли за угол, завернули в мощеный переулок и оказались во дворе, оставаясь при этом вне поля зрения тех, кто мог смотреть с верхних этажей.

— Вот то окно на третьем этаже — это ее гостиная.

Грейс поднял голову. Свет горел еще в нескольких окнах на других этажах, но за опущенными жалюзи и завешенными шторами.

— Хорошо. — Он повернулся к Рею Пэкему: — Можно более точно определить, откуда был сделан снимок?

Грейс знал, что на цифровых фотографиях сохраняется кодировка координат того места, где они были сделаны, если только такая функция не отключена умышленно. Рисунок был снят и переслан в формате jpeg. Маскируя его происхождение, как объяснил Пэкем, отправитель допустил ошибку и дал им другой ключ — координаты.

— Плюс-минус пятьдесят ярдов в любую сторону от того места, где мы сейчас стоим.

Грейс оглядел ближайшие здания. Слева в обозначенный диапазон попадал жилой блок, справа — еще два здания.

— А точнее можно, Рей?

Пэкем развернул распечатанную карту и посветил на нее фонариком. Обведенный красным кружком участок включал в себя несколько строений.

Грейс еще раз огляделся. Более других его заинтересовали окна напротив квартиры Рэд. Пару лет назад полиции пришлось проводить масштабную операцию в рамках дела о преследовании женщины-врача бывшим любовником, который, чтобы следить за ней, снял квартиру напротив. Не сделал ли то же самое и Брайс Лорен? Судя по имевшейся информации, он постоянно был в курсе того, где находится и что делает Рэд Уэствуд. Для этого он должен был либо установить «жучки» в ее квартире, либо вести за ней визуальное наблюдение. Не исключено, что Брайс Лорен использовал оба варианта. Следить за квартирой из другой квартиры намного удобнее, чем из машины.

Оставив команду в тени, Грейс подошел к главному входу и посмотрел на таблички с именами жильцов у панели домофона. На нескольких табличках имен не было. Он нажал кнопку квартиры номер три, отмеченной именем *Р. Флеве*. Ответ не заставил себя ждать.

— Да, кто это? — спросил мужской голос на ломаном английском.

— Извините за беспокойство, сэр. Это полиция. Скажите, пожалуйста, на каком вы этаже?

— На втором.

— Сколько квартир на вашем этаже?

— Две. Здесь на каждом этаже по две квартиры.

— На какую сторону выходят ваши окна?

— На задний двор.

— Какой номер у другой квартиры на вашем этаже?

— Четыре. Вам нужно войти?

— Да, спасибо.

Что-то щелкнуло и заскрежетало. Грейс толкнул, открыл дверь и, обернувшись, подал знак детективам и Споффорду с напарницей следовать за ним. Обычно в таких ситуациях полиция прибегала к другим уловкам, но сейчас им требовалась информация о расположении квартир, и действовать приходилось быстро.

В полутемном коридоре пахло плесенью; на полу валялись листки с рекламой местной службы доставки пиццы, тайского и китайского ресторанчиков. Грейс прошел мимо двух велосипедов, нажал кнопку таймера, и на лестнице стало чуть светлее. Едва он поднялся на третий этаж, как дверь слева открылась, и из-за нее выглянул худощавый молодой человек в круглых черепаховых очках, придававших ему интеллектуальный вид. Он был в мятой, не первой свежести футболке, спортивных штанах и босиком.

— Мистер Флеве? — спросил Грейс.

— Oui, да.

Грейс показал ему удостоверение.

— Можете сказать, кто живет над вами на этой стороне здания?

Молодой человек задумался.

— Есть две… как вы их называете?.. леди… в квартире номер шесть.

— Лесби? — подсказал Норман Поттинг.

Грейс бросил на него недовольный взгляд.

— Да, я бы так сказал, — согласился француз.

— Можете сказать, кто живет в пятой квартире?

— Я нечасто его вижу. Мужчина. Думаю, один. Он редко здесь бывает.

— А над ним?

— Пожилая пара. Они турки. В восьмой квартире живет одинокая леди. Ей за тридцать, работает в «Америкэн экспресс». Очень симпатичная.

Грейс достал из кармана айфон и показал фотографию Брайса Лорена.

— Этот мужчина в пятой квартире?

— Думаю, да. В пятой.

Грейс поблагодарил его и едва ли не бегом поднялся по лестнице и без лишних церемоний постучал в дверь. Два спецназовца в бронежилетах и визорах встали по обе стороны от него.

Никто не ответил.

Какие есть варианты? Можно взломать дверь и войти, но чутье подсказывало — Брайса Лорена в квартире нет. Пожалуй, лучше подождать и понаблюдать. Он позвонил в диспетчерскую и спросил, кто дежурный судья. Ею оказалась жившая неподалеку Джулия Смит. Грейс откомандировал за ордером Нормана Поттинга и, оставив в двери бумажный клинышек, чтобы не закрылась, вернулся вместе с остальными к машине, откуда они продолжили наблюдение в надежде, что Брайс Лорен вернется.

В половине девятого Поттинг возвратился, победоносно помахивая подписанным ордером. Грейс подошел к фургону и коротко проинструктировал спецназовцев. Они выбрались на тротуар; один с тараном — «большим желтым ключом», — другой с гидравлическим домкратом для раздвижения дверной коробки.

Отправив двоих спецназовцев прикрывать пожарный выход, суперинтендент с остальными шестью снова поднялся по лестнице.

Старший группы, женщина, постучала в дверь.

— Мистер Лорен, вы дома?

Как и ожидалось, никакого ответа.

Она отступила в сторонку. Один из спецназовцев, обхватив двумя руками тяжелый стальной таран, повернулся к коллегам и, проревев «Полиция!», со всей силой обрушил его на дверной замок. Дерево сухо треснуло, и дверь распахнулась. Вся группа ввалилась в квартиру, крича «Полиция! Полиция!» и рассекая темноту лучами мощных фонариков.

Грейс вошел за ними, пошарил по стене и щелкнул выключателем.

Вспыхнувшая под бумажным плафоном лампочка осветила пустую и абсолютно голую комнату с задернутыми дешевыми шторами. Небольшой письменный стол, старый офисный стул на колесиках и дырки на стенах, как будто с них сорвали полки или кронштейны. Маленький брекфаст-бар отделял кухонную зону с раковиной, хозяйственным столом, холодильником, газовой плитой и древней микроволновкой. Все было чистое.

Грейс натянул перчатки и открыл холодильник. Внутри холодильника тоже царила безупречная чистота — ни крошки.

— Черт!

Он прошел в жилую зону, открыл дверь и обнаружил крохотную спальню, почти целиком занятую двухместной кроватью. Постельное белье отсутствовало, остался только худой, комковатый матрас.

Настроение упало. Грейс вернулся в большую комнату и слегка раздвинул шторы. Напротив, через двор, он увидел в окне этажом ниже Рэд Уэствуд, расхаживающую взад-вперед с сигаретой и бокалом белого вина. Она разговаривала с кем-то по телефону.

С кем?

70

Четверг, 31 октября

Ответ на этот вопрос знал Пол Миллет, сидевший за столом в своей комнате в пансионате «Земляничные поляны». Рэд трепалась со своей лучшей подругой, стервозной Рэкел Ивенс.

И ему приходилось слушать, как эта сучка Рэкел льет на него ушаты грязи. Выплескивает все, что скопилось. Как он не понравился ей с первой же встречи. Как она сразу его невзлюбила.

Ой ли? Так уж сразу?

Зачем же ты тогда обнимала меня? Зачем говорила, что я именно то, что и надо Рэд? Как ей хорошо со мной?

Чертова сука.

Он слушал через микрофон, спрятанный в таком месте, где им никогда его не найти, пусть даже суперинтендент Рой Грейс и приказал своей команде разобрать комнату по кусочкам. Детектив заявил, что какие-то улики должны быть. Отпечаток пальца. Нить от одежды. ДНК.

Нет, детектив-суперинтендент, вы ничего не найдете. Я всегда буду на шаг впереди вас. Уж можете мне поверить!

В начале десятого вечера мужской голос — Пол Миллет узнал чернокожего инспектора Гленна Брэнсона — сказал:

— Все, старичок, уходим. Мальчишник объявляется официально открытым. Гай Батчелор, Белла Мой и остальные уже ждут нас в «Богемии».

— Что-то я не настроен на вечеринку, — отозвался Рой Грейс.

— Думаешь, кто-то примет такое объяснение? Забудь.

— Да?

— В субботу ты женишься на женщине твоей мечты. Не забыл?

— Помню.

— Ну так расслабься!

— Я же не думал, что придется заниматься расследованием убийства.

Брэнсон улыбнулся.

— Жизнь — это то, что случается с тобой, когда ты занят совсем другими планами. Так, кажется, сказал Джон Леннон?

— Вроде того.

— Ну так не зевай.

— Да, ты прав.

— Я серьезно. А расследованием до твоего возвращения займусь я сам.

Грейс оглянулся и, понизив голос, чтобы их не слышали, сказал:

— Я ошибаюсь, или ты и впрямь немножко запал на мисс Уэствуд?

Брэнсон мгновенно насторожился:

— Ты почему так думаешь?

— Заметил, как ты смотрел на нее, когда мы разговаривали в управлении.

— На нее приятно смотреть.

Грейс усмехнулся.

Он еще усмехался, спускаясь за Брэнсоном по лестнице, но, едва выйдя за дверь, нахмурился — дорогу преградила симпатичная блондинка с журналистским блокнотом в руке.

— Детектив-суперинтендент Грейс? Я — Шивон Шелдрейк из «Аргуса». Не могли бы вы рассказать, какую операцию проводит здесь полиция?

Грейс на секунду задумался, а потом снова усмехнулся:

— Здесь мой коллега, детектив-инспектор Брэнсон. Поговорите с ним.

Он отступил в сторонку, с удовольствием наблюдая, как его друг, путаясь и спотыкаясь, отбивается от ее вопросов. В конце концов инспектору все же удалось выбраться на верный путь и донести до репортерши главное. Полиция рассчитывает на помощь общественности в обнаружении Брайса Лорена. Все детали операции будут изложены на утреннем брифинге. Газета могла бы внести свой вклад, если бы опубликовала фотографию Брайса Лорена, имена, под которыми он может скрываться, а также номер телефона оперативного штаба и номер для анонимного звонка в «Криминальный дозор».

Когда все закончилось и они сели в машину, Гленн повернулся к другу и сказал:

— Все, мы больше не на службе. Сейчас вывезем тебя просвежиться и упоим вдрабадан.

Спорить Грейс не стал. Сделать что-то сейчас ни он, ни команда не могли, так что уж лучше отложить все на завтра и взяться за дело с утра пораньше. Да и выпить, откровенно говоря, было бы не лишним. Свадьба приближалась, и он ловил себя на том, что нервничает все сильнее. Да, он любил Клио, но чувствовал, что подходит к новой жизни со старым багажом, одной нерешенной проблемой. Как бы ни был он счастлив в будущем, на горизонте будет постоянно маячить темное облачко. А еще детектив боялся, что то невероятное состояние счастья, в котором он пребывал уже много месяцев, живя с Клио, а теперь и с сыном, может разлететься на кусочки от удара чего-то неведомого.

71

Все как во сне, думал Рой Грейс, стоя рядом с Гленном Брэнсоном на ступеньках у входа в роттингдинскую церковь. Вверху, над ними, громко звонили колокола, с сияющего голубого неба светило солнышко, и ощущение было такое, словно сейчас лето, а не поздняя осень. Как будто кто-то подкрутил реостат, добавив яркости, четкости и интенсивности. Даже деревянные стены саксонской церкви словно засверкали свежим светом. Золотистые часы сияли под солнцем. И сам Грейс ощущал трепет волнения.

Они оба были в серых костюмах-визитках и цилиндрах. Прибывшие гости проходили, парами и поодиночке, по асфальтовой дорожке через кладбище, приветственно кивали и входили в церковь, где два шафера, Гай Батчелор и Норман Поттинг, тоже в визитках, раздавали листки с расписанием порядка службы, задавая каждому традиционный вопрос: «Невеста или жених?»

Половину гостей Грейс не узнавал — это были родственники и друзья Клио. Столько приглашенных, что просто невозможно! Не может быть, чтобы они всех их пригласили. Все ведь наверняка не поместятся. Он понял, что начинает паниковать.

— Держишься, старичок? — Гленн ободряюще похлопал его по плечу.

— Ага. — Грейс нервно улыбнулся. Черт, да его трясет!

— Такое чувство, будто попали на съемки. «Четыре свадьбы и одни похороны».

— Без похорон мы уж как-нибудь обойдемся, — ответил Грейс с ухмылкой — поддержка друга оказалась, как всегда, кстати.

Перед ним вдруг возник главный констебль Том Мартинсон — в полной парадной форме и со своей элегантной женой, наряд которой венчала асимметричная серая соломенная шляпа с короткой вуалью.

— Мои поздравления, Рой. У вас сегодня большой день. — Мартинсон пожал ему руку. — И погода как по заказу — боги вам улыбаются!

— Да. Сэр. Спасибо. — Грейс повернулся к его жене: — Чудесно выглядите, миссис Мартинсон.

Следующим, тоже в визитке, подошел заместитель главного констебля Ригг с блондинкой-женой.

— Все отлично, Рой! Чудесный день для свадьбы! — бодро сказал он и улыбнулся Гленну Брэнсону. — Значит, следующую неделю лавочкой заправляешь ты.

— Так точно, сэр. Я. Жаль, что вы уходите. И примите мои поздравления с назначением.

— Спасибо. Уверен, новый заместитель, Кэссиан Пью, проявит себя с лучшей стороны, — ответил Ригг, стараясь не смотреть в глаза Рою.

Новенькая белая рубашка, которую выбрал для него Гленн в магазине на Лейнс, оказалась на редкость неудобной, жесткой, и Рой уже проклял себя за то, что не надел пару раз, чтобы она стала чуточку помягче.

За несколько следующих минут мимо них прошли несколько полицейских и служащих, которых — Грейс мог бы в этом поклясться — никто не приглашал. Тем не менее каждый благодарил его за приглашение. Гленн обнял друга за плечо.

— Невеста будет с минуты на минуту. Пора за дело.

Они вошли в церковь. Отец Мартин, в сутане и белой столе, пожал Рою руку.

— Помнишь, что я тебе говорил? Расслабься и получай удовольствие!

Грейс не помнил, когда в последний раз нервничал так сильно.

— Стараюсь!

Священник повернулся к Брэнсону:

— Кольца у вас?

В глазах Гленна мелькнула паника. Он суетливо похлопал себя по карманам, потом вспомнил, что положил их в кармашек жилета, и закивал.

Они шли по проходу. Грейс улыбался знакомым лицам и приветливо поднимал руку, но внутри его трясло. Детективы заняли места на передней скамье с правой стороны, и он неуверенно кивнул матери и сестре Клио, а также другим ее родственникам, с некоторыми из которых встречался раньше.

И почти сразу же орган заиграл «Канон» Иоганна Пахельбеля. Грейс поднялся, повернулся и как будто впервые увидел Клио — она выглядела ослепительно в потрясающем длинном кремовом платье, со стильной прической, которую он никогда не видел раньше, но которая смотрелась просто роскошно. Она медленно шла к нему с отцом в сопровождении трех подружек, и Грейс с пронзительной остротой понял, что обожает эту женщину.

Он взял наконец ее руку и, наклонившись, прошептал:

— Ты совершенно обворожительна.

— Ты и сам приоделся, — ответила она.

Они стояли перед отцом Мартином, но слова священника долетали до Грейса не все.

— Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общего Святого Духа да пребудет со всеми вами. Аминь.

И собрание отозвалось:

— Аминь.

Следующие несколько минут смешались во что-то неразборчивое. Рой не сводил глаз с Клио, а она как будто лучилась светом.

Брак есть Дар Божий во творении…

Сводит мужа и жену вместе в наслаждении и нежности брачного союза…

Брак есть стезя жизни освященная Господом…

Не с беспечностью и себялюбием должно вступать в брак,

Но с почтением и ответственностью пред лицом Господа.

На такую жизненную стезю вступают сейчас Рой и Клио…

Сейчас они дадут свое на то согласие друг другу

И произнесут торжественные обеты и в знак сего обменяются кольцами…

Мы молимся вместе с ними, дабы Святой Дух направлял и укреплял их,

Дабы могли они вместе исполнять волю Божию до скончания своей земной жизни.

Последовала долгая пауза. Потом священник продолжил:

— Прежде всего, я обязан спросить присутствующих, знает ли кто причину, по которой эти двое не могут законным образом сочетаться браком.

И снова долгое молчание. Затем вдруг женский голос, громкий и ясный, из глубины церкви.

— Я знаю! Я — его жена!

Грейс в ужасе обернулся. В самом конце прохода стояла Сэнди.

72

Пятница, 1 ноября

Глаза распахнулись в темноту. Рой Грейс лежал, дрожа, глотая воздух. Подушка отсырела, волосы влажные. Простыни промокли от пота. Он растерянно огляделся, не понимая, где находится, и уже начиная паниковать. Во рту пересохло, голову раскалывала острая боль.

Как же паршиво!

И где он, черт возьми, находится? Кровать узкая, жесткая и слишком короткая. Вспомнил — в доме Гленна.

Грейс протянул руку, поискал выключатель, наткнулся на что-то твердое и секундой позже услышал звук бьющегося стекла и плеск воды.

Черт.

Он нащупал телефон, ткнул пальцем в кнопку. Экран тускло засветился. Он нашел прикроватную лампу, включил. Увидел на полу разбитый стакан, лужицу вокруг часов и мокнущий в ней носовой платок.

Маленькая комната, на полу и в розовом шкафу выстроились в ряд плюшевые игрушки. Детская в доме Гленна. Своих ребятишек он отправил на выходные к сестре.

Память возвращалась.

Прошлым вечером в «Богемии» они сняли отдельный кабинет, куда собралась вся его команда. Потом все отправились в стриптиз-клуб «Грейс» на Норт-стрит. Пьяные, бритоголовые копы совали десятки и двадцатки за резинки трусиков длинноногих девиц, жадно пожирая их глазами. Спиртное рекой. И кто только сказал, что если выпить еще бренди, то и чувствовать себя будешь наутро лучше, чем если не выпьешь?

Часы на телефоне показывали 4.55.

Воды. Парацетамола. И отлить.

Был бы сейчас дома. В постели. С Клио.

Какое-то время он просто лежал, не в силах шевельнуться, размышляя, ощущая глубоко внутри давящую тяжесть мрака. Все было так реально. Пугающе реально. Там, в проходе, стояла Сэнди. И как это понимать? Что пытается сказать подсознание?

Сегодня утро пятницы. Завтра у него свадьба. Его вдруг охватил страх. Что, если Сэнди где-то здесь? Что, если она появится на свадьбе?

Ну хватит, перестань. Ее официально объявили мертвой. Она — мертва.

Его трясло.

Но, черт возьми, какой реальный сон.

Рой выбрался из постели, прошлепал в коридор и, подсвечивая телефоном, добрался до ванной. Включил свет, облегчился, открыл шкафчик и — надо же, повезло! — обнаружил парацетамол. Он выдавил две таблетки, сунул в рот, открыл кран с холодной водой, ополоснул лицо, проглотил таблетки, запил. Потом вернулся в спальню, с некоторым трудом открыл окно и снова лег, голый, ощущая всем телом и лицом освежающее дыхание ночного воздуха.

Прежде чем увлечься философией, Клио изучала психологию, значительную часть которой занимал анализ сновидений, и много рассказывала ему об этом. О том, например, что у всех есть нерешенные проблемы, предстающие перед нами в снах. В этом была своя логика. Сэнди, являющаяся на свадьбу. Конечно.

Усилием воли он отогнал и этот сон, и все прочие, сопровождавшие его фантомные мысли. Где-то там разгуливает опасный подонок, Брайс Лорен, представляющий реальную опасность для Рэд Уэствуд. Сколько же еще имен у этого мерзавца?

И где он сейчас?

73

Пятница, 1 ноября

Не самая лучшая была идея, думал Рой Грейс, глядя на помятые, усталые лица собравшихся на совещание за столом конференц-зала в половине девятого утра. Группа ведет расследование убийства, идут поиски преступника, а половина команды пьянствует, а потом чуть ли не до утра развлекается в стриптиз-клубе.

Гай Батчелор, Джон Экстон и Норман Поттинг явились полуживыми, так что рассчитывать на них не приходилось. Обычно франтоватый ортопед Хейдн Келли выглядел так, словно спал где-то под кустом. Только двое, эксперт-криминалист Дэйв Грин и Гленн Брэнсон, серьезно отнесшийся к своим обязанностям шафера и продержавшийся всю ночь на безалкогольных напитках, смотрелись на фоне остальных бодрячками.

Оставалось только надеяться, что о загуле не узнает Никола Ройгард; у нее свои представления о рамках поведения и верности долгу. И конечно, у зловредного Кэссиана Пью, который уже в понедельник вступит в обязанности заместителя главного констебля, будет повод для праздника, если он что-то пронюхает. С другой стороны, ничего страшного, насколько он знал, не случилось.

Грейс посмотрел на часы. После первого приема парацетамола прошло почти четыре часа, так что можно принять еще пару таблеток. Он выдавил их из блистера и проглотил, запив водой из стакана. Пока что никакие средства облегчения от головной боли не приносили. А еще где-то глубоко сидел страх, как будто что-то ужасное должно вот-вот случиться. И даже здоровенный сэндвич с сочащейся, шипящей яичницей и хрустким беконом

из припаркованного по соседству мобильного кафе «У Труди», который он затолкал в себя, запивая колой, и который обычно мгновенно снимал похмельный синдром, на этот раз — по крайней мере пока — должного эффекта не возымел.

Господи, да соберись же. Ты женишься завтра на любимой женщине.

Он заглянул в подготовленные материалы и открыл полицейский блокнот. На столе перед ним лежал свежий номер «Аргуса» с кричащим на первой полосе заголовком: **Полиция взывает о помощи в поимке брайтонского поджигателя.**

Здесь же, на первой полосе, разместилась фотография Брайса Лорена и список его вымышленных имен. Похоже, утренние новости уже уделили ему свое внимание. Может быть, кто-то и узнает.

— Как я уже говорил вчера, до моего возвращения из отпуска в конце следующей недели временным исполняющим обязанности старшего следователя по операции «Муравьед» назначен инспектор Брэнсон. Так что сегодняшнее совещание проведет он. — Грейс кивнул коллеге.

— Да, ребята, вот так вот, — сказал Брэнсон и посмотрел в свои записи. — Итак, вчера вечером, основываясь на информации отдела высоких технологий, мы наведались в дом на Уэстборн-Террас, где Брайс Лорен снял квартиру на вымышленное имя. Квартира оказалась пустой. Судя по всему, он убрался оттуда насовсем. Я уже дал задание констеблям поговорить со всеми жильцами, узнать, не видел ли кто вчера или в предыдущие дни, чтобы кто-то загружал вещи в фургон. Вчера же, пригрозив смертью родителям Рэд Уэствуд, он — мы так считаем, и для такого предположения есть основания — сжег их фамильный дом. Наша задача — найти как можно скорее Брайса Лорена и одновременно обеспечить безопасность Рэд Уэствуд. Она сознает угрожающую ей опасность, но намерена жить в том же, что и раньше, режиме. Мисс Уэствуд не желает уступать Брайсу Лорену — так она это формулирует. Для нас в такой ситуации есть один плюс — оставаясь на виду, мисс Уэствуд становится магнитом для преступника. У нас появляется возможность устроить ему ловушку, но об этом мы поговорим вне рамок данного совещания. Я нахожу маловероятным, что Брайс Лорен уехал из страны, но допускаю, что он мог залечь на дно. Одно можно сказать с полной определенностью: у этого человека неординарные вкусы. Где бы он ни прятался, он тратит деньги на что-то. И если пользуется кредитной карточкой, то оставляет след.

Брэнсон повернулся к финансовому следователю Гордону Грэму:

— У вас есть что-нибудь, Гордон?

— Да, сэр, есть. — Грэм указал на белую доску с фотографиями Рэд Уэствуд и Брайса Лорена и обведенной красным кружком датой их расставания. — Примерно через два месяца после этой даты Брайс Лорен начал снимать крупные суммы наличными со своего счета в брайтонском отделении банка «Эйч-эс-би-си» на Дитчлинг-роуд. Деньги достались ему от матери, в основном от продажи ее дома. Управляющий, забеспокоившись, поговорил с ним на эту тему — так сказать, профессиональная любезность — и попытался выяснить, не шантажируют ли клиента, не стал ли он жертвой мошенничества со злоупотреблением доверием или какой-то пагубной привычки. Лорен в ответ посоветовал ему не совать нос в чужие дела. К 9 сентября он снял в общей сложности более семисот пятидесяти тысяч фунтов, после чего закрыл счет, на котором уже ничего не оставалось.

— Может быть, он разместил деньги где-то еще? Вам что-нибудь об этом известно? — спросил Грейс.

— Пока что мы ничего такого не нашли. Сейчас занимаемся проверкой счетов во всех банках, почтовых отделениях и строительных обществах на территории Соединенного Королевства, смотрим, не поступали ли крупные вклады наличными за обозначенный период. Повторяю, пока ничего.

— Зачем снимать такие суммы наличными? — спросил сержант Батчелор, старательно пряча зевок. — Если он получил наследство от матери, то об отмывании денег говорить не приходится.

— Наркотики? — предположил констебль Алек Дэвис.

— Наркотики, азартные игры, шантаж, переправка контрабандой за границу, в какую-нибудь страну, где зарубежная валюта пользуется большим спросом. — Грэм пожал плечами. — Либо же это делается с целью жить и путешествовать, не оставляя финансового следа. До сих пор ему это успешно удается. Я связывался с полицией лондонского Сити — у них самая большая финансовая база данных в стране. В свое время мне пришлось работать с их комиссаром, Эдрианом Леппардом, когда он еще служил в Кенте. Я передал список имен, которыми может пользоваться Брайс Лорен, и сейчас они проверяют все покупки по кредитным картам и операции со счетами. Но работа огромная — все его вымышленные имена и фамилии вполне обычные.

Заметив, что Дэйв Грин поднял руку, Гленн кивнул ему.

— Если Лорен съехал с квартиры, но остался здесь, ему надо где-то жить.

— Совершенно верно, — согласился Грейс. — Нам придется сегодня привлечь дополнительные силы, чтобы обойти все отели, пансионаты и агентства по сдаче жилья в городе и окрестностях и проверить списки постояльцев. Этим займется суперинтендент Уотсон на Джон-стрит. Но теперь, раз уж мы об этом заговорили, надо проверить и постояльцев, которые платят наличными.

Чей-то мобильный заиграл тему из «Джеймса Бонда». Норман Поттинг, покраснев, нажал кнопку и сунул телефон в карман.

И тут же зазвонил телефон у Грейса. На экране высветился номер дежурной.

— Рой Грейс, — негромко сказал он.

— Сэр, здесь какой-то гражданин хочет поговорить с кем-нибудь насчет операции «Муравьед». Он прочитал обращение в «Аргусе» и желает поделиться с вами какой-то информацией.

Грейс отошел в сторонку и, пока оператор переводила звонок, выскользнул в коридор и закрыл за собой дверь.

— Детектив-суперинтендент Грейс. Чем могу помочь?

Голос в трубке был мужской, с легкой ноткой самодовольства.

— Я знаю, суперинтендент, кто ваш поджигатель.

— Неужели? — скептически отозвался Рой Грейс. Голос неизвестного совершенно ему не понравился.

— Знаю, вы уж поверьте.

— Как вас зовут, сэр?

— Это не важно. Предлагаю вам обратить внимание на одного пожарного в уэртингском пожарном депо. Мэтт Уэйнрайт. Он — тот, кто вам нужен.

— Что еще?

Но связь уже оборвалась.

Грейс перезвонил в дежурную и спросил, определился ли номер звонившего. Ответ его не удивил — нет.

Он задумался. Такие информаторы оказывали порой неоценимую помощь, но чаще всего звонки оказывались розыгрышами, которые вели к пустой растрате полицейских ресурсов. Отделить одно от другого всегда трудно. Голос незнакомца ему определенно не понравился, в нем было что-то неприятное. Звонить мог, например, коллега этого Уэйнрайта, давно таивший на него обиду.

Дверь открылась, и в коридор вышел Гленн Брэнсон.

— Ты в порядке, старичок?

Грейс кивнул.

— Выглядишь не ахти, какой-то зеленый. Шел бы в постельку.

— Ничего. — Он показал на телефон. — Отклик на утреннее сообщение в «Аргусе». Есть одно имя. Пожарный в Уэртинге. Вот только сам звонивший какой-то странный.

— Брайс Лорен одно время работал пожарным.

— Кем только этот чертов Лорен не работал? — проворчал Грейс. — А где именно?

Детективы вернулись в конференц-зал, и он попросил констебля Джека Александера связаться с уэртингским пожарным депо и узнать, есть ли у них некий Мэтт Уэйнрайт, а Бекки Дэвис поручил выяснить, работал ли в пожарной службе Брайс Лорен и если да, то где именно и когда.

Гленн Брэнсон уже заглянул в записи и собрался перейти к следующему вопросу, когда задребезжал внутренний телефон. Гай Батчелор посмотрел на инспектора и, когда тот кивнул, снял трубку:

— Детектив-сержант Батчелор, операция «Муравьед».

Все притихли, глядя на сержанта и словно чувствуя по его позе, что звонок важный.

Предчувствие не подвело.

Батчелор поблагодарил звонившего, положил трубку и сначала повернулся к Брэнсону, а потом к Рою Грейсу:

— Это Гвен Барри из службы пограничного контроля, терминала «Евростара» в Фолкстоуне. На записи с камеры наблюдения замечен Брайс Лорен. Предъявил документы на имя Пола Райли. Оно есть в нашем списке. Вчера, в 11.25 вечера, зашел в магазин дьюти-фри, купил виски и сигареты, затем уехал на «тойоте», серия Гольф Виктор Зеро Семь Кило Браво Ноябрь, и сел на поезд до Кале.

— На кого зарегистрирован автомобиль? — спросил Грейс.

— Бюро проката «Эйвис». Взята в их отделении в Гатуике четыре дня назад.

— Надо посмотреть, на чье имя выдана машина.

Брэнсон кивнул и сделал пометку в блокноте.

Грейс задумался. «Евростар», прошлым вечером. 11.25. Во Франции время на час вперед. Поезд идет полчаса. Следовательно, прибытие в час ночи. Сейчас Брайс Лорен может быть где угодно. В Европе или даже, если отправился в аэропорт, на другом конце света.

Но почему?

Ладно, у него были свои счеты с родителями Рэд Уэствуд, но ведь главная его цель — сама Рэд, так? Зачем же тогда уезжать из страны?

Он повернулся к Брэнсону:

— Гленн.

— Да, босс.

— Позвони Рэд Уэствуд.

Через минуту инспектор протянул Грейсу свой айфон.

— Мисс Уэствуд? Извините за беспокойство, но это срочно. Вопрос может показаться вам странным… Скажите, Брайс Лорен курит?

— Нет. Категорически нет. У него что-то вроде патологического отвращения к курению.

Грейс нахмурился:

— Ладно, а как насчет виски?

— Его он тоже терпеть не может. Только шампанское и хорошее белое вино — другого мы не пили.

— Что ж, спасибо, вы очень нам помогли. — Он дал отбой и, все еще хмурясь, повернулся к коллегам: — Гай, свяжись с этой женщиной из службы пограничного контроля. Мне нужно знать, какие зоны покрывают их камеры наблюдения, и мне нужны все видеозаписи с Брайсом Лореном, какие только у них есть. Прямо сейчас. И пусть пришлют все записи со всех камер в магазине дьюти-фри и около него, с Лореном и без. Свяжись с Кентом, попроси сделать это как можно скорее.

74

Пятница, 1 ноября

В 10.50 Гай Батчелор позвонил Рою Грейсу, который перед уходом в короткий отпуск расчищал у себя в офисе почтовый ящик от всего, что требовало незамедлительного ответа, и сообщил, что записи с камер наблюдения в Фолкстоуне уже пришли.

Через десять минут Грейс вместе с Гленном Брэнсоном, Гаем Батчелором и Реем Пэкемом сидел в крохотной смотровой комнате управления. Пэкем запустил запись. Первым, что они увидели, был Брайс Лорен — в кожаной куртке-бомбере, слаксах и ботинках, — неторопливо идущий в сторону терминала «Евростара» и вывески «Дьюти-фри». У входа в магазин он остановился, посмотрел в одну сторону, потом в другую. Казалось, Лорен не столько осматривается в незнакомом месте, сколько позирует.

— Точно он? — спросил Батчелор.

— Судя по тем фотографиям, которые я видел, определенно он. — Грейс посмотрел на Брэнсона.

Инспектор кивнул:

— Он самый.

И тут Лорен сделал нечто странное: он медленно повернулся на все триста шестьдесят градусов и по-прежнему неторопливо, как человек, которому абсолютно некуда спешить, зашагал к двери.

— Это что еще за пируэт? — удивился Брэнсон.

— Я тебе скажу, — ответил Грейс. — Если только чутье не подводит.

Следующая часть записи, уже внутри здания, была сделана другой, менее четкой камерой. Лорен появился через несколько секунд; двигаясь от камеры, он снял с полки и положил в тележку два блока сигарет, потом неспешно повернулся и вышел из поля зрения. Далее его засекла — и тоже сзади — третья камера. Теперь он выбирал виски, а когда определился, взял две бутылки и тоже положил в тележку. Потом снова повернулся и опять скрылся от камеры.

Грейс отметил время в углу экрана — 23.33 — и посмотрел на Пэкема.

— Рей, ты можешь найти камеру, которая снимает кассу?

Пэкем прокрутил записи с внутренних камер магазина и остановился, дойдя до расчетной кассы. Грейс снова отметил время — 23.32. Они подождали несколько минут, до 23.38, потом он сказал:

— А теперь, Рей, покажи магазин снаружи. Начни с 23.32.

Картинка сменилась через несколько минут. 23.32, 23.33, 23.34, 23.35. Лорен вышел в 23.36 и направился к автостоянке. С пустыми руками.

— А где же покупки? — удивился Гай Батчелор.

Грейс покачал головой:

— Он ничего не купил. Он не курит и не пьет виски.

— Мы что-то пропустили? — спросил Гленн Брэнсон.

— Не думаю, — ответил Грейс. — Нет. Он просто хотел показаться перед камерами. Хотел убедить нас, что он в «Евростаре» и уезжает из страны. По-моему, ему нужно, чтобы мы поверили, что его здесь нет.

— Но ведь его действительно здесь нет. Мы же видели, как он уехал на поезде.

— Да, — согласился Грейс. — Брайс Лорен действительно уехал вчера во Францию. Но я не уверен, что он и сегодня все еще там.

— То есть вы думаете, это только уловка? — спросил Батчелор. — Убедить нас, что он уехал?

— Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что он уже вернулся. И думаю, нам следует исходить из того, что он здесь.

75

Пятница, 1 ноября

Во влажной духоте кафе чесалась борода. Он приклеил ее во взятой напрокат «тойоте», на темной парковке возле вокзала в Кале.

Просмотрев заранее Интернет, пройдясь по форумам, он узнал, что парковка эта бесплатная и камер наблюдения на ней нет. Сотни людей оставляли здесь машины, отправляясь дальше, в Англию, поездом, так что пройдет немало времени, может быть, недели, прежде чем кто-то обратит внимание на забытую «тойоту». К тому времени работа будет сделана, и его самого уже не будет.

Ему было хорошо в тепле, да и вторая чашка крепкого черного чая помогла согреться. Он слишком долго оставался на продуваемой холодным ветром палубе парома, избегая риска попасться кому-то на глаза, а потом бродил по утреннему Дувру под проливным дождем. Так рано в Англии его никто не ждал, но предосторожность никогда не помешает, и он принял все меры, чтобы остаться незамеченным и в порту, и на пароме, и на выходе с него.

Натянув капюшон на шапочку с помпоном, он сидел за потертым столом, в стороне от небольшой компании, ел яичницу, потягивал обжигающе горячий чай и делал вид, что читает «Дейли мейл». В заголовках газета собачилась с профсоюзным лидером. Политика не интересовала его и в лучшие времена, а сейчас тем более. Уик-энд ожидался богатым на события, и сделать предстояло немало.

Начиная со свадьбы!

Интересно, как будет чувствовать себя Рэд Уэствуд, когда детектив, возглавляющий охоту за ним, получит стрелу из арбалета в правый глаз прямо в церкви, на собственной свадьбе! Он уже ясно представлял всю сцену. Улыбающийся жених, сияющая невеста, родственники и друзья, украшенные белыми лентами лимузины. И вдруг…

Фьють!

Никто даже не услышит. Она пролетит над головами. Заостренный наконечник прошьет глаз, как комочек студня, пронзит мозг и рассыплется на мелкие частички. То-то будет крику!

И еще больше крику будет потом, от нее самой, когда она снова окажется в его власти, а случится это уже совсем скоро. Как она будет кричать, умолять, просить о пощаде, которой не дождется. Нет, никакой пощады. Он ждал этого момента, мечтал о нем. Такого долгого момента, к которому он так долго шел. Ради которого жил.

Уже скоро, детка!

76

Пятница, 1 ноября

Рэд сидела на утренней летучке в офисе «Мишон Маккей», стараясь сосредоточиться на делах, но мысли снова и снова возвращались к странному звонку суперинтендента Грейса, заставшего ее по пути на работу. Детектив интересовался, курит ли Брайс и пьет ли виски. Зачем ему это?

Джефф Брейди, плотный, представительный мужчина в костюме в мелкую полоску, с энтузиазмом распинался о чем-то у белой доски, указывая на написанное от руки фиолетовым маркетом слово «Отсчет» и число £146 900 — этот объем продаж им предстояло освоить за оставшиеся до конца года два месяца, чтобы достичь поставленной цели. Ниже была изображена таблица с заголовком «Новые инструкции. Горячие предложения». Суммы в ней варьировались от £179 950 до £3 500 000.

Ноябрь — решающий месяц, вещал Брейди. Люди еще могут купить себе новый дом до Рождества. А раз так, то надо пользоваться ситуацией, ковать железо. Пятнадцать просмотров в день на каждого — они это могут!

Рэд слушала, уже понимая новый для нее жаргон. ГКП — *готовится к продаже*. ОНР — *отсутствует на рынке*. НП — *ниже предложенного*. ПВ — *первичный покупатель*. КИС — *купить и сдать.*

Брейди потряс толстенной бухгалтерской книгой, куда заносилась информация по всем предложениям и просмотрам. Хотя весь бизнес был давно компьютеризован, рукописные записи сохранялись как дублирующий резерв, пополнение которого требовалось от каждого.

Собрание закончилось, как всегда по пятницам, предложением коллективно промочить горло после работы — выпустить накопившийся за неделю пар перед самым важным днем, субботой, когда все будут лежать навзничь. Вернувшись за стол, Рэд просмотрела список намеченных на день просмотров и проверила поступившие сообщения. Настроение не улучшилось — число отказов увеличилось и уже превысило двадцать процентов. Она пробежала глазами по списку новых предложений, машинально отмечая потенциально интересные для тех клиентов, с которыми уже сложились хорошие деловые отношения, которых она уже считала своими и чьи предпочтения и пожелания знала, и взялась за телефон. Каждый звонок сопровождался дополнительной процедурой — отправкой электронных и бумажных писем с подробным описанием предлагаемых объектов.

Работа отвлекла от неприятных мыслей, но Рэд чувствовала, что не в состоянии отдаться ей целиком, включиться на полную силу, что ее голосу недостает уверенности и должного энтузиазма. Именно этого и добивался Брайс.

И в этой невидимой схватке она уступать не собиралась.

Но, боже, какой же трудный день! Рэд посмотрела вправо, на улицу за большим окном, на гипермаркет «Теско» через дорогу. Мимо прошел автобус, прошмыгнуло такси, за ним проследовала вереница машин. Пролетела, завывая сиреной, желтая «скорая». Велосипедист в желтом дождевике уныло давил на педали под проливным дождем. Как же сумрачно на душе.

Родители лишились дома. Вся семья осталась без крыши над головой. Без воспоминаний детства. Даже детские фотографии обратились в пепел. Отец и мать разом постарели на десяток лет. И все по ее вине.

Зазвонил телефон. Она схватила трубку в отчаянной надежде, что это инспектор Брэнсон или констебль Спофford звонят, чтобы сообщить, что Брайса Лорена арестовали и упрятали за решетку. Но нет. Мужчина с американским акцентом спрашивал об одном из

самых дорогих объектов, уединенном доме на престижной Тонгдин-авеню, владельцы которого большую часть времени проводили в других местах — Неаполе и Флориде.

— Так они просят три с половиной миллиона фунтов? — уточнил он.

— Совершенно верно, сэр, — вежливо ответила Рэд, оживляясь и уже чувствуя перспективу хорошей сделки с огромными комиссионными.

— Я так понимаю, что он выставлен уже несколько месяцев назад?

— Дом просто сказка. Интересуются многие, — соврала она.

— Мою семью, нас с сыном, он бы вполне устроил. Я покупаю за наличные, но, по-моему, цена немного завышена. Как считаете, они готовы рассматривать другие предложения?

— Настоятельно рекомендую, сэр, взглянуть на объект лично. Это один из лучших жилых домов в Брайтоне и Хоуве. Уверена, хозяева будут готовы выслушать ваше мнение.

Она снова приврала. Хозяева ясно дали понять, что вовсе не спешат продавать дом и не отступят от установленной цены. Но перспектива выглядела вроде бы реальной, и кто знает, может быть, когда клиент увидит дом, он просто влюбится в него и уже не сможет отказаться.

— Этот уик-энд у меня занят. Как насчет понедельника?

— Какое время вас устроит, сэр? Хозяева сейчас в отъезде, так что в этом отношении мы не ограничены.

— Полдень?

— Отлично. Меня зовут Рэд Уэствуд. Если желаете, я могу выслать описание на ваш имейл или отправить брошюрку по почте?

— Нет, спасибо, все, что нужно, у меня есть.

— Ладно. Хорошо. Тогда до встречи на месте. Пожалуйста, сэр, назовите ваше имя и дайте номер телефона.

— Эндрю Остин, — сказал он и продиктовал номер.

— Буду рада с вами познакомиться, мистер Остин.

— С нетерпением жду встречи, мисс Уэствуд.

Да, ему до смерти хотелось поскорее встретиться с ней. Не узнала его голос! Стоя под навесом кафе, кое-как защищавшим от неумолимого дождя, Брайс Лорен изнывал от нетерпения.

Рэд тоже приободрилась. Правила требовали внести контактные данные Эндрю Остина в компьютер, чтобы другие риелторы могли воспользоваться информацией и предложить альтернативные варианты, но Рэд, хотя и пробыла в агентстве «Мишон Маккей» недолго, кое-чему успела научиться. Вот почему, введя данные нового клиента, она нарочно переставила в номере телефона две цифры. И, довольная собой, улыбнулась. Сделка на три с половиной миллиона фунтов сулила офигительные комиссионные. И она твердо вознамерилась их получить.

77

Пятница, 1 ноября

Фьють!

В перекрестье телескопического прицела арбалета «Легаси-225» Брайс Лорен наблюдал полет алюминиевой, со свинцовым наконечником стрелы, со скоростью двести шестьдесят пять футов в секунду устремившейся к цели — ярко-рыжей тыкве, посаженной на кол

посреди поля на расстоянии восьмидесяти ярдов. Нырнув в нескольких футах от мишени, стрела с едва слышным глухим звуком воткнулась в траву.

В «Дне Шакала» — за последние недели Брайс просмотрел фильм несколько раз — Шакал, сыгранный Эдвардом Фоксом, стрелял по изображавшему голову французского президента арбузу. Арбуз Брайс заменил тыквой, продуктом намного более доступным, тем более после только что прошедшего Хэллоуина. Да и придать тыкве сходство с лицом оказалось совсем нетрудно с помощью обычного ножа Стенли.

Лицо суперинтендента Роя Грейса.

Который собирался завтра жениться.

Брайс перезарядил арбалет, поправил прицел и снова поймал воображаемого Роя Грейса в перекрестье. Наметился в лоб.

— А как вот это, детектив-суперинтендент, старший следователь и руководитель операции «Муравьед»?

Он потянул за спусковой крючок, и мощное оружие с силой толкнуло его в плечо. Брайс прильнул к прицелу. Секундой позже стрела угодила в верхушку тыквы, разбросав в стороны оранжевые брызги.

Брайс довольно улыбнулся. До чего ж приятно будет наблюдать, как такая же стрела снесет черепушку суперинтенденту Рою Грейсу! И случится это уже завтра, когда детектив будет стоять на ступеньках церкви, позируя с невестой для свадебных фотографов! Почти так же, как на тех кадрах с Джоном Кеннеди в открытом «линкольне» на улице Далласа, когда пуля снайпера срезала ему макушку с клочком волос.

Впрочем, еще больше ему нравилась цветная картинка из школьной книжки по истории, иллюстрация к битве при Гастингсе в 1066 году. На ней был изображен король Гарольд со стрелой в правом глазу. Выпущенная лучником, стрела пронзила ему мозг.

Брайс перезарядил еще раз. Подкрутил самую чуточку прицел. Взял на мушку отверстие прорезанное справа над носом суперинтендента Грейса. Правый глаз. Подержал цель несколько секунд. Он ощущал уверенность и спокойствие. Как будто исполнял веление судьбы.

Мягко, как учил инструктор, он потянул за крючок, выбирая слабину. Еще немного. Еще…

Фьють!

Стрела вырвалась из плена. На мгновение, вздрогнув от отдачи, он потерял ее из виду, но тут же нашел и сразу увидел, как тыква разлетелась, словно внутри ее что-то взорвалось.

Брайс подточил свинцовые наконечники, и это сработало как надо. По такому параметру, как убойная сила, стрелы теперь ничем не уступали пулям дум-дум. Он улыбнулся, довольный собой. И даже более чем довольный.

Тыква разлетелась на тысячу кусочков. Стрела попала точь-в-точь туда, куда он и хотел, с расстояния в восемьдесят ярдов. Он заранее измерил расстояние от ступенек роттингдинской церкви до дороги — пятьдесят семь ярдов. Значит, и выстрел будет еще точнее!

Брайс Лорен вернулся к «лендроверу» и взял с заднего сиденья еще одну тыкву. Посадил ее на кол.

В пустынном поле неподалеку от своей мастерской фейерверков он упражнялся в стрельбе почти до сумерек. И добился того, что попадал в правый глаз с каждого выстрела. Без промаха.

78

Пятница, 1 ноября

— Время — 18.30, пятница, 1 ноября, — начал Гленн Брэнсон, обращаясь к аудитории из тридцати пяти человек. — Это наше вечернее совещание по операции «Муравьед», включающей расследование убийства доктора Карла Мерфи и серию поджогов, имевших место в городе за последние несколько дней и, возможно, связанных между собой. — Он бросил взгляд в сторону Роя Грейса.

Нервничает, подумал суперинтендент. Как-никак первый самостоятельный инструктаж. Но в Брэнсоне он не сомневался. Сам Грейс этим утром чувствовал себя намного лучше; похмелье наконец отступило, не выдержав схватки с жирным бургером и жареной картошкой при поддержке еще одной колы из заведения «У Труди». Да и последние события добавили настроения. Он ощущал себя счастливым и довольным и уже настроился на позитивный лад в отношении завтрашней свадьбы. Воспоминания о кошмаре с участием Сэнди рассеялись. Сосредоточившись, он с интересом наблюдал за тем, как Гленн ведет совещание, и теперь, поймав взгляд друга, ободряюще ему улыбнулся. Инспектор посмотрел в записки и продолжил:

— Сегодня, в четыре пополудни, я провел брифинг с журналистами, на котором сообщил, что мы произвели арест подозреваемого.

Собрание отозвалось одобрительным гулом.

— Это Мэтт Уэйнрайт, пожарный уэртингского депо. Арестован по наводке пожелавшего остаться неизвестным гражданина. Уже установлен ряд обстоятельств, связывающих его с нашим расследованием. Во-первых, окурок сигареты, найденный вчера одним из наших экспертов на месте пожара в Хенфилде, у дома родителей Рэд Уэствуд. ДНК на окурке совпадает с ДНК Уэйнрайта. — Он сделал небольшую паузу. — И нам известно, что он курильщик.

Сержант Экстон поднял руку.

— И мы уже установили, что Брайс Лорен не курит.

— Именно так, — подтвердил Брэнсон. — Вторая улика — отпечатки обуви на месте убийства доктора Карла Мерфи в точности совпадают с отпечатками сапог, обнаруженных в машине Уэйнрайта. Подозреваемый признал, что они входят в комплект его рабочей формы, но, по его утверждению, пропали две недели назад. Опасаясь, что в депо проник посторонний, он доложил о пропаже начальству. Было проведено расследование. Подозреваемый не смог объяснить, как сапоги попали к нему в машину. По его словам, во время дежурства они стоят на рабочем месте, а в остальное время хранятся в раздевалке. Уэйнрайт не помнит, чтобы оставлял обувь в машине, и не может объяснить, почему они там оказались.

— Может, сами пришли. Эти ботиночки, чтобы гулять… — смешливо пропел Норман Поттинг и огляделся по сторонам, но наткнулся на каменные лица.

Брэнсон повернулся к криминалисту-ортопеду:

— Присутствующий здесь Хейдн Келли поработает с ними, и, думаю, его анализ даст нам еще одно подтверждение. — Он снова заглянул в записи. — Третья улика — следы бензина в багажнике машины подозреваемого. В лаборатории сейчас проводятся тесты, по результатам которых мы, возможно, получим привязку к месту убийства. Насколько я понимаю, у каждой серии бензина есть свой, уникальный идентификатор, что-то вроде ДНК.

— Подкрепляем подозрения бензинчиком, — снова ухмыльнулся Поттинг.

Брэнсон снова пропустил реплику мимо ушей.

— Есть еще одно обстоятельство. Уэйнрайт не только пожарный, но и профессиональный фокусник и, как явствует из сегодняшних показаний коллег, похоже,

лелеет мечту сосредоточиться только на карьере иллюзиониста. Нам известно, что тем же увлекается и Брайс Лорен. Подтверждается, что в какой-то момент между ними вспыхнуло профессиональное соперничество. Вот вам и мотив.

— Мотив более сильный, чем мотив Лорена отомстить Рэд Уэствуд? — спросил Грейс.

— Я исхожу только из имеющихся на руках фактов, — ответил Брэнсон. — Как вы сами любите повторять, предположение — мать всех неприятностей.

Кто-то хихикнул. Рой Грейс и сам усмехнулся:

— Есть такое, но продолжай. Хотелось бы услышать твое мнение.

— Моя гипотеза — а сейчас это только гипотеза — заключается в том, что Брайс Лорен — это та самая копченая селедка, которую бросают, чтобы сбить со следа собак. Мы предполагали, что Лорен стоит за убийством доктора Карла Мерфи, пожаром, вследствие которого пострадала машина мисс Уэствуд, задымлением в продовольственном магазине и поджогом дома ее родителей.

— А картинка с взрывающейся яхтой, которую он прислал мисс Уэствуд? — спросил сержант Экстон.

Брэнсон повернулся к Рею Пэкему.

— Рей, что еще удалось установить об отправителе?

— Мы знаем, что снимали из квартиры Лорена, но отследить отправителя пока не получилось. Над этим еще работаем. Но кто бы это ни сделал, он определенно знал, как пользоваться анонимной почтой. Не уверен, что нам удастся его установить.

— То есть нельзя исключать, что картинку — как часть плана по дискредитации соперника — мог также отправить Уэйнрайт. Возможно, он узнал о «Рэд Марго» еще в то время, когда они вместе работали в пожарном депо Уэртинга. Его персональный компьютер изъяли, и наша команда сейчас работает с ним. Что-нибудь нашли?

— Пока ничего. Но он мог отправить картинку откуда угодно — например, из интернет-кафе или со своего рабочего места. Мы сейчас проверяем и эти компьютеры.

Брэнсон обратился к сержанту Мой:

— Белла, у меня для тебя поручение. Пусть ребята из вспомогательной команды возьмут фотографию Мэтта Уэйнрайта и обойдут все интернет-кафе в Уэртинге и поблизости от его местожительства. Может, кто-то и опознает.

Она кивнула и сделала пометку.

Руку поднял Гай Батчелор.

— А Уэйнрайт вообще способен на такое? У него криминальная история есть?

— Его прошлое сейчас изучается, — ответил Брэнсон, кивая в сторону двух регистраторов и поворачиваясь к главному пожарному следователю: — Тони, напомните, пожалуйста, команде, что выяснилось при обследовании сгоревшего «фольсвагена» Рэд Уэствуд.

— Конечно. В результате тщательного изучения мы обнаружили отсутствие изоляции на проводах зажигания, что стало причиной короткого замыкания и перегрева. Также мы нашли просверленные в топливопроводе крохотные отверстия, через которые просачивался бензин. После нескольких минут работы двигателя, когда провода разогрелись, произошло возгорание.

Брэнсон поблагодарил его, заглянул в листок и продолжил:

— В гараже дома Уэйнрайта стоит «фольксваген-битл» 1970-х, который он восстанавливает. Автомобиль во многом схож с «фольксвагеном» Рэд Уэствуд, а механика практически идентичная. Так что он хорошо знал, что именно надо делать.

В зале повисла тишина.

— Если твое предположение верно, — заговорил после недолгого молчания Грейс, — то получается, что Уэйнрайт взял на себя много хлопот и очень большой риск.

— Ловкость рук и приемы с отвлечением внимания — обычный ассортимент трюков хорошего фокусника, — ответил инспектор. — В случае с Брайсом Лореном ему представилась замечательная возможность. Подарочек на блюдечке, требуется только проявить определенную жестокость.

— Но зачем Уэйнрайту идти на такие крайности? Что толкнуло его на столь отчаянные шаги?

— По моим сведениям, в пожарном депо ситуация сейчас не самая хорошая. Поговаривают о забастовке — впервые за много лет. Многие из тех, кто недоволен таким положением, уходят со службы. Возможно, Мэтт Уэйнрайт увидел отличный шанс избавиться от ключевого соперника в новой карьере.

Грейс кивнул:

— Согласен, Гленн. У нас много улик, дающих основание подозревать, что Уэйнрайт каким-то образом причастен к этому. Но, учитывая все, что мы знаем о Брайсе и его жажде мести, не логичнее ли предположить, что он подставляет Уэйнрайта, чтобы отвлечь внимание от себя? Всю следующую неделю расследование на тебе. Ты должен вести обе линии.

— Формально Мэтт Уэйнрайт отвечает всем требованиям, — сказал Гленн Брэнсон. — Но, согласен, это может быть ловкий маневр Лорена.

Грейс улыбнулся. Он знал, что не уделил делу должного внимания из-за приближающейся свадьбы. Сделать так, чтобы свадьба и их короткий медовый месяц стали большим и счастливым событием для Клио, — вот что было для него самым главным. Он понимал, что в свое время именно его увлеченность работой послужила причиной трений с Сэнди. Слишком часто служба выходила на первое место, вызывая ее недовольство. Иногда это зависело не от него, но в большинстве случаев решение оставалось за ним. Он всегда воспринимал убийство как личное дело. Сэнди называла его трудоголиком, а он каждый раз спрашивал, как бы она чувствовала себя, если бы погибший был ее близким или любимым человеком. Она была умной женщиной и все понимала, но в отношениях возникало напряжение. И как бы ни было трудно сейчас, он знал, что на следующей неделе руководить операций «Муравьед» будет другой.

Из памяти всплыла цитата, вычитанная Клио из какой-то ее книжки по философии: «Я могу не соглашаться с тем, что вы говорите, но буду до последней капли крови защищать ваше право говорить это».

— Ты — босс. Но обязательно занеси свои обоснования в полицейский блокнот и не отвлекайся от поисков Лорена. Может быть, действует один Уэйнрайт, может быть, они оба, но мне представляется, что, скорее, Брайс подставил бывшего коллегу с целью отвлечь наши ресурсы и растратить впустую время. Помни, Рэд все еще может быть в опасности.

79

Суббота, 2 ноября

В начале второго пополудни Гленн Брэнсон довез Роя Грейса на стареньком, видавшем виды «форде-фиеста» цвета высохшей коровьей лепешки от своего дома в Солтдине, где Грейс провел вторую неспокойную ночь в детской, в Роттингдин.

Занятый своими мыслями, Грейс впервые не обращал внимания на опасную манеру вождения друга. Ему было неловко во взятом напрокат вечернем костюме, да еще воротник купленной по настоянию Гленна белой рубашки нещадно натирал шею. Как только они

заехали на парковку отеля «Уайт хорс», он сунул руку во внутренний карман и в третий или четвертый раз достал листок с речью, чтобы удостовериться, что это именно речь, а не какой-то по ошибке прихваченный документ.

— Ты в порядке, старичок? — спросил Гленн.

Грейс нервно кивнул. Во рту у него пересохло.

— Помнишь тот фильм, «Четыре свадьбы и одни похороны»?

— Почему я должен его помнить?

— Потому что выглядишь так, словно собираешься на похороны, вот почему! Встряхнись, приятель! Это же величайший день в твоей жизни!

— Второй величайший день, — напомнил Грейс. — Я здесь не новичок.

— День сурка, да?

— Немножко вроде того. — Он потянул воротник рубашки. Во сне ему было так же неудобно?

— Ты хотя бы раз в жизни забудь про работу и постарайся получить удовольствие сам и порадовать невесту, ладно?

Не в силах сопротивляться непреклонному энтузиазму шафера, Грейс наконец-то покорно выжал из себя улыбку.

— Знаешь, что тебе надо? — спросил Брэнсон.

— Нет. А что мне надо?

— Пропустить стаканчик.

— Мне еще речь произносить.

— К тому времени протрезвеешь.

Они вошли в бар. Обычно не самый большой любитель пива, Рой заправился пинтой «Харви» и мгновенно почувствовал себя лучше. Просмотрев меню, они заказали по сэндвичу с сыром, а потом Гленн взял бутылку «Мот э Шадо».

— Эй! Нам этого нельзя! — запротестовал Грейс.

— Ну, попробовать ведь можно! — ответил Гленн.

— Послушай, мне надо поговорить с тобой о Рэд Уэствуд.

Брэнсон покачал головой:

— Нет. Сегодня тебе надо только пить.

Около двух, оставив пустую бутылку, детективы вышли из паба. Грейс слегка опьянел, но напряжение ушло, а настроение явно поднялось. Брэнсон взял курс к переходу в начале Роттингдин-Хай-стрит. День выдался чудесный, и солнце сияло в ясном небе. Гленн выглядел великолепно в цилиндре и фраке, а чертов воротничок после выпивки уже не натирал так сильно шею.

Они свернули на Хай-стрит. Некоторые из прохожих улыбались, и Грейс отвечал тем же. Узнали они его или все дело было в свадебном наряде?

Еще через несколько минут детективы уже поднимались по дорожке в церковь, возле которой успела собраться небольшая толпа из мужчин в костюмах и женщин в шляпках и пышных нарядах. Среди них были и коллеги — с ними Грейс здоровался, — и люди незнакомые, вероятно, друзья и родственники Клио.

Вверху, над ними, громко звонили колокола, с сияющего голубого неба светило солнышко, и ощущение было такое, словно сейчас лето, а не поздняя осень. Как будто кто-то подкрутил реостат, добавив яркости, четкости и интенсивности.

Даже деревянные стены саксонской церкви словно засверкали свежим светом. И сам Грейс ощущал трепет волнения.

Он повернулся к Брэнсону:

— Знаешь, сегодня и вправду День сурка!

— Да?

Откуда-то вдруг вынырнул отец Мартин, пухлый и веселый, в сутане и белой столе, с короткой стрижкой.

— Все в порядке? — спросил он, крепко пожимая Рою руку.

Ни с того ни с сего к горлу подкатил комок. Грейс кивнул, но ответить не смог — дар речи оставил его, что случалось с ним очень редко.

Гости уже шли по асфальтовой дорожке через кладбище, поодиночке и парами, и на входе в церковь каждый получал листок с порядком службы от двух шаферов, Гая Батчелора и Нормана Поттинга. «Жених или невеста?» — спрашивали они.

Половину гостей Грейс не узнавал — это были родственники и друзья Клио. Столько приглашенных, что просто невозможно! Не может быть, чтобы они всех их пригласили. Все ведь наверняка не поместятся. Он понял, что начинает паниковать.

За первым приливом паники последовал второй. Все слишком напоминало сон. Грейс проклинал себя за то, что выпил, но было уже поздно. Он вовсю улыбался и бурно приветствовал каждого, как будто все были его давними друзьями, а катастрофа со свадьбой их никак не касалась.

День сурка, так сказал Гленн. Так оно и есть. Все шло как в том чертовом сне. Даже погода повторилась. Даже стены церкви сверкали, как тогда.

— Держишься, старичок? — Гленн ободряюще похлопал его по плечу.

— Ага. — Грейс нервно улыбнулся.

— Черт, да его трясет!

Эти самые слова Гленн произнес во сне.

Перед ним вдруг возник главный констебль Том Мартинсон — в темном костюме и со своей элегантной женой, наряд которой венчала асимметричная серая соломенная шляпа с короткой вуалью.

— Мои поздравления, Рой. У вас сегодня большой день. — Мартинсон пожал ему руку. — И погода как по заказу — боги вам улыбаются!

— Да. Сэр. Спасибо. — Грейс повернулся к его жене: — Чудесно выглядите, миссис Мартинсон.

Следующим, тоже в визитке, подошел заместитель главного констебля Ригг с блондинкой-женой.

— Все отлично, Рой! Чудесный день для свадьбы! — бодро сказал он и улыбнулся Гленну Брэнсону: — Значит, следующую неделю лавочкой заправляешь ты.

— Так точно, сэр. Я. Жаль, что вы уходите. И примите мои поздравления с назначением.

— Спасибо. Уверен, новый заместитель, Кэссиан Пью, проявит себя с лучшей стороны, — ответил Ригг, стараясь не смотреть в глаза Рою.

За несколько следующих минут мимо них прошли несколько полицейских и служащих, которых — Грейс мог бы в этом поклясться — никто не приглашал. Тем не менее каждый благодарил его за приглашение. Гленн обнял друга за плечо.

— Невеста будет с минуты на минуту. Пора за дело.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал Рой.

— Потом, старик.

— Нет, сейчас!

— Нам пора идти. Клио вот-вот появится.

— И Сэнди тоже, — прошипел Грейс.

Брэнсон искоса взглянул на него:

— Не думаю.

Потом они шли по проходу. Грейс улыбался знакомым лицам и приветливо поднимал руку, но внутри его трясло.

Сэнди.

Сон.

Перед алтарем отец Мартин еще раз пожал Рою руку. Сразу стало легче.

— Помнишь, что я тебе говорил? Расслабься и получай удовольствие!

Грейс нахмурился. Он определенно слышал эти слова во сне. И тут же память подсказала, что во сне главный констебль был в парадной форме, а не в темном костюме. Он с облегчением выдохнул.

Заиграл орган. «Канон» Пахельбеля!

Сердце Роя Грейса таяло, как масло. Он повернулся и увидел Клио, потрясающе красивую в кремовом платье, с убранными вверх волосами, с вуалью на лице. Медленно, рука об руку с отцом, под звуки музыки, она шла по проходу — ему навстречу.

Никто не заметил, никто не обратил внимания в этот момент, как какая-то женщина в широкополой шляпе с вуалью и перчатках, одетая во все темное, проскользнула через заднюю дверь вместе с мальчиком в аккуратном пальто в елочку.

80

Суббота, 2 ноября

— Эти люди собираются пожениться, да, мама? — прошептал мальчик по-немецки.

Все скамьи в церкви были заняты. Сэнди стояла с сыном в задних рядах, сжав в руке программку церемонии. Ее трясло. Но она смотрела.

Глядя сквозь море людей, в большинстве своем ей совершенно не знакомых. Чувствуя себя так, будто оказалась на другой планете. В каком-то ином мире. Видя Роя Грейса — коротко постриженные волосы, элегантный в серой визитке, сцепленные за спиной руки — и стоящую слева от него невесту. Какого черта она так вырядилась? Как Барби.

Они смотрели в другую сторону, на тучного священника и алтарь. Справа от Роя стоял высокий темнокожий мужчина, также в визитке, — его она не знала. Шафер. Интересно, кто он, подумала Сэнди. С виду похож на копа. Конечно, коп, как же иначе.

Все так сюрреалистично. Будто сон. Кошмарный сон. Через несколько минут, если она ничего не предпримет, ее муж женится на другой женщине. Ее муж, стоящий там с шафером, которого она никогда не встречала. Ее муж, собирающийся жениться в церкви, заполненной совершенно не знакомыми ей людьми.

Гнев, предвестник надвигающейся бури, уже закипал в ней.

— Так что, мама? — прошептал мальчик. — Они собираются пожениться?

— Может быть, — прошептала она в ответ.

А может, и нет. Я могу остановить это.

— Только может быть? Почему же они там, если не собираются пожениться, а, мама?

Викарий, стоявший перед женихом и невестой и потому не попадавший в поле ее зрения, произнес:

— Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общего Святого Духа да пребудут со всеми вами. Аминь.

Звали его, согласно программе, отец Мартин.

— Аминь, — последовал тихий ответ прихожан.

У нее помутилось в глазах. Все смешалось. Рой выглядел таким уверенным, таким красивым, таким сильным. Десять лет назад он был другим человеком. Десять лет, на протяжении которых она думала о нем каждый день. Много раз на дню. Думала с таким сожалением. С головой погружаясь сначала в сайентологию, затем в другую секту, уже в Германии, где состояла в отношениях с ее основателем Хансом-Юргеном, оказавшимся помешанным на контроле фриком, запускавшим руки под каждую юбку.

У Роя были свои недостатки, но все те восемь лет, что они прожили вместе, он никогда не изменял ей. Она точно это знала — по той глубокой любви, что он выказывал. За все те годы он даже не взглянул на другую женщину. Рой много раз говорил ей, что любит ее до умопомрачения, что она — его половинка, что их свела некая высшая, непостижимо могучая сила. И она всякий раз с ним соглашалась. В те далекие дни она искренне верила — они вместе навсегда.

Пока не…

Она поежилась.

— Бог и есть любовь, и те, кто живут в любви, живут в Боге, и Бог живет в них, — нараспев произнес отец Мартин.

Еще несколько минут — и он уйдет навсегда. Женится на другой женщине.

По щеке скатилась слеза.

— Почему ты такая грустная, мама?

Почти все собравшиеся в церкви читали вслух слова, напечатанные на обратной стороне программки. Сэнди сжала руку сына и подняла листок. С другой стороны было напечатано: *Рой, Клио*, а между именами стояла дата с изящным рисунком церковных колокольчиков.

Ей стало трудно дышать. Слезы уже ручьем бежали по щекам. Это должно остановить. Должно. Эту ложь. Этот обман. Вот-вот случится бигамия. Она должна остановить это. Просто обязана, разве нет?

И она так сильно, так отчаянно хотела его вернуть.

— Бог чуда и радости: от тебя исходит благодать, и ты единственный есть источник жизни и любви. Без тебя мы не могли бы угождать тебе; без твоей любви все наши поступки ничтожны. Ниспошли же Святой Дух и наполни наши сердца этим восхитительным даром любви, дабы смогли мы помолиться тебе с благодарностью и всегда служить тебе с усердием и старательностью через Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Благодать. Это слово звучало снова и снова, отзываясь именем ее мужа. [8]Оно обжигало сердце. Мужчина, которого она когда-то любила так сильно и не перестала любить, стоял рядом с другой. Невестой. Этим вечером они займутся любовью. И завтра опять, можно даже не сомневаться. Будут делать все то, что делали когда-то они. Она знала все, каким он может быть, помнила прикосновения его языка — на коже, губах и в глубине ее самых потайных расселин. Она помнила движения его рук, те места, к которым ему так нравилось прикасаться пальцами. Все это будет всего через несколько часов. С этой куклой Барби.

Но в ее власти остановить это.

Она и пришла-то сюда, чтобы остановить это.

Не сделав ничего, она станет соучастницей преступного деяния, даже несмотря на то, что официально объявлена мертвой. Но разве ей не должны были сообщить, что она объявлена мертвой?

На секунду она задумалась. Какая абсурдная мысль.

Орган заиграл «Иерусалим». Пришедшие в церковь запели — громко, с желанием; все знали и любили этот гимн. Их голоса поднимались к своду и отражались от стен.

— На этот горный склон крутой ступала ль ангела нога? И знал ли агнец наш святой зеленой Англии луга?

Тот же чертов гимн, который они пели на их собственной свадьбе. Любимый гимн Роя, конечно же, потому что исполнялся перед матчами английской сборной по регби. Она и сейчас прекрасно помнила, как стояла слева от Роя в патчемской церкви Всех Святых в самый счастливый день своей жизни. Стояла, собираясь выйти замуж за мужчину, которого любила и с которым — даже не вопрос! — намеревалась жить до конца своих дней. Так ли счастлива сейчас эта женщина-кукла, как была счастлива она в день их свадьбы?

Сэнди надеялась, что нет. Она взглянула на церковный свод над ними в надежде, что какой-нибудь кусок каменной кладки отвалится и раздавит эту самодовольную стерву.

Она сморгнула слезы, но соль осталась и резала глаза. Сын потянул ее за руку. Порывшись в сумочке, она нашла салфетку и, немного приподняв вуаль, промокнула глаза.

— Мама?

Она поднесла палец к губам, призывая его к молчанию. И замерла, дрожа и слушая.

— Мой дух в борьбе несокрушим, незримый меч всегда со мной. Мы возведем Иерусалим в зеленой Англии родной.

Она зашмыгала носом, и слезы снова побежали по ее лицу. Ханс-Юрген всегда изливал на нее многозначительные цитаты. Вот и здесь звучала одна из них, его любимая.

— Мы будем искать без устали, непрестанно, и под конец всех исканий придем туда, откуда начинали, и впервые откроем для себя это место. [9]

Это было ее место. Здесь, в церкви. Слушать утихающий звук органа и эхо свадебного гимна, сознавая, как сильно она любила стоящего у алтаря мужчину. И как всегда, будет любить.

Она поняла это только теперь.

И время убегало.

Это должно остановить.

Она сделала глубокий вдох… еще один.

Рой стоял, выпрямившись во весь рост, такой спокойный, такой уверенный в себе. Таким ли его запомнили присутствовавшие на *их*свадьбе? Был ли он и тогда столь же уверен в себе?

Отец Мартин снова заговорил:

— В присутствии Бога, Отца, Сына и Святого Духа мы собрались здесь, дабы засвидетельствовать бракосочетание Роя и Клио, просить Бога ниспослать на них благословение, разделить их радость и чествовать их любовь.

— Мама, а кто они?

Она сжала его руку и снова поднесла палец к губам, призывая к молчанию.

— Брак есть дар Божий в творении, через которое муж и жена могут познать Божию благодать. Он дается, когда мужчина и женщина растут вместе в любви и доверии, они соединяются друг с другом сердцем, телом и разумом, как Христос соединен со своей невестой, Церковью.

Она должна это остановить. Должна найти в себе силы сделать это. Для этого она сюда и пришла.

— Дар бракосочетания сводит мужа и жену вместе в наслаждении и нежности брачного союза…

Она с трудом подавила подступающие рыдания.

— Мама? — Сын посмотрел на нее с тревогой, крепко сжав ее руку.

— …и радостном обязательстве до конца их жизней. Он дается в виде образования семейной жизни, в которой рождаются и воспитываются дети и в которой каждый член семьи, как в хорошие времена, так и в плохие, может найти поддержку, общение и утешение и до зрелости расти в любви.

Слова лились, а она поймала себя на том, что никогда прежде не представляла Роя с другой женщиной. Делающим то же, что он делал с ней. Он был невероятный любовник. Всегда внимательный, всегда старающийся удовлетворить сначала ее и лишь затем получить удовольствие сам. Ни один из тех немногих любовников, что были у нее после, не мог сравниться с ним. И вот теперь, вечером, в каком-нибудь гостиничном номере, он будет заниматься любовью с этой не знакомой ей блондинкой и, разумеется, делать все то, что делали когда-то они. И говорить ей, что они — две половинки целого. А о ней, Сэнди, даже и не вспомнит. Ни о ней, ни о том, чем они когда-то были и что имели.

Если только она не вмешается.

Момент приближался. До него оставалось уже меньше минуты. Отец Мартин продолжал читать речь:

— На такую жизненную стезю вступают сейчас Рой и Клио. Сейчас они дадут свое на то согласие друг другу и произнесут торжественные обеты и в знак сего обменяются кольцами.

Сэнди покрутила свадебное кольцо, которое Рой надел на ее палец почти двадцать лет назад.

— Мы молимся вместе с ними, дабы Святой Дух направлял и укреплял их, дабы могли они вместе исполнять волю Божию до скончания своей земной жизни…

Она сделала глубокий вдох. Сейчас. Ее миг. Шанс изменить свою жизнь. Вернуться к тому, что было раньше. Она сделала еще один вдох. У нее все было готово.

Он уже женат. На мне.

Патер Мартин громко сказал:

— Прежде всего, я обязан спросить присутствующих, знает ли кто причину, по которой эти двое не могут законным образом сочетаться браком.

Внезапно Рой Грейс обернулся и посмотрел назад, прямо на нее. Пристально, сквозь вуаль, прямо в ее глаза.

Она застыла.

Он снова отвернулся к алтарю.

У нее подкосились ноги. Ей даже показалось, что ее вот-вот вырвет. Видел ли он ее? Знает ли, что она здесь? Но откуда? Невозможно. Она проделала весь этот путь, чтобы расстроить свадьбу, но не смогла. Ей недостало сил. Все спуталось, смешалось.

— Обеты, что вы сейчас произнесете, даются в присутствии Бога, который судит все и ведает все тайны наших сердец.

Сэнди крепко сжала руку сына и потащила его, почти бегом, к выходу из церкви, к солнечному свету.

— Мама! — запротестовал он.

Вслед ей звучало:

— А теперь, если кто-то из вас знает причину, по которой вы не можете стать законными супругами, вы должны заявить об этом.

Она остановилась. Прислушалась. С надеждой. С полунадеждой.

— Мама?

— Тсс!

— Рой, желаешь ли ты взять Клио в жены? Будешь ли ты любить, утешать, почитать и защищать ее и, отвергнув прочих, хранить ей верность до тех пор, пока вы оба живы?

Сэнди застыла на месте. Тишина, казалось, длилась целую вечность. И тут она услышала произнесенные шепотом слова, которых так боялась. Тихие, но отчетливые. Словно дыхание призрака.

— Да.

Снова потянув сына за руку, она побежала — спотыкаясь, полуслепая от слез — по церковной дорожке вниз к дороге, а потом вверх, туда, где припарковала взятую напрокат машину.

81

Суббота, 2 ноября

Казалось, Бог посадил это дерево специально для него. Массивный дуб, с густой золотистой и багряной листвой и мощным основанием, благодаря которому забраться на первый сук оказалось раз плюнуть.

Брайс Лорен объявился здесь еще до рассвета — в водонепроницаемом камуфляже, термальном нижнем белье и балаклаве. После того как он забрался повыше и удобно устроился на прочном суке, всего-то и понадобилось сломать парочку веток, чтобы ясно видеть церковные ступеньки. И получить чистую линию огня.

В рюкзаке он принес с собой мешок из химчистки, термос с кофе, бутерброды, батончик «марс» и бутылку, в которую можно было помочиться. Он уже выпил почти весь кофе и съел большую часть пайка и пребывал в прекрасном настроении. Все шло как по маслу, и он знал, что его никто здесь не видит — зато он видел всех; видел ясно и отчетливо. Как, например, женщину с ребенком, которая выходила сейчас, задолго до окончания службы, из церкви.

Кто она такая? Ошиблась церковью? Вся в черном, не похоже, что пришла на свадьбу. Однако было в ней нечто знакомое.

И тут он понял, что видел их — мельком — в «Земляничных полянах». Они столкнулись на лестнице. Это ему не понравилось. Уж не следит ли она за ним? Нет, вряд ли. Всего несколько минут назад он видел, как она торопливо шагала по тропинке, почти волоча за собой ребенка, как вошла в церковь уже после невесты, когда заиграл орган. И вот теперь эти двое так же поспешно, едва ли не бегом, идут обратно, хотя до окончания службы еще далеко. И на ее лице выражение отчаяния.

Уж не спешит ли на похороны?

Впрочем, какое ему дело? Брайс посмотрел на часы. Прислушался к звукам органа. Это он сам и Рэд могли бы идти сейчас там, в церкви, по проходу между рядами, если бы сложилось по-другому. На мгновение ему стало так грустно. Это могла быть их свадьба. *О Рэд, любовь моя, зачем ты все поломала?*

У входа в церковь стояли с десяток полицейских в форме. Странно, подумал он, почему они не внутри? Может, собираются изобразить что-то вроде почетного караула, когда появятся детектив-суперинтендент Грейс и его новоиспеченная жена? Что ж, их ждет сюрприз.

Он осторожно поднял арбалет, нашел прочную опору для рук на крепкой ветке и посмотрел в телескопический прицел. Навел перекрестие на деревянные двери. Скоро они оба выйдут, остановятся, позируя для традиционных фотографий, одна из которых должна занять место на каминной полке. *Фьють!* Да уж, такому снимку определенно не место в семейном альбоме! Жених со стрелой, торчащей из правого глаза.

Он опустил арбалет, представляя, какая поднимется суета. План отхода у него был. Спуститься вниз и, прежде чем кто-то поймет, откуда прилетела стрела, рвануть к дороге, где припаркован автомобиль. Как же ему это нравится! Какой сигнал он пошлет Рэд!

Брайс ждал. Время шло медленно. Наконец он услышал звуки органа. И не поверил своим ушам. Они играли Queen of the Slipstrem Вэна Моррисона.

Его и Рэд песню.

Ах вы, ублюдки.

Ублюдочные ублюдки.

Да этого не может быть.

Двери уже открывались. Брайс увидел, как выходят молодожены. Его цель. Он поднял арбалет, все еще дрожа от гнева, с трудом удерживая в прицеле лицо Роя Грейса. И тут откуда ни возьмись вынырнула, закрыв весь вид, тень. Огромный двухэтажный автобус остановился прямо напротив церкви, заслонив все остальное.

— Убирайся на хрен! — прорычал он.

Но автобус не сдвинулся с места. Следом подъехал второй. Потом — третий.

Черт, черт, черт, черт!

Что там вообще происходит, по ту от них сторону?

Он сунул арбалет в мешок, что принес с собой, и спрыгнул на землю. Три, дьявол их дери, громыхающих автобуса. Он подбежал к ним и увидел, что церковь скрыта теперь вереницей лимузинов. Два водителя, сняв кепки и прислонившись к старому сверкающему черному «роллс-ройсу», курили сигареты. Он подошел ближе.

— Вы бы не шутили так со здоровьем. Эти штуковины убивают.

И, в расстроенных чувствах, он развернулся и зашагал к своей машине.

— Да пошел ты! — прокричал ему вслед один из водителей.

Не оборачиваясь, он вскинул руку и показал средний палец.

82

Воскресенье, 3 ноября

Рой Грейс проснулся внезапно, так и не досмотрев сон до конца. Правая рука, обнимавшая Клио за шею, онемела. Но жена крепко спала, и он не хотел ее будить. Теплая, она прижалась к нему всем телом, и ему было чертовски приятно. Она пошевелилась и вновь задышала в прежнем ритме. Потом вдруг засопела, и он ухмыльнулся — этот звук ему тоже нравился. Стояла полная тишина.

Ощущение было немного странное, но восхитительно умиротворяющее. Они устроились в номере люкс «Бэйлиффскорта», уединенного загородного спа-отеля, расположенного в двадцати милях к западу от Брайтона и недалеко от моря, — на одну ночь перед тем, как в понедельник отправиться в свадебное путешествие. Родители Клио приглядывали в ее доме за Ноем.

В городе никогда не бывало так тихо. Да и так темно — хоть глаз коли. Он мысленно вернулся во вчерашний день. В церкви все прошло прекрасно, и он никогда еще не видел Клио такой милой. Праздничный ужин в Королевском павильоне, в окружении друзей, коллег и родных Клио, тоже удался на славу. Ее отец произнес великолепную речь, а Гленн, храни его Господь, выдал несколько сомнительного вкуса плоских шуток, но вообще проявил себя душой компании и блистал остроумием.

Потом, несмотря на все попытки Беллы Мой усадить его обратно, вдруг поднялся Норман Поттинг и, подняв бокал, заявил, что хочет произнести тост за счастливых молодоженов.

— Рой и Клио, хочу дать вам небольшой совет. Когда будете приобретать кровать для вашего нового дома, не покупайте в «Хэрродсе». Слышал, они за качество своей продукции всегда отвечают!

В неловкой тишине, лишь подчеркнутой парочкой-тройкой смешков, Норман опустился на стул, довольный собой.

По крайней мере, его собственная речь прошла неплохо, хоть он и нервничал.

А нервничал во многом из-за того сна, что приснился в четверг ночью. В том сне, в задних рядах церкви, стояла, отвечая священнику, Сэнди.

Отец Мартин, громко и внятно, произнес: «Прежде всего, я обязан спросить присутствующих, знает ли кто причину, по которой эти двое не могут законным образом сочетаться браком».

И голос Сэнди, столь же отчетливый, пронесся по проходу: «Мне известна! Да, мне. Я замужем за ним!»

Из-за того сна, там, в церкви, он обернулся и увидел женщину в черном, с закрытым вуалью лицом и маленьким мальчиком, стоявшим рядом с ней.

Почудилось? Игра воображения?

Должно быть, да. Потому что когда он обернулся снова, как только Гленн вынес кольца, ее и мальчика там уже не было.

Почудилось?

Он вдруг поежился, словно от холода. «Кто-то ходит над твоей могилой», — говаривала в таких случаях мать.

— Все в порядке, любовь моя? — пробормотала Клио.

Он нежно поцеловал ее в спину.

— Люблю тебя.

— И я тебя люблю, — сонно отозвалась она.

Потом он почувствовал, как ее рука прошлась по его бедру — сначала нежно, потом более настойчиво, — поднялась выше, и пальцы затеяли легкую игру. Он тут же откликнулся.

— Я думал, ты спишь.

— Я тоже думала, что ты спишь, но, похоже, часть тебя вполне уже бодрствует.

Она перекатилась на бок, нашла его рот. Ее дыхание было приятным, губы — мягкими. Она пробежалась по его губам языком, затем вдруг сползла чуть ниже и принялась терзать языком правый сосок.

Он застонал от удовольствия.

Продолжая ласкать его, она опустилась еще ниже, целуя его грудь, живот, потом нежно, очень нежно, приняла его в рот.

— Господи! — выдохнул он.

Спустя какое-то время она медленно распрямилась, улеглась на него сверху, твердо, но осторожно сжала и направила в себя.

— Боже, я люблю тебя! — простонал он.

— Вы уверены, детектив-суперинтендент Грейс?

— Как никогда прежде!

— Так и должно быть. Ведь ты теперь застрял во мне.

— Придется привыкать.

Она прошлась языком по его уху, и он затрепетал от удовольствия. Потом прошептала:

— Мама не учила тебя, что это невежливо — разговаривать с полным ртом?

— Только не с высокими, длинноногими блондинками, — так она говорила.

Клио игриво хлопнула его по щеке.

В этот момент Грейс подумал, что еще никогда в жизни ему не было так хорошо, так покойно, так…

— Я буду любить тебя до скончания веков. А потом пойду к началу.

— Всего лишь?

— Стерва!

— Похотливое животное!

Они нежно поцеловались, и она прошептала:

— А я буду любить тебя до скончания веков и еще трижды по столько же.

— И я тоже.

Она сжала его посильнее.

— Ну что, семейная жизнь — еще не полное дерьмо, правда?

Он немного помолчал.

— Не-а. Не полное.

83

Воскресенье, 3 ноября

— А это — главная спальня! — гордо объявила Рэд.

Отец тащился за ней следом, мать замыкала шествие. Выглядела она, как всегда, элегантно, тогда как на нем были крепкие ботинки, мешковатые джинсы и бессменная пухлая, бесформенная куртка с капюшоном. Годы садоводства и хождения под парусом после выхода на пенсию лишили его всяческого представления о моде, если такое когда-то и наличествовало. Одежда, в его представлении, должна быть функциональной, имея своей целью защищать от влаги и холода. Не более того.

Рэд это никак не напрягало, хотя она всегда втайне надеялась, что, если у нее когда-нибудь будут отношения столь же долгие, как и у родителей, ее партнер постарается выглядеть привлекательным. Иногда она задавалась вопросом: когда родители последний раз занимались сексом? Глядя сейчас на отца, она решила, что, должно быть, пару-тройку десятилетий назад.

— Чудесная комната, дорогая! — сказала мать.

— Вот только вид не очень, — добавил отец.

Насчет этого он прав, подумала Рэд. Комната была огромная, в ней легко поместилась бы большая двуспальная кровать, да еще осталось место для парочки встроенных шкафов. Вот только находилась она в задней части квартиры, и окна вдобавок выходили на громоздкое строение через дорогу, так что солнечного света здесь ждать не стоило.

— Я намерена использовать ее исключительно для сна, папа. Так что здесь и так большую часть года будет темно. Что мне действительно здесь нравится, так это гостиная.

К ее облегчению, и отец, и мать согласно кивнули.

— Да, — сказала мать. — Гостиная очень милая.

То была истинная правда.

Квартира располагалась на последнем этаже большого жилого дома в Кемптауне. Она включала в себя совмещенную с обеденной жилую зону — брекфаст-бар, «островок» и

большую кухню, — с выходом на широкую солнечную террасу, откуда открывался вид на Канал. Вдобавок к основной спальне имелась гостевая, гораздо меньших размеров, и еще одна комнатушка — не больше чулана, — в которой можно было разместить односпальную кровать или оборудовать рабочий уголок.

— Вполне могу себе представить тебя здесь, — заметил отец.

— Неужели?

— Замечательная квартира. Во многих ли из тех, что входят в эту ценовую категорию, есть вид на море?

— В очень немногих, — ответила Рэд. — Сужу об этом по работе. И еще раз спасибо за ссуду.

— Ты же знаешь, дорогая, мы с отцом всегда тебе поможем, — сказала ее мать.

Рэд улыбнулась.

— Люблю вас. Как только выручу деньги за квартиру, сразу же все отдам.

— Насчет этого не беспокойся, дорогая, — сказал отец. — Самое главное для тебя — иметь такой дом, в котором бы ты чувствовала себя в безопасности.

— Здесь есть нечто такое, отчего я действительно чувствую себя в безопасности.

Рэд пересекла пустую гостиную, открыла дверь и вышла на террасу. Весь уик-энд стояла солнечная погода, что позволило городу предстать во всем своем великолепии. Отражавшее небо море было темно-синего цвета. Справа от себя Рэд видела Брайтонский Глаз и пирс чуть ниже, а слева — западную дамбу марины. В открытом море, примерно в миле от берега, несколько яхт начали зимний сезон, и их паруса мерцали в лучах раннего послеполуденного солнца.

— Когда думаешь заключить сделку? — спросил отец.

Рэд пожала плечами.

— Ну, раз уж вы с такой радостью ссудили мне деньги, учитывая все обстоятельства, то как можно скорее. Но если и возникнут какие-то затруднения, обо мне не беспокойтесь. Здесь со мной все в порядке. По крайней мере, я на это надеюсь.

— А вот на прежнем месте с тобой как раз таки и не все в порядке, дорогая, — сказала ее мать. — Мы хотим, чтобы ты побыстрее оттуда съехала, подальше от этого страшного человека.

— К счастью, нам положена приличная страховка, — добавил отец. — У нас с матерью все будет хорошо. Самое главное, милая, это твоя безопасность.

— Как только понадобятся деньги — сразу же дай нам знать, — сказала мать. — И позаботься о том, чтобы этот ужасный человек никогда не узнал, куда ты переезжаешь, — это крайне важно.

— Делаю для этого все возможное, — ответила Рэд.

— Согласен с твоей матерью, — сказал отец.

Никто из них не обратил внимания на небольшой минивэн, припаркованный на некотором отдалении на противоположной стороне улицы.

84

Воскресенье, 3 ноября

— Придурки, — сказал Брайс Лорен, сидя в небольшом фургончике на продуваемом ветрами приморском бульваре и слушая разговор. Он смотрел на элегантное здание эпохи Регентства, которое в те времена, вне всякого сомнения, служило домом для одной семьи с помещениями для прислуги, а теперь было поделено на квартиры.

Такие легко горят. Современные спроектированы так, что пожар можно локализовать. Их невозможно уничтожить. Эти, старые, совсем другое дело.

Он отыскал его в Интернете: квартира, которую покупала Рэд, располагалась на последнем этаже. Он видел, как они вышли на террасу, как любовались видом. Оттуда, должно быть, действительно открывается чудесный вид.

Очень жаль, что у тебя не будет шанса насладиться им!

За спиной, в задней части минивэна, на полу лежали новый матрас и стеганые одеяла. Были здесь и кое-какие специальные средства ограничительного действия, а еще инвентарь, с помощью которого он мог бы причинить Рэд ту боль, которую она, безусловно, заслуживала. Клещи. Бритвы. Небольшая сварочная горелка. Моток струнной проволоки. Электрошокер. Капюшон. И несколько масок из магазина приколов — уже для него.

Боги справедливости определенно улыбались ему сегодня. У парадной двери стоял рекламный щит агентства недвижимости «Фокс и сыновья». Надпись на нем гласила: «Продается квартира на первом этаже».

Он набрал номер и поинтересовался, когда можно посмотреть квартиру на первом этаже жилого дома в Ройял-Риджент.

— Когда вам будет угодно, сэр. Это выморочная собственность, поэтому мы имеем доступ туда в любое время суток.

Он поблагодарил риелторшу и назначил ей встречу на два часа дня.

До чего же хорошие новости!

И не менее хорошей новостью было то, что Рэд и ее родителям так понравилась квартира на верхнем этаже.

Огорчало лишь одно: отсутствие у него жилья прямо сейчас.

В «Земляничных полянах» ему нравилось. Там ему никто не докучал. Завтрак доставляли по утрам прямо к двери. Там он мог проживать анонимно сколько угодно и уже внес плату за две недели вперед. Но этим утром он увидел на экране телевизоре свою фотографию. Крупный темнокожий детектив назвал его опасным человеком. Предупредил горожан, чтобы не приближались к нему.

Ко мне?

Да я душка.

Пока не в гневе. А сейчас я в гневе. И вам бы уж лучше в это поверить.

Но теперь напряжение вроде как спало. Они арестовали Мэтта Уэйнрайта. Хорошо, да?

Вот только та девчонка на ресепшене была не слишком любезна. Парочку раз она его видела. Как знать, вдруг позвонит в полицию? Так рисковать нельзя, поэтому, как ни печально, туда он уже не вернется. Придется сегодня спать в фургоне. Зато уже завтра начнется забава!

Он резко выпрямился. Рэд и ее родители выходили из здания. Отправляются в «Гранд-отель» на воскресный ланч. Прекрасное место! Однозначно — за.

Брайс даже не стал заморачиваться и следовать за их «хондой» — просто слушал. Как их встречают в ресторане, проводят к столу.

— Ну что, пропустим по рюмочке? — предложил идиот папаша.

Родители заказали джин с тоником, Рэд — «совиньон блан».

Потом они долго и придирчиво вычитывали меню. Глупая мамаша и придурковатый папаша заказали воскресное жаркое. Рэд остановила свой выбор на запеченном окуне.

А, полезная пища. Хорошая девочка! Узнаю мою Рэд. Будь здорова, ангел мой! Ты нужна мне здоровой, чтобы вынести то, что я тебе уготовил. Не хотелось бы думать, что ты умрешь прежде, чем я с тобой это проделаю. Честное слово! Тебе предстоят большие страдания.

Твоими последними словами на земле будут: «Мне так жаль, Брайс, я на самом деле тебя люблю. И буду любить всегда». Обещаю: именно так ты и скажешь. Перед тем как испустить дух. Скажешь как миленькая.

А потом я тебя отпущу. Я ведь человек слова.

85

Воскресенье, 3 ноября

— Должна заранее предупредить, состояние не самое лучшее, — с едва уловимым французским акцентом сказала риелторша, отпирая входную дверь многоквартирного дома Ройял-Риджент. Ее огромной связке ключей позавидовал бы и иной тюремщик. Свободной рукой она держала папку с документами.

Элегантная женщина лет сорока пяти, с роскошными блондинистыми волосами, в модном темно-синем пальто с латунными пуговицами и дорогой на вид сумочкой. Она назвала свое имя, но он уже забыл. Софи? Сандрин? Сьюзи? Вообще-то ему было все равно, но вот собственная забывчивость не нравилась. Обычно он хорошо запоминал имена. Слишком рассеян, подумал Брайс, слишком на взводе. Нужно успокоиться и собраться.

— Как я уже говорила, это выморочный объект, мистер Миллет. Семья пару лет оспаривала оценочную стоимость, поэтому мы здесь ни к чему и не прикасались — и, боюсь, на момент смерти владельца квартира находилась в довольно-таки запущенном состоянии.

— Не важно, — сказал Брайс Лорен, почесывая через бороду подбородок. — Я ищу реставрационный проект.

— Тогда, думаю, вам подойдет. Проводка здесь определенно представляет опасность для жизни. Да и водопровод довольно-таки старый.

Слова об опасной для жизни проводке прозвучали в его ушах музыкой.

Они вошли в подъезд, в котором, похоже, недавно проводился ремонт, — здесь стоял запах свежей краски, на полу лежал новый ковролин, а стену украшал ряд симпатичных почтовых ящиков. У стены навалились друг на друга несколько велосипедов; всюду листочки рекламных проспектов. Вверху, на стене, он заметил сопряженную коробку пожарной сигнализации — городские власти установили единые правила для всех многоквартирных домов. Риелторша повертела в руках связку ключей, нашла нужный, открыла правую дверь, зажгла свет, и они вошли.

Брайс поморщился — в нос ударил отвратительный, затхлый запах, характерный для мест, где живут старики; запах с ноткой сырости и плесени. Они оказались в крошечной прихожей, с заключенным в рамку молитвенником на стене рядом с деревянной викторианской вешалкой, приютившей пыльный бежевый макинтош и твидовую кепку. Брайс проследовал за риелторшей в гостиную — небольшую, унылую и запущенную комнату с уродливыми тиснеными обоями и открывающимся за сероватыми занавесками видом на набережную, точнее — на железный забор и мусорные баки. Комната была обставлена в духе 1950-х — трешка, диван и два кресла, электрический камин с тремя спиралями на решетке под мраморной полкой и квадратной формы телевизор, который вполне могли смотреть обитатели ковчега. На одной стене, немного скособочившись, висела копия «Воза сена» Констебля, на другой — копия одного из морских пейзажей Тернера.

— У него был хороший художественный вкус, — заметил Лорен.

Риелторша посмотрела на него вопросительно, не понимая, шутит он или же говорит серьезно.

— Да, — рискнула она осторожно. — Довольно-таки.

— Великие художники.

— Великие, — согласилась она. — Насколько я поняла, семья не возражает против продажи всего содержимого по договоренности.

Он улыбнулся:

— Рад слышать.

Брайс обратил взор на телевизор. Именно телевизор заинтересовал его больше всего, но он постарался этого не показывать. Взглянул вверх, на оштукатуренный охряного цвета потолок над защитной панелью, внимательно рассмотрел древний детектор дыма.

— Полагаю, он был заядлым курильщиком, — сказала риелторша, проследив за его взглядом.

— Курение убивает, — ответил он.

— Да уж.

Он снова посмотрел на телевизор. Внимательно. Задержавшись настолько, насколько мог себе позволить.

— Почти антиквариат, не правда ли? — сказала она, заметив его интерес.

— Вот только показывает ли старые программы?

Она снова посмотрела на него с сомнением, как будто снова не поняла, была это шутка, или же он говорил серьезно.

Потом Брайс прошелся вместе с ней по остальным помещениям этой мрачной, расположенной на нижнем этаже квартирки. Увидел туалет с деревянным сиденьем и покрытым пятнами унитазом, небольшое, с матовым стеклом, окно над ним и разбухшие в самом низу, в углу, обои, к тому же испещренные крапинками — явный признак сырости. Пару секунд он пристально смотрел на окно, затем проследовал в кухню.

Запущенная, как и все прочее здесь, тусклая, старомодная, с видавшим виды холодильником «Лек» и грязной тряпкой, свисавшей с сушильной полки.

— Некоторая модернизация здесь определенно требуется, — заметила риелторша.

Некоторая? Ему это было совершенно не нужно — его интересовало другое, но, разумеется, Брайс ничего не сказал.

Кое-какая? — подумал он. Да нет, модернизация здесь не нужна, по крайней мере — не для его целей. Но ей об этом знать незачем. Снова присмотрелся к детектору дыма, а затем, вслед за своей провожатой, протиснулся в грязную, выложенную плиткой ванную комнату, ванна в которой была вся в ржавых пятнах. Потом была главная спальня с махровым покрывалом на неширокой двуспальной кровати. Интересно, занимался ли кто-нибудь когда-нибудь здесь сексом, подумал он и тут же содрогнулся от отвращения при этой мысли. Ему показалось странным, что нигде нет фотографий, но, возможно, их уже забрали родственники. Впрочем, это его заботило мало. Он думал только о телевизоре.

И старой электропроводке. О да! То, что надо. Просто прекрасно. Особенно пожарная сигнализация в местах общего пользования. Нынешним противопожарным требованиям не отвечала ни одна комната. Отлично. Квартира представляла собой настоящую трутницу, которая только и ждала хорошей, доброй искры.

И ждать придется недолго!

— А как здесь с парковкой? — поинтересовался он.

— К квартире прилагается одно парковочное место, находящееся с тыльной стороны дома, в переулке, под окном туалета — нормальных размеров автомобиль там вполне поместится. В Кемптауне такое редкость, — заметила риелторша с воодушевлением, указывая на план.

— Очень хорошо.

— Еще бы! — Она уловила его заинтересованность. — Уверена, семья с радостью примет любое разумное предложение, мистер Миллет. Квартира давно пустует — многих из тех, кому я ее показывала, отпугнуло ее состояние. Но тот, кто точно знает, чего он хочет, и готов инвестировать в нее небольшую сумму, мог бы обзавестись уютным местечком. Милый уголок.

— Да, место любопытное, — признал он. — И определенно перспективно с точки зрения уюта. Потенциал есть!

— Да еще какой! — подтвердила она. И тут же нахмурилась.

Уж не его борода ли ее смутила? А, плевать! Телевизор — вот что представляло для него основной интерес. О да! Главное, он крайне удачно располагался — в самом углу. За то недолгое время, что Брайс проработал в пожарной команде — прежде чем его оттуда выставили, — он отлично усвоил, какую опасность являют собой старые телевизоры. Особенно те, что загораются, располагаясь в углу. Огонь охватывает сразу две стены и быстро распространяется по всему дому. Тем более когда стены оклеены старыми сухими обоями. И антипиреном стены здесь, конечно, не обработаны, в этом можно не сомневаться.

Старые телевизоры часто являются причиной пожаров. Такой пожар почти наверняка не вызовет подозрений.

Да. Великолепно!

— Вижу, вы улыбаетесь? Понравилось?

— Понравилось. Даже очень!

Она посмотрела на часы.

— Мне нужно идти — уже опаздываю на следующую встречу. Я оставлю вам визитку. Вдруг захотите взглянуть еще раз?

Он взял карточку и бросил быстрый взгляд на имя. Сильвия Янг.

— Спасибо, Сильвия. Если вы не против, я быстренько заскочу в уборную.

— Конечно.

Он рванул в туалет, запер на задвижку дверь, после чего обратил все свое внимание на окно. Оно было снабжено ржавой ручкой, но не замком. Он улыбнулся. Как просто!

Дабы замаскировать звук, Брайс дернул за цепочку слива. Потом дернул ручку. С первой попытки та не поддалась — сильно проржавела, — но со второй все же выскочила из штифта. Он толкнул от себя оконную раму — та даже не пошевелилась. Попробовал еще раз и еще — и она в итоге открылась. Паучок сбежал вниз по паутине и исчез из вида. Брайс выглянул в переулок, о котором говорила дамочка из агентства. Ни души. Он прикрыл окно, но запирать не стал.

Вечером, под прикрытием темноты, пробраться внутрь с улицы труда не составит.

Брайс не спеша прошел по квартире к входной двери, у которой, уже с некоторым нетерпением, его ждала риелторша.

— Да, потенциал у этого местечка, несомненно, имеется, — сказал он.

— Так и есть. Ему нужен тот, кто точно знает, чего хочет.

— Я знаю, — ответил он. — Еще как знаю!

— Не сомневаюсь.

— Это квартира мне определенно подходит.

86

Понедельник, 4 ноября

С Норманом она чувствовала себя в полной безопасности. Любила свернуться рядом в комочек — вбирать тепло большого, полного тела и вдыхать запах трубочного табака, которым все еще отдавало его дыхание. Этот запах напоминал ей об отце, который умер двадцать с лишним лет назад, когда она была еще совсем девчонкой. Она редко видела отца без трубки в руке или во рту. Он то и дело чистил ее, наполнял, вбивал внутрь табак, поджигал, затягивался и выпускал голубые клубы приятно пахнущего дыма, которые медленно плыли по комнате в ее направлении.

После стольких лет, в течение которых она ухаживала за постоянно больной матерью, она и подумать не могла, что в один прекрасный день в кого-то влюбится и начнет совершенно новую жизнь. Но именно так она сейчас себя и ощущала, лежа в объятиях Нормана Поттинга и чувствуя животом его утреннюю эрекцию.

— Мне нужно идти, малыш, — прошептала она.

Он перекатился на бок и посмотрел на радиочасы:

— Летучка только в полдевятого! У нас еще два часа в запасе. И я, знаешь ли, еще не до конца утолил свое желание. Как насчет небольшого понедельничного перепихона?

— Мне нужно выйти пораньше. — Она поцеловала его в лоб. — Насчет этого есть какая-то безобразная шутка. Как кто-то делает заказ в ресторане?..

— Это про парня, который заказывает трах по-скорому, а официантка отвечает — мол, по-скорому кончились, остались только двойные?

Белла прыснула.

— Мне правда надо идти. И не на совещании к шефу. Мне нужно быть в Брайтоне, инструктировать констеблей.

Она выбралась из постели.

— Вернись, я уже скучаю!

— И я тоже. — Она послала ему воздушный поцелуй.

Боже, жила и не понимала. Столько лет вместе работали, и ничего, кроме отвращения к этому мужчине, никогда не испытывала. Слушала его тупые шутки, похвальбу о любовных победах — ей и в голову не могло прийти, что она сможет в него влюбиться.

Но постепенно неприязнь сменилась жалостью. А потом — целым набором других, самых разных чувств. В душе он был хорошим человеком, вот только детство досталось дерьмовое. Чем-то напоминающее ее собственное — после смерти отца. И в конечном счете она поняла: они оба ищут одно и то же, хотя и в разных направлениях. Ищут любовь. Даже сейчас она не могла бы объяснить, как это случилось. Но разве не говорят люди, что иногда тянет на противоположное?

А может быть, думала она, стоя под душем и почти сожалея о том, что смывает с себя его запах, тянет на что-то другое. Она отдала службе в полиции пятнадцать лет. Пятнадцать лет видела самые худшие стороны человеческой жизни. Как ни раздражал ее Норман Поттинг, со временем она разглядела в нем достойного человека, хорошего человека в прогнившем мире.

А потом у него диагностировали рак простаты.

Как же он перепугался! А она поймала себя на том, что до ужаса боится потерять его. Конечно, у них была приличная разница в возрасте, но в душе он оставался большим ребенком. С ним она чувствовала себя в безопасности. Но под его грубоватой наружностью скрывалось нечто глубоко нежное и ранимое, нечто такое, отчего ей хотелось обнять его и взять под свою защиту.

Прошлой ночью, после того как он уснул в ее объятиях, она, как это случалось часто, молилась. Просила Господа помочь Норману в борьбе с раком, сделать так, чтобы он не утратил то, что так боялся потерять: *пружинку в штанах.*

Белла и сама не хотела, чтобы он ее потерял. За всю жизнь у нее было не так уж много любовников, но с Норманом никто из них и рядом не стоял. Он умел завести ее так, как это не удавалось никому прежде. И он получал от этого истинное удовольствие. Был нежен. Очень нежен. Коллеги списывали его со счетов, называли дедулей, динозавром, говорили, что его срок годности давно прошел. Они ошибались.

Он был в самой силе. И она твердо решила, что не позволит никому и никогда вытирать о него ноги. Поэтому ей так нравился Рой Грейс. В отличие от многих других, он *понимал* Нормана. Видел в нем хорошее. Может, со временем, думала она, ей удастся его изменить. Убедить не валять дурака, как это было в субботу на свадьбе. Все идет от неуверенности и только. Если ей удастся вселить в него эту уверенность, то, может быть, он смягчится и изменится.

Она вышла из душа, завернувшись в два полотенца, и увидела, что он уже снова уснул. Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Я люблю тебя. Очень-очень люблю.

Он пукнул.

87

Понедельник, 4 ноября

Пожар в здании — это обязательно отвратительный, ядовитый и совершенно характерный запах, подумала Белла. Вроде того, что она чувствовала сейчас, без четверти восемь утра, ведя «мини» по дороге в Брайтон из Писхейвена, где жил Норман. Запах усиливался с каждой секундой.

Едкая вонь от горящей краски, пластика, дерева, резины, бумаги. Запах, пропитанный печалью и трагедией. Любой сгоревший дом означает утрату столь многого для его обитателей. Фотографии, воспоминания, имущество. Все уходит безвозвратно. Как это только что произошло с семьей Рэд Уэствуд.

Миновав кольцо и выехав сквозь ранний утренний свет на дорогу, которую она так любила, кемптаунский Марина-Пэрейд, с его элегантными домами эпохи Регентства, Белла увидела пучки пульсирующего синего света. Затем, чуть дальше, заметила густой черный дым, вырывающийся клубами из окна первого этажа и расположенного прямо над ним окна этажа второго.

Резко забрав вправо, она припарковалась позади служебного «форда-мондео», вылезла из машины, довольная, что надела полупальто, и предъявила удостоверение двоим молодым полицейским в форме. Один был высокий и худой, второй — низенький, коренастый и в очках. Ни того ни другого она не знала. Несколько растерянного вида мужчин и женщин — по-видимому, жильцы эвакуированного дома — стояли на мостовой. Большинство выглядели так, словно набросили на себя первую попавшуюся под руку одежду. Молодой мужчина с бритой головой и бородкой-эспаньолкой держал под мышкой лэптоп. Какой-то парнишка снимал происходящее на камеру телефона.

Внезапно женщина в халате, шлепанцах и с растрепанной прической в панике выбежала из дома, держа на руках грудного ребенка и с отчаянием вглядываясь в людскую толпу. Передав младенца другой женщине, она запричитав:

— Пожалуйста, возьмите его, возьмите Риса. Там, внутри, моя дочь и собака. Кто-нибудь, прошу вас, помогите.

Она повернулась, явно намереваясь броситься обратно в дом. Низенький полицейский преградил ей путь.

— Пожарный расчет будет здесь в любую секунду. У них есть снаряжение, и они пройдут куда надо, — сказал он.

— Вы знаете, где именно в здании она находится? — спросила у женщины Белла.

Издалека доносилось слабое, но отчетливое завывание сразу нескольких сирен. Подняв глаза, она вдруг увидела собаку, неистово лающую и подпрыгивающую у окна четвертого этажа. Красивый золотистый ретривер.

— Она там, с собакой! Меган! Там моя дочь. Меган. Меган там, она не захотела уходить без него. Без Рокки. Он не двигался. Всю комнату заволокло дымом. Я звала его, но он так и не вышел. — Женщина задрала голову. — Я должна вернуться, должна вывести оттуда Меган! — Она попыталась обойти полицейского, но тот схватил ее за руку.

— Нет, — сказал очкарик. — Вам туда нельзя. Я вас не пущу. Сходит мой коллега.

— Нет, пойду я, — решила Белла.

— Я должна! — В голосе женщины звучала паника.

Ретривер лаял не переставая и неистово перебирал лапами по стеклу. Белла вгляделась в мордочку этого бедного, беспомощного создания, и сердце ее пронзила острая боль. Где же, черт возьми, девочка?

Женщина оттолкнула коротышку полицейского с такой силой, что тот едва не упал.

— Я иду внутрь! Я мигом — только Меган заберу! — сказала она и решительно, хлопая шлепанцами, направилась к двери.

Полицейский повыше подскочил к ней и схватил за руку.

— Простите, мадам, я не могу позволить вам вернуться туда.

— Вы знаете, где именно в здании она находится? — снова, еще более настойчиво, спросила Белла, уже и сама направляясь к передней двери.

— Это мое дитя! — Женщина затрясла в замешательстве головой. — Мое дитя! Она там задохнется, сгорит заживо. Я не могу… не могу ее оставить. Понимаете? Пропустите меня!

— Мы не можем позволить вам войти туда, мадам, ради вашей же безопасности, — упорствовал полицейский. — Пожарная команда будет здесь через минуту. Они войдут в дыхательных масках и вынесут ее. Пока же туда пойдет мой коллега.

— Будет слишком поздно! — Несчастная мать повысила голос, а затем истерично завопила: — Кто-нибудь, помогите! Пожалуйста, помогите мне спасти моего ребенка!

Она вырвалась из рук полицейского и бросилась к двери. Один шлепанец слетел, но она не обратила на это внимания. Очкарик побежал за ней и снова крепко схватил за руку:

— Простите, я не могу позволить вам туда войти.

— Вы должны! — пронзительно закричала женщина.

— Номер квартиры? — резко бросила Белла.

— Пятая! — ответила женщина. — Четвертый этаж. Прошу вас, поторопитесь! Пожалуйста, пожалуйста, поторопитесь!

Белла взглянула на окно, в котором все еще можно было разглядеть собаку, отчаянно лаявшую на свое отражение в стекле. Она была здесь всего минуту, а казалось — целую вечность.

— Говорите, ее зовут Меган?

— Да. А пса — Рокки!

Белла толкнула входную дверь. Внутри дымом почти не пахло, и лестница выглядела чистой. Проблем не будет, подумала Белла. Она бегом преодолела первый пролет лестницы, выкрикивая имя девочки, и ее тотчас же обволокло густым туманом дурно пахнущего дыма,

который шел с лестничной площадки второго этажа и вился щупальцами вокруг нее. Выше лестница утопала в кромешной тьме. Где-то вверху истошно вопила девочка:

— Мамочка! Мамочка! Мамочка!

Белла бросилась на третий этаж. Здесь стоял еще более густой дым, и она ощутила, как через стену справа подступает жар. Она закашлялась от саднящей боли в горле, сорвала с себя пальто, прикрыла воротником лицо и, дыша через него, побежала наверх, на следующий этаж, где было темнее темного.

Дверь, помеченная табличкой с цифрой 5, была открыта; наружу из-за нее, будто морские коньки, прорывались призрачные завитки серого дыма.

— Меган! Меган!

Она услышала, как где-то рядом плачет и кричит маленькая девочка и лает собака. Сделала глубокий вдох и вошла, но тут же потеряла ориентацию — дым жалил глаза — и начала выкрикивать:

— Эй! Меган! Где ты? Отзовись, чтобы я могла найти тебя!

Она услышала ответные вопли девочки.

— Где ты? — крикнула Белла, поперхнулась и закашлялась, как будто дышала промасленной ватой; глаза слезились так сильно, что она почти ничего не видела. Она знала, что нужно выбираться отсюда, но не могла бросить девочку. — Меган! — выкрикнула она снова и опять закашлялась.

В узком коридоре Белла наступила на какую-то игрушку и раздавила ногой что-то похожее на «Лего». Послышался лай.

— Меган!

Опять закашлявшись, Белла пошарила по стене в поисках выключателя, продолжая удерживать воротник у рта и носа. Ковер под ногами потеплел, как будто кто-то врубил на полную обогреватель пола. Она нашла выключатель, щелкнула, но ничего не произошло. Дым на мгновение рассеялся, и она увидела перед собой закрытую дверь, услышала собачий лай за дверью.

Белла знала про опасность обратной тяги. Или все же кругового огня? Открывать дверь или не стоит? — подумала она в замешательстве. Внезапно позади нее дверной проем заполнили языки пламени. Сверху закапало расплавленным, обжигающим пластиком. Кругом, словно горячие щупальца, падали осветительные приборы и провода. Белла вскрикнула от боли, когда один полоснул ее по щеке. Опуститься как можно ниже, вспомнила она совет пожарных после одного из пожаров, на котором ей довелось присутствовать. В большинстве случаев люди погибают не от огня, но надышавшись ядовитых газов. Она припала к полу. Над головой, словно танцующие ангелы, вспыхивали огоньки. Потом она увидела, как загорелся край дивана, и огонь начал неумолимо разгораться.

Господи, сколько у нее времени?

С другой стороны двери по-прежнему кричала девочка и лаял пес. Белла ухватилась за ручку и осторожно открыла дверь. За счет слабого дневного света, пробивавшегося сквозь густой, едкий дым, она смогла различить силуэт малышки, съежившейся на полу посреди комнаты и прижимающей к себе собаку.

Стена слева вдруг начала накаляться, словно покрытая красным, флуоресцентным кораллом. Огонь перекинулся на занавески и обои, поняла она. Господи! Ей вдруг стало страшно. Нужно выбираться отсюда сейчас же. Она ринулась вперед, сграбастала девочку и попыталась подхватить также и скулящую от испуга собаку, но та вырвалась и исчезла.

Куда бежать?

Она увидела фигуру в окне и поняла, что прибыла пожарная команда.

Белла потянула девочку к окну, стараясь держаться как можно ниже к полу, кашляя все больше и больше, почти ничего не видя из-за жалящего дыма. Пол под ногами становился все горячее и горячее. Она добралась до окна и, когда пожарный сквозь завесу огня чуть приподнял раму, вытолкнула девочку в его руки.

И почти тотчас же позади оглушительно взревели языки пламени. Раздался сухой треск, и ее вдруг подбросило вверх ударной волной. Должно быть, взорвался пол, с ужасом поняла Белла. Упала она плохо, лицом вперед. И похоже, сломала ногу. Все в комнате отсвечивало красным. Лицо ее пылало; она чувствовала себя будто в огромной печи. И теряла сознание. *Двигайся. Ты должна двигаться*. Она лежала распластавшись на полу. Потом, сквозь густой дым вверху, увидела мерцающие огни. Язычки пламени, поняла она.

— Норман, — пробормотала Белла. — Пожалуйста, приди и забери меня, Норман, мне страшно.

Она знала, что не должна паниковать. Должна собраться. Где может быть окно? Что-то обжигающе горячее упало на лицо, и она отчаянно отбросила *это*в сторону, опалив руку. Затем еще что-то, горячее и вязкое. Она прикрыла голову пальто, неистово втягивая в себя сквозь волокна ткани воздух, но вдыхала лишь горячие, маслянистые пары. Снова закашлялась. И снова. Впадая в панику от нехватки воздуха, совершенно ослепленная дымом и слезами.

— Помогите! — закричала Белла. Потом снова поползла вперед на четвереньках, прижимая пальто ко рту. — Норман!

Она вдруг поняла, что пальто горит.

Нееееет. В полнейшей панике она отбросила его от себя и поползла вперед так быстро, как только могла. Нужно добраться до окна. Нужно. Нужно.

И тут пламя вспыхнуло прямо перед ней.

Нет. Пожалуйста, нет.

Она перекатилась набок и поползла в сторону от огня. И увидела перед собой целую огненную стену.

Она откатилась в другую сторону.

Снова огонь, еще и еще.

Лицо горело, словно его поджаривали на сковородке. В нос лезло что-то похожее на кипящее масло. Оно обожгло горло и легкие.

— Пожалуйста, помогите, — прошептала она. — О боже, пожалуйста, помоги мне. Где же Норман?

Пол заскрежетал под ней и пришел в движение, начал дыбиться. Она скатилась вправо, отброшенная внезапным смещением. Пол дыбился и рушился. Белла открыла рот, ловя воздух, но поймала только порцию удушающего дыма.

Снаружи, на улице, царил полный хаос; через дорогу протянули оградительную ленту. Внутри кордона находились три пожарных расчета, машина компании по страхованию от огня, две скорые помощи и два полицейских автомобиля с мигалками. Из мощных брандспойтов в нижние окна била вода.

По ту сторону кордона, с унынием глядя на попытки спасти их жилища, толпились жильцы. С ними смешались несколько репортеров и фотографов и растущая с каждой минутой, даже в столь ранний час, кучка зевак, снимавших происходящее на камеры сотовых телефонов. А некоторые, несомненно, еще и пишут восторженные твитты, подумал Брайс Лорен. Он наблюдал за происходящим с безопасного расстояния на дальней стороне Марина-Пэрейд, сидя в фургончике и улыбаясь. Да, теперь пылало уже все здание. Чему в немалой

степени способствовал тот факт, что пожарные машины прибыли далеко не сразу. Благодаря его плану.

За недолгое время работы в пожарной службе он узнал, где конкретно располагаются обслуживающие Брайтон и Хоув пожарные расчеты. Ближайшее к этому месту депо находилось в Роудине. Их он отослал в противоположном направлении, позвонив по номеру 999 и сообщив о пожаре в многоэтажном доме в дальнем конце Роттингдина. Следующее по близости располагалось в Престон-Серкус, в центральном Брайтоне. Этих он отправил на северо-восток города, тушить стадион «Амекс», позвонив уже с другого сотового и с другим акцентом — на тот случай, если бы ответил тот же оператор. Тем, что в итоге прибыли первыми, пришлось ехать аж из Хоува, и на дорогу у них ушло около десяти минут. Именно столько времени ему и требовалось.

Теперь языки пламени вырывались уже из окна последнего, пятого этажа. Фасадного окна той квартиры, которую Рэд демонстрировала родителям и так страстно желала купить. Той самой, в которой она выходила с родителями на террасу и восторгалась открывавшимся видом.

Забудь об этом, малышка.

Элегантный Ройял-Риджент уже почернел от дыма, огонь полыхал в каждом окне. Пожарные быстренько приставили лестницу, но вскоре были вынуждены отступить. Еще бы — ведь им противостоял настоящий профи! Все указывало на то, что кто-то не успел выбраться из здания, угодив в смертельную ловушку. Очень плохо, подумал он. Сопутствующие потери. Печально, но случается, что и дерьмо сверху падает.

Гораздо важнее было то, что Рэд теперь переедет сюда не скоро. Да вообще никогда не переедет! Как и в какое-то другое место.

Он посмотрел на часы: 8.09 утра. Самое время перекусить. Впереди его ждет долгий и трудный день, с назначенной на двенадцать часов очень важной встречей.

Встречей, к которой он подходит во всеоружии.

На противоположной стороне улицы наблюдалась суматоха. Женщина в халате протягивала руки к спускавшейся по приставной пожарной лестнице маленькой девочке; еще над одним ребенком, у задних дверей машины скорой помощи, хлопотали санитары. Несколько зевак бросились снимать все на камеры, вокруг тотчас же, перекрыв весь обзор, образовалась толпа. Потом он увидел собаку. Виляющего хвостом золотистого лабрадора-ретривера. Правда, этот был уже далеко не золотистый — словно выкатался в саже.

В более счастливые времена Рэд с воодушевлением говорила о том, как ей хочется завести собаку. Они такие умные, заботливые животные, убеждала его она, потому-то их так часто и используют в качестве поводырей для слепых.

Для него же они всегда были глупыми скотинками. Вот и та собачка, что стояла на противоположной стороне улицы, выглядела совершенно тупой.

Двое пожарных в дыхательных масках и с тепловизионными камерами в руках вышли через парадную дверь. Вид у них был весьма расстроенный. Неудивительно, подумал Брайс. Он проделал отличную работу. Никаким пожарным не совладать с тем, что затеял он. Здание пойдет под снос. Пройдут годы, прежде чем здесь построят что-то заново.

И как тебе такой поворот, а, Рэд?

88

Понедельник, 4 ноября

Гленн Брэнсон немного нервничал, проводя утреннее совещание в отсутствие Роя Грейса. По правде сказать, Рой пропустил уже два вчерашних, но тогда хотя бы он находился

неподалеку от Брайтона и был в пределах доступа. Теперь же молодожены, должно быть, уже собирались выезжать в аэропорт, в свадебное путешествие, и он не мог и не хотел их беспокоить.

Большую часть воскресенья Брэнсон провел с детективом-инспектором Полом Уильямсоном из отдела убийств полиции Суррея за разбором операции «Муравьед». Обычная практика — регулярно проводить разборы с человеком со стороны с целью убедиться, что старший следователь ничего не упустил.

Хотя Уильямсон и согласился с тем, что улики указывают на Мэтта Уэйнрайта, он, однако же, отметил: ничего в прошлом этого человека не позволяет сделать вывод, что он мог бы так поступить. В пожарной бригаде Уэйнрайт имел безукоризненную репутацию, его отношения с родными также не были отмечены какими-либо эксцессами. Да, у него наличествовал мотив, но они оба чувствовали, что мотив довольно-таки слабый. Детективы просмотрели отчет о первом допросе Уэйнрайта, и Гленну пришлось согласиться, что заявления парня о собственной невиновности выглядят весьма убедительными.

Хотя Уэйнрайт и не был исключен из расследования и отпущен под залог, основное внимание решили сосредоточить на поисках Брайса Лорена.

— Так, начнем, — сказал Брэнсон, обводя взглядом коллег, собравшихся за столом в конференц-зале. — Что у нас нового со вчерашнего вечера?

Руку поднял Хейдн Келли, начавший новую неделю в черном, в тонкую полоску, костюме, белой рубашке и черном шелковом галстуке.

— Гленн, — сказал криминалист-ортопед, указав на новую белую доску, установленную рядом со щитами, на которых висели фотографии с поля для гольфа, где был обнаружен обгоревший труп доктора Карла Мерфи, и организационные схемы, — я бы хотел, чтобы все посмотрели на эту доску.

Левую сторону доски занимали две фотографии крупного плана: одиночного отпечатка обуви на мокрой траве и цепочки следов на той же мокрой траве. Справа располагались профильное фото сапога пожарного и увеличенный снимок подошвы этого сапога. Чуть ниже нашлось место для двух распечатанных графиков, помеченных буквами А и В.

Вооружившись лазерной указкой, Келли сначала поставил красную точку на фотографии следа с поля для гольфа.

— Прежде всего, давайте рассмотрим одиночный отпечаток обуви в траве. — Он сделал небольшую паузу, давая аудитории возможность усвоить увиденное, потом переместил точку на снимок сапога пожарного. — Это фотография одного из пары сапог, найденных в машине Мэтта Уэйнрайта. Совпадение с отпечатком обуви, оставленным на поле для гольфа, полное. — Он перевел луч на вереницу следов. — Как и с этими. Нет никакого сомнения, что эти следы, обнаруженные на месте преступления, оставлены данной парой сапог. — Он снова выдержал паузу.

— Таким образом, мы связываем Мэтта Уэйнрайта с местом преступления, правильно? — подал голос сержант Батчелор.

Келли наградил его той снисходительной улыбкой, какой учитель мог бы наградить ученика, давшего хороший, но неверный ответ на поставленный вопрос.

— А теперь давайте взглянем на эти два графика. — Он опустил красную точку на тот, что был помечен буквой А, и пробежался по графику лазером, вычерчивая зигзагообразный рисунок. — Я взял запись с камеры наблюдения блока предварительного заключения, на которой есть Мэтт Уэйнрайт, прогнал ее через мою программу анализа походки и получил вот этот график.

— Похоже, кто-то малость помочился, если хотите знать мое мнение. Сплошные зигзаги! — заметил Норман Поттинг. Пара-тройка человек из присутствующих засмеялись, и он с ухмылкой огляделся.

— Я так не думаю, — вежливо ответил Келли. — А теперь — самое интересное. — Он перевел точку на график В и также вычертил зигзагообразную линию. — Выглядит совсем иначе, не так ли? — Он обвел аудиторию вопросительным взглядом.

Несколько человек кивнули.

— И на то есть причина, — сказал Келли. — Те из вас, кто входил в команду детектива-суперинтендента Грейса в других расследованиях, знают по моей прошлой работе, что по оставленным следам мы можем идентифицировать походку данного человека. — Он переместил лазерный луч на график А. — Это — походка того, кто оставил следы на месте преступления в гольф-клубе «Хейуордс-Хит». На нем были ботинки Мэтта Уэйнрайта — это сомнений не вызывает. — Для выразительности он сделал паузу. — Но следы эти оставил не Уэйнрайт.

— Тогда кто же? — спросил Дэйв Грин.

— Ну, — промолвил криминалист-ортопед, — вы уж простите, что порчу вам картину, но, похоже, это был убийца.

— Стало быть, Уэйнрайт — не наш парень?

— Вполне возможно, — кивнул Келли.

После воскресной работы и некоторых изысканий заявление криминалиста-ортопеда не застало Гленна врасплох.

Доктора убили, его тело сожгли; ресторан спалили дотла; в супермаркете — задымление; сгорели машина и дом. Яхта — потенциальная плавучая бомба замедленного действия — взята под наблюдение морским ведомством. Броский заголовок в утреннем «Аргусе» гласил: **ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В СУССЕКСКИХ ПОДЖОГАХ АРЕСТОВАН.**

Только теперь он понял, что Рэд Уэствуд по-прежнему находится в смертельной опасности.

— Насколько вы уверены, Хейдн? Ведь должна же быть какая-то погрешность для ошибки, не так ли?

Прежде чем Келли смог ответить, зазвонил внутренний телефон. Трубку взял констебль Александер, сидевший ближе всех к аппарату.

— Да. О да, сэр. Здесь. — Он повернулся к Брэнсону и протянул трубку: — Босс, это старший суперинтендент Кемп.

Брэнсон нахмурился. Нев Кемп был дивизионным коммандером Брайтона и Хоува. Едва ли он стал бы звонить ему лично без серьезного на то повода. Пробормотав извинения команде, Гленн взял трубку.

— Детектив-инспектор Брэнсон, — произнес он почтительно. — Доброе утро, сэр.

В конференц-зале воцарилась мертвая тишина. Хотя в своей нынешней роли Кемп не касался напрямую оперативной работы, в свое время он побывал и в звании детектива-суперинтендента отдела тяжких преступлений, где показал себя умелым офицером.

После первых же слов собеседника, так еще ничего и не ответив, Гленн почувствовал, как у него холодеет внутри. Его взгляд упал на Нормана Поттинга, да так на нем и остался. Он попытался отвести глаза, но они сами возвращались к сержанту.

— Шансы есть, сэр? — спросил он у Кемпа.

— Боюсь, что нет, — сжато, с надломом в голосе ответил Кемп.

Гленн и сам держался из последних сил. Его трясло, к глазам подступили слезы. Вопреки услышанному, он пытался сосредоточиться на работе. Кого следует поставить в известность? Какие действия предпринять? И какие последствия будет иметь для дела случившееся?

Ройял-Риджент.

Всего лишь пару дней назад Рэд Уэствуд сказала ему, что собирается приобрести квартиру в этом доме. Теперь он горел.

Еще один пожар.

Но в данный момент даже новость о пожаре отступала на второй план перед другими, теми ужасными новостями, что сообщил старший суперинтендент Кемп. Он снова посмотрел на Нормана Поттинга.

Черт, вот же черт! О боже! За то время, что он служил в полиции, некоторые из его коллег попадали в опасное положение, он и сам в прошлом году был на волосок от гибели, когда его подстрелили. Но ты гонишь от себя такие мысли. Страх приходит после того, как ты сделал то, что должен был сделать. Пытаясь обезоружить размахивающего ножом маньяка, бросаясь сломя голову в отчаянную схватку с численно превосходящим тебя противником, преследуя подозреваемого по крутой крыше, ты действуешь на адреналине и просто выполняешь свою работу. Лишь гораздо позднее, уже ночью, ты просыпаешься и думаешь: «Черт, а ведь сегодня я мог погибнуть!»

Жестокая и реальная опасность была частью того, на что ты подписывался, когда шел работать в полицию. По правде сказать, многие подписывались только ради кайфа. Но вряд ли кто-то всерьез предполагал, что однажды его действительно убьют.

Он никак не мог отвести взгляд от Нормана Поттинга.

Глаза набухли слезами.

— Да, благодарю вас, сэр. Спасибо, что сообщили. Сейчас же отправляюсь туда. — Гленн понимал, что голос уже сломался.

Он повесил трубку, моргнул. И снова посмотрел на Нормана Поттинга.

89

Понедельник, 4 ноября

Как ни отвлекала работа, Рой Грейс твердо решил, что их медовый месяц станет событием идеальным и запоминающимся, а потому тщательно продумал каждую деталь. Начал он с того, что заблаговременно заказал в брайтонской фирме «Стримлайн тэксис» самую лучшую из имевшихся в автопарке машину, которая должна была доставить их в аэропорт Гатуик.

И вот теперь, сидя на заднем сиденье «мерседеса», мчащегося по автостраде М23 в направлении Гатуика, и нежно держа Клио за руку, Рой чувствовал, что достиг полного счастья и покоя. Уверенный в том, что Гленн Брэнсон в его отсутствие проведет операцию «Муравьед» на должном уровне компетентности, он — а такое случалось нечасто — пребывал в состоянии безмятежности. Они прекрасно отдохнут. Просто замечательно. Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Боже, я так тебя люблю.

— И я тебя люблю, — шепнула она и усмехнулась, а потом, поджав губы, добавила: — Пожалуй, даже очень.

Дополнительный бонус состоял в том, что его, Роя Грейса, не будет на службе в первую неделю пребывания Кэссиана Пью в должности заместителя главного констебля. Какая жалость!

Водитель, прислушивавшийся к новостям по радио, вдруг обернулся на мгновение.

— Сильный пожар в Брайтоне.

Грейс ощутил легкий укол беспокойства, но, решив проявить твердость, отделался безразличным «ага». В городе с огромным количеством старых, зачастую пожароопасных построек и немалым числом бродяг, пьяниц и стариков, которые отходят ко сну с сигаретой зубах, пожары стали обычным явлением. Что ж тут волноваться. Он мысленно вернулся к предстоящему путешествию.

В качестве особого подарка Клио он забронировал места в бизнес-классе компании «Бритиш эруэйз». Им крупно повезло заполучить люкс в «Чиприани», самом романтичном из венецианских отелей, как сказал агент в «Трэвел канселлорс». На сегодняшний вечер у них был заказан столик в этом отеле, на три последующих — в трех других роскошных городских ресторанах, отобранных им в результате тщательных изысканий в Интернете. А перед завтрашним ужином им еще предстоит насладиться персиковыми коктейлями «Беллини» в культовом «Харрис-баре».

— А ведь ты так еще и не сказал, куда мы направляемся! — сказала Клио.

Грейс ухмыльнулся:

— Ну так отгадай.

— В Сканторп?

— Черт, в десятку! Четыре ночи в «Премьер-Инн»!

— А знаешь, я была бы счастлива где угодно — лишь бы с тобой!

— А я с тобой.

Утренний час пик уже закончился, и поток машин заметно поредел, а чистое голубое небо над головой лишь добавляло настроения. Грейс увидел впереди указатель съезда на уходящую к аэропорту Гатуик дорогу, и такси, просигналив огнями, ушло влево.

— А что, в Сканторпе есть аэропорт? — поддразнила Клио.

— Хамберсайд.

— Тогда почему же, детектив-суперинтендант, если мы собираемся провести медовый месяц в Англии, вы так настаивали, чтобы я проверила, взяла ли паспорт?

— От тебя ничто не укроется, да?

Она провокационно погладила его по бедру.

— Физический контакт — наверное, какие-то твои детективные навыки передались мне.

И снова его поцеловала.

— Они там, на севере, немножко предвзяты к нам, южанам.

— И почему я тебе не верю?

Он пожал плечами и изобразил невинное выражение, изо всех сил стараясь не улыбаться.

— Хочешь, скажу, куда, по-моему, мы отправимся? Куда мы *точно*отправимся?

— Валяй.

Она снова поцеловала его в щеку, пробежалась язычком вокруг уха и заманчиво прошептала:

— В постель. И очень скоро.

Двадцатью минутами позже Грейс, оставшись в носках, опустил в досмотровый лоток туфли, сотовый телефон, лэптоп, часы и ремень. Потом, подняв руки, прошел вслед за Клио через рамку металлоискателя. К его облегчению, ни один из них не запищал. Надевая туфли,

он чувствовал, как нарастает волнение. Поскольку оба билета оставались у него, ему удалось скрыть от Клио тот факт, что они летят в люксе. Конечно, она сама это поймет через несколько минут, когда он проведет ее в зал ожидания для первого за день бокала шампанского. Ему не терпелось увидеть ее лицо.

Но тут у него зазвонил телефон.

90

Понедельник, 4 ноября

Брайс Лорен, ехавший по Тонгдин-авеню около 10.30 утра, также пребывал в прекрасном расположении духа, несмотря даже на связанные с бородой неудобства — смешно, но она постоянно чесалась. Гнев, вызванный совершенно неуместным исполнением *его*музыки в церкви, сошел на нет, он тихонько мурлыкал Queen of the Slipstream Вэна Моррисона, звучавшую из автомобильного радиоприемника, настроенного на «Радио Суссекс». Как кстати — он как раз мчался к своей королеве!

Да и улица, можно сказать, королевская. Самая шикарная во всем Брайтоне и Хоуве! Он миновал большой, кичащийся роскошью особняк с колоннами, отступивший вглубь от дороги и укрывшийся за прочными воротами, — справа. Затем другой, столь же роскошный и разместившийся на возвышении, в конце круговой подъездной аллеи, — слева. Из этого дома, должно быть, открывался чудесный вид на раскинувшееся чуть южнее и правее, примерно в миле от него, море. Да, он мог бы жить здесь. Легко и беззаботно. С Рэд.

Когда-то так все и было.

Музыка закончилась, и он услышал голос Дэнни Пайка, снова представляющего специального гостя программы, Нормана Кука — Стройного Жирдяя, как его еще звали, — который принялся восторженно расписывать свой новый проект, «Биг-Бич Кафе». Но слушать их болтовню Брайс не стал — ему и без них было о чем подумать.

— Извините, парни — Дэнни… Норм, присоединюсь попозже, ладно?

Он вырубил радио и резко ударил по тормозам, когда шедшая впереди машина — за рулем сидел ученик, о чем свидетельствовала наклейка на заднем окне, — исполнил убийственно медленный разворот «в три приема». Инструктор помахал рукой — проезжай, мол, — и он покатил дальше, посматривая на номера слева.

Впрочем, нужный дом, Тонгдин-Лодж, Брайс узнал бы и без номера — по опоясывающей его десятифутовой кирпичной стене, которую он видел на картах Гугла.

Стена была внушительная, прямо-таки крепостная, с коваными железными воротами, в данный момент закрытыми. Он медленно проехал мимо и остановился на некотором удалении, заехав двумя колесами на край тротуара. Задумался. В голове вертелись сразу несколько планов — A, B, C и D. Он мысленно прокрутил их все, один за другим. Время не поджимало. Рэд появится не раньше чем через полтора часа. Чуть дальше по дороге еще один водитель-ученик также пытался исполнить, под надзором инструктора, смехотворно медленный разворот «в три приема». Еще дальше уже третий осуществлял этот же маневр. «Хмм, — подумал он, — живи я здесь, это бы здорово раздражало».

Брайс запустил двигатель, развернулся и подъехал к воротам. Потом, натянув на глаза бейсболку, выглянул в окно и попытался рассмотреть латунную панель домофона. Цифровая клавиатура, кнопка звонка и объектив камеры наружного наблюдения. Камера его не беспокоила — лицо в нее почти не попадало.

Он нажал на кнопку и долго не отпускал палец. Никто не ответил. Через минуту он позвонил снова. Опять никакого ответа. Для пущей уверенности он позвонил в третий раз.

Очень хорошо, просто прекрасно — дома никого нет!

Брайс выбрался из машины, прихватив небольшую сумку с инструментами, отвинтил и снял передний щиток панели. Некоторое время он изучал проводку, тыча то сюда, то туда крошечной изолированной отверткой, пытаясь понять что к чему — как-никак когда-то сам устанавливал подобные системы. Затем просто-напросто закоротил провода. Спустя несколько секунд ворота услужливо распахнулись.

Он поставил на место щиток панели и проехал вверх по извилистой щебеночной аллее, миновав расположенный слева гаражный блок с жилыми помещениями над ним. Милая пристройка, подумал он. Описав петлю, дорожка закончилась у большого особняка из красного кирпича. Определенно шикарная штучка, подумал Брайс. Он припарковал фургон у тисовой изгороди на противоположной стороне подъездной аллеи, чтобы все выглядело так, будто тот принадлежит кому-то из рабочих или садовнику, и вышел из машины.

Дабы еще раз удостовериться в том, что дом пуст, он поднялся на крыльцо, оказавшееся даже больше и шире, нежели представлялось издали, и позвонил в дверь, уже зная, что скажет, если та вдруг откроется. У него пакет, да, вот, ошибся адресом. Но никто не ответил. Брайс несколько раз постучал в дверь латунным дверным кольцом, торчавшим из львиной пасти. Снова никакого отклика.

До чего ж хорошо!

Бросив взгляд на часы, он прогулялся вокруг дома. Красиво подстриженные лужайки. Плавательный бассейн под синим тентом, рядом — деревянный домик; с виду в отличном состоянии. Травяной теннисный корт — сетка провисла, разметка поблекла. Он снова взглянул на часы — на всякий случай. Ровно полтора часа до того момента, как сюда явится Рэд. Для встречи с клиентом, мистером Эндрю Остином.

Он прошел к минивэну, открыл задние двери и заглянул внутрь — все ли в порядке — и остался доволен своей работой. Шесть ременных креплений, надежно прикрученных к стенкам и полу фургона. Посмотрел в вещмешок, проверяя аксессуары. Мешок. Кляп. Сварочная горелка. Скальпель. Электродрель. Складной нож. Щипцы. Бутылки с водой. Таблетки кофеина — чтобы не уснула. Ей нужно оставаться в сознании, чтобы в должной мере оценить все то, что он для нее приготовил!

Ох, Рэд, как же мы сейчас повеселимся. Вспомним былое. Ты будешь лежать здесь, а я — читать тебе все те эсэмэски, что ты присылала. Сотни эсэмэсок.

Он открыл одну, сохраненную в телефоне, которым он давно перестал пользоваться.

О боже, я люблю тебя, Брайс. Чего-то сегодня так недоставало... определенно тебя. Я так люблю тебя, обожаю тебя, представляю тебя в мечтах, восхищаюсь тобой, хочу тебя, тоскую по тебе, я таааааак по тебе скууууучааааюююю. Не могу дождаться, серьезно не могу, когда увижу тебя сегодня! Когда окажусь в твоих объятиях. Буду обнимать тебя и упиваться тобой. XXXXXXXXXXXXXXX.

Помнишь это, Рэд? Я сделаю боль терпимой, чтобы ты его вспомнила. Обещаю. Тебе предстоит так много вспомнить в ближайшие часы.

Таааааaак много.

Счастливые деньки!

Он запер фургон и еще раз прошелся вокруг дома в поисках подходящего укрытия, из которого просматривалась бы вся подъездная дорожка. Найдя удачно расположенные кусты лавра, занял позицию за ними.

Устроился поудобнее и принялся ждать.

91

Понедельник, 4 ноября

— Прости, дорогая, — сказал Рой Грейс в третий или даже в четвертый раз, поворачиваясь к Клио, сидевшей на заднем сиденье БМВ-универсала дорожной полиции. Включив мигалку и сирену, констебль Омотосо мчал в город по скоростной полосе автострады M23.

— Я понимаю, — ответила она с блеклой улыбкой. — Не нужно извиняться. Я все понимаю. У тебя не было выбора.

— Не самое лучшее начало медового месяца, да, сэр? — мрачно заметил Омотосо.

Грейс несчастным видом покачал головой:

— Да уж.

Ладно, хоть Клио действительно понимала, подумал он. И вдруг поймал себя на том, что невольно прикидывает, как бы в подобной ситуации повела себя Сэнди. Определенно, не с таким спокойствием и пониманием, какие проявила Клио.

Она придвинулась ближе и, взяв его руку в свою, нежно ее погладила.

— У тебя на самом деле не было выбора, дорогой.

Грейс пожал плечами:

— Был. Я мог просто не отвечать на этот чертов звонок.

— А потом? Мы бы прибыли в Венецию, в гостинице тебя бы ждало сообщение, и нам все равно пришлось бы вернуться. Ты бы не смог там оставаться, я же знаю. Так что даже лучше, что это случилось раньше, чем мы сели в самолет. Медовый месяц никуда от нас не денется — просто отложен, только и всего.

Он пожал ее руку и заглянул в глаза. Невероятная женщина. Никогда в жизни он никого еще так не любил, и то, как она справилась со своим разочарованием, лишь укрепляло эту любовь. Для себя он точно решил: медовый месяц у них обязательно будет, несмотря ни на что, и когда они отправятся в свадебное путешествие, он сделает все, чтобы оно стало для нее незабываемым.

Но в данный момент мысли были за миллион миль от зала ожидания аэропорта, бокала шампанского и номера люкс отеля «Чиприани», где их по прибытии также должна была ожидать бутылка шампанского в ведерке со льдом.

Мысленно он уже был на пожаре в Ройял-Риджент. Там, где покупала квартиру Рэд Уэствуд.

Там, где, по еще неподтвержденным данным, этим утром погиб один из членов его команды.

И ответственность за это лежала на нем.

Он крепко сжал руку Клио, ища ободрения и поддержки. По его щекам бежали слезы.

Спустя двадцать минут, по-прежнему завывая сиреной, БМВ констебля Тони Омотосо отчаянно пробивал себе путь в мертвом трафике Марина-Пэрейд. Грейс уже чувствовал мерзкое зловоние пожара, усиливавшееся по мере того, как они приближались к месту. Впереди виднелись пульсирующие вспышки мигалок, и Грейс уже заметил три пожарных расчета, две машины «скорой помощи», темно-зеленый фургон морга с эмблемой коронера на боку, патрульные автомобили, заблокировавшие большую часть широкой улицы, два телевизионных фургончика и машину «Радио Суссекс».

Пожарные брандспойты били струями по окнам первого и второго этажей почерневшего здания, из которых валил густой черный дым. На тротуаре валялись обуглившиеся комья мусора. Толпа зевак, некоторые из которых снимали происходящее на камеры телефонов,

держалась на безопасном расстоянии от оградительной сине-белой ленты и нескольких полицейских.

— Ты не подбросишь Клио домой? — попросил Грейс Тони Омотосо, когда они подъехали ближе.

— Конечно, сэр.

Грейс поцеловал Клио и выбрался из машины в удушливую вонь ядовитого дыма и газа. И почти тотчас же, к своему ужасу, увидел нового заместителя главного констебля Кэссиана Пью — в парадной форме и украшенной тесьмой фуражке, тот уже маршировал к нему в сопровождении главного констебля Тома Мартинсона, также облаченного в парадную форму.

— Рой! — произнес Пью, с бледной улыбкой и ледяным взглядом протягивая руку. Они поздоровались. Рука Пью, как и всегда, сколько Грейс себя помнил, была влажной и безвольной, и от крепкого рукопожатия Роя Пью заметно поморщился. — Рад снова тебя видеть. Жаль только, что при столь ужасных обстоятельствах.

Грейс кивнул, сморгнул слезы и задохнулся.

— Да, — выдавил он и, сделав над собой усилие, добавил: — Сэр.

— Ужасная новость, — сказал главный констебль, также пожимая Грейсу руку.

— Так точно, сэр.

— Может, без формальностей, Рой? — Пью искоса взглянул на Тома Мартинсона. — В прошлом у нас случались разногласия, но будем смотреть в будущее, так?

— Хорошая мысль, — осторожно ответил Рой. Интересно, что еще они ему приготовили.

Однако вместо этого Пью сказал:

— Не самое лучшее начало первого дня на новом месте.

— Как и моего медового месяца.

Пью кивнул:

— Спасибо, что приехал. Нелегкое, должно быть, решение.

— Потерять человека тяжелее. Но мы абсолютно в этом уверены?

Пью кивком указал на здание, потом взглянул на часы.

— Мне сказали, что детектив-сержант Белла Мой вошла туда, чтобы спасти ребенка, около восьми утра. Из дома она уже не вышла, хотя ребенка спасла. Сейчас без пяти одиннадцать. Начальник пожарной команды уверяет, что никто бы не протянул там и минуты без дыхательного аппарата.

— Она сообразительная, — сказал Рой Грейс. — Может, нашла воздушный карман. — Он знал, что цепляется за соломинку. — Кто-нибудь обыскал здание?

Пью снова указал на дом.

— Пожарные обыскали столько помещений, сколько смогли, с дыхательными аппаратами и камерами дистанционного наблюдения. По домовой лестнице не пройти. Поднимались по своим, и по их мнению…

За спиной у них возникла какая-то суматоха. Офицеры повернулись.

— Пропустите! Я полицейский, отвалите на хрен, бараны! Там моя невеста! Да пропустите же!

Норман Поттинг. Мертвенно-бледный, он помахал удостоверением перед носом пытавшегося удержать его полицейского, поднырнул под оградительную ленту и побежал к дымящемуся входу.

— Норман! — крикнул Грейс и рванул следом. Двое пожарных опередили его, перехватив сержанта у самых дверей.

— Она там! — вопил Норман. — О боже, Белла там, внутри. Дайте мне войти и найти ее. Дайте мне ее найти. Я должен вытащить ее оттуда!

Подоспел Грейс. Норман как будто обезумел — выпученные глаза, бледное лицо искажено гримасой.

— Норман! Позволь им делать свою работу. Если она там, они ее найдут.

— Я сам ее найду! Она там, и я найду ее. Я знаю, что она в порядке. Моя Белла. Я люблю ее. Она в порядке. Я знаю, с ней все хорошо. Белла! — крикнул он во весь голос. — Я здесь! Это Норман! Я иду! Я вытащу тебя оттуда!

И тут же, словно внутри у него что-то сломалось, бессильно упал на руки Грейса.

— О боже, Рой, пожалуйста, пусть с ней ничего не случится… Я люблю эту женщину. Она помогла мне понять, что я никого и не любил так прежде. — Его сотрясли рыдания. — Пожалуйста, не дай никому забрать ее у меня. Мы только-только нашли друг друга. Пожалуйста, не дай… Пожалуйста, пожалуйста, прошу тебя, позволь мне войти и спасти ее. Она в порядке, я знаю. Должна быть. Пожалуйста, позволь, позволь мне войти… Я мигом — туда и обратно.

— Норман, — мягко сказал Грейс. — Послушай. Позволь пожарным найти ее, у них есть снаряжение. Если она в порядке, они ее найдут. Они этому обучены.

Поттинг крепко обнял Роя Грейса, вцепившись в него с такой силой, словно тот был спасательным плотиком посреди охваченного штормом океана.

— Я люблю ее, Рой. Люблю. В самом деле люблю. Пожалуйста, пусть с ней ничего не случится. Они сказали, что видели, как оттуда выбежала собака. Она в порядке, должна быть. Если уж хренов пес выжил, то и она должна была.

92

Понедельник, 4 ноября

С того самого момента, как в субботу Роб Споффорд сообщил по телефону, что они арестовали подозреваемого, Рэд ощущала смутную тревогу. Что-то здесь было не так, но полиция, должно быть, знает, что делает, решила она, и потом, не станут же они заключать кого-то под стражу без убедительных доказательств вины, ведь так? Они продолжали искать Брайса, и Роб сказал, что причастность подозреваемого ко всему случившемуся пока еще под вопросом. В глубине души она не сомневалась, что за всем стоит Брайс.

По-другому не могло и быть.

Она ехала на предоставленном агентством «мини» по Тонгдин-авеню, торопясь, отдавая себе отчет, что уже опаздывает на встречу минут на десять. Супружеская пара, осматривавшая дом на Коулман-авеню, опоздала на двадцать минут, так как сначала ошиблась улицей. Чтобы каждый риелтор мог выполнять дневную норму, пятнадцать просмотров, на каждый агентство отводило четверть часа. Но Рэд заранее позаботилась о том, чтобы после дома на Тонгдин-авеню в графике ничего больше не стояло; в конце концов человеку, готовому потратить три с половиной миллиона, может понадобиться и чуть больше времени, нежели четверть часа.

Секундой позже ей пришлось притормозить за водителем-учеником, пытавшимся исполнить под надзором инструктора из автошколы разворот «в три приема». Чуть дальше такой же маневр осуществлял и еще один новичок. Боже, должно быть, обитатели этой престижной улицы сходят с ума оттого, что сюда съезжаются все автошколы города — хотя и понятно почему. Улица широкая, движение слабое, вдоль тротуара деревья. Рэд взглянула на часы на панели, потом сверилась еще и с наручными. Опоздание на двенадцать минут.

Инструктор, по крайней мере, любезно помахал рукой — проезжайте, — но не успела она снова придавить педаль газа, как идиот ученик вдруг подал вперед. Как удалось избежать столкновения, Рэд и сама не знала и, не сдержавшись, показала недоумку средний палец. Не слишком хорошая, конечно, реклама для компании, логотип которой красуется на боку машины, но ей было наплевать. Она спешила и уже вспотела от волнения. «Пожалуйста, дождись, — мысленно повторяла Рэд. — Не уходи».

Она увидела впереди высокую кирпичную стену, которую тотчас же узнала по фотографиям в глянцевом журнале, что валялся на соседнем сиденье, и ворота. Открытые. И снова остановка, на целую минуту — очередной недотепа застрял посреди дороги прямо перед ней. Сидевшая за рулем женщина начала движение, за пару рывков продвинулась на несколько дюймов вперед, и ее автомобиль опять заглох.

Чтоб тебя! Рэд заехала двумя колесами на тротуар, обогнула машину и, съехав на дорогу, добралась наконец до дома. Симпатичная золотисто-черная табличка над открытыми воротами подтвердила — Тонгдин-Лодж. Свернув с дороги, она проехала по подъездной аллее, мимо гаражного блока слева, на самый верх, где дорога шла кругом и где справа возвышался величественный особняк. В следующую секунду Рэд облегченно вздохнула: клиента нет — она первая!

Она взглянула на линованную страничку планшета-блокнота, где значились имена девяти человек, с которыми были назначены встречи в первой половине дня. Эндрю Остин, точно.

Единственным признаком жизни был небольшой белый минивэн, припаркованный на противоположной стороне подъездной дорожки. Вероятно, садовника или кого-то, кто присматривает за домом, решила она. Покопавшись в связке ключей, Рэд нашла нужный; на бирке также значились код для ворот и сигнализации. «Какой заботливый», — подумала она о садовнике — или кто он там был, — оставившем открытыми ворота, вылезла из машины, хлопнула дверцей и прошла к парадной двери.

Несколько секунд Рэд стояла на крыльце, а потом ощутила укол сомнения. Эндрю Остин должен был бы появиться, разве нет? Она посмотрела на часы. Опаздывает уже на пятнадцать минут. В списке был номер его сотового. Дам ему еще пять минут, подумала она, а потом позвоню. А пока неплохо было бы пройтись, осмотреть объект.

Она повернулась, любуясь открывавшимся внизу чудесным видом: черепичные крыши домов с южной стороны авеню, за ними — Хоув и еще дальше — переливавшиеся синевой под ярким солнцем воды Канала. Прекрасный день для осмотра — идеальный вид. В это время года таких деньков бывает немного. *Ну же, мистер Остин, пожалуйста!*

Вход в сад венчала арка, рядом густые заросли лавра. Пройдя под ней, Рэд застыла на месте, словно очутилась в заповедном мире. Она с восхищением смотрела на аккуратно подстриженные террасированные газоны; плавательный бассейн с римской аркой в дальнем конце; теннисные корты за ним.

Слева протянулась широкая, величественная терраса, со столом из кованого железа на двенадцать или четырнадцать персон напротив высоких окон. Какое изумительное место для обеда в погожий летний вечер, подумала она, надо бы не забыть отметить.

Мягкие шаги за спиной — Рэд вздрогнула от испуга, и тут на нее упала тень. Прежде чем она успела отреагировать, что-то — будто неизвестно откуда прилетевший камень — больно ударило над ухом. Вспышка белого света и пронзительная боль, словно в голове разорвался фейерверк.

Ноги подкосились, ее повело в сторону, и в следующий миг сознание провалилось в темноту.

Брайс успел подхватить ее сзади, не дав упасть на землю. Он не хотел, чтобы она ушиблась.

Он хотел сделать все сам.

93

Понедельник, 4 ноября

Лишь в начале четвертого пополудни пожар в Ройял-Риджент удалось потушить до такой степени, что пожарные смогли снова войти в здание.

Сначала пошли двое; Рой Грейс и впавший в оцепенение Норман Поттинг, а также главный констебль и Кэссиан Пью остались снаружи, наблюдая за всем происходящим и почти не разговаривая. Грейс знал, что ему нужно срочно вернуться в офис, но он не мог оставить ни Нормана Поттинга, ни тем более Беллу Мой, по крайней мере, не в этом состоянии неопределенности. Вместо этого он вызвал Гленна Брэнсона, который подъехал и ввел его, Пью и главного констебля в курс событий утреннего совещания.

Гленну было поручено бросить все силы на поиски Брайса Лорена и обеспечить должную защиту Рэд Уэствуд.

Ни от главного констебля, ни от Кэссиана Пью Грейс не услышал ни слова порицания — оба босса выразили всяческую поддержку. К его удивлению, особенно учитывая историю их отношений, Пью держался так, словно оставил прошлое в прошлом. Может, по причине своей толстокожести.

Ни с того ни с сего и опять же к его удивлению, Том Мартинсон положил руку ему плечо.

— Рой, — мягко сказал он. — В карьере каждого офицера полиции случаются порой по-настоящему страшные вещи. Когда такое происходит, все мы думаем: на кой черт нам это надо? Но если дух наш крепок, то именно в такие моменты мы сознаем, почему выбрали эту работу. Потому что именно в такие моменты включается все то, чему учили нас и чему учились мы сами. Немногие звонят в полицию потому, что счастливы. Мы здесь не для того, чтобы помогать счастливым людям. Мы здесь для того, чтобы менять мир. Подчас, как бы это ни было трагично, нам приходится жертвовать собственной жизнью. Никто не знает, сколько ему отмерено. Нельзя мерить человека длиной прожитых лет. Мерь его по тому, как он изменил мир.

Рой Грейс посмотрел на него и кивнул, моргая сквозь слезы:

— Постараюсь запомнить, сэр. Спасибо.

Спустя пять минут двое пожарных в дыхательных масках вышли из здания. Словно пара космонавтов, они прошествовали к пожарной машине, открыли рундук и, вооружившись осветительным снаряжением, вернулись в дом.

Норман Поттинг издал низкий, протяжный вопль и, рыдая, свалился на мостовую.

Рой Грейс опустился на колени, обнял его и тоже заплакал. Он отчаянно искал слова утешения для старого детектива, но в голову ничего не приходило.

Так они и остались, двое рыдающих взрослых мужчин, не замечающих ничего вокруг.

94

Понедельник, 4 ноября

Брайс Лорен вел минивэн по ухабистой проселочной дороге под звуки «Фауста» Гуно. Глупый кролик выскочил перед машиной да так и застыл на месте, словно завороженный светом фар. Когда кролика переехало колесо, Брайс ощутил лишь легкий толчок. Потом фургон тряхнуло сильнее — угодил в выбоину.

На автостоянке брайтонского вокзала Брайс оставался до сумерек, планируя прибыть к мастерской уже в темноте, чтобы свести до минимума риск попасть кому-то на глаза. Он провел несколько бесконечно приятных часов, просто сидя в фургончике, зачитывая Рэд сообщения, которые она прислала ему за месяцы их романа. Среди них встречались настоящие жемчужины! Жаль только, что он не мог услышать ее реакцию, так как не решился вытащить кляп — вдруг бы она стала кричать?

И вот теперь они в пути! Брайс замурлыкал себе под нос. Опера! Он совершенно не понимал эту ерунду, когда был молодым. Лишь потом, работая в бригаде инспекции взлетного поля аэропорта Гатуик, ему довелось услышать объяснение одного из коллег.

«Опера, — сказал он, — это чисто эмоциональная сфера. Даже не пытайся понять ее интеллектуально — просто отдайся на волю чувств».

Да, коллега был прав. Вот и сейчас, ведя машину, Брайс отдавался чистым эмоциям, жестикулируя, подпевая и подхватывая уже в полный голос: «Румтитумтитумтити». Он был счастлив. Он вернул себе Рэд. Йесссссссссс!

Чистые эмоции!

Он оглянулся, когда их тряхнуло на очередной рытвине:

— Скоро будем на месте, детка! Румтитумтитумтити!

Он запел еще громче, в полную силу легких. До ближайшего жилища было около мили, а до его мастерской оставалось не больше ста ярдов. Брайс снова разразился песней, копируя итальянские слова. Он понятия не имел, что они означают, но получалось здорово. Мать как-то раз сказала, что у него прекрасный голос и он мог бы стать оперным певцом.

И вот теперь он им стал!

Брайс снова обернулся — посмотреть, оценила ли это Рэд. Но как понять реакцию человека с кляпом во рту и заклеенными скотчем глазами?

— Как же я рад снова тебя видеть, Рэд, ангел мой! — сказал он. — Если бы ты только знала, как я счастлив! Ты и я и вся жизнь впереди! Разве это не чудесно?

95

Понедельник, 4 ноября

Совещание, проходившее в понедельник вечером, получилось мрачным. Смерть любого полицейского, независимо от места службы, воспринимается коллегами как личное горе. Но когда погибает член твоей команды, поражающий эффект в сто раз сильнее. В знак того, сколь серьезно восприняла произошедшее вся суссекская полиция, на совещание явился Кэссиан Пью.

Рою Грейсу, к счастью, еще не случалось терять подчиненных, и потому смерть Беллы Мой, много лет состоявшей в его команде и снискавшей его уважение и симпатию, отозвалась особой болью. Норман Поттинг нашел в себе мужество быть вместе со всеми — с покрасневшими глазами, он сидел, ссутулившись, за столом и выглядел совершенно потерянным. Он сказал Рою, что хочет остаться, потому что не в силах идти домой и сидеть там в одиночестве. Кроме того, теперь это дело стало для него личным. Рой позволил сержанту присутствовать, но они оба решили, что участия в расследовании ему лучше не принимать.

Дознаватели еще не определили, что стало причиной опустошившего Ройял-Риджент пожара, но тот факт, что именно сюда планировала переехать Рэд Уэствуд, наводил на вполне определенные размышления. Не выглядело простым совпадением и то обстоятельство, что из-за двух ложных звонков две ближайшие пожарные машины умчались в противоположных от пожара направлениях.

Выяснение причин пожара было отложено до следующего утра, когда здание остынет и к работе в нем смогут приступить специалисты.

— Это совещание, — сказал Рой Грейс, — я хотел бы начать с минуты молчания в память о нашей павшей коллеге, детективе-сержанте Белле Мой. Она была одной из лучших и отдала жизнь ради спасения ребенка.

Грейс посмотрел на часы и закрыл глаза. На протяжении всей следующей долгой минуты он слышал, как всхлипывает Норман Поттинг, а когда открыл глаза, безмолвно отсчитав последние несколько секунд, лица всех без исключения членов его команды были мокрыми от слез.

— Могу я предложить, чтобы Беллу представили к медали за отвагу? — сказал Гай Батчелор.

Рой кивнул:

— Да. Я и сам собирался переговорить об этом с начальством.

— Чертовски трагическая смерть, — хмуро обронил Дэйв Грин.

— Она спасла жизнь ребенку, — твердо, но спокойно сказал Рой Грейс.

— Да, но почему Белла не вышла сразу же, как только сделала это? — спросил Грин. — Может быть, осталась, чтобы попытаться вытащить собаку.

— Этого мы не знаем, — сказал Грейс. — Мы не знаем, что там произошло.

— Если это станет хоть каким-то утешением, — вступил Хейдн Келли, — скульптора Джакометти однажды спросили: случись пожар и будь у него возможность спасти картину Рембрандта или кота, что бы он попытался спасти? Он ответил — кота. Сказал, что в любом выборе между искусством и жизнью он всегда выбрал бы жизнь.

Закрыв лицо ладонями, Поттинг зарыдал. Рой Грейс встал, подошел к нему.

— Она поступила очень смело, Норман. То, что случилось, ужасно, и никакими словами нельзя описать, *что*все мы сейчас чувствуем и особенно *что*чувствуешь ты. Но мы, по крайней мере, знаем, что она повела себя как герой. Она сделала то, что мог бы сделать любой из нас и что, возможно, от кого-то еще потребуется. Именно поэтому мы — полицейские, а не клерки, сидящие за столами, проводящие свои жизни в окружении бумаг, живущие в стерильном коконе здоровья и безопасности. Каждый раз, выходя на улицу, мы знаем, что можем столкнуться с опасной для жизни ситуацией. Мне хотелось бы надеяться, что, если такое случится, любому из нас хватит мужества сделать то же самое, рискнуть жизнью так же, как рискнула она.

Он положил руки на плечи Поттингу.

— Лучший для нас способ почтить память Беллы — сделать так, чтобы ее смерть не была напрасной. Мы обязаны поймать этого мерзавца до того, как он подвергнет риску новые жизни.

Грейс наклонился, поцеловал Нормана Поттинга в щеку и, вернувшись на свое место, посмотрел на лежащие перед ним бумаги мутными от слез глазами.

— О’кей, наша главная и первостепенная задача — найти Рэд Уэствуд, которую не видели с тех самых пор, как сегодня в десять утра она ушла из офиса, чтобы провести несколько встреч с потенциальными покупателями жилых объектов в районе Брайтона. Миссис Уэствуд пыталась дозвониться до дочери, но телефон выключен. Ее последняя подтвержденная встреча прошла в доме на Коулман-авеню — это в Хоуве, — который она показывала некоей супружеской паре. Затем у нее была встреча с клиентом на Тонгдин-авеню. — Он посмотрел на детектива-сержанта Экстона. — Джон, ты выезжал на место. Можешь рассказать, что ты там видел?

— Да, сэр. Я был там с детективом-констеблем Дэвис. Ворота открыты, на подъездной дорожке стоял бесхозный «мини» с логотипом агентства «Мишон Маккей». На наш звонок

никто не ответил, поэтому мы взломали дверь и обыскали дом и прилегающую территорию, но никаких следов Рэд Уэствуд не обнаружили. Я запросил записи с камер уличного видеонаблюдения до ее прибытия к дому, и то, что мне удалось узнать, подтверждает ее поездку с предыдущего адреса на Тонгдин-авеню. Группа слежения видела, как она въезжала на территорию особняка, но не знает, что случилось потом. Она просто исчезла. Район там спокойный, малолюдный, так что им пришлось держаться на некотором от нее отдалении, но они утверждают, что следом за ней на территорию никто не въезжал. Когда они смогли подъехать, то нашли брошенный у дома «мини» агентства «Мишон Маккей», но самой Рэд нигде не было. Потом, прочесав сад за домом, они увидели, что часть забора — шириной примерно шесть футов, — отделяющего участок от дороги на противоположной стороне, аккуратно снята, а на земле остались следы шин. Судя по всему, оттуда кто-то выехал.

Грейс кивнул, постаравшись скрыть раздражение и зная по собственному прошлому опыту, что слежка никогда не бывает эффективной на все сто процентов.

— По моему настоянию родители Рэд Уэствуд временно покинули отель в Истборне, в котором остановились после пожара в их доме. Я также распорядился установить круглосуточное наблюдение за лучшей подругой Рэд Рэкел Ивенс и ее мужем. Мы уже объявили мисс Уэствуд в розыск; руководит этой операцией на ступени «Голд» суперинтендент Джексон.

Поскольку формально поиском Рэд Уэствуд занималась теперь регулярная полиция Суссекса, в действие была введена особая структура управления с тремя уровнями командования — «золотой», «серебряный» и «бронзовый». На «золотом» уровне определялась стратегия операции, на «серебряном» — ее применение, «бронзовые» офицеры отвечали за отдельные направления: расследование, оружие, розыск и т. п.

Грейс перевел взгляд на детектива-сержанта Батчелора:

— Ты проверил ее квартиру, Гай?

— Да, сэр. Ничто не указывает на то, что она была там.

— Возвращаясь к ее последней известной нам встрече с клиентами, некими… — Рой заглянул в свои записи, — мистером и миссис Морли. С ними ведь уже поговорили, верно? — Он посмотрел на детектива-констебля Джека Александера.

— Да, сэр, я встречался с мистером Джоном Морли в офисе фирмы независимых финансовых консультантов во второй половине дня. Он сказал, что они чуть опоздали на встречу, так как сначала ошиблись адресом, и мисс Уэствуд пребывала в слегка раздраженном состоянии, так как из-за них могла, в свою очередь, опоздать на следующий свой просмотр. Но она провела их по дому, была мила и любезна.

— Этот Морли… Его последующие передвижения известны? — поинтересовался Грейс.

— Да, сэр. В десять минут первого он доставил жену обратно в Сифорд, на репетицию любительского драмкружка. Я проверил — он сказал правду.

— А что дальше?

— Ланч с клиентом в ресторане «Тополино», в Хоуве. Я разговаривал с одним из совладельцев, который подтвердил, что Морли прибыл туда в начале второго.

— Отличная работа, — похвалил Грейс.

— Менеджер мисс Уэствуд в «Мишон Маккей» сообщила, что ее следующая встреча — последняя перед возвращением в офис — должна была состояться в полдень в доме на Тонгдин-авеню, который называется Тонгдин-Лодж. Встречу назначил некий мистер Эндрю Остин. Это новый клиент — есть жена и сын. Ищет престижный особняк. Она записала его телефон в журнале регистрации, а потом занесла также и в компьютер. После исчезновения Сьюзи Лэмплаф такую процедуру практикуют все агентства недвижимости.

Риелтор Сьюзи Лэмплаф пропала (предположительно была убита) на юге Лондона в далеком 1986 году. Она отправилась показывать клиенту, представившемуся «мистером Киппером», уединенный участок, и больше ее никто не видел.

— Кто-нибудь позвонил мистеру Остину? — спросил Грейс.

— Да, сэр. Менеджер набирала номер, а потом и я тоже. Ответил пожилой мужчина, отдыхающий на одном из Канарских островов — Тенерифе. Я связался с телефонным провайдером «O2», и они подтвердили, что у них есть такой абонент, после чего я позвонил в отель, в котором, по его словам, он остановился, и там мне также подтвердили, что мистер Остин с женой проживают у них.

— Тонгдин-Лодж тянет на три с половиной миллиона фунтов, сэр, — заметил детектив-констебль Александер.

Грейс на какое-то время задумался.

— Эндрю Остин. Человек, который может позволить себе столь дорогое жилище, должен быть весьма состоятелен. Вы пробили его по Гуглу? Искали в Википедии?

— И там, и там, сэр, — ответил Александер. — Эндрю Остинов там сотни.

— Как насчет нынешних владельцев Тонгдин-Лодж?

— Они сейчас проживают в своем другом особняке, во Флориде. — Джек Александер сверился с записями. — В здешний их дом приходит убираться супружеская пара, некие Марк и Дебби Браун, но сегодня их там не было. По пятницам бывает садовник. Так что сегодня там могло и не быть никого.

Грейс посмотрел на записи в блокноте.

— Стало быть, в последний раз Рэд видели направляющейся на встречу с человеком, которого, возможно, не существует и который оставил чужой номер? — Он оглядел угрюмо-молчаливые лица присутствующих. — Не нравится мне это. Совсем не нравится.

— А потом кто-нибудь проверил территорию — вдруг она где-то там? — спросил Гай Батчелор.

— Да, — ответил Александер. — Территорию проверили, ее там нет.

Грейс снова посмотрел в блокнот. День, начавшийся так, что, казалось, хуже и быть не может, успешно доказывал обратное.

96

Понедельник, 4 ноября

К раскалывающей голову боли добавилась вонь от выхлопных газов и бесконечная тряска. Во рту и в горле пересохло, ужасно хотелось пить. Мысли путались и разбегались. А вот страха, как ни странно, не было — была только злость. Злость на себя — за то, что угодила в эту ловушку.

Злость на Брайса.

Рэд снова попыталась подвигать онемевшими руками, а потом и ногами, но он дело знал, так что ей не удалось даже свести ноги вместе, — она чувствовала себя спутанным веревками животным. И еще нужно было срочно пописать — надолго ее не хватит. Машина, предположительно тот белый минивэн, который она видела у дома, снова наскочила на что.

— Пить, должно быть, хочется? Пи-пи сделать? Ты же никогда не могла долго протянуть без сортира, так ведь, Рэд? Точнее — *без удобств*, как ты деликатно его называла? Вот и сейчас, могу поспорить, тебе хочется в *удобства*, да?

Он поднял с соседнего сиденья ее сотовый.

— Как бы мне хотелось включить его, Рэд, этот твой телефончик! Но пришлось вырубить, как и мой собственный, потому что по мобильным можно определить местоположение, даже когда не разговариваешь. И все-таки было бы интересно включить и посмотреть, кто тебя ищет. Мамочка и папочка, могу поспорить. Что бы она сказала, если бы увидела нас сейчас вместе, а? Счастливая парочка. Мы могли бы стать счастливой парочкой, мы оба знаем, если бы она поменьше совалась не в свое дело. Она не могла этого принять, так ведь? Не могла принять *нас вместе*. Ей же не давало покоя мое прошлое! Ну а кто не любит присочинить? Мы все немножко привираем — ты знаешь хоть одного политика, кто бы этого не делал? Вот и я чуть-чуть приврал, а она нас за это уничтожила. Ты же слышала все те сообщения, что сама мне присылала. Они шли от твоего сердца, Рэд. Ты ведь именно это и хотела сказать — то, что в них говорилось, правда? Потому что любила меня таким, какой я есть, а не того говнюка, каким я был когда-то? Если бы твоя мать это понимала, все бы теперь было иначе.

Он улыбнулся и посмотрел в зеркало, хотя и видел лишь отражавшуюся в них темноту.

— Мы уже почти приехали. Я вытащу кляп, развяжу тебе глаза, а там посмотрим, что ты сможешь сказать в свое оправдание. Я и сейчас думаю, что, может быть, следовало дать тебе еще один шанс — если бы ты пожелала им воспользоваться. Но ведь за все те нехорошие вещи, которые я делал в последнее время, меня явно по головке не погладят… И что тогда? Я окажусь в тюрьме, а ты где-то там будешь трахаться с новым парнем? Тяжелая дилемма, а, Рэд?

Он остановил фургон возле каких-то построек, выскочил, не заглушая мотор, из машины и настежь распахнул двойные ворота старого зернохранилища позади мастерской, после чего заехал туда и выключил огни и двигатель. Потом открыл дверцу. Разогревшийся двигатель шумно загудел в тишине. В амбаре было холодно и пахло старой соломой, а теперь еще и выхлопными газами минивэна.

Брайс повернул голову и посмотрел на пленницу в слабом свете потолочной лампы.

— Ох, Рэд, а ведь все могло быть по-другому, да? Уж точно не так. Мне очень жаль, честно. Это не то, что я планировал для тебя всегда, с нашего первого свидания. Не то. Никто из нас не хотел такого конца, так ведь?

Рэд не шевелилась.

— Рэд? — Он не на шутку встревожился. — Рэд? Рэд?

Он подбежал к задним дверцам фургона, открыл их и забрался внутрь.

— Рэд?

Она лежала неподвижно. Как труп.

97

Понедельник, 4 ноября

— Ну, как там мой враг? — спрашивала, бывало, мать Роя Грейса, глядя на часы, висевшие на стене их кухни.

Время всегда, до самого последнего дня, было для нее врагом и в конечном счете истекло в раковом отделении Королевской Суссекской окружной больницы. Время — враг каждого, подумал он, в очередной раз бросая взгляд на часы. Без четверти семь вечера. Расследование вступило в стадию «быстрого времени», когда на счету каждая секунда. Если Рэд Уэствуд похищена в Тонгдин-Лодж неким загадочным Эндрю Остином, это произошло вскоре после полудня. Больше шести часов назад.

Есть суровый факт — большинство жертв похищений погибают в первые три часа. Но если под именем Эндрю Остина действительно скрывается Брайс Лорен — что

представлялось наиболее вероятным сценарием, — шансы на то, что она еще жива, возрастали. Грейс не представлял, какую цель мог преследовать Лорен, похищая молодую женщину, на что рассчитывал, и в голове у него проносились самые мрачные варианты.

Обычно на рабочих совещаниях его команда фонтанировала идеями, но в этот вечер все как-то притихли и поникли, потрясенные случившимся с Беллой. Грейс вдруг громко хлопнул в ладоши:

— Слушайте, все! Знаю, вы пребываете в шоке, но это не поможет нам спасти Рэд Уэствуд, если — а я очень на это надеюсь — она все еще жива. А теперь соберитесь и забудьте Беллу, как бы жестоко это ни звучало для всех нас. Нам предстоит крайне серьезная и срочная работа.

Грейс оглядел аудиторию — многие согласно кивали. Они поняли; он отчетливо ощутил, как вдруг изменилась атмосфера в комнате. Как будто что-то разблокировалось, и каждый снова подключился к своему источнику питания.

— После нашего обращения через прессу и телевидение поступило несколько обращений от людей, якобы видевших Брайса Лорена, — сказала регистратор Бекки Дэвис. — В частности, звонок поступил из пансионата «Земляничные поляны». Они утверждают, что один из их постояльцев, снявший номер на длительный срок, вчера внезапно съехал и что он — вылитый Брайс Лорен. Жил он там под именем Пол Миллет, и у них сохранились данные его кредитной карты — к счастью для нас, хозяева настояли на оплате кредиткой.

Грейс повернулся к аналитику системы ХОЛМС Кили Скэнлану.

— Передай это имя финансовым следователям, посмотрим, что оно нам даст.

— Есть, сэр.

Руку поднял Джон Экстон.

— Утром я принял звонок от управляющего рестораном «Куба Либре», который увидел фотографию Брайса Лорена. Он убежден, что тот работал у него в день пожара.

— Брайс Лорен? Работал в ресторане?

— Да, помощником официанта. Нанялся за три дня до этого.

Грейс нахмурился:

— Под каким именем?

— Джейсон Бенфилд.

Суперинтендент посмотрел на белую доску со всеми известными им вымышленными имена Лорена.

— Не вижу здесь такого, но это ничего не значит. У нас есть соображения относительно причины пожара?

— Есть, Рой, — отозвался старший пожарный следователь Тони Гарр. — Похоже, пожар возник из-за возгорания кухонных полотенец.

Суперинтендент наградил его недоуменным взглядом:

— Кухонных полотенец?

— На изделиях из хлопка, — пояснил Гарр, — вроде поварской униформы, передников, кухонных полотенец и тому подобного, обычно остаются органические кухонные жиры и масла. Если их достать из барабанного сушителя и сложить в стопки до того, как они успеют остыть, может произойти самопроизвольное возгорание.

— И многие об этом знают?

— Работники системы предприятий общественного питания знать должны. А пожарные просто обязаны — пожары нередко возникают именно по этой причине.

— Брайс Лорен — правда, совсем недолго — работал в пожарной части, — напомнил Гленн Брэнсон.

— Слишком уж удачное совпадение, — заметил сержант Гай Батчелор. — Тем более что он только-только устроился. Трех дней вполне достаточно, чтобы уяснить, как там что устроено.

Грейс кивнул:

— Да, согласен. — Он сделал пометку в блокноте. Еще одно свидетельство одержимости Брайса и его решимости разрушить все, что имеет хоть какое-то отношение к Рэд Уэствуд.

— А он вообще хоть где-то не работал? — подала голос новичок команды, детектив-констебль Даниэла Гудман. — Я утром разговаривала с Полом Дэвисоном, заведующим агентством по подбору персонала. Головной офис у них в Лидсе, но филиалы — по всей стране. Он сказал, что узнал Брайса по фотографии — тот какое-то время работал у них под именем Пол Миллет. Я встречалась с Дэвисоном сегодня в его брайтонском офисе.

— Он работал хедхантером? — спросил Грейс.

— Да, сэр. Мистер Дэвисон сказал, что с первых же минут общения понял: перед ним человек самовлюбленный, неспособный к эмпатии, другими словами — социопат. Но он принял Миллета, потому что тот представил прекрасные резюме и рекомендации. По словам Дэвисона, он был отличным хедхантером, так как никогда эмоционально не привязывался к своим клиентам и относился к ним как шахматист к пешкам на доске — тут я его цитирую.

— И долго Лорен — то есть Миллет — проработал в агентстве? — спросил Грейс.

— Чуть больше трех месяцев. Пол Дэвисон стал замечать, что Миллет легко выходит из себя, особенно когда кто-нибудь расспрашивает его о прошлом. У Дэвисона появились подозрения, и он решил поглубже покопаться в представленных Миллетом рекомендациях. А однажды заглянул даже в его портфель.

— В его портфель? — переспросил Гленн Брэнсон, неодобрительно насупив брови. — Он что, подворовывал в этой компании?

— Нет, сэр. — Констебль Гудман покачала головой. — Насколько я поняла, Миллет каждый день приходил в офис с шикарным портфелем, который и не нужен ему был вовсе. По словам Дэвисона, он заглянул как-то в портфель, когда Миллет был на встрече с клиентом, и обнаружил в нем фен, тональный крем, зубную щетку и пасту, набор цветных контактных линз, гель для укладки волос и книжку о том, как стать успешным агентом по продажам.

— А я все голову ломаю, что же ты носишь в сумке, а, Гленн? — подколол Брэнсона Гай Батчелор. — У тебя такой же набор?

По залу прокатился смех. Вот и хорошо, подумал Грейс. Даже Гленн Брэнсон ухмыльнулся. Смех — наилучший механизм преодоления ужаса тех, кто постоянно сталкивается с ним. Если не можешь рассмеяться — даже в самой тяжелой ситуации, — это сигнал того, что твое психологическое состояние под вопросом.

— Итак, картина вырисовывается следующая: Брайс Лорен — человек крайне эрудированный, хамелеон, подвержен приступам гнева и не способен долго удержаться на работе. Но только все это не помогает нам ответить на главный сейчас вопрос: где его искать? Нужно выяснить, какой машиной он пользуется, а потом уже просматривать записи камер уличного наблюдения.

Дэйв Грин поднял руку.

— Босс, у меня есть результаты анализа бензина из канистры, что была найдена в гольф-клубе «Хейуордс-Хит». Он из тех, что производит BP, — обычный неэтилированный. Таких заправок у BP — масса по всему графству; просмотрим записи с их камер наблюдений, за нужный нам период времени, может быть, если повезет, засечем и Брайса Лорена.

Грейс поразмыслил немного над этим предложением, написал в блокноте *BP*и обвел кружком.

— Если не отыщем мерзавца как-то иначе, придется заняться этим, Дэйв. Но работа тяжелая, на нее уйдут даже не дни — недели. Спасти Рэд Уэствуд это нам не поможет.

Следующей подняла руку констебль Марта Ричи.

— Я разговаривала с людьми из благотворительной организации для женщин, подвергшихся жестокому обращению, куда обращалась Рэд. Мне назвали ее психолога-консультанта, и я беседовала с ней сегодня днем, думала, что она, может быть, имеет хоть какое-то представление о том, где бы мог находиться Брайс Лорен. Судя по всему, у него есть тайное местечко, где он отрабатывает свои фокусы, в частности те, что основаны на использовании огня и взрывчатых веществ.

Ответил ей Гленн Брэнсон:

— Нам известно, что под именем Пэта Толли он получил лицензию на производство пиротехнических средств и некоторое время занимался этим на одной из ферм в Суффолке. Но там его давно нет, а где он теперь занимается этим делом, если, конечно, вообще занимается, установить не удалось.

Дверь открылась, вошел Рей Пэкем:

— Простите, что опоздал, шеф, но у меня есть нечто такое, что может представлять для нас интерес.

— Да? Ну выкладывай.

Пэкем криво ухмыльнулся:

— Слова Geotec or IrfanView кому-нибудь что-нибудь говорят?

— Это как-то связано с определением координат мест по фотографиям, — поднял руку эксперт-криминалист.

— Совершенно верно, — кивнул Рей Пэкем. — На прошлой неделе мисс Уэствуд получила посланное через имейл видео акулы, кружащей вокруг яхты. Его переслали в виде jpeg-файла, снятого, как я установил тогда, на камеру телефона, — что оказалось весьма кстати. Дело в том, как я уже объяснял раньше, что если в камере не отключена опция локации, то фотография сохраняет как время съемки, так и координаты места съемки с точностью до пятидесяти. — Он остановился.

— И?.. — не выдержал Грейс.

— Далее мы выяснили, что использованный телефон с тех пор вот уже несколько дней находится в статичном положении. Триангуляция с вышек сотовой телефонной связи позволяет заключить, что сейчас он находится примерно в полумиле к югу от гольф-клуба «Дайк».

Все посмотрели на белую доску с крупномасштабной картой Суссекса.

Грейс встал и прошел к карте. Посмотрел на индикатор селекторной шкалы, провел пальцем по зеленой зоне, на которой была отмечена группа каких-то строений.

— Здесь? — спросил он.

— Фотографировали здесь, сэр, — сказал Пэкем.

— Насколько ты уверен?

— На все сто.

Грейс набрал номер «серебряного» старшего офицера и передал ему последнюю информацию. Тот в свою очередь позвонил оперативному дежурному Энди Киллу и попросил подготовить вертолет. Потом зачитал полученные от Грейса координаты и распорядился срочно выслать туда опергруппу — пусть держатся наготове, но по возможности скрытно. Похоже, свою жертву Брайс держал именно там, а значит, объект следовало взять в плотное кольцо. Предприняв эти шаги, он поделился информацией с «золотым» командиром, который формально руководил операцией по поиску похищенной.

98

Понедельник, 4 ноября

Оставив задние двери минивэна открытыми, Брайс потряс Рэд за плечи.

— Ты в порядке? Рэд? Любовь моя! Ты в порядке? Рэд? Рэд?

Она по-прежнему не шевелилась.

Он взглянул вниз, на петлю на ее шее. Не слишком ли туго затянул? Не умерла ли она от удушья? *О черт, нет, прошу Тебя, Господи, нет. Прошу Тебя, нет.*

— Рэд! — прокричал он, тряся ее сильнее.

Никакой реакции.

— Рэд!

Ничего.

Боже!

Он попытался взять себя в руки и мысленно вернуться назад. К тому моменту, когда он стукнул ее по голове на участке Тонгдин-Лодж. Не слишком ли сильно? Вдруг у нее случилось кровоизлияние? Нет. Нет. Удар был легкий, он лишь слегка приложился. Да, достаточно плотный, чтобы вырубить, но не более. Так ведь?

Так?

Он снова затряс ее за плечи.

— Рэд? Рэд, любовь моя, ангел мой! Ты в порядке? Пожалуйста, очнись, прошу тебя. Пожалуйста, очнись! Не поступай так со мной. Я столько всего для нас запланировал! Правда. Не будь же стервой, не лишай меня этого удовольствия, прошу! Тебя ждет такая боль! Слышишь меня, дрянь? ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

Он поцеловал ее в щеку. Вдохнул запах ее волос. Они пахли точно так же, как и в те дни, когда они были любовниками. Чуть-чуть кокосом. Лимонной травой. Он уткнулся в ее волосы лицом.

— Очнись, дорогая, ангел мой, пожалуйста, очнись. Я так тебя люблю. Очнись! Я люблю тебя! Очнись же!

Она лежала, обмякшая, с закрытыми глазами.

Он схватил ее за запястье и попытался проверить пульс. Но его собственное сердце словно спятило. Кровь в ушах грохотала, как молот, и пульс отдавался во всем теле. Его собственный пульс.

— Рэд! — настойчиво повторил он. — Очнись, дорогая. Очнись! Нам столько еще нужно обсудить. Очнись, это я, Брайс. Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю! Так, мать твою, сильно! Очнись!

Ему показалось или она действительно начала холодеть?

— Рэд! Пожалуйста, не умирай! Пожалуйста, не умирай, пока я не буду готов. Ты можешь так меня кинуть!

Он начал рвать ремни, один за другим.

— Рэд, о Рэд, дорогая, ангел мой, красавица моя. Вернись ко мне. Вернись к своему Брайсу. Вернись ко мне.

Освободив ноги и руки от пут, он начал осторожно массировать ей грудь.

И все равно ничего.

Дрожащими руками он бережно отодрал скотч с ее рта. Прикоснулся к ее губам своими и снова взялся за массаж.

И вдруг дикая боль — она прокусила ему нижнюю губу. Да еще впилась пальцами в глаза, с такой силой, что казалось, вот-вот выдавит их из глазниц.

Он взвыл, на миг ослепленный, и замолотил по ней кулаками.

Зубы впились еще глубже, и Брайс ощутил вкус крови. Он ничего не видел. Извивался, корчился, но ее пальцы, с острыми, как гвозди, ногтями, зарывались все глубже. Она как-то ловко вывернулась, и вдруг он понял, что не чувствует ее больше.

Тишина.

В глазах адская боль.

Он ощупал их пальцами и почувствовал что-то влажное. Потом вдруг вспышки. Зеленые, желтые, синие, оранжевые, ярко-красные.

— Нееееееет! — завопил он. — Неееееет, гребаная ты сука!

Он зажал ладонью левый глаз, в котором жгло так, словно в него брызнули кислотой. Ничего, только лишь полоски света. Он обернулся в темноте.

— ВЕРНИСЬ! ИДИ СЮДА, РЭД!

Голова ударилась обо что-то твердое. Крыша фургона, понял он и уставился непострадавшим глазом на потолочную лампу, которая пылала ярче лазера и бросала ярко-белые осколки лучей.

— Рэд! — заревел он. — Рэд!

Брайс схватил арбалет с переднего сиденья. Рядом с ним лежал прицел ночного видения. Он поднес его к правому, здоровому глазу. И увидел ее.

Она бежала через поле.

Брайс отщелкнул дневной прицел и поставил ночной. Теперь он видел ее отчетливо — зеленую на зеленом же фоне. Тщательно прицелился. Она была уже довольно-таки далеко. Ярдов восемьдесят, не меньше.

Именно с восьмидесяти ярдов он практиковался в стрельбе по тыквам, готовясь к шоу у роттингдинской церкви.

Неспешно и спокойно, хотя внутри все кипело, Брайс поймал в перекрестье ее спину. И спустил курок.

99

Понедельник, 4 ноября

Рой Грейс посмотрел на часы. Черт бы их побрал с их чертовой «бюджетной экономией». Полиции Суссекса, как и остальным сорока двум полицейским службам, было предписано сократить годовые расходы на двадцать процентов. В соответствии с указом правительства. Вследствие этой политики экономии графство лишилось вертолета «Отель-900», приписанного к Шорэмскому аэропорту и совместно использовавшегося как полицией, так и воздушной скорой помощью. Из Шорэма вертолет мог долететь до любой точки Брайтона и Хоува менее чем за три минуты. Теперь, с организацией Национальной полицейской авиационной службы, закрепленный за ней вертолет, НПАС-15, базировавшийся в Редхилле, приходилось делить с графствами Суррей, Кент и Гэмпшир. До Брайтона НПАС-15 было как минимум четверть часа лету — при условии, что он свободен. К счастью, в этот вечер вертолет был свободен.

Решив не возвращаться в офис, Грейс остался на рабочем месте в ОШ-1, глядя на часы с возрастающим с каждой минутой отчаянием. До прибытия вертолета оставалось десять минут. Уверенности в том, что Брайс Лорен находится в одной из сельскохозяйственных построек к югу от гольф-клуба «Дайк», у них не было, как не было на данный момент и иной

версии. С другой стороны, почему ему и не быть там. Если Лорен похитил Рэд Уэствуд, ему нужно было увезти ее в какое-то отдаленное и уединенное место. Вариант с фермой представлялся вполне подходящим, и Лорен о ней знал.

Первым делом, подумал Грейс, нужно определить их местонахождение. Но еще важнее вырвать Рэд из лап Лорена — целой и невредимой. Это уже труднее. Грейс переговорил с «серебряным» старшим офицером, который хотел облететь на вертолете те сельскохозяйственные постройки, где, по его мнению, Брайс Лорен мог укрывать Рэд Уэствуд, и с помощью тепловизионной камеры установить, есть ли в них люди. Чтобы они могли остаться незамеченными, Грейс предложил совершить облет на максимально большей высоте, чтобы не спугнуть Брайса Лорена, и теперь ждал ответного звонка.

Он повернулся к криминалисту-психологу доктору Джулиусу Праудфуту, копавшемуся в эту самую секунду в своей рыжеватой сумочке. Найдя пузырек назальных капель «Ферст дефенс», доктор открутил крышку.

— Если наше предположение верно и Брайс Лорен действительно похитил Рэд Уэствуд и насильно удерживает ее где-то, каким, по-вашему, может быть его следующий шаг? — спросил Грейс.

Праудфут закапал по две капли в каждую ноздрю, пошмыгал носом и убрал пузырек обратно в сумку.

— Извините, — прогнусавил он. — Подхватил насморк.

Грейс инстинктивно подался чуть назад.

Праудфут поставил локти на стол, сложил домиком пухлые пальцы и какое-то время смотрел через них на пустой стул, стоявший с другой стороны стола.

— Что мне не нравится, Рой, так это то, что Лорен, как мы выяснили в пятницу, снял в банке наличные. Выбрал все подчистую. Люди в наши дни пользуются наличными, лишь когда хотят, чтобы их не смогли отследить. Так что прежде всего я бы задался таким вопросом: почему Лорен хочет, чтобы его не отследили?

— Может, потому, что совершил убийство и несколько поджогов и теперь думает залечь на дно, чтобы избежать ареста?

— Он — игрок. Та картинка с яхтой родителей мисс Уэствуд, помните? Он расчетлив и самоуверен. Считает себя слишком умным, чтобы попасться. Не думаю, что мы должны сейчас строить предположения относительно его дальнейших шагов, нам нужно попытаться предугадать эндшпиль. Тогда мы будем знать и остальное.

— И каким, по-вашему, будет эндшпиль?

— Убить Рэд Уэствуд, вдоволь поиздевавшись над ней морально или физически — не исключены и оба варианта, — а затем покончить с собой или исчезнуть. Однако тот факт, что он закрыл банковский счет, указывает на то, что, помимо мести Рэд, у него есть и другие планы: убраться из страны — либо по уже опробованным документам, либо по совершенно новым.

— Но сначала вдоволь над ней поизмывавшись?

— О да. Он систематически уничтожал ее мир, предавая огню все, что ей дорого. Он похитил ее отнюдь не для того, чтобы сразу же убить. Для него это игра. Им движет эго; он хочет, чтобы она унижалась, просила прощения, возможно, умоляла его дать ей еще один шанс. Он хочет абсолютной власти над ней.

— Она сообразительная, — сказал Рой Грейс. — Уверен, она сыграет в любую игру, какая только потребуется. Даже притворится, что готова вернуться к нему, если это потребуется.

— Проблема в том, полагаю, что он вряд ли примет ее предложение вернуться. Думаю, он этого уже не хочет. Она и ее родители унизили его. Я видел эсэмэски, которыми они, он и Рэд, обменивались. Она была без ума от него, но потом, внезапно, все переменилось.

— У нее были на то причины, — сказал Грейс. — Она узнала, что он лгал о своем прошлом и что его судили за насильственное преступление.

— Да, но ему все это видится под другим углом, можете не сомневаться. Он не способен признать, что делал что-то дурное. В его представлении именно он — пострадавшая сторона, и теперь она в его власти. Не могу предсказать исход, но ничего хорошего не жду. Единственный позитив в том, что у вас еще есть немного времени. Несколько часов — наверняка, но возможно — даже пара-тройка дней. Быстро он убивать ее не станет, в этом я уверен. Сначала устроит себе большой праздник.

Грейс снова посмотрел на часы. Скорее всего, Рэд Уэствуд пересеклась с Лореном в доме на Тонгдин-авеню около полудня. Более шести часов назад. До фермы у гольф-клуба «Дайк» — если он отправился туда сразу же — минут десять езды. Хотя для большей надежности он мог и отсиживаться где-то до темноты. В таком случае они приехали туда не так уж и давно. Если Праудфут прав — а его версия представлялась логичной, — то, что бы ни случилось с Рэд, она все еще жива. При определенном везении.

— Джулиус, если Брайс Лорен там, где мы думаем, с Рэд Уэствуд, и мы окружим его, то как он, по-вашему, поведет себя?

— Он должен победить, другого варианта для него нет. Он убьет Рэд, а потом и себя, тем самым бросив вызов, который вы не сможете принять. — Праудфут чихнул в руку и, поспешно вытащив из кармана носовой платок, чихнул еще раз.

— Будьте здоровы, — сказал Грейс.

И тут же зазвонил телефон. Это был оперативный дежурный Энди Килл. Вертолет выходил к цели, и до нее оставалось две минуты.

100

Понедельник, 4 ноября

Она бежала, не разбирая пути, бежала в полной темноте, под беззвездным небом, не видя перед собой ничего, кроме мерцавшего вдали слабого света большого города в нескольких милях от этого места. Земля была мягкая и влажная. Грязь прилипала к подошвам туфель-лодочек, и они с каждым шагом делались все тяжелее и тяжелее. И еще постоянный, неумолчный хруст, как будто она бежала по кукурузному полю. Потом она споткнулась и упала вперед. Что-то острое больно резануло ей щеку. Как далеко ей удалось убежать от Брайса?

В панике Рэд отчаянно пыталась подняться на ноги и поковыляла дальше, изо всех сил стараясь уйти как можно дальше от проселочной дороги и двигаться в направлении огней далекого Брайтона и Хоува.

Держаться по возможности дальше от дороги. Бежать через поле. Бежать. Не останавливаться. Бежать и бежать.

Она ударилась обо что-то острое и твердое. Из горла вырвался испуганный крик. Что-то кололо — в колени, ногу, живот и руки.

Забор из колючей проволоки, поняла Рэд.

Она вдруг услышала вверху стрекот стремительно приближающегося вертолета и, на мгновение вскинув голову, увидела в вышине навигационные огни винтокрылой машины, быстро двигавшейся по ночному небу. Стараясь не уколоть руки, Рэд попыталась перелезть через изгородь. Юбка зацепилась за колючки. Она рванула, чтобы высвободиться, услышала,

как рвется ткань, и тут же почувствовала боль в правой ноге, в очередной раз наткнувшись на что-то острое.

Перебравшись через ограду, Рэд спрыгнула на землю на другой стороне и почувствовала, что потянула левую ногу. Часть изгороди при этом покачнулась. Она упала на бок и в следующее мгновение услышала какой-то пронзительный свистящий звук. Что-то пролетело над правым ухом… шлепок где-то впереди, как будто камешек ударился о землю.

Или кто-то выпустил ракету.

По спине пробежал холодок. Одним из увлечений Брайса была стрельба из арбалета. По его словам, он даже брал призы за хорошие результаты. А еще обещал научить ее стрелять, но этого обещания, как и многих других, так и не выполнил.

Неужели он сейчас стреляет по ней?

Откуда-то, возможно из какого-то давно виденного фильма, она вспомнила, что, если в тебя стреляют, надо бежать зигзагом — так больше шансов уцелеть. Пожалуй что да. Рэд побежала дальше, то и дело меняя направление. Вскоре она увидела впереди свет автомобильных фар, становившийся все ярче и ярче. Затем заметила мерцание красных хвостовых огоньков и поняла, что выходит к главной дороге. Она взяла правее, стараясь бежать параллельно шоссе, но не приближаясь к нему.

Брайс привез ее в фургоне, а значит, не мог ехать по полям и уж тем более прорваться через колючую проволоку. Но на ровной дороге он легко может ее догнать.

Черт, черт, черт! Рэд в очередной раз споткнулась. От налипшей грязи обувь казалась тяжелой как свинец, так что идти быстрее при всем желании не получалось.

Потом она снова услышала стрекот возвращающегося вертолета. На этот раз звук был громче и доносился с меньшей высоты. Через секунду на нее упал яркий луч прожектора, и она оказалась в ослепительном море света.

— Убирайтесь! — вскрикнула Рэд, размахивая руками и сердито жестикулируя. — Убирайтесь прочь, идиоты!

Свет соскользнул с нее и на короткий миг упал чуть впереди. Она разглядела поле, вернее, участок луга. Затем яркая дуга взлетела ввысь, и почти сразу же побежала в ее направлении. Теперь шум двигателей и глухое, ритмичное *твак-твак-твак*сделались просто оглушительными. Ее снова, как звезду на сцене, залил поток света.

— Убирайтесь прочь, гребаные идиоты! — закричала она, и тут нога провалилась куда-то, наверное, в кроличью норку, и Рэд, больно подвернув стопу, снова упала лицом вниз.

Пытаясь подняться, задыхаясь и плача от бессилия и страха, она услышала другой глухой звук. Теперь, в ярком свете прожектора, она увидела арбалетную стрелу с оперением, вонзившуюся в землю прямо перед ней. Она обернулась и увидела два ярких луча автомобильных фар. И нечто, похожее на человеческую фигуру, стоящую между ними, широко расставив ноги.

Какое-то мгновение Рэд смотрела в том направлении. К ее радости, вертолет улетел, снова оставив ее в темноте. Луч прожектора пробежал по полю и ненадолго задержался на ограде, через которую она недавно перелезла. Потом он скользнул по белому фургону, облив светом его и стоящую перед ним фигуру с каким-то предметом в руках.

Брайс с арбалетом.

Она уткнулась лицом в землю и обхватила голову руками. Попасть в цель гораздо труднее, если она лежит, распластавшись на земле. Рэд слышала об этом где-то или читала в какой-то книге. Через секунду стрела просвистела и упала на землю где-то рядом.

О боже!

Какого черта тут делал вертолет?

Между тем вертолет кружил над белым фургоном.

Она встала и заковыляла дальше, чувствуя боль в груди и животе.

Одна туфля где-то потерялась, но ей теперь было все равно. Рэд перешла на легкий бег, удержавшись от болезненного восклицания, когда незащищенная нога ударилась обо что-то острое и твердое. Она продолжала бежать, но спустя какое-то время резко остановилась, наткнувшись на новую ограду.

Нет, Господи, пожалуйста, только не это! Не обращая внимания на колючки, Рэд перелезла через ограду, пробежала несколько шагов, врезалась во что-то твердое, металлическое и опять упала на живот, угодив руками в зловонную ледяную воду да еще стукнувшись подбородком о какую-то железку. Поилка для скота.

Она снова оглянулась и увидела, что вертолет завис над фургоном рядом с фермой. Неожиданно винтокрылая машина дернулась вправо и сильно накренилась, скользя лучом по стенам построек. В следующее мгновение крен усилился. Несмотря на опасность, зрелище завораживало. Прямо на ее глазах вертолет завалился еще сильнее, потом стал набирать высоту и вдруг снова пошел вниз, почти лежа на боку.

Так не должно быть, да? Ведь не должно же?

Боже, нет! Нет! — рвались с ее губ беззвучные слова.

Вертолет падал все стремительнее, неумолимо приближаясь к земле.

Она по-прежнему не могла отвести взгляд от жуткой картины. Расстояние между падающим вертолетом и землей стремительно сокращалось. Все происходящее походило на какой-то жуткий кошмар.

Парой секунд позже послышался мощный, гулкий удар и металлический треск. Над рухнувшей машиной взвился огромный шар огня. Невероятно. Этого просто не может быть. Она почувствовала, что вся дрожит.

Этого не может быть. *Пожалуйста, не надо! Нет! Нет!*

В ореоле пламени, прежде чем огонь поглотила темнота ночи, Рэд разглядела клубы плотного дыма. Она стояла неподвижно, будто приросла к месту, онемев от ужаса, чувствуя себя так, будто внутренности вывернулись наизнанку.

Боже. Что же, черт побери, случилось?

Впрочем, она уже знала, что случилось.

Мощный луч фонарика скользнул в ее сторону. По щекам покатились слезы. Она развернулась и побежала, хватая ртом воздух, и уже через несколько шагов потеряла и вторую, левую, туфлю.

Но ей было уже все равно. Перед глазами стоял кренящийся вертолет. Огненный шар. Легкий дождик приятно охладил лицо. Рэд запнулась о камень и услышала вой далеких сирен. Ноги замерзли и уже почти утратили чувствительность. Под ногами хлюпала грязь, через каждые несколько шагов она останавливалась, натыкаясь на что-то твердое или острое.

Впереди и слева запульсировал синий свет. Он приближался. Вереница машин летела по шоссе, лежавшему в доброй полумиле от нее. Патрульные машины.

Она изменила курс и на короткий, безумный миг поверила, что успеет, что доберется до дороги вовремя, раньше, чем они проедут.

Но земля почему-то ушла из-под ее ног. Из горла вырвался испуганный вопль, и уже в следующую секунду она упала в залитую водой канаву, уткнувшись лицом в бережок.

Уступив отчаянию, Рэд на мгновение закрыла глаза. На сколько же еще ее хватит? Она знала — нужно двигаться дальше. Нельзя допустить, чтобы этот монстр взял верх. Она сжала

кулаки. Да как он смеет, тварь? Как он только посмел поступить с ней вот так? Сжечь дом ее родителей! Ее машину!

Страх вдруг исчез, уступив место кипучей злости. Она больше не боялась. Теперь ее вела ярость. Она доберется до этого ублюдка. Заставит его заплатить за все. Да.

Дождь пошел сильнее, но Рэд не обращала внимания. Она не представляла, где находится, знала только, что в нескольких милях от города, но ей было наплевать. И даже вой сирен пролетавших мимо полицейских машин не вызывал никаких эмоций.

Ты, грязный ублюдок.

Она подползла к дальнему краю канавы. Если бы только у нее был телефон! Можно было бы немного подсветить себе. Но телефон, к сожалению, остался в фургоне.

По крайней мере, полиция уже едет туда. Они наверняка его схватят. И что потом?

Брайс проведет несколько лет в тюрьме, потом его выпустят. И что он будет делать? Снова придет за ней? Или найдет для издевательств кого-то еще?

Рэд побежала дальше. С каждым шагом ей казалось, что дождь становится все сильнее. Теперь она двигалась в сторону шоссе. Доберется и остановит полицейскую машину.

Черт, черт, черт!

В следующую секунду Рэд врезалась в куст можжевельника. Почти не почувствовав боли, она отпрянула от него, обошла стороной и зашагала вперед. А потом увидела свет автомобильных фар, движущийся слева направо.

Еще одна машина прошла мимо. И еще одна. Потом с коротким промежутком промелькнули две машины. Едут к упавшему вертолету?

Через несколько минут вдалеке появилась еще пара фар.

В луче света она разглядела изгородь и, собрав последние остатки сил, перелезла через нее. Какое-то время постояла неподвижно в темноте. Выжидая.

Потом — эти несколько минут показались вечностью — она услышала рокот мотоцикла и увидела лучик света. Мотоциклист промчался мимо. Слева, вдалеке, поднималось зарево от горящих обломков вертолета. Рэд больше не обращала внимания на дождь. Забыла, что она одна. Все ушло, осталось только жжение внутри.

Огонь ярости.

И одновременно ощущение беспомощности.

Ее трясло от холода.

Снова свет фар. Какая-то большая машина. Когда автомобиль оказался на достаточно близком расстоянии, и Рэд убедилась, что это не белый фургон Брайса, она выскочила на дорогу прямо перед ним. Чуть ли не под колеса. К ее великому облегчению, водитель взял влево и, сбросив скорость, остановился. Это был большой старомодный «ягуар», за рулем которого сидел пожилой джентльмен. Рэд бросилась к дверце со стороны пассажирского сиденья. Оконное стекло медленно опустилось. Мужчина удивленно посмотрел на нее. Похоже, он был слегка навеселе.

— С вами все в порядке, моя милая?

Слезы брызнули сами.

— Вы можете отвезти меня в полицию? — спросила она, всхлипывая.

Он посмотрел на нее с прищуром. В зеленоватом свечении приборной доски Рэд разглядела его лицо, румяное и дряблое. На нем была клетчатая рубашка и галстук с изображением скрещенных клюшек для гольфа.

— По правде говоря, — сказал он не совсем уверенно, — я бы предпочел не встречаться сегодня с полицией. — Он снова прищурился. — Вообще-то я надеялся избежать встречи с законом. Э-э-э, да у вас лицо в крови. На вас напали?

Рэд снова разрыдалась.

Он наклонился и открыл для нее дверцу. Она забралась на пассажирское сиденье и захлопнула дверцу, с благодарностью вдыхая комфортный запах старой кожи с ноткой алкоголя, принимая уютное тепло.

— Меня похитили, но мне удалось сбежать, — выпалила она.

— Смотрю, тут кто-то пускает фейерверки, — сказал он, тыча себе за спину большим пальцем и как будто пропустив мимо ушей ее слова.

— Там разбился вертолет, — объяснила Рэд и, опустив солнцезащитный козырек, посмотрела в зеркало заднего обзора. В тусклом свете салона на нее смотрело перепачканное кровью и грязью ее собственное лицо.

— Представить себе такое не могу. — Он покачал головой. — Сам-то я человек спокойный. Эти вертолеты, гиблое дело. Моментальное возгорание двигателя, и ты либо принимаешь мгновенно верное решение, либо превращаешься в жаркое. А вы пилот, да?

— Нет, — ответила она, с беспокойством поглядывая назад. Где Брайс? Продолжает ли преследование? Уж скорее бы уехать. — Вы не могли бы отвезти меня в Брайтон? И там просто высадить где-нибудь?

— Вам нужно в больницу?

— Конечно, нужно. Больница — это было бы замечательно.

Куда угодно, подумала она, только бы подальше отсюда. Пусть даже за рулем сидит пьянчужка — сейчас ей было все равно.

101

Понедельник, 4 ноября

Сидя за рабочим столом в ОШ-1, Грейс слушал доносящийся из телефона голос инспектора Энди Килла.

— Сбили? — недоверчиво переспросил он. — Вертолет? Что, черт возьми, случилось, Энди?

— Пока не знаем, сэр. В данный момент на месте происшествия работают спасатели. Известно лишь то, что с вертолета успели заметить в инфракрасном режиме и передать изображение человека с арбалетом, находившегося до этого возле места крушения. «Серебряный» отправил туда вооруженное подразделение и группу поддержки.

— Что с экипажем?

— По имеющейся у меня информации вертолет взорвался. Не похоже, чтобы кто-то уцелел.

— В экипаже были трое?

— Да, сэр, трое.

— Один из них — полицейский?

— Верно, Рой.

— Боже! — Грейс сжал пальцы, ударил кулаком о кулак. Операция уже обошлась полиции в две жизни. Если бы он не отправился в свадебное путешествие, то, возможно, с Беллой ничего бы не случилось. Если бы не вернулся, то все, наверное, пошло бы по-другому, и с экипажем вертолета не случилось бы непоправимого.

Он положил трубку и уткнулся лицом в ладони.

— Что произошло? — спросил Гленн Бренсон.

— Ничего хорошего, — ответил Рой. Он снова взял трубку и набрал номер суперинтендента Джексона. — Я отправляюсь к месту аварии, хочу убедиться, что улики останутся нетронутыми. Теперь это место преступления. Можете дать точные координаты? И еще, скажите, там будет второй вертолет?

— Попытаюсь договориться, но, боюсь, мы можем рассчитывать только на один НПАС-15, — ответил Джексон. — Все заняты сейчас поиском Рэд Уэствуд, это дело первостепенной важности. Я организую блокпосты, и в моем распоряжении по меньшей мере десять машин по всему графству. Хочу перекрыть все выезды от Дайка на шоссе, и чтобы наши парни останавливали все транспортные средства, идущие с той стороны. Думаю взять в стальное кольцо весь город. «Серебряный» в данный момент именно этим и занимается.

Грейс согласился — решение представлялось ему правильным — и коротко рассказал о том, чем занимается его команда.

— Я мобилизую всех сотрудников полиции Брайтона и Хоува, домой сегодня никто не пойдет, — продолжал Джексон.

— Сейчас же передам приказ, — ответил Грейс и положил трубку.

— Я правильно понял? — спросил Гленн. — Вертолет?

— Да, ты понял правильно. Разбился на месте.

— Вот черт!

Через пару минут, игнорируя внутренний голос, напоминавший о рискованной манере вождения Гленна, Рой сидел на пассажирском сиденье «форда», держа в одной руке телефон и вцепившись другой в ремень безопасности.

От Суссекс-Хауса Брэнсон скатился по пандусу к въезду на автомагистраль, врубил сирену и мигалку, выскочил перед автобусом и, едва избежав столкновения со встречной машиной, погнал «форд» в гору.

— Какая есть информация, Рой? — спросил инспектор, беззаботно проскочив почти под колесами грузовика, имевшего все права преимущественного проезда. До него, похоже, никак не доходило, что сирена и мигалка не дают автоматически никаких дополнительных прав, что они не более чем просьба.

Грейс ответил не сразу. Затаив дыхание, он следил за тем, как «форд» скользнул по мокрой дороге и вписался в плотный поток вечернего движения на шоссе А27. Все это время «дворники» усиленно сражались с проливным дождем.

— Экипаж сообщил, что заметил двух человек. Один стоит, второй убегает. Похоже, что это Брайс Лорен и Рэд Уэствуд. По их словам, Брайс стрелял в нее.

Зазвонил телефон. Нажав на кнопку приема, Грейс услышал голос оперативного дежурного.

— Шеф, я только что прослушал запись с вертолета НПАС-15. Находившаяся на борту женщина-сержант утверждает, что человек внизу целится в них из какого-то оружия. Потом крик, что пилота застрелили. И обрыв связи.

— Господи! Как имя сержанта?

— Аманда Моррисон.

— Аманда Моррисон? Не знаю такой. Что с ней и остальными?

— Другой информации у меня пока нет. Когда выясню, немедленно вам сообщу.

— Мы будем на месте минут через пять. — Грейс еле удержался, чтобы не добавить «Если нам повезет», потому что ему пришлось спешно ухватиться за ручку. Брэнсон сделал резкий разворот на вершине холма, и в какой-то момент Рой решил, что их сейчас занесет. Он бросил на коллегу недовольный взгляд.

— Расслабься, старичок! — бросил Гленн, выворачивая руль то в одну, то в другую сторону.

Виляя хвостом, «форд» в нарушение всех законов физики умудрялся лететь по прямой по темной и узкой дороге к гольф-клубу «Дайк». Отсветы мигалки прыгали по живой изгороди. Они проехали мимо кемпинга, когда навстречу, слепя мощными фарами, вылетела какая-то машина.

Гленн дважды мигнул в ответ.

— Долбаный идиот! — выругался он.

В последний миг фары летевшего навстречу автомобиля погасли, и он промчался мимо. Грейс проводил его пристальным взглядом, желая убедиться, не белый ли это фургон. Но то был, похоже, здоровенный старый «ягуар». Далеко впереди уже виднелось красное зарево, как от фейерверка. В животе стянулся тугой клубок тревоги, и он молча взмолился, чтобы с экипажем все было в порядке, понимая в глубине души, что крушение вертолета редко обходится без жертв.

Опять зазвонил сотовый. Грейс ответил, и настроение тут же упало еще ниже. Звонил новый начальник, заместитель главного констебля Кэссиан Пью. Не самый приятный человек.

— Какого черта там происходит, Рой?

— Разделяю ваши чувства, сэр, — ответил он, копируя язвительный тон начальника.

102

Понедельник, 4 ноября

Рэд увидела приближающийся свет мигалки, но машина пролетела мимо.

— Хорошо сегодня сыграл, — сообщил водитель. — Сделал бёрди на восемнадцатой. Как вам это? И черт побери, почти сделал игла на двенадцатой. Попал в лунку, но чертов мячик выкатился. А вы играете в гольф?

Она покачала головой.

— Читали об этом ужасном происшествии в «Хейуордс-Хит» на прошлой неделе? Или на позапрошлой?

— Это был мой бойфренд, — ответила Рэд, не сводя глаз с приближающейся окружной дороги и уличных фонарей города, до которого оставалось всего несколько сот ярдов.

Она сомневалась, что водитель, смотревший больше на нее, чем на дорогу, заметил приближение города, но ощущала странное безразличие; доедут они благополучно или во что-то врежутся — какая разница? Окружающий мир казался нереальным, как будто она оказалась пассивным наблюдателем в кошмарном сне.

Водитель резко нажал на тормоз, и ее дернуло вперед, тут же вернув из раздумий в настоящий мир.

— Извините, не помню, чтоб этот знак здесь был. Вроде бы и не здесь. — Его лоб прочертила бороздка сомнения. — Вы играете в «Хейуордс-Хит»? — спросил он, неуверенно прокладывая путь по кольцевой.

Рэд обернулась и посмотрела назад. Дорога была пуста, их никто не преследовал.

— Я не играю в гольф, — ответила она, напряженно раздумывая, как поступить дальше. Отправиться в больницу, где она будет в безопасности? Или в полицейский участок на Джон-стрит? Но будет ли он открыт в такой поздний час?

Трудно сказать. Разве не писали недавно в газетах, что в полиции проходят сокращения и многие полицейские участки либо закрываются, либо сокращают часы работы?

Интересно, куда, по мнению Брайса, она может пойти в такой ситуации? Где он может подкарауливать ее?

По мере того как мысли начали проясняться, Рэд вдруг поняла, что ключей от квартиры у нее нет. Они остались в сумочке. Неужели Брайс отправится к ней на квартиру? Или, может, она успеет туда раньше и вызовет слесаря, который врежет новые замки?

Рэд жутко устала, но, как ни странно, не утратила бдительности. Если она обратится в больницу, то может провести несколько часов в приемной неотложной медицинской помощи. Но если подвыпивший спаситель высадит ее на Джон-стрит, возле полицейского участка, где с великой неохотой регистрируют любое происшествие и там в этот час будет закрыто, то что ей делать, не имея денег даже на такси, чтобы добраться до дома?

Можно было бы позвонить Робу Спиффорду, но она не помнила его номер. В ее телефоне он был в списке быстрого набора, а она так и не удосужилась его запомнить. *Черт!*

Они уже ехали по Дайк-роуд-авеню, одной из самых красивых улиц города.

— Я живу вон там! — сообщил водитель, сбрасывая газ, и указал на внушительных размеров особняк за коваными воротами. — Где желаете выйти?

Рэд на мгновение задумалась и поняла, что правильно было бы отправиться в полицейский участок, но в данный момент самым спокойным местом ей представлялась безопасная комната в собственной квартире. Именно туда ей и надо. Принять душ, переодеться в чистое белье и успокоиться.

Она заметила справа от себя огонек — айфон в зарядном гнезде.

— Можно мне на секунду воспользоваться этой штучкой?

— Для попавшей в беду дамы — все что угодно!

Рэд взяла в руки айфон, увидела, что в нем нет кода безопасности, быстро вошла в Гугл и вбила короткое предложение: «Слесари в Брайтоне».

Через пятнадцать минут она поблагодарила своего галантного, пусть и не совсем трезвого нового знакомого, «белого рыцаря», растроганно чмокнула его в щеку и вылезла из «ягуара», остановившегося вперед ее домом.

— Уверены, что все в порядке?

Рэд кивнула:

— Не представляю, что бы делала без вас. Огромное вам спасибо.

— Если надумаете когда-нибудь поиграть в гольф — я всегда к вашим услугам.

— Я запомню.

Водитель заговорщически подмигнул ей.

— Пора домой, к той, которой должно повиноваться.

Она стояла под дождем, настороженно поглядывая по сторонам, когда «ягуар» снялся с места и покатил по Уэстборн-Террас. Еще немного, и его огоньки растворились в ночи. Белого фургона видно не было. На часах без двух минут восемь. Рэд чувствовала себя неуютно — казалось, все обращают на нее внимание. По Кингсвей прогрохотал грузовик, следом за ним, шурша шинами по мокрому полотну, промчались несколько легковушек. За ними с ревом пролетел мотоциклист.

Лишь теперь она заметила, что ее трясет после всего пережитого — от стоящего перед глазами жуткого образа падающего, охваченного огнем вертолета, от пронзительного ледяного ветра, дующего со стороны Канала, до берега которого отсюда было лишь несколько сот ярдов. Сильно болела лодыжка, левая рука и щека. Взгляд метался по сторонам.

Мысли тоже метались. Думать, думать, думать.

Где сейчас Брайс?

Почему она не попросила своего спасителя довезти ее до дома Рэкел Ивенс? Почему не позвонила в полицию? Почему вернулась именно сюда?

Она знала причину. Потому что этот мерзавец сделал из нее жертву. Перепачканную грязью, покрытую ссадинами и заляпанную кровью жалкую жертву. Все это время она была в таком состоянии, потому что он сумел подчинить ее себе. Грязная, жалкая, измученная, загнанная жертва. Ей хотелось поскорее умыться, принять ванну, обработать раны, переодеться в чистое.

И быть готовой к схватке.

Я отплачу тебе, мерзкий ублюдок!

Где же, черт побери, этот специалист по замкам?

По Уэстборн-Террас ехала машина. Надежда всколыхнулась и тут же опала — это был «ниссан-микра», за рулем которого сидел пожилой мужчина. Женщина, ответившая на звонок с просьбой прислать слесаря для замены замков, сказала, что машина будет минут через пятнадцать. Значит, ждать надо еще минут пять.

Пожалуйста, приезжай поскорее!

Где-то вдалеке взвыла и тут же смолкла полицейская сирена. Рэд снова огляделась, настороженно всматриваясь в тени, уверенная, что засекла какое-то движение. Во рту пересохло. Дрожа от страха, она наблюдала за тенями, готовая в любую секунду пуститься в бегство.

А потом услышала звук приближающейся машины, выехавшей на Уэстборн-Террас со стороны набережной. Сначала Рэд испугалась, увидев, что это фургон, но через секунду успокоилась, заметив в верхней части лобового стекла надпись крупными буквами: «Круглосуточная замена замков!»

Она шагнула вперед, вскинув руки и привлекая к себе внимание. Машина остановилась рядом с ней. Стекло со стороны водительского сиденья опустилось, и в окно выглянул высокий и гибкий молодой человек с панковским ирокезом и пирсингом на нижней губе.

— Мисс Уэствуд? — спросил он и нахмурился, заметив ее необычный внешний вид. Внешний вид типичной жертвы. «Специалист по замкам» выглядел достаточно сильным и решительным, чтобы справиться с любыми проявлениями агрессии.

— Да, это я, — подтвердила Рэд, бросив боязливый взгляд на тень, в которой, как ей показалось, она заметила какое-то движение. Однако теперь, в свете фар, в тени ничего не было, кроме бокового входа в дом и мусорных баков возле него.

— Вы захлопнули дверь? — уточнил слесарь с ирокезом.

— Да, да, но мне еще нужно срочно врезать новые замки. Женщина, которой я звонила, сказала, что вы занимаетесь и этим, верно?

— Да, я смогу врезать новые замки, но мне нужно подтверждение того, что это ваша квартира, ваша собственность.

— У меня в квартире лежат вещи, я назову вам их, и вы убедитесь, что это мой дом.

— Я не могу сделать этого, сначала мне нужно видеть подтверждение. У вас есть с собой какие-нибудь документы?

— Нет.

— Дело в том, что мне запрещено открывать двери без согласия владельца квартиры, — пояснил слесарь, настороженно глядя на нее.

— Меня похитили… мой бывший. Он забрал мою сумочку, в ней было все, ключи, документы. Мне нужно сменить замки прежде, чем он… он… — Ее глаза наполнились слезами. — Умоляю вас, помогите мне!

Глядя на него сквозь слезы, Рэд видела, что юноша колеблется.

— Дело в том, что мне нужно знать, действительно ли это ваша собственность, леди. Я не могу нарушить запрет, иначе лишусь работы.

— Прошу вас… Вы ведь, наверное, постоянно сталкиваетесь с чем-то подобным… Не могу поверить, что все, у кого захлопывалась дверь, имели при себе документы, ведь так?

Она отвернулась, смахнула слезы и настороженно огляделась по сторонам. Снова посмотрела туда, где ей только что почудилась опасность в тени. Улица была пуста.

— Пожалуйста, помогите мне, умоляю вас!

— Кто-нибудь из соседей может удостоверить вашу личность? — спросил слесарь уже более дружелюбным тоном.

Рэд отрицательно покачала головой.

— Понимаете… я живу здесь недавно… — Она замешкалась, не зная, стоит ли рассказывать все незнакомому человеку. Похоже, выбора не оставалось. — Понимаете, тут такое дело… Меня преследует мой бывший. Эта квартира принадлежит полиции… специальное безопасное место. Мне ее предоставил «Проект „Убежище“».

— Ну хорошо, мы можем тогда позвонить в полицию, чтобы они сюда приехали?

— У меня нет телефона. Он похитил меня, но мне удалось сбежать от него. — Рэд умоляюще вскинула руки. — Посмотрите на меня, посмотрите, в каком я состоянии. Я совсем недавно сбежала от него… бежала по полям возле Дайка. Он сбил полицейский вертолет. Меня довез до города какой-то незнакомый, случайный человек. В полиции за мной присматривает констебль Спофферд, он из того полицейского участка, что на Джон-стрит.

— Похоже, вы сильно замерзли, — смягчился слесарь. — Я вам вот что скажу, залезайте в машину, и я сам позвоню вашему полицейскому.

Она залезла в машину, в тепло салона. Внутри сильно пахло табачным дымом. Закрывая за собой дверь, Рэд спросила:

— Как вас зовут?

— Мел Оксли, — ответил слесарь.

— У вас, случайно, не найдется сигаретки, Мел?

— Откуда вы знаете, что я курю?

— От вас пахнет табаком.

— Вообще-то у меня только самокрутки, — довольно ухмыльнулся Мел Оксли.

— Сгодится и самокрутка.

Он достал телефон и протянул его ей.

— Вы помните телефон констебля Стаффорда?

— Спофферда, — поправила его Рэд. — Просто наберите номер 999 и попросите связаться с полицией. Мне говорили, что нужно именно так поступать в экстремальных ситуациях.

Мел Оксли набрал номер и вставил телефон в держатель на приборной доске. Через пару секунд ответил оператор.

— Служба экстренной помощи. С каким учреждением вас соединить? — прозвучал женский голос в режиме громкой связи.

— С полицией, — сказал слесарь и, сунув руку в карман, извлек кисет с табаком и пачку сигаретной бумаги «рицла».

— Полиция Суссекса, — ответил строгий мужской голос. — Могу я узнать ваше имя и телефонный номер?

— У меня клиентка… леди попала в беду, и ей нужно срочно поговорить с констеблем… э-э-э… Стенфордом.

— Споффордом! — поправила его Рэд.

— Извините… с констеблем Спофффордом.

— Могу я узнать имя леди?

— Меня зовут Рэд Уэствуд, — ответила, подавшись вперед, Рэд.

Возникла короткая пауза. Она услышала клацанье компьютерной клавиатуры, затем голос оператора, на этот раз изменившего тональность.

— Я попытаюсь дозвониться до него, мисс Уэствуд. Мы искали вас… с вами все в порядке? Вам сейчас ничто не угрожает?

— Да, — коротко ответила она и снова заплакала.

— Можете назвать мне ваше местонахождение?

— Я нахожусь перед своей квартирой. — Рэд назвала свой адрес. — Меня похитили, насильно увезли из дома, но мне удалось сбежать. Сейчас я не могу попасть к себе, потому что у меня нет ключей.

— Я попытаюсь связаться с констеблем Спофффордом. Через несколько минут к вам приедет наша машина. Вы действительно сейчас в безопасности?

Она посмотрела на слесаря с ирокезом, который в данный момент насыпал табак на листок коричневой папиросной бумаги.

— Да, спасибо, я в безопасности, — ответила она, нервно вглядываясь вперед через ветровое стекло.

— Мы можем связаться с вами по этому телефонному номеру? — Голос прозвучал любезно, но от этой формальной любезности Рэд снова заплакала.

— Да, — ответила она и шмыгнула носом.

— Если хотите, я могу оставаться на линии до приезда нашей машины.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Спасибо большое. Сейчас я сижу в автофургоне с сотрудником фирмы… — Она вопросительно посмотрела на Мела Оксли.

— «Круглосуточная замена замков», — громко произнес тот. — Мы находимся на Уэстборн-Террас, севернее Кингсвея.

Большими грубыми пальцами он ловко соорудил самокрутку, лизнул, склеивая, край и протянул тонкую, немного помятую, но хорошо сформированную трубочку.

— Вы навлечете на меня неприятности за курение на рабочем месте, — усмехнулся он и щелкнул пластмассовой зажигалкой.

Рэд с удовольствием затянулась ароматным дымом и заметила, что возле фургона остановилась полицейская машина без опознавательных знаков. Ей тут же полегчало.

Она открыла дверцу и вышла. Из соседней машины выбрались двое полицейских: женщина крепкого телосложения, лет тридцати, с каштановыми кудрявыми волосами и приветливым лицом и мужчина примерно сорока лет, высокий и худощавый, с фонариком в руке.

— Мисс Уэствуд? — спросила женщина, дружелюбно улыбнувшись.

Рэд кивнула.

— Мы — констебль Холидей и констебль Робертс. Работаем вместе со Спофффордом и поэтому все о вас знаем. Похоже, вы пострадали. Вам нужно в больницу?

— Со мной все в порядке, — повторила Рэд, тыльной стороной ладони смахивая со щек слезы. Потом, помня, что в левой руке дымится самокрутка, прижала руку к глазам, чтобы перестали щипать.

— Вы действительно были возле Дайка?

Рэд кивнула.

— Мы можем доставить вас в больницу.

— Нет, со мной действительно все в порядке. Я… я наткнулась на ограду из колючей проволоки и немного порезалась. Хочу попасть в свою квартиру, помыться и привести себя в порядок. Что случилось с… с вертолетом? Я видела его… видела, как он загорелся.

Полицейские быстро обменялись взглядами.

— У нас пока нет информации, — ответил Робертс. — Мы были в пути, когда нам позвонили и приказали ехать сюда.

— Спасибо вам.

— Вы были с Брайсом Лореном?

Она кивнула.

— Днем поехала навстречу с перспективным клиентом, хотела показать ему дом, а потом… Когда пришла в себя, поняла, что связана и лежу в фургоне, а за рулем Брайс. Мы заехали на какую-то стоянку… не знаю, как долго мы там пробыли. Потом оказались в Дайке. Мне удалось бежать. Он стрелял в меня… кажется, из арбалета. Потом мне посчастливилось выйти на дорогу и сесть в попутную машину. Водитель любезно довез сюда.

— Почему вы нам не позвонили?

Рэд снова заплакала.

— Я… я не знаю. Я… мне просто хотелось поскорее добраться до дома. У меня не было ни денег, ни телефона. Я была напугана, плохо соображала. Но поняла, что у меня нет ключей, вообще ничего нет. — С этим словами она указала на фургон. — А он не хотел открывать дверь, потому что у меня нет документов.

— Хорошо, мы поговорим с ним, — сказала констебль Холидей. — Но нам действительно нужно отвести вас в отделение для жертв домашнего насилия, там вам будет удобно. Вас осмотрит врач, а потом вы сможете описать все, что с вами случилось.

— Знаю, но сейчас я никуда не пойду. Хочу вернуться в мою квартиру.

И она снова разрыдалась.

Через две минуты все четверо подошли к двери подъезда. Слесарь нес с собой ящичек с инструментами.

103

Понедельник, 4 ноября

Рой Грейс связался с Кэссианом Пью по рации:

— Направляюсь к пункту сбора машин техпомощи. Потом подойду к месту крушения, где уже устроен передовой контрольный пункт. Делом занимается регулярная полиция, я же буду там только в роли старшего следователя и не больше. В данный момент моя команда всецело занята поисками мисс Уэствуд и Брайса Лорена.

Впереди, слева, посредине фермерского участка, растянувшегося на милю к югу, до брайтонского спального района Хэнглтон, он уже видел красное зарево пожара. Еще дальше, сквозь пелену дождя пробивались огни далекого города.

Грейс посмотрел на телефон, пытаясь прочитать полученное текстовое сообщение с указаниями пути к месту происшествия, но машину трясло на неровном проселке, и разобрать что-либо было нелегко.

— По-моему, надо взять влево от того места, где дорога поворачивает вправо, в сторону Дайка, — сказал он Гленну Брэнсону.

— Понял. Вроде бы здесь, — ответил тот, когда свет фар выхватил из темноты дорожный указатель и уходящий влево проселок. — Ферма Дайк-Грейдж.

Он резко крутанул руль, и они понеслись вниз по крутому, ухабистому склону, заворачивая — слишком быстро — к дворовым постройкам.

Автомобиль тряхнуло, и Грейс почувствовал, что задние колеса потеряли сцепление и их занесло влево. Гленн вцепился в руль. Машину швырнуло вправо, и телефон вылетел из руки Грейса.

Он уже не сомневался, что они сейчас перевернутся, однако в самый последний момент машину бросило в противоположную сторону, и они удержались на прямой.

— Извини, — произнес Гленн. — Немного помотало.

Грейс наклонился, чтобы поднять с пола упавший телефон, и тут машина подпрыгнула, и он ударился головой о приборную доску.

— Думаю, мы могли бы ехать помедленнее, Льюис! — проворчал он.

— Видишь ли, мы с Гамильтоном хороши на мокрой трассе. [10]Напугал?

— Не больше, чем обычно.

Острая, едкая вонь от горящей пластмассы и краски ощущалась все сильнее. Грейс знал этот запах — так пахло от сожженных автомобилей.

— Главное — держать равновесие. Базовая физика, да?

— Вообще-то я думал, что главное — добраться до места назначения живым, — ответил Грейс и, увидев появившиеся в свете фар полицейские и пожарные машины, погрузился в угрюмое молчание.

Судя по всему, это и был пункт сбора. В почти призрачном багровом свете догоравших обломков вертолета двое полицейских в светоотражающих куртках натягивали оградительную ленту. Чуть дальше пятеро пожарных поливали из шлангов груду железа.

Едва они остановились у пожарного оборудования, как на дороге появился еще один автомобиль. Выйдя из машины, Грейс и Брэнсон сразу ощутили идущий от места крушения жар. Их приветствовал инспектор Рой Эппс — тоже в светоотражающей куртке и полицейской фуражке. Отсветы пламени придавали его чертам слегка демоническое выражение. Опытный полицейский, Эппс в настоящее момент исполнял обязанности дежурного инспектора Брайтона и Хоува и проходил под позывным Гольф-99. Крепкий и жилистый в свои пятьдесят с небольшим, он до перехода на службу в суссекскую полицию работал егерем и сейчас прекрасно вписывался в сельский пейзаж.

— Привет, Рой, что нового? — спросил Грейс. Вонь от горящего пластика усилилась, к ней теперь добавился неприятный запах сгоревшего авиационного топлива. Волна жара обжигала лицо.

Обычно жизнерадостный и добродушный, спокойно воспринимающий жизненные невзгоды, инспектор выглядел поникшим и печальным.

— Скверные новости, шеф. Вертолет НПАС-15 разбился и, судя по всему, живых здесь уже не найти. Насколько мне известно, на борту было три человека. Пилот, сержант полиции Аманда Моррисон и санитар. Стандартный комплект. Мы полагаем, что они все еще в вертолете, но удостовериться невозможно — слишком уж сильный огонь. Сюда выехала

группа специалистов по расследованию авиакатастроф, но точного времени их прибытия я не знаю.

Грейс бросил взгляд на полыхающую махину и стиснул зубы, сдерживая рвотный позыв. Он пытался не думать о трех заживо сгоревших людях, но память не позволяла забыть, что сегодня, в расследовании, которое велось под его руководством, погибли двое полицейских.

И тут за спиной раздался гнусавый голос Кэссиана Пью:

— Это ужасно, Рой!

Грейс обернулся и увидел новоявленного заместителя главного констебля, прибывшего к месту происшествия в полной парадной форме и фуражке с кокардой и галуном.

— Сегодня это уже вторая трагедия в городе, — сказал он.

В следующую секунду рядом с ним возникла невесть откуда взявшаяся светловолосая молодая женщина с блокнотом наготове.

— Я — Эми Джи из «Аргуса», — представилась она. — А вы, сэр, новый заместитель главного констебля?

— Да.

— Вы что-то хотите сказать жителям Брайтона и Хоува о сегодняшней кошмарной трагедии?

— Здесь небезопасно. Нам будет что сказать, но в данный момент вы должны отойти на безопасное расстояние.

Журналистка повернулась к Грейсу:

— Насколько я понимаю, суперинтендент, сержант Белла Мой, которая погибла при пожаре дома на Марина-Пэрейд сегодня утром, состояла в вашей группе, занимающейся расследованием в рамках операции «Муравьед»?

— Да, — коротко ответил Грейс, постаравшись, чтобы ответ не прозвучал слишком грубо.

— И теперь еще крушение полицейского вертолета, задействованного в той же операции. Из неподтвержденных источников следует, что при этом погибла сержант полиции.

— В данный момент я не обладаю достаточной информацией и не могу дать комментарий, — ответил суперинтендент. — Завтра утром проведу брифинг для журналистов. А сейчас вам нужно уйти отсюда.

— Позвольте спросить, к какому именно из городских пожаров имеет отношение поджигатель?

— Надеюсь, что я могу поделиться этой информацией завтра. Извините, не хочу показаться грубым, но сейчас вас отсюда проводят.

Обернувшись, он увидел еще несколько машин, в том числе микроавтобус городского телевидения и фургон «Радио Суссекс».

— Ограждение уже установили? — спросил он у Роя Эппса.

— Будет готово через несколько минут.

— Его нужно установить прямо сейчас! Я хочу, что никого из этих чертовых журналистов здесь не было! Это же место преступления, черт побери!

— Есть, сэр. Сейчас же установим. Я их потороплю.

— Свидетели у нас есть?

— Есть. Местный фермер. — С этими словами Эппс указал на человека, разговаривавшего по мобильному телефону. — Сейчас он закончит разговор и подойдет к нам.

Грейс ткнул пальцем в сторону спешащих к месту трагедии автомобилей:

— Держите их на безопасном расстоянии.

— Будет сделано.

Грейс нырнул под ленту ограждения и тут же увидел Тони Маккорда, главу пожарного департамента, направляющегося к нему с озабоченным видом. Флегматичного, спокойного Тони было нелегко вывести из душевного равновесия. При этом он имел внешность кинозвезды. Грейс несколько раз встречался с ним по предыдущим делам и всегда считал, что если бы работал на киностудии и отвечал за подбор актеров, то на роли киногероев обязательно выбирал бы Маккорда.

— Добрый вечер, Рой!

— Не слишком-то хороший, да, Тони?

— Не слишком. Сейчас подъедут еще несколько пожарных расчетов, но… — Маккорд выразительно пожал плечами.

— Рой! — позвал Грейса инспектор Эппс. — Здесь Эдди Нейлор, фермер.

Грейс обернулся:

— Хорошо.

Он снова нырнул под ограждение и подошел к высокому седому мужчине в твидовой кепке и потрепанной куртке поверх плотного свитера и полукомбинезона. На ногах у него были грубые рабочие ботинки.

Эппс представил их друг другу.

— Мистер Нейлор — детектив-суперинтендент Грейс, старший следователь.

Грейс пожал большую и сильную руку фермера:

— Добрый вечер, сэр. Извините за беспокойство.

— Не надо извиняться, — отозвался Нейлор неожиданно густым, аристократическим басом, не вполне вязавшимся с его костюмом. — Жуткое дело.

— Вы видели что-нибудь сегодня вечером? Можете рассказать?

— Конечно. Вон те домики, видите их? — Фермер указал на постройки вдалеке.

— Да, вижу.

— Я около двух лет сдаю их одному странному человеку. Его имя Пол Райли.

— Пол Райли? — мгновенно оживился Грейс. Пол Райли был одним из псевдонимов, которыми пользовался Брайс Лорен.

— Да.

— Может описать его внешность?

— По правде говоря, давно его не видел. Он каждые три месяца исправно опускает в мой почтовый ящик конверт с деньгами, всегда за несколько дней до оговоренной даты. Довольно высокий, короткие темные волосы. Возраст — ближе к сорока… сорок с небольшим. Хорошо одевается, скорее городской житель, чем деревенский.

— С какой целью он снимает ваши помещения?

— Говорил, что занимается бизнесом — делает на заказ фейерверки. Ему нужно какое-то уединенное место, где он мог бы проводить свои опыты, никого не беспокоя. Он и не беспокоил, если не считать редких хлопков время от времени да странных огненных шаров, который видно из нашего дома.

— Как он платил вам?

Фермер замешкался с ответом, потом смущенно улыбнулся:

— Наличными. Иногда бывает полезно иметь немного наличных денег под рукой. Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Грейс уловил нервозность в его словах.

— Не беспокойтесь, я не в налоговой службе работаю. Меня интересует, как найти этого человека. Вы знаете, на какой машине он ездит?

— Чаще всего я видел его за рулем старого «лендровера». Но сегодня вечером он был на белом фургоне. Я вышел в поле пострелять кроликов и услышал шум вертолета, а затем грохот взрыва. Это было через несколько минут после того, как белый фургон на большей скорости выскочил на дорогу.

— Вы определили марку машины?

— Уверен, что это был «рено». Когда-то и у меня был такой же. У него характерная форма капота. Не знаю почему, но меня что-то насторожило, и я даже попытался запомнить автомобильный номер. Хотел записать, да в моей ручке закончились чернила. Я забежал в дом, повторяя номер, но, честно говоря, запомнил всего-то две цифры и две буквы.

— Какие?

Фермер покопался в кармане куртки и вытащил смятый листок бумаги и фонарик. Включив его, он посветил на бумажку и протянул ее Грейсу.

— Четыре-Семь-Чарли-Папа, — прочитал вслух Рой. — Остальные не запомнили?

— Третья вроде бы была «н». Но я не готов утверждать это под присягой.

— Не Си-Пи-Эн — Чарли-Папа-Ноябрь? — Грейс знал, что это буквосочетание было распространенным брайтонским автомобильным номером.

— Вполне возможно, суперинтендент. Но я бы солгал, если бы сказал, что номер был точно такой. Он проехал мимо очень быстро, и было трудно разглядеть номер в темноте, да еще и в дождь.

— Да, конечно. Вы, случайно, не можете вспомнить точное время, когда вы видели этот белый фургон?

Эдди Нейлор задумался, потом подтянул рукав и посмотрел на часы:

— Примерно полчаса назад. Без двадцати восемь, если не ошибаюсь.

— Вы в этом уверены?

— Плюс-минус пять минут.

— Вы успели разглядеть того, кто сидел за рулем? Уверены, что это был Пол Райли?

— Не рискну утверждать наверняка. Было слишком темно.

— В машине вместе с ним был еще кто-то?

— Не могу сказать. Нет, рядом с ним я никого не заметил, но было слишком темно. А вы можете сказать, что случилось? Известно, почему разбился вертолет?

— Нет, сэр. Сейчас ничего сказать не могу.

— Я слышал, на борту находилось три человека.

— Боюсь, что так и было, но больше ничего не скажу. Не имею права.

— Опасная штука эти вертолеты. Один мой знакомый несколько лет назад погиб при крушении вертолета. Разбился примерно в такой же ситуации.

Грейс поблагодарил его и повернулся к Гленну:

— Опроси всех, кого найдешь поблизости, узнай, видел ли кто-нибудь белый «рено» и постарайся выяснить, может быть, кто-то запомнил номер. Уточни приметы водителя и пассажиров, если они были. Потом приходи сюда. Встретимся у машины.

Брэнсон ушел, как будто растворившись в пелене дождя, а Грей набрал номер ОШ-1.

Ответил сержант Экстон.

— Джон, отлично, как раз ты мне и нужен. Надо узнать все, что только можно о маленьких фургонах «рено». Сколько разных моделей продается в Соединенном Королевстве. И приготовь список всех, у кого в номерах есть такие цифры и буквы: 47 ЧП.

— Будет сделано, сэр. Вот только узнать точное количество проданных машин в стране и в Суссексе в частности я смогу лишь утром. Позвоню, постараюсь выяснить кое-что в Агентстве выдачи автомобильных прав и номеров. Им такого рода информацию получить легче. Попрошу подготовить сведения о различных марках нужных фургонов.

— Молодец. — Рой подошел к машине, забрался в нее и захлопнул дверцу.

Какое-то время он сидел неподвижно, производя в уме нехитрые расчеты. Далеко ли можно уехать на машине за сорок минут? Допустим, при средней скорости пятьдесят миль в час? Выдать сорок пять миль несложно, а это уже другое графство. Если в машине действительно был Брайс Лорен, то куда он мог направиться? Неужели ударился в бега?

Нет, вряд ли. Он будет искать Рэд Уэствуд. Может быть, уже подкарауливает ее где-нибудь в Брайтоне. А не устроил ли западню в ее квартире? Но сейчас, пожалуй, важнее другое. Где сама Рэд Уэствуд? С борта вертолета успели сообщить, что какой-то человек на земле стрелял в другого. Мог Брайс Лорен стрелять в убегающую Рэд Уэствуд? Если он не попал в нее, значит ли это, что он позволил ей скрыться? Нет. Ни за что он этого не допустит.

Но удалось ли ей убежать? Если да, то передвигаться ей пришлось пешком и в темноте.

Зазвонил сотовый.

— Рой Грейс.

— Сэр, это констебль Спофford. Я разговаривал с людьми из нашей команды районной полиции, которые только что пообщались с Рэд Уэствуд. Судя по всему, днем мисс Уэствуд похитил Брайс Лорен, который отвез ее на какую-то ферму неподалеку от Девилз-Дайк. Ей удалось сбежать, и теперь она вернулась к себе домой. С ней двое полицейских и слесарь, который в данный момент меняет замки в ее квартире. Эмоциональное состояние не самое лучшее, но серьезных ранений или травм у нее нет.

— Слава богу, что она жива и здорова. — Грейс поблагодарил Спофforda, затем позвонил «серебряный» командир и передал ему последнюю информацию:

— До особого распоряжения установлю круглосуточную скрытую охрану. Полиция ни на секунду не оставит ее без присмотра. Мы не можем заставить ее покинуть квартиру, но я сделаю все, что в наших силах, для обеспечения ее безопасности.

— Да, спасибо. — Закончив разговор, Грейс тут же позвонил Энди Киллу: — Мы разыскиваем маленький белый автофургон, скорее всего «рено», со следующими цифрами номера: Четыре-Семь-Чарли-Папа. Необходимо срочно его найти. Около полудня он находился предположительно в районе Тонгдин-роуд и недавно был замечен недалеко от Девилз-Дайк. Во всяком случае, его видели там сорок пять минут назад. Я хочу, чтобы этот автомобильный номер пробили по базе автоматического распознавания номеров. И еще нужно просмотреть записи дорожных видеокамер на отрезке между этими двумя пунктами. И пропустите по национальной базе данных.

— Четыре-Семь-Чарли-Папа? — невозмутимо повторил Килл.

— Да, да.

— В моем распоряжении сейчас всего три патрульные команды, сэр. Я посмотрю, то еще можно сделать. В Брайтон сейчас направляются команды из других графств.

— Для нас это приоритетная задача, Энди.

Грейс закончил разговор и сразу же вызвал ОШ-1.

Ответил Норман Поттинг.

— Норман, рядом с тобой, случайно, нет Хейдна Келли?

— Нет, шеф, — мрачно ответил тот. — Он поехал домой.

— Тебе тоже следует отправиться домой, Норман.

— Я еще побуду на службе, сэр, если вы не возражаете.

— Конечно, конечно. Я не возражаю. Хорошо. Мне нужно, чтобы ты связался с Хейдном и попросил его срочно выехать сюда, к ферме Дайк. Для него есть неотложная работа.

— Предоставьте это мне, сэр, — сказал Поттинг.

В окно постучали. Грейс поднял голову и, увидев Кэссиана Пью, опустил стекло.

— Укрываемся от дождя, а, Рой? Вам что, больше нечем заняться?

104

Понедельник, 4 ноября

Слесарь работал с двумя замками поочередно, используя длинный тонкий инструмент, напоминающий веретено и заканчивающийся чем-то вроде маленького квадратного зубца. Рэд Уэствуд и двое полицейских стояли рядом, наблюдая за работой Мела Оксли, время от времени прикладывавшего ухо к двери и прислушивавшегося.

Минуты через две он распахнул дверь.

— Я думала, эти замки должны защищать квартиру от взлома, разве не так? — спросила Рэд, входя в прихожую и включая свет.

— Есть такие замки, — улыбнулся Мел. — Их постоянно изобретают. Особенно в автомобильной промышленности. Стоит вам случайно захлопнуть дверцу, оставив ключ внутри, и единственный способ открыть ее снова — это получить новый ключ в автосалоне, где вы купили свою тачку. Но вскрыть квартирный замок чаще всего не составляет труда — к радости тех, кто оказался снаружи без ключа.

— Замечательно. Но как же мне обезопасить мое жилище?

— Каждый раз, когда приходите домой, закрывайте дверь на предохранительную цепочку, — посоветовал Мел. — Это очень важно. В таком случае к вам никто не сможет проникнуть без болтореза. С цепочкой вы можете спать спокойно.

— Но ведь я не смогу остановить того, кто решил любой ценой проникнуть в квартиру, когда меня нет дома?

— Вы сможете затруднить работу ворам настолько, что проникнуть к вам сумеет только профессионал. И профессионала вам никак не остановить, такое никому еще не удавалось.

Рэд вспомнила слова частного детектива, которого мать нанимала для слежки за Брайсом. Когда-то Брайс — правда, недолго — занимался установкой систем сигнализации. Кроме того, одним из его любимых фокусов было открывание замков.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Я запомню ваши советы.

— Сейчас на дверях вашей квартиры стоят два качественных замка. Лучше не найдете. Я только заменю личинки.

— Мы осмотрим квартиру, — предложила констебль Сьюзи Холидей. — Проверим, все ли в порядке.

— Да, конечно. Спасибо.

Полицейские прошли по коридору. Из включенных на прием раций донеслись обрывки переговоров.

«Чарли-Ромео-Четыре», услышала Рэд и тут же: «Поступило сообщение о подозрительном мужчине у Трафальгар-Гейт».

Рэд только сейчас начала осознавать, насколько серьезна ее потеря. Она лишилась сумочки и кошелька. У нее не было кредитных карточек, и тем самым она лишилась возможности получить наличные. Придется ждать утра, когда откроются банки.

— Извините, — сказала она слесарю. — Я не могу расплатиться с вами прямо сейчас.

Она вдруг заметила, что по-прежнему держит в руке потухшую самокрутку.

— Ничего страшного, — улыбнулся Мел Оксли. — Теперь я знаю, где вы живете. — Он дал ей прикурить. — Пришлю вам квитанцию и комплект запасных ключей.

— Я очень вам благодарна за вашу помощь.

— В любое время к вашим услугам, — усмехнулся слесарь. — Всегда готов помогать, как курильщик курильщику!

Она выпустила его из квартиры и закрыла за ним дверь. Прошла в гостиную и, снова услышав голоса, доносившиеся из безопасной комнаты, направилась туда. Это было крохотное помещение, места в котором хватало лишь для простого деревянного стола и стула. За жалюзийной дверью помещался туалет с крохотной раковиной. Раньше это была вторая спальня. На окне и двери стояли противодымные и противопожарные уплотнители. На столе лежал мобильный телефон с забитыми в быстрый набор номерами констебля Споффорда и 999.

Сьюзи Холидей провела пальцами по краю стальной двери толщиной шесть дюймов — как банковский сейф. Дверь имела внутри ручку-штурвал. Снаружи никакой ручки не было.

— Здесь вам не будет ничего угрожать, — сказала она.

— Да, — согласилась Рэд.

— А что, если вы потеряете здесь сознание? — спросил Робертс. — Как тогда врачам скорой помощи добраться до вас?

— Я думаю, что в этом и заключается смысл, — ответила Рэд. — Когда я закроюсь в этой комнатке, сюда больше никто не войдет. Стекло в окне закаленное, армированное, а само окно наглухо запечатано. На карнизе над окном имеется замок. — Она показала. — В самом худшем случае, если я потеряю сознание, пожарные смогут проникнуть через это окно.

Сьюзи Холидей посмотрела в окно:

— А что внизу?

— Переулок. Там гаражи и контейнеры для мусора.

— Вы знаете, где в данный момент может быть Брайс Лорен? — спросила Сьюзи.

— Последний раз я видела его полтора часа назад, может быть, больше. Он стрелял в меня из арбалета. Я не могу сказать, где он сейчас.

— Мне кажется, что было бы лучше, если бы отправились с нами в полицейский участок, там за вами есть кому присмотреть.

— Я и так потеряла целый день. У меня новая работа в агентстве по недвижимости и куча незаконченных дел. Здесь я чувствую себя в полной безопасности. Если мне что-то покажется подозрительным, я закроюсь в этой комнате и позвоню вам. — К глазам подступили слезы. — Я никуда отсюда не пойду. Прошу вас, не заставляйте меня.

— Хорошо. Не волнуйтесь. Мы не имеем права заставлять вас, — мягко успокоила ее Сьюзи Холидей. — Но мы можем хотя бы забрать вашу одежду для судебно-медицинской экспертизы?

— Да, конечно. Сейчас я переоденусь.

Она вышла в соседнюю комнату и через пять минут вернулась в домашнем халате и с пакетами для полицейских, в которые разложила свою одежду.

— Мы сегодня задержимся попозже, — сказала Сьюзи. — До полуночи. И до утра возле вашего дома будет стоять полицейская машина. Если что-то вызовет у вас подозрения,

звоните по номеру 999. Все что угодно, даже если это покажется вам ничтожной мелочью. Мы хотим, чтобы вы были в полной безопасности, понимаете? Наши сотрудники в данный момент едут к вашему дому.

Рэд кивнула, чувствуя, что вот-вот расплачется — какие же добросердечные люди!

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Чарли-Ромео-Ноль-Два? — раздался чей-то голос в рации Сьюзи Холидей.

— Да, это Чарли-Ромео-Ноль-Два, — повторила она, наклонив голову.

— Чарли-Ромео-Ноль-Два, в кафе «Биг-Бич» на Хоув-Лагун сработала сигнализация. Двое пытались проникнуть в помещение. Вы свободны? Можете подъехать туда?

— Нет, — ответила Сьюзи и объяснила, чем они заняты в данный момент. Затем повернулась к Рэд: — Мы будем поблизости весь вечер и убедимся, чтобы они предупредили о вас наших сменщиков. Если что — мы на улице.

Рэд еще раз поблагодарила полицейских. Потом закрыла дверь на замок, задвинула задвижки, накинула цепочку и, пройдя в кухню, достала из холодильника бутылку белого вина «Альбарино», налила большой бокал и забрала с сушилки пепельницу. В гостиной она села на диван, сделала большой глоток вина и закурила самокрутку, свернутую любезным слесарем. Спустя какое-то время выглянула в окно на темную улицу. В нескольких окнах дома напротив горел свет. Рэд взяла со столика пульт дистанционного управления.

Рука дрожала, причем так сильно, что ей не удалось нажать на зеленую кнопку включения телевизора. Она отложила пульт, затянулась сигаретой и допила содержимое бокала. Потом встала, сходила на кухню, снова налила себе вина и с бутылкой в руке вернулась в гостиную.

Вино помогло немного успокоиться. Она выпила еще и набрала телефонный номер матери. Теперь рука дрожала уже не так сильно. К счастью, мать ответила сразу после второго гудка.

— Дорогая, с тобой все в порядке? — озабоченно спросила она.

— Да, я дома. Все хорошо. Я в безопасности. Полиция возле дома. Как там вы с папой?

— У нас тоже все в порядке. Мы только что слушали новости. Возле Брайтона разбился вертолет, предполагается, что погибли три человека. Офицер полиции, очень любезный человек, который приставлен охранять нас, сказал, что это происшествие как-то связано с тобой. Мы с твоим отцом тревожимся за тебя, чуть с ума не сошли от беспокойства.

— Повторяю, со мной все в порядке, я вне опасности. Боже, где вы? Алло! Куда ты пропала?

Голос матери прозвучал как-то неуверенно, и она вдруг понизила его до шепота.

— Понимаешь, дело в том, дорогая, что нам не разрешают ничего никому говорить. Нас переселили из отеля в другое место, но я не могу сказать тебе в какое, потому что полицейские опасаются, что Брайс может нас подслушивать. Но с тобой-то как? Все в порядке? Тебе точно сейчас ничто не угрожает?

— Сейчас ничто не угрожает. Меня охраняет полиция. Они находятся возле дома. Я в безопасности.

— Пожалуйста, почаще звони нам, дорогая. Звони каждый час до того, как ляжешь спать. Договорились?

Рэд пообещала звонить, закончила разговор и набрала номер Рэкел Ивенс. И тут же услышала ответ голосовой почты:

— Привет, это Рэкел. Извините, что не могу ответить вам прямо сейчас. Оставьте ваше сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу.

— Привет, Рэкел, — произнесла Рэд. — Позвони мне, как только услышишь это сообщение, если будет не слишком поздно.

Она налила еще вина и достала сигарету из пачки «Силк кат». Вкус показался ей слабым после крепкого табака самокрутки. Она загасила сигарету, взяла бокал и перешла в ванную. Включила душ, подождала, когда вода станет горячей. Полицейские просили ее не мыться, чтобы не смыть с тела возможные улики, но она отказалась, чувствуя себя ужасно грязной.

Рэд вошла в ванну и, хотя порезы на теле саднили, довольно долго оставалась под струями горячей воды. Душ и вино помогли расслабиться. Но уже через несколько секунд к ней снова вернулся страх.

В воображении всплыли кадры из хичкоковского «Психо». Нож, вспарывающий пластиковую шторку душевой.

Что, если Брайс каким-то образом пробрался в ее квартиру? Она могла не услышать этого за шумом включенного душа.

Рэд вышла из ванной и, дрожа от холода и страха, осторожно вытерлась полотенцем. Смазала антисептиком самые скверные, по ее мнению, порезы и ссадины, надела банный халат и прошлепала по коридору мимо комнаты безопасности к входной двери. Похоже, с ней все так, как и было недавно, когда она закрывала ее. Цепочка на месте. Рэд выглянула в глазок, но увидела лишь пустую, слабо освещенную лестничную площадку.

И тут вдруг зазвонил телефон. Она поспешила в гостиную. На дисплее высветился номер Рэкел. Рэд торопливо схватила трубку:

— Привет!

— Рэд, с тобой все в порядке?

— Бывало и лучше.

— Что происходит? Мы с Полом так за тебя тревожимся.

— Честно говоря, немного дерьмовый день. Как у тебя дела?

— Нам сказали, что приставят полицейскую охрану, потому что Брайс угрожает всем твоим знакомым. Я пошла покупать в ресторане карри навынос, и полицейский в машине отправился за мной следом. Ты не хочешь приехать сюда и пожить у нас?

— Извини, Рэкел, что вам так досталось из-за меня.

— За нас не беспокойся. Это мы должны за тебя беспокоиться. Хочешь, я заеду за тобой и отвезу к нам домой?

— Нет, я в порядке. Со мной все хорошо, честно.

— Голос у тебя что-то не слишком радостный.

— Нет, нет, со мной все в порядке, честное слово. Я только что заменила замки, а возле дома караулит полицейская машина. У меня сегодня был ужасный день, и я неважно себя чувствую. Совершенно разбитая.

— Давай я приеду к тебе и побуду с тобой какое-то время.

— Нет, не надо. Не настолько уж мне плохо. Честное слово.

— Вот же ублюдок! Поверить не могу. Мне он никогда не нравился. Но, знаешь, ты выглядела вполне счастливой. Мне было приятно видеть тебя такой. Поэтому я ничего тебе не говорила. Но, черт!..

— Его скоро поймают. За ним охотится вся полиция Суссекса. Они найдут его, и кошмар закончится. Я в этом уверена.

— Люблю тебя, — сказала Рэкел.

— И я тебя тоже.

Понедельник 4 ноября

И я тоже люблю тебя, вас обеих, — беззвучно произнес Брайс, сидя в своем фургоне и слушая этот разговор. — *До смерти люблю. Милая Рэкел. Милая Рэд. Я разберусь с тобой позже, Рэкел. С тобой и твоим щеголеватым муженьком Полом. Я знаю, что никогда не нравился тебе. Хочешь узнать один секрет? Я тоже никогда тебя не любил. Но, боже, что за ненависть между друзьями? А, Рэкел?*

Значит, ты любишь малышку Рэд? Разве ты любила ее так, как люблю ее я и как она любила меня?

Брайс посмотрел на свой айфон. Последние минут двадцать он прокручивал эсэмэски, отыскивая свою самую любимую. Одну из тех, которыми они с Рэд постоянно обменивались, строя планы на будущее. *Эта, Рэкел?*

Мы снимаем уютный коттедж в Котволдсе и сейчас едем туда. Ты сидишь за рулем. Мы слушаем музыку, и ты постоянно прикасаешься ко мне рукой. Я беру твою руку и начинаю целовать ее. Я облизываю каждый твой палец, потом кладу твою ладонь себе на грудь. Ты начинаешь поглаживать ее, сжимать соски, и я понемногу возбуждаюсь. Я смотрю на тебя, вижу твою эрекцию и тяну руку вниз.

Ты уже дрожишь от возбуждения и говоришь, что нам надо остановить машину. Мы останавливаемся при первой же возможности, и ты берешь мое лицо в свои ладони, ты целуешь меня страстно, а потом твоя рука проскальзывает мне под трусики, и твои пальцы проникают в меня, и ты доводишь меня до головокружительного оргазма, до того состояния, когда я готова на все, готова съесть тебя, когда хочу, хочу, хочу тебя.

Ты когда-нибудь получала такие сообщения от нее, а, Рэкел? Думаю, вряд ли. А вот я получал, причем каждый день. Иногда по нескольку штук за день.

До тех пор пока ее стервозная мамаша не вмешалась в нашу жизнь и не разрушила все.

Пожалуй, я когда-нибудь вышлю тебе все ее эсэмэски, и тогда ты, возможно, начнешь наконец понимать чувства, которые мы когда-то испытывали друг к другу.

Это была самая большая любовь, какая только может быть между двумя людьми.

Тогда ты, наверное, сможешь понять, почему я всего лишь на самую малость несчастен.

Вообще-то я лгу. Я больше чем на самую малость несчастен. В чем Рэд лично убедится очень-очень скоро.

Брайс достал из кармана оплаченный наличными сотовый телефон, который купил несколько дней назад, и набрал номер 999. Когда оператор ответил и спросил, с какой службой соединить, он сказал:

— С полицией, пожалуйста. Это очень срочно!

106

Понедельник 4 ноября

Все мысли о медовом месяце давно вылетели из головы. Вскоре после 21.30, когда он должен был бы находиться в Венеции с Клио, Рой Грейс сидел комнате видеонаблюдения на четвертом этаже полицейского участка на Джон-стрит в обществе Гленна Брэнсона, Кэссиана Пью и Нева Кемпа, дивизионного коммандера полиции Брайтона и Хоува.

Едва ли не всю стену перед ними занимали мониторы, но каждый из присутствующих всматривался только в один из них.

В данный момент за жизнью Брайтона и Хоува наблюдали четыреста три видеокамеры. Большая их часть была сосредоточена в центре города, где чаще всего имели место происшествия криминального характера. Однако система не оставляла без внимания и отдаленные районы города, особенно выезды из него.

Штатский оператор и высококлассный специалист, аккуратно одетый и спокойный Джон Памфри прокручивал на четырех мониторах записи с видеокамер, установленных в Тонгдине и на Дайк-роуд-авеню. Собравшихся интересовал временной интервал с полудня до раннего вечера. До сих пор белый фургон, отвечающий нужному описанию, на записях не появлялся.

Памфри отпил налитого из термоса кофе и, не сводя глаз с экранов, развернул сэндвич. Экраны были синхронизированы и показывали то, что было снято до временной отметки 19.32.

— Можете остановить на минутку? — неожиданно попросил Грейс.

Памфри подался вперед и нажал какие-то кнопки на контрольной панели.

Рой знал, что мог бы перепоручить это дело кому-то из подчиненных, но ему хотелось самому отсмотреть записи, пока шли поиски Брайса Лорена.

Видеокамера номер три фиксировала происходящее на Дайк-роуд-авеню.

— Это самый вероятный маршрут, по которому Лорен мог выехать в Дайк с Тонгдин-авеню, — произнес Рой.

— Да, — согласился с ним Памфри.

— Менее очевидный маршрут предполагал бы объезд через Лондон-роуд по трассе A23. Давайте просмотрим записи в этой части города.

— Вывожу на третий монитор, сэр.

Зазвонил телефон. Это был оператор из диспетчерской.

— Детектив-суперинтендент, у меня на линии какой-то человек, настаивает на разговоре с вами. Говорит, что сегодня вечером подвозил на машине молодую женщину, по описанию похожую на Рэд Уэствуд.

— Соедините меня с ним.

Через несколько секунд Рой услышал голос явно подвыпившего мужчины.

— Детектив-суперинтендент Грейс?

— Да. А с кем я говорю?

— Я… меня… мое имя Маркус Каннигэм. Послушайте, детектив, я совсем недавно подвозил юную леди… я возвращался домой… неподалеку от Дайка. Она… она неожиданно появилась на дороге прямо перед моей машиной. Была в кошмарном состоянии… просто ужасно выглядела, бедняжка. Вы знаете ее?

— Не знаю. Скажете мне, кто она?

— Я просто подвез ее от Дайка… гольф-клуба в Дайке. Знаете такой? Она махала руками, просила подвезти. Вся перепачканная грязью и кровью. Попросила довезти ее до дома, на Уэстборн-Террас. Я и подвез. Она сказала, что с ней все в порядке. Когда я вернулся домой, то посмотрел новости по телевизору. Решил вернуться сюда и убедиться, что с ней действительно все в порядке.

— Где вы сейчас находитесь, сэр? — спросил Грейс, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя его терпение было на исходе.

— Видите ли… дело в том, что я вернулся туда, где ее высадил. Душа была не на месте, все корил себя за то, что оставил ее одну на улице. Но тут ее нигде не видно. Вот я и решил позвонить в полицию. Чтобы убедиться, что с ней ничего не случилось.

— Вы сейчас возле ее квартиры, сэр?

— Да, там, где я высадил ее. На Уэстборн-Террас.

— Когда это было?

— Без нескольких минут восемь. Я бы остался и присмотрел за ней… как она войдет в дом, но, понимаете, моя жена… она приготовила ужин… а я и так обещал ей был в семь. Но затем мы стали смотреть новости по «Скай-ньюс», и там показали фотографию этой женщины. Я решил, что вам пригодится моя информация.

— Вы правильно поступили, сэр, — поблагодарил незнакомца Грейс. — Вы сказали, что сейчас находитесь на Уэстборн-Террас, верно?

— Да. Я проводил ее до входной двери подъезда, чтобы убедиться, что она благополучно добралась до дома.

— И вы поняли из новостей, что она была похищена?

— Да по телевизору об этом сказали. Но сейчас она ведь в безопасности?

— Она в безопасности, сэр, благодарю вас. Вопрос из чистого любопытства, что вы видите с того места, на котором сейчас находитесь?

— Да, я вас понял. Вижу полицейский автомобиль. С мигалкой, выезжающий из переулка с включенной мигалкой. Едет по Уэстборн-Террас. Немного торопится. Да, в новостях еще сказали, что вы ищете маленький белый фургон «рено», это так?

— Да, это так.

— Если вам интересно, мне только что по пути сюда встретился именно такой белый фургон. Он сейчас припаркован в начале Уэстборн-Террас.

107

Понедельник 4 ноября

Рэд проснулась от пронзительного звонка. Неужели звонят в дверь? И где, черт побери, она находится?

Звонок повторился.

На экране телевизора моложавый министр здравоохранения отстаивал необходимость сокращений, объясняя, что это пойдет на пользу гражданам. Рэд поняла, что уснула на диване. Звонил телефон. Она вскочила и торопливо схватила трубку.

— Алло? — произнесла она, чувствуя во всем теле свинцовую усталость.

— Рэд Уэствуд?

Она услышала приятный мужской голос, но не смогла сразу понять, кому он принадлежит.

— Да, это я. Кто это?

— Детектив инспектор Гленн Брэнсон. Вы как?

В голове после выпитого еще стоял туман. Рэд увидела на кофейном столике пустую бутылку и пустой же бокал, а также полную окурков пепельницу. Черт, неужели она выпила всю бутылку? И выкурила столько сигарет?

— Со мной все в порядке, спасибо.

— Послушайте, Рэд. Я не хочу пугать вас, но мы только что получили сообщение, что на вашей улице видели фургон, который, возможно, принадлежит Брайсу Лорену.

По спине пробежали мурашки.

— Я… я думала, что вы круглосуточно охраняете меня, так?

— Не беспокойтесь, мы вас действительно охраняем. Но ради вашего же блага мы хотели бы, чтобы вы на время закрылись в комнате безопасности. Хотя бы до тех пор, пока мы не выясним, чей фургон стоит на вашей улице. Вы можете это сделать?

В голове прояснилось.

— Да, вы правы. Скажите, это действительно необходимо? Ведь я только что поменяла замки, и сейчас мне ничто не угрожает.

— Мне было бы спокойнее, если бы вы это сделали, — сказал полицейский. — Это ненадолго. Пока мы не убедимся, что вы вне опасности. Надеюсь, мы очень скоро его арестуем.

Рэд боязливо поежилась и тут же зевнула.

— Хорошо, я закроюсь в вашей комнате безопасности.

— У меня есть номер установленного там телефона. Я позвоню вам сразу, как только узнаю, что опасность миновала. Договорились?

— Договорились.

Рэд положила трубку и вышла в коридор, где снова посмотрела на входную дверь. Убедившись в том, что цепочка на месте, она вернулась обратно и, уже чувствуя себя увереннее, вошла в комнату-сейф, включила свет и захлопнула массивную дверь. Затем повернула ручку-штурвал. Один поворот, второй, третий. Дальше штурвал не поворачивался. И тогда она заметила что-то на полу. Что-то, чего здесь не было раньше.

Игральную карту. Даму червей.

Ее вдруг охватил холодный парализующий страх. Она услышала за спиной щелчок закрывшейся жалюзийной двери. В следующую секунду кто-то безжалостно заломил ей руки за спину.

— Вот теперь мы совсем одни, Рэд, — произнес тихий и спокойный голос.

108

Понедельник, 4 ноября

Три лестничных пролета. Рой Грейс слышал за спиной топот Гленна Брэнсона. Они выскочили на улицу через заднюю дверь и бросились под дождем к автостоянке. Запрыгнули в «форд». Брэнсон сел за руль. Пристегнулись уже на ходу, резко взяв с места. Промчались мимо полицейских фургонов и патрульных машин.

Едва выехав через главный вход, Гленн включил сирену и мигалку.

— Оставь только мигалку, — сказал Грейс. — Когда будем подъезжать, вырубишь и ее, чтобы не вспугнуть. Группы поддержки уже выехали и скоро будут на месте.

Брэнсон послушно кивнул. С холма они летели на такой скорости, что Грейс засомневался — доберутся ли они благополучно до съезда на трассу А23 по мокрой дороге. Инспектор сбрасывать скорость не стал. Слишком полагается на мигалку, считает, что все будут уступать ему дорогу, подумал Грейс, но ничего не сказал. Зазвонил телефон.

— Сэр, наши группы уже на месте, на въезде и выезде с Уэстборн-Террас, — доложил Энди Килл. — Одна на Нью-Черч-роуд, вторая — на Кингсвей. С Уэстборн-Террас их никто не видит. Если заметят белый фургон «рено» с номерами, содержащими цифры и буквы Четыре-Семь-Чарли-Папа, немедленно остановят и по возможности нейтрализуют водителя. «Серебряный» дал на этот счет соответствующие полномочия.

— Понял, — ответил Грейс.

Брэнсон промчался мимо Королевского павильона, затем взял с ходу кольцевую развязку перед Брайтонским пирсом и полетел дальше по набережной. Телефон зазвонил снова. Теперь это был Споффорд.

— Сэр, я никак не могу дозвониться до квартиры Рэд Уэствуд.

— Вы уверены, что она сейчас у себя?

— Не на все сто, сэр. Если она куда-то вышла, то ее увидели бы наши сотрудники, которые дежурят на улице.

Они как раз проезжали мимо крылатой Статуи мира, установленной на старой границе между Брайтоном и Хоувом.

При такой скорости, мысленно прикинул Грейс, до квартиры Рэд Уэствуд остается минуты полторы.

— Вы звонили по телефону комнаты безопасности? — уточнил он.

— Звонил, сэр. Я перезваниваю каждые две минуты.

Грейс хорошо знал тот тип полицейских, к которому относился Споффорд. Добросовестные, трудолюбивые, дотошные, честные служаки.

— У меня этот номер в быстром наборе сотового, сэр. Если у нее возникла причина войти в эту комнату, она должна была немедленно связаться со мной.

Брэнсон сбросил скорость на красном свете светофора в дальнем конце Гранд-авеню и снова надавил на газ.

— Она должна находиться в комнате безопасности, — сказал он, повернувшись к Рою. — Я велел ей зайти туда перед тем, как мы с тобой выехали.

— Роб, я попрошу вас еще раз позвонить Рэд Уэствуд, — сказал Грейс Споффорду.

— Слушаюсь, сэр. Мне придется воспользоваться этим же телефоном, так что перезвоню вам позже.

Белый фургон «рено» у въезда на Уэстборн-Террас, подумал Грейс. Значит…

И снова телефон.

— Рой Грейс?

Это был сержант Экстон с информацией о моделях «рено».

— «Кенгу», «Трафик» и «Мастер», сэр.

Грейс поблагодарил, стараясь удержать в памяти названия, и тут же услышал гудок, свидетельствовавший о том, что до него пытаются дозвониться. Закончив разговор с сержантом, он переключился на новый входящий в надежде на то, что это Споффорд. Это действительно был он. Вот только новость была плохая.

109

Понедельник, 4 ноября

— У нас с тобой есть целый час, Рэд! Это не так уж и много, я бы хотел побыть с тобой подольше, потому что нам нужно многое наверстать. Но ведь и за час можно многое успеть, верно? У кого из нас когда-нибудь в жизни было так потрясающе много времени? Ты вся дрожишь, Рэд, я чувствую. Нервничаешь, да? Не так уверена в себе, как раньше, когда в моем фургоне ткнула своими острыми пальчиками мне в глаза? Ты ослепила меня на один глаз, но я надеюсь, что лишь временно, не навсегда. Ведь это мой рабочий глаз. Так что тебе повезло. Я бы ни за что не промахнулся бы, если бы целился рабочим глазом. Попал бы первой же стрелой. Но теперь это прошлое, это история. Как и ты сама. Как и я. Скоро мы с тобой оба станем историей.

Рэд молчала. Он сжимал ее запястья так сильно, что ей было больно. Зазвонил мобильный, лежавший на столе прямо перед ней. Негромкий настойчивый звонок. Четыре звонка. Пять. Шесть.

Потом звонки прекратились.

— Мы могли бы провести вместе намного больше часа, Рэд, если бы я доверял тебе.

Она чувствовала на затылке тепло его дыхания и запах мяты, как будто он только что почистил зубы. Мозг отчаянно пытался найти выход из сложившейся ситуации. Как ей быть? Какие есть варианты? Что сказать ему?

Телефон зазвонил снова.

— Я знаю все об этой комнате, — продолжил Брайс. — Твоя *безопасная* комната. Оборудованная так, чтобы защитить на целый час. Неприступная на целый час! Именно столько времени потребуется, чтобы вскрыть дверь — шестьдесят минут. Даже твоему новому лучшему другу, инспектору Брэнсону, и его живчику-боссу, детективу-суперинтенденту Грейсу потребуется час, чтобы проникнуть сюда, какие бы средства они ни применяли. Что ж, я скажу, какие у тебя есть варианты. Хочешь узнать?

— Я хотела бы знать, как ты проник сюда.

— Конечно, хотела бы. Я — эскапист. Я — лучший.

— Я знаю, что ты лучший, — сказала Рэд. Может быть, потворствуя его нарциссизму, ей удастся каким-то образом ослабить его бдительность? — Ты — настоящий бриллиант.

— Если эскапист умеет выбираться из закрытых помещений, то почему бы ему не уметь проникать в них? Верно?

— Так как же ты проник сюда?

— Легко, Рэд. Твоих соседей сверху нет на месте. Я проник в их квартиру и прорезал отверстие в твоем потолке. Это так удобно. Выбрал место как раз над туалетом в этой твоей безопасной комнате. Я не знаю никого, кто стал бы смотреть вверх и изучать стыки в панелях потолка. Полицейские не настолько сообразительны. Думала, они смогут защитить тебя? Что ж, ты сейчас получила хороший урок. Я знаю, полицейские уверены, что защитят тебя, окружив твою квартиру, но они не заглянули к твоим соседям сверху. Я так спокойно делюсь с тобой моим секретом, потому что ты больше никому никогда о нем не расскажешь. Никогда.

Телефон перестал звонить.

— Знаешь, что я думаю, Рэд?

— Что?

— Я думаю, что через минуту телефон зазвонит снова.

— Ты никогда не говорил мне, что ты ясновидящий.

Едва произнеся эти слова, Рэд тут же пожалела о сказанном. Его ответ сочился злобой.

— Ты обо мне очень многого не знаешь, глупая девчонка. Очень многого. Но ты ведь не давала мне возможности рассказать о себе, верно? Ты и твоя мамаша и твой подкаблучник-папаша.

На этот раз она промолчала.

— Твои друзья-полицейские быстро поймут, где и с кем ты сейчас, Рэд. Поэтому они и трезвонят без конца, ведь ты не отвечаешь по домашнему телефону. Они увидели на улице мой фургон и позвонили тебе, сказали, чтобы ты зашла в эту комнату. Если ты не ответишь и не сообщишь, что с тобой все в порядке, они начнут ломать дверь. Им потребуется час, чтобы проникнуть сюда. Знаешь, что они здесь увидят?

Превозмогая страх, она лихорадочно пыталась придумать подходящий ответ, чтобы выиграть хотя бы немного времени.

— Ты видела фильм «Ромео и Джульетта»? Или, может быть, участвовала в школьной постановке? Ужасная трагедия непонимания между двоими влюбленными. Мы с тобой, ты и я, мы как бы современная версия этого сюжета, разве не так? Ты ведь помнишь последние строчки, когда оба главных героя уже мертвы? «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте».

Она промолчала и на этот раз.

— Очень печальная повесть, Рэд. Они умерли так бессмысленно. Так же и нам с тобой предстоит умереть… бессмысленно. Если только…

— Если только что?.. — с надеждой спросила Рэд.

А вдруг у нее еще есть шанс?

110

Понедельник, 4 ноября

— Дважды? — переспросил Рой Спофforда в тот момент, когда Гленн Брэнсон с включенной мигалкой ворвался на Уэстборн-Террас и сбросил скорость, увидев припаркованный в переулке патрульный автомобиль с двоими полицейскими.

— Да, сэр, — ответил Спофford. — Я звонил ей дважды и не получил ответа.

— Попробуйте еще раз, — сказал Грейс и повернулся к Гленну: — Давай проедем дальше по улице. Хочу посмотреть, стоит ли там еще белый фургон.

Подъехав к перекрестку с широкой Нью-Черч-роуд, они увидели белый фургон «рено» на правой стороне улицы. Брэнсон остановился рядом. Грейс вытащил из «бардачка» фонарик и выбрался из машины. Осветив автомобильный номер, он увидел ожидаемые буквы и цифры — 47ЧП.

Посветив фонариком внутрь, суперинтендент разглядел три мобильных телефона на пассажирском сиденье. Луч скользнул по задней части салона, оказавшейся закрытой занавеской. Рой вернулся к задней дверце и увидел, что дверная ручка снята, а между створками оставлена узкая щель. Соблазн забраться в фургон был велик, но, помня о том, что Лорен мог оставить в салоне зажигательные устройства, Грейс не стал искушать судьбу.

Рядом вдруг остановился мотоциклист.

— Детектив-суперинтендент Грейс! Я — Адам Тримингтон из «Аргуса». Живу неподалеку. Что-то случилось?

— Ну нигде от вас спасения нет! — проворчал Гленн.

Рой, подсвечивая фонариком в щель, попробовал заглянуть в дырку от ручки.

— Черт! — В свете фонарика он увидел нечто вроде пыточной камеры. На расстеленном матрасе с петлями для рук и ног лежали клещи, пила, небольшая паяльная лампа. Там же стоял трансформатор, подсоединенный к автомобильному аккумулятору. Несколько страшных масок. И шлифовальная машина для резки керамической плитки.

— О господи! — воскликнул Брэнсон, заглянув ему через плечо.

В следующую секунду они оба вздрогнули от громкого щелчка фотовспышки. Журналист сделал снимок.

111

Понедельник, 4 ноября

— Если только ты… — произнес Брайс с язвительной ноткой в голосе — Если только ты…

Телефон зазвонил снова.

— Если только ты ответишь и скажешь, что с тобой все в порядке, что нет никаких проблем. Совсем нет никаких проблем. Тогда мы с тобой побудем вдвоем дольше. Как тебе такое предложение?

Четвертый звонок. Пятый…

— Хорошо, — сказала Рэд. — Я сделаю это.

— Умница.

Брайс отпустил ее руки. Она шагнула вперед, взяла трубку из зарядного гнезда и нажала зеленую кнопку, лихорадочно пытаясь придумать, что делать дальше. В трубке раздался голос Роба Споффорда.

— Рэд, с вами все в порядке?

— Да, все превосходно, — ответила она. — Никогда не чувствовала себя лучше. Какая-то проблема у вас?

— Вы не отвечали по вашим телефонам. Я встревожился.

— Помогите мне! — неожиданно крикнула Рэд и, обернувшись, впервые за последние минуты увидела Брайса.

Он был весь в черном, с капюшоном на голове. Одним стремительным движением поймав своего мучителя врасплох, Рэд резко ткнула телефоном в здоровый глаз, вложив в толчок все свои силы.

Брайс отшатнулся. Услышав, как он взвыл от боли, Рэд повернула запястье вправо и влево, стараясь как можно глубже воткнуть телефонную трубку в глаз. А потом изо всех сил ударила Брайса коленом между ног, угодив прямо в пах.

Брайс вскрикнул, пошатнулся и упал. Рэд набросилась на него, снова и снова ударяя телефонной трубкой по голове. Пластмассовый корпус хрустнул. Раз, два, три! Снова и снова. Внезапно, будто обретя нечеловеческую силу, Брайс сбросил ее с себя. Рэд отлетела назад и свалилась на пол, больно ударившись об угол стола.

В следующую секунду Брайс вскочил и навис над ней — с перекошенным злобной гримасой лицом и разделочным ножом в руке. Он яростно моргал и брызгал слюной.

— Ты, гребаная сука, мерзкая тварь! Я убью тебя! Ты, безмозглая подлая сука!

Рэд резко выбросила ногу и тут же ощутила острую боль в лодыжке, куда вонзился острый кончик ножа. Она дернулась в сторону и, схватив стул, прикрылась им. Как раз вовремя, потому нож в ту же секунду вонзился в дно сиденья.

— Помогите! — закричала она, надеясь, что телефон еще не отключился от линии. Рассчитывая, что кто-то услышит, что кто-то непременно придет на помощь.

— Час, тварь! Целый час!

Рэд дернула стул в сторону, попав Брайсу по руке и выбив нож, и тут же ударила по ногам на уровне колен. Брайсу пришлось сделать шаг назад.

Нож лежал на полу, на равном расстоянии от них обоих.

— Можешь кричать сколько угодно, сука! — злобно прошипел Брайс. — Они услышат тебя, но сделать ничего не смогут. Им придется услышать, как я буду убивать тебя, но только после того, как всласть помучаю. Уверен, им будет приятно послушать твои вопли, но все же не так, как мне.

И он рванул к ножу.

112

Понедельник, 4 ноября

У Роя Грейса зазвонил телефон.

— Да?

— Она сейчас с ним, — сообщил Споффорд. — Нам нужно как можно быстрее проникнуть туда, сэр.

— И как же мы выбьем эту чертову дверь? — спросил Грейс. — Есть еще какие-то другие способы проникнуть в квартиру?

— Через окно, сэр. То, которое сзади. Но оно на третьем этаже.

— Но как, черт побери, он пробрался туда? — спросил Грейс и на секунду задумался. Этот Брайс дьявольски хитер. Он фокусник и знает всякие штучки. Многие фокусы основаны на отвлечении внимания зрителей. Фокусник отвлекает ваше внимание от вашего же кармана, в который собирается залезть. Или от монеты, которую намеревается спрятать в своем рукаве. Для Брайса Лорена квартира с безопасной комнатой была своего рода вызовом. Рою вспомнились слова специалиста по поведенческой психологии Джулиуса Праудфута.

Он должен победить, другого варианта для него нет. Он убьет Рэд, а потом и себя, тем самым бросив вызов, который вы не сможете принять.

Один час. Всего один час.

Лорен оборудовал фургон всем, что требовалось для похищения Рэд, и разместил в нем целый пыточный арсенал. Известно ли ему, что открыть безопасную комнату очень сложно и что на это уйдет целый час? Если да, то как он намерен распорядиться каждой минутой этого часа? Подвергнуть ее пыткам, истязать до самого конца? К лучшему или к худшему, но это давало им самую малость времени.

— Вызывайте пожарную бригаду! — распорядился он. — Мне нужна лестница, которая будет доставать до окна и предупредите пожарных, чтобы не включали сирену и мигалки.

Пожарное депо находилось на расстоянии примерно мили от дома Рэд Уэствуд. Они легко доедут сюда минут за пять. Грейс повернулся к Брэнсону и указал на его автомобиль:

— Развернись. Давай снова подъедем к фасаду.

Меньше чем через минуту он выскочил из машины почти на ходу, подбежал к полицейскому автомобилю и рывком распахнул дверь пассажирского сиденья. И тут же показал свое удостоверение.

— Слушаю, сэр, — сказала Сьюзи Холидей.

— Проведите меня, пожалуйста, к задней части дома.

Он посмотрел на часы. По его прикидкам прошло двадцать минут. Сейчас каждая секунда была на вес золота. Грейс с содроганием подумал о том, что может происходить в эти мгновения в запертой комнате.

Оставалось лишь надеяться, что Рэд все еще жива. Рой продолжал ломать голову над тем, как Брайс Лорен мог проникнуть в квартиру, когда возле подъезда дежурила полицейская машина. И ответ на этот вопрос пришел сам собой.

113

Понедельник, 4 ноября

Как только Брайс потянулся к ножу, Рэд в отчаянии метнула в него стул. Сиденье ударило его в голову, заставив пошатнуться. В следующую секунду он споткнулся, рухнул на жалюзийную дверь и, продавив ее, грохнулся спиной на пол.

Рэд бросилась к ножу, схватила его и, сунув под мышку, принялась торопливо крутить ручку-штурвал. Однако ей удалось сделать всего пол-оборота, когда сзади послышались какие-то звуки. Она обернулась и увидела, что Брайс, неуклюже ковыляя и отчаянно моргая, надвигается на нее.

Рэд схватила нож и угрожающе замахнулась.

— Ты глупая девчонка! Думаешь, я боюсь тебя? Ну, иди сюда, ударь меня! Иди и ударь этим ножом!

Рэд оставалась на месте, все так же держа перед собой нож. Несмотря на весь ужас происходящего, она прекрасно понимала, что Брайс все-таки опасается ее. Она сделала ложный выпад, и он тут же отпрянул, едва не потеряв равновесие.

Она повторила выпад, снова ложный, и Брайс опять отступил, уткнувшись спиной в дверь туалета.

— Отлично, Рэд, у тебя есть нож, — ухмыльнулся он. — Но долго он у тебя не пробудет, это я обещаю. Ты уже решила, куда меня ударишь? Ведь тебе представилась такая возможность, верно? Ты понимаешь? Ты можешь ударить меня прямо в сердце. Если будешь бить в другое место, то только ранишь. Но если ты меня ранишь, то я на тебя очень рассержусь. Помнишь, сколько раз, когда мы были с тобой, ты сердила меня? Когда я злюсь, то бываю не очень хорошим.

— С ножом я тоже не слишком приятная особа, Брайс, — ответила Рэд.

Брайс насмешливо надул губы.

— Какие воинственные разговоры! — усмехнулся он и неожиданно сделал шаг вперед. Большой шаг.

Рэд испуганно отскочила назад.

— Смелая девочка! — глумливо произнес Брайс, протягивая перед собой руки и показывая, что в них ничего нет. — Но, наверное, ты все-таки не очень-то храбрая, какой сама себе кажешься. Разве не так? Не уверен, что тебе достанет мужества ударить меня ножом, даже для того, чтобы спасти свою жизнь. Попробуем?

С этими словами он сделал еще шаг вперед.

Ее трясло так, что и нож в руке ходил ходуном. Боже! Где же полиция? Почему не слышно, как открывается дверь за ее спиной?

Брайс посмотрел на часы:

— Отлично. У нас с тобой еще много времени. Они даже еще не начали открывать дверь. И что они здесь увидят! Я скажу тебе что. Думаю, картина будет премилая. — Он улыбнулся, показав безупречно-белые зубы. — Что ты скажешь вот на это? Полиция врывается и находит на столе твою отрубленную голову, а меня — лежащим на полу с ножом в груди. Как тебе такое? А, Рэд?

Он сделал еще один шаг вперед.

Рэд решительно выставила перед собой нож.

— Оставайся на месте! — приказала она. — Ты убил Карла. Не толкай меня на это, Брайс! Я убью тебя с удовольствием!

Еще шаг. Теперь их разделяло всего-то пара футов.

Прежде чем Рэд успела среагировать, Брайс схватил ее руку с ножом и вывернул так сильно, что она вскрикнула от боли. Нож со звоном упал на пол.

— Оп! — снова ухмыльнулся Брайс. — Неловкая обезьянка!

Какое-то мгновение они напряженно смотрели друг на друга. Ею снова овладевал страх. Нужно завладеть ножом. Обязательно. Любой ценой. Во что бы то ни стало.

Брайс неожиданно ударил ногой по ножу, и тот отлетел к стене. Теперь ей было никак до него не дотянуться.

— Так кто у нас теперь большая и смелая девочка? — прогнусавил он. — Где теперь мамочка? Почему мамочка не приходит на помощь? Где мамочка, которая наняла сыскаря, чтобы тот следил за новым дружком ее хорошенькой дочурки? А? Или, может, твой папочка войдет в эту дверь с дерьмовой воздушкой, из которой постреливает кроликов в саду? Где он?

Рэд не сводила с него испуганного взгляда. Страх будто парализовал ее.

— Они не придут, Рэд. Твои мамочка и папочка надежно запрятаны в *безопасном* отеле и, наверное, в этот час смотрят телевизор. — Понимаешь, дело в том, дорогая, что нам не разрешают ничего никому говорить, — прогнусавил он, копируя голос ее матери. — Нас переселили из отеля в другое место, но я не могу сказать тебе в какое. Полицейские опасаются, что Брайс может нас подслушивать. Но с тобой-то как? Все в порядке? Тебе точно сейчас ничто не угрожает?

Потрясенная, она молча смотрела на него. До нее только сейчас дошло, что Брайс все время подслушивал ее. Что еще он подслушал?

— Ты в порядке, Рэд?

Она посмотрела на него, потом на лежащий на полу нож. Думай! Попытайся подобраться к нему. Она знала, что ей никогда не одолеть Брайса, ведь он физически сильнее. Но, может быть, получится найти довод, который образумит его? Нужно говорить с ним — без остановки, затягивая время. Ведь полиция уже выехала, верно? Ей было страшно, и мысли путались.

Нужно успокоиться, взять себя в руки. Нужно. Обязательно. Необходимо мыслить трезво.

— Он острый, Рэд. Достаточно острый, чтобы отрезать твою голову. Или мою. Устроим соревнование, кто первым подхватит его с пола?

— Неужели тебе станет легче, если ты отрежешь мне голову, Брайс? Неужели ты будешь счастлив от этого?

— Очень.

— Знаешь, а я не хочу отрезать твою.

— Не хочешь? — ухмыльнулся Брайс.

— Честно, не хочу. У тебя самая красивая голова из всех, что я видела. Зачем же уничтожать такую красоту?

Брайс смерил ее испытующим взглядом, и ей показалось — на мгновение, — что она сделала шаг в нужном направлении.

— Правда?

— Боже, конечно, правда, Брайс.

Он бросил взгляд на часы:

— Ну что же, Рэд, говори дальше. Продолжай.

Она пожала плечами:

— Я на самом деле любила тебя.

— Знаю. Я тоже любил тебя, честно. Но разве не сказал Оскар Уайльд в «Балладе Редингской тюрьмы» о том, что каждый убивает того, кого любит?

— Тебя сегодня на литературу потянуло.

— Да, пожалуй. Я в последнее время много читал. — Он снова бросил взгляд на нож. — С красивыми словами на губах умирать приятнее, как считаешь?

Заметив его движение, она одновременно с ним бросилась к ножу. Они столкнулись. Брайс успел первым схватить нож и, вскинув руку, показал его Рэд.

Растопырив пальцы, Рэд попыталась ткнуть ими ему в глаза, но Брайс мотнул головой, и она впилась ногтями в его запястье. Он взвыл от боли, и она услышала, как нож со звоном упал на пол.

— Ты, сука! — рявкнул Брайс.

Неожиданно Рэд услышала у себя за спиной какой-то звук, похожий на хлопок закрываемой двери. В следующее мгновение они оба схватились за нож, и на этот раз Брайс снова оказался проворнее. Он быстро опрокинул ее и прижал к полу, вскинув руку с ножом.

Она увидела в его глазах безумный блеск.

— Так чья ты теперь, папина дочка? — произнес он. — Какой глазик тебе выковырять первым? Правый или левый, а?

Рэд попыталась высвободиться, но им овладела какая-то нечеловеческая сила.

— Пожалуйста, Брайс, не надо! Давай еще поговорим!

— Думаю, в этом нет необходимости.

Рэд увидела, что нож опускается. Но потом он вдруг завис в воздухе и через секунду выскользнул из его пальцев и упал на пол. Рэд услышала треск, похожий на разряд электричества.

Брайс содрогнулся в конвульсиях, превратившихся в жуткую пляску смерти. Через мгновение он лежал на полу. Торчавшие из спины крученые двойные провода уходили в туалет.

— Рэд, с вами все в порядке?

Она оторвала взгляд от подергивающегося Брайса и увидела лицо суперинтендента Роя Грейса, спустившегося вниз через дыру в потолке туалета. Рядом с ним человек в синем бронежилете и шлеме с визором держал в руке нечто вроде пистолета. К этому пистолету и шли провода от Брайса. Грейс быстро шагнул к ней:

— Вы целы, Рэд?

Рэд посмотрела в холодные голубые глаза. Сердце стучало часто-часто и, казалось, вот-вот выскочит из груди. С трудом подбирая слова, она произнесла:

— Да, да, спасибо. Я в порядке.

Сверху спустилось еще несколько человек в бронежилетах и шлемах с визорами.

— Вы в безопасности, Рэд, — сказал Грейс. — Все кончено.

И это были самые приятные слова из всех, что она когда-либо слышала.

114

Воскресенье, 10 ноября

Рой Грейс опустился на колени перед раскрытым чемоданом и, аккуратно свернув белую рубашку, положил ее на дно. Клио поставила бокал с водкой и мартини на прикроватный столик.

— Я решила, что ты захочешь выпить бокал в честь отъезда.

— Спасибо. — Рой отхлебнул ледяного напитка. Коктейль оказался настолько крепким, что огнем проскользнул в пищевод. — М-м-м, ты становишься отличным специалистом по коктейлям.

— Это давний любимый напиток моего отца, ты разве забыл?

— Да, коктейли по его рецепту просто убийственные.

— Хочешь сказать, что этот слабоват?

— Нет. Он достаточно крепок, — улыбнулся Грейс. — Еще несколько глотков, и я забуду, что мне еще надо укладывать.

— Мне нужно от тебя только одно, — сказала Клио и, обняв его за шею, ткнулась носом в ухо. — Если я сейчас все правильно чувствую, то он вряд поместится в этот чемодан.

Она снова поцеловала его.

— Ты жестокая, но я люблю тебя.

— Ты похотливый самец, но я люблю тебя, суперинтендент Грейс. — Клио взяла со столика свой бокал и сделала глоток. Потом прижалась губами к его губам, и он почувствовал во рту водку с мартини.

— М-м-м, вкуснотища!

— Мы действительно уезжаем завтра, дорогой?

— Всего лишь на неделю позже запланированного срока. — Рой взял ее за руку, поднес к губам и поочередно поцеловал пальцы. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Он вдохнул запах духов и теплой кожи и еще крепче прижал ее руку к себе.

— Как там поживает эта бедняжка, Рэд Уэствуд? — неожиданно спросила Клио.

— С ней все в порядке. Она отважная девушка. Я вчера заходил к ней в офис — узнать, как дела, и задать пару вопросов. Она показалась мне удивительно бойкой, учитывая обстоятельства. Но у нее сейчас одна большая проблема, которая возникнет после того, как Лорена выпустят.

— Но ведь Лорен сейчас в заключении?

— В данный момент — да. Но в тюрьме он не навсегда. Получит пожизненное и, не исключено, однажды выйдет на свободу. Рэд помнит об этом.

— Бедняжка. Жить с сознанием того, что над тобой постоянно висит угроза смерти. Постоянный страх, что его отпустят или, хуже того, он как-нибудь сбежит.

— Думаю, что она вряд ли захочет обратиться в другое бюро знакомств.

— Я ее не виню.

За окном громыхало. Рой и Клио вздрогнули.

— Черт, что это такое? — нахмурился Рой. Снизу донесся рассерженный лай Хамфри.

И тогда он понял. Пятое ноября… Ночь Гая Фокса, всего пять дней назад. Должно быть, кто-то все еще запускает фейерверки.

Заплакал Ной. Клио вскочила и бросилась в детскую, чуть не сбив Хамфри, черной кометой взлетевшего вверх по лестнице. Пес опустил хвост и недовольно заскулил. Мокрый, он только что прибежал с террасы, где облаивал соседскую кошку и попал под дождь.

— Все в порядке, Хамфри! Все в порядке!

За первым взрывом грохнул еще один. Небо за окном осветил ярко-белый дождь фейерверка. Хамфри снова залаял и, метнувшись через всю комнату, прыгнул прямо в открытый чемодан, как раз на недавно уложенную белую рубашку.

— Эй, прочь, безмозглая собака!

Пес укоризненно взглянул на Грейса, как будто говоря: *Ты уезжаешь, оставляешь меня с этими взрывами?*

Плач Ноя сделался громче.

— Это моя любимая рубашка, черт тебя побери!

Клио вернулась из детской с сыном на руках. На малыше была пижамка в бело-синюю полоску. Он испуганно таращил глазенки.

— Ты только посмотри на это чертово животное! — произнес Грейс. — Посмотри, что этот бестолковый пес наделал с моей рубашкой!

— Добро пожаловать в блаженный мир семейной жизни, дорогой! — улыбнулась Клио. — Ты по-прежнему уверен, что хочешь уехать?

Вместо ответа, Рой взял бокал со столика и одним глотком его осушил.

Понедельник, 11 ноября

Алан Сеттерингтон, заместитель начальника тюрьмы Льюиса, вышел из душа санитарного блока, насухо вытерся полотенцем и надел темно-серый костюм, белую рубашку и один из своих любимых ярких галстуков. Было семь часов утра, и он прекрасно чувствовал себя после полуторачасовой велосипедной поездки по проселочным дорогам Суссекса — от дома до работы. Этот путь он проделывал ежедневно.

Это был высокий мужчина сорока с небольшим лет, с доброжелательным мальчишеским выражением лица и стройной фигурой спортсмена. Всю свою жизнь Сеттерингтон прослужил в Королевской тюрьме, заняв нынешний пост в относительно молодом возрасте. До этого он служил в нескольких тюрьмах Соединенного Королевства с максимально строгим режимом и имел сомнительное удовольствие быть знакомым с самыми закоренелыми преступниками своего поколения.

Сеттерингтон все еще с энтузиазмом относился к своей работе, не позволяя никому из подопечных слишком ему докучать и редко теряя сон из-за их «непоседливости». Но сегодня он немножко устал. Несколько дней назад в тюрьму прибыл некто Брайс Лорен, обвиняемый в убийстве и поджоге. Такой холод, как в глазах у Лорена, Сеттерингтон видел лишь несколько раз в жизни. Это были не глаза, а бездонные колодцы тьмы и бесчеловечной жестокости.

Посетители всегда находят тюрьмы крайне неуютным местом, и тюрьма Льюис, построенная еще в Викторианскую эпоху, не была исключением. Серые цементные полы, голые стены и неистребимый тюремный запах, который невозможно точно описать — причудливая смесь дезинфектанта, дешевого мыла, нестираной одежды, пота и отчаяния.

В тюрьме главной валютой является информация. Проходя по тюремным коридорам, вы заметите, как идущие навстречу заключенные стараются замедлить шаг и прислушаться к вашим разговорам. Именно поэтому ни один здравомыслящий сотрудник тюремного учреждения не станет рассказывать, где он или она живет, какую машину имеет, куда собирается в отпуск. Никоим образом нельзя исключать того, что в один прекрасный день вышедший на свободу преступник захочет вам отомстить.

Сеттерингтон зашел в свой кабинет и включил электрический чайник, чтобы сварить чашку капучино. Потом сел за стол и развернул пакет с сэндвичем с яйцом и помидором и куском морковного пирога, который испекла его жена Лиза. Кабинет был обставлен скудно, но уютно. В окно, за которым шел дождь, был виден голый тюремный двор. Отсюда можно было не только наблюдать за заключенными, но видеть, как через стену перелетает брошенный с другой стороны пакет с контрабандой, обычно наркотиками или мобильными телефонами.

Содержать в тюремных стенах семьсот двадцать преступников, многие из которых отличаются необычайным хитроумием, — нелегкая задача. Запрещенные предметы перебрасывали через стену, передавали при свиданиях, иногда даже через поцелуи. Если заключенному очень сильно хочется получить требуемое, он обычно добивается своего.

Включив компьютер, Сеттерингтон принялся просматривать накопившиеся за ночь электронные сообщения и разбираться в служебных записках, обращая особое внимание на вопросы, вызывающие озабоченность надзирателей в отношении отдельных заключенных, «узких мест» режима содержания и деталей грядущих работ по модернизации блока предварительного заключения, которые должны были начаться через несколько недель. Его занятия прервал стук в дверь.

— Войдите!

Это был один из надзирателей, дородный мужчина по имени Джек Уиллис, со связкой ключей на цепочке, закрепленной на поясном ремне.

— Доброе утро шеф, — поприветствовал он начальника. — Извините, что беспокою вас так рано, но у меня один заключенный из блока предварительного заключения просит разрешения поговорить с вами. Говорит, дело очень срочное.

— Он сказал, в чем дело?

— Не говорит, сэр. Но очень нервничает.

Заключенные, дающие сведения о других заключенных, своих сокамерниках, высоко ценились администрацией тюрем. В то же самое время такие лица очень опасались прослыть доносчиками в глазах других заключенных. Расправа над подозреваемыми в доносительстве, как правило, была жестокой, порой зверски жестокой. Во избежание подобных инцидентов была разработана хитроумная процедура: нужного человека не приводили в административный блок, но конвоировали в комнату для допросов. Любой контакт заключенного с тюремным начальством фиксировался другими заключенными, которые требовали от своего товарища подробного отчета.

— Ну хорошо, отведите его в комнату для допросов.

Через десять минут Сеттерингтон сидел за небольшим столом в комнате, располагавшейся вдали от любопытных глаз других заключенных. Надзиратель ввел внутрь долговязого, сутулого и гибкого мужчину с бритой головой, одного из старожилов учреждения.

Даррену Спайсеру было сорок с небольшим, но выглядел он лет на двадцать старше, главным образом потому, что большую часть своей жизни провел за решеткой. От него постоянно пахло сигаретным дымом. Профессиональный взломщик-домушник, он был настоящим рецидивистом, или, как говорили в этих стенах, коренным обитателем тюрьмы. У него был богатый «букет» предыдущих судимостей за торговлю наркотиками и кражи со взломом. Кроме того, его регулярно арестовывали именно в это время года, и Рождество он, как правило, встречал за решеткой.

Хотя Сеттерингтон никогда эмоционально не привязывался ни к кому из заключенных, он находил время для этого человека. При всех прегрешениях жизнь обошлась с ним не по справедливости. Спайсер был образцовым заключенным. Выросший в неполной семье третьего поколения живущих на пособие социальных паразитов и мелких жуликов, он просто не знал ничего другого. Кражи со взломом были его единственной профессией и призванием. На что-то иное рассчитывать ему уже вряд ли стоило.

И тем не менее Спайсер руководствовался некими моральными принципами, пусть даже и искаженными. Он был заядлым читателем и по этой причине не слишком протестовал против тюремного заключения. В данный момент Спайсер находился в камере временного содержания после ареста при попытке совершить кражу в Королевском павильоне, где ему приглянулась одна из самых ценных картин.

Сеттерингтон жестом предложил ему сесть.

— Рад снова вас видеть, сэр, — застенчиво улыбнулся заключенный.

— Мне было бы приятнее не видеть вас здесь, Даррен. Но, похоже, такому уже не бывать, верно?

Спайсер сгорбился, опустил голову и как-то по-детски исподлобья посмотрел на начальника тюрьмы:

— Верно, сэр. Знаете, сэр, у меня есть мечта. Снова жениться, завести детишек, жить в красивом доме, иметь хорошую машину, но ведь такому никогда не сбыться, как вы считаете?

— Вы мне и раньше говорили такое. Но почему же нет?

— Я уже сто семьдесят раз пытался. Кто же даст мне шанс?

— Но разве вы в прошлом году не получили изрядную сумму денег, Даррен? Пятьдесят тысяч фунтов награды от фонда «Криминальный дозор». Разве это не пошло вам на пользу?

Спайсер пожал плечами, шмыгнул носом и приложил палец к ноздре:

— Вот куда это, по правде сказать, ушло. На кокс. Я предпочитаю оставаться здесь. Мне тут нравится.

Начальник тюрьмы кивнул:

— Я помню, вы уже излагали мне свои причины. Вам нравится здешняя еда, тут за все платят, здесь ваши друзья. Верно?

— Угу. Мне особенно нравятся рождественские обеды.

— На пятьдесят тысяч вы на воле могли бы долго устраивать шикарные рождественские обеды.

— Точно, сэр. Вы все правильно говорите, сэр, — кивнул Спайсер, и начальник тюрьмы на мгновение уловил мечтательное выражение в его глазах.

— Так вы хотели сказать мне что-то очень срочное?

Спайсер украдкой огляделся по сторонам, как будто опасаясь, что кто-то может подслушивать, и посмотрел на потолок. Потом подался вперед и понизил голос до шепота.

— Понимаете, я тут болтал с одним типом в блоке предварительного содержания.

— Кто такой?

— Звать Брайс Лорен.

Слова заключенного вызвали у Сеттерингтона живейший интерес.

— И что с ним такого?

— Тут… это… дело в том… я не хочу быть стукачом, понимаете?

— У нас с вами частный разговор, Даррен. Здесь нет микрофона, не ведется видеозапись. Можете говорить спокойно.

— Такое дело… он пытается нанять киллера.

— Киллера? Зачем?

— Хочет грохнуть свою бывшую. Поквитаться. Имя ее Рэд. Рэд Уэствуд, он вроде так сказал. Дело в том, что у него припрятана заначка. Очень большая заначка.

— Какая?

— Более полумиллиона фунтов. Бумажками.

— Наличными?

— Ну да, наличными. За это дело он предлагает пятьдесят штук.

— И что, нашел он киллера?

— Он сказал мне, что несколько человек заинтересовались. Я не удивлен. Деньги-то большие.

— Что же вы, Даррен, не согласились на его предложение?

— А я согласился, — ухмыльнулся Спайсер. — Сказал, что знаю подходящего парня. Но хочу сначала узнать, настоящие ли хрусты.

— Он сказал, где их держит?

— Обещал сказать, где находится часть. Эти пятьдесят штук лежат в двух разных банковских ячейках. Он заплатит половину, чтобы показать, что дело серьезное. Остальное — после выполнения заказа.

— Он сказал, где находятся эти банковские ячейки?

— Нет. Обещал назвать первую после того, как я дам подтверждение, что нашел нужного человека.

— Насколько я понимаю, вы хотите получить свою долю, если все расскажете полиции, верно?

— Угу. Точно так. Долю. — Спайсер пожал плечами. — Кто-то сделает это за деньги, мистер Сеттерингтон. Это большие деньги.

116

Понедельник, 11 ноября

В понедельник утром Рою Грейсу, прежде чем отправиться в свадебное путешествие, предстояло сделать одно дело. Хотя они должны были выехать в аэропорт через целых три часа, он оставил повседневную одежду, ту, что надевал накануне вечером, на стуле в спальне. Затем надел рубашку, галстук и пиджак. Быстро проглотил тарелку овсянки, выпил чашку чая, поцеловал в щеку Клио, кормившую грудью Ноя, и сообщил, что вернется не скоро. Чмокнул в лобик сына.

— Когда приезжают твои родители? — спросил он.

— Сказали, что заедут в девять, чтобы забрать Ноя.

— Ты уверена, что не будешь скучать по нему? — спросил Грейс, подавляя зевок, и посмотрел на часы. Двадцать минут восьмого. Если он хочет успеть на встречу, назначенную ровно на восемь, надо выходить. Опаздывать нельзя.

Клио устало улыбнулась:

— После того как ему удалось разбудить нас и не давать спать всю ночь? Конечно, буду. Но мне так хочется, хотя бы недолго, побыть с тобой вдвоем. Так что потерплю.

Рой улыбнулся и снова поцеловал малыша.

— Пока, мой маленький принц-проказник! — сказал он сыну. — Папочка тоже будет по тебе скучать. Но ты, избалованный шалунишка, точно по нам с мамой скучать не будешь!

С этим словами он взял ключи и торопливо вышел на улицу, к машине.

Через двадцать пять минут суперинтендент подъехал к штаб-квартире полиции Мэллинг-Хаусу, на окраине Льюиса. Припарковав машину на стоянке для посетителей, Грейс зашагал к зданию Королевы Анны, которое занимало начальство. Каждый раз — сегодняшний день не был исключением, — входя в это здание, он вспоминал, как когда-то в школе его вызывали в кабинет директора.

Помощник Тома Мартинсона провел Грейса в кабинет шефа. Главный констебль, в темных форменных брюках, белой рубашке с короткими рукавами и черным галстуком, стоял рядом с одетым по полной форме Кэссианом Пью.

Оба поздоровались с Грейсом за руку.

— Рой, — начал Мартинсон. — Прекрасно, что вы нашли время и приехали сюда к нам. Знаю, что вы спешите. Когда у вас самолет?

— Вылетаю в два часа из Гатуика, сэр, — ответил Рой и улыбнулся, чтобы скрыть нервозность. После того как шеф лично позвонил ему накануне вечером, он долго ломал голову над причиной предстоящей встречи.

Вообще-то он отлично представлял себе эту самую причину. В расследовании, которым он руководил, погибли двое полицейских.

За это кто-то должен ответить.

Неужели он?

— Наш разговор не займет много времени, Рой, — сказал Мартинсон и посмотрел на Кэссиана Пью, который одобрительно кивнул. — Чай или кофе?

— Благодарю вас, сэр. Я бы предпочел кофе.

Мартинсон взял телефонную трубку и попросил принести три чашки кофе. Затем пригласил Грейса сесть на один из двух диванов.

Он сел, начальство устроились на соседнем диване. Рой в свое время изучал язык тела, но оба держались спокойно, и ничего зловещего их манеры не сулили.

Кэссиан Пью сложил руки на коленях.

— Рой, мы хотели увидеться с вами прежде, чем вы отправитесь в отпуск, потому что знаем, как вы чувствуете себя после трагической гибели сержанта Беллы Мой. Нам известно, что вы знали ее лично и долго работали вместе. Уверен, что вы так же, как и все мы, сожалеете о гибели сержанта Моррисон. Для всех сотрудников полиции Суссекса неделя была тяжелая, и этими событиями печально омрачено начало моей новой карьеры. Вопросы еще будут, но нам важно видеть перспективу.

Сказав это, он замолчал.

Грейс ждал продолжения, гадая, когда же ядовитый хвост изготовится для удара.

— Вы проделали чертовски трудную работу, распутывая это дело, пытаясь поймать это чудовище, и мы хотим поздравить вас с успешным выполнением поставленной задачи. Ваша сообразительность помогла спасти жизнь мисс Уэствуд и арестовать опасного преступника. Мы нисколько не виним вас в случившемся. Мы оба на вашей стороне, — произнес Кэссиан Пью и посмотрел на Мартинсона.

— Я с радостью готов повторить то же самое, Рой, — вступил в разговор главный констебль. — Сержант Мой погибла, проявив истинную доблесть, действуя исключительно на свой страх и риск, и, находясь вне службы, спасла жизнь ребенка. Вас никоим образом нельзя винить в ее смерти. Я также не считаю, что вы должны брать на себя ответственность за катастрофу, случившуюся с вертолетом, и гибель экипажа. Вот это мы и хотели сказать вам.

Ради дела вы пожертвовали своим свадебным путешествием и взяли на себя руководство ситуацией, когда возникла угроза жизни мисс Уэствуд. Я высоко ценю ваше поведение и хочу, чтобы вы отправились в свадебное путешествие со спокойной совестью.

Слова шефа не только удивили Грейса, но и принесли немалое облегчение.

— Спасибо, сэр, — поблагодарил он и повернулся к Кэссиану Пью. Неужели этот человек так изменился? Что-то сомнительно. Изображает из себя мистера Славного Парня в присутствии начальства, чтобы показать, что Рою Грейсу не о чем беспокоиться? Что их былая неприязнь осталась в прошлом? Да, скорее всего. — Я чрезвычайно благодарен вам за поддержку, сэр.

Пью улыбнулся ему. И хотя в улыбке было что-то змеиное, в ней также наличествовала искренняя теплота.

— Конечно, Рой.

— Что будет с похоронами?

— Придется какое-то время подождать, пока коронер разрешит забрать тела, — ответил Том Мартинсон. — В любом случае мы подождем вашего возвращения. Можете ехать с

чистой совестью, ведь вы честно выполнили свой долг. Так что спокойно отдыхайте и наслаждайтесь жизнью. Сосредоточьтесь на вашей очаровательной супруге.

В комнату вошла секретарша, неся поднос с тремя чашками кофе и тарелочкой печенья.

— Попытаюсь, — сказал Грейс. — Это я могу обещать.

— Думаю, Рой, вы слышали о том, что старший детектив-суперинтендент Скеррит в будущем году собирается на пенсию, — обронил Мартинсон.

— Да, сэр, слышал.

— Надеюсь, что вы подадите заявление с просьбой о назначении на этот пост. Буду рад видеть вас в новой должности. — С этими словами он выжидающе посмотрел на Кэссиана Пью.

— Я буду рекомендовать вас, Рой.

Грейс поочередно посмотрел на обоих начальников. В словах Мартинсона он уловил неподдельную искренность. Что касается Пью, то здесь можно заподозрить — образно выражаясь — желание подсунуть излишне самостоятельному подчиненному чашу с отравленным вином. Отчасти он уже опробовал себя в этой роли, сохраняя притом возможность, при желании, держать руку на пульсе оперативной работы.

Занять пост Скеррита означало усложнить себе жизнь, особенно если помнить о новой политике руководства после слияния отделов тяжких преступлений Суррея и Суссекса. Но, что греха таить, предложение было лестное.

— Я непременно подумаю об этом, — пообещал он. — Благодарю за высокое доверие и поддержку. Думаю, беспокоить меня будет только одно: опасение, что, какое бы тюремное наказание ни получил Брайс Лорен, навечно за решеткой он не останется. Неужели кошмар для Рэд Уэствуд никогда не закончится? Ей придется жить в постоянном страхе, что когда-нибудь его отпустят или он сбежит.

— Рой, вы передали ей наше предложение, — сказал Том Мартинсон. — Полиция может оказать ей помощь по изменению документов и переезду в другую часть страны. Она сделала свой выбор, отказавшись от нашего предложения. Мы все принимаем важные решения в жизни, взвешивая все возможные доводы. Вы сделали все, что только в силах офицера полиции, чтобы защитить ее. Не дай бог, чтобы Лорена когда-нибудь выпустили. Тогда мы — и она сама — будем вынуждены принять решение на основе того, что нам станет известно к тому времени. Но на данный момент вы свое дело сделали. Согласны?

Через двадцать минут, несмотря на сложные эмоции последних дней, Рой Грейс вернулся к своей машине пружинистым шагом и с легким сердцем.

117

Понедельник, 11 ноября

Рэд допивала вторую за утро чашку кофе, одновременно изучая список из девяти назначенных на день встреч с клиентами. События минувшей недели уже казались ей далеким прошлым.

Лучшей новостью в начале этой недели было то, что супружеская пара, которой она на прошлой неделе показывала дом на Портленд-авеню и которая заявила, что они нашли дом получше, позвонила ей снова и сообщила, что они опять передумали и все-таки хотят купить тот самый дом.

Рэд уже приготовила нужные документы. Сегодня, во второй половине дня, они придут и все подпишут. Мало того, они еще и заплатят наличными! Если ничего не случится, то уже через пару дней табличку с надписью «Продается» украсят дополнением из двух слов — «Продажа согласована».

Ее первая продажа! Настоящее начало ее новой карьеры. Несмотря на кошмар, связанный с Тонгдин-Лодж, работа ей нравилась. Рэд чувствовала, что обладает для нее нужными качествами.

На экране компьютера высветился значок, сообщивший о поступлении новой электронной почты. Имя отправителя было незнакомо, но Рэд открыла письмо и прочитала его.

Особенное приложение для особенной леди!

Она дважды щелкнула мышкой по значку и увидела рисунок.

Мгновением позже ее сковал страх.

118

Понедельник, 11 ноября

В скудно обставленной консультации, расположенной в подвальном помещении в Швабинге, неподалеку от реки Изар в пригороде Мюнхена, на кушетке психотерапевта лежала красивая черноволосая, с короткой мальчишеской стрижкой женщина около сорока.

— Расскажите мне, Сэнди, как вы чувствовали себя в церкви, — попросил ее доктор Эберштарк.

Женщина несколько секунд молчала, потом заговорила:

— Я чувствовала себя чужой. Поняла, что больше не знаю его мир. Все время думала о том, какую ошибку совершила. Я видела, как он повернулся и посмотрел на свою невесту, когда та шла по проходу под руку с каким-то мужчиной, скорее всего, отцом.

Я вспомнила, как очень давно, лет двадцать назад, я сама шла по проходу между церковными скамьями под руку с моим отцом и как он повернулся и улыбнулся мне. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой счастливой и гордой. — Сэнди замолчала и всхлипнула. — Такая ошибка! Чертовски большая ошибка. Когда я увидела это, мне так захотелось вернуть его. Захотелось стать той женщиной.

— Но вы все-таки оставили его.

— Да, я оставила его. Пожалуй, тогда я не знала того, что знаю сейчас. Я так сильно хотела его вернуть. В тот момент, когда священник спросил, знает ли кто причину, почему их нельзя сочетать священным таинством брака, я едва удержалась, чтобы не крикнуть в голос, что я знаю такую причину. Да, едва не крикнула. Я ведь именно для этого туда и поехала.

Она пожала плечами.

Психотерапевт молча ждал продолжения.

— Посмотрев на него, я поняла, какую ужасную ошибку совершила. Я захотела вернуть его. И все еще этого хочу. Мне кажется, что я загубила свою жизнь. Каждый день я просыпаюсь утром и лгу моему сыну. Он спрашивает меня об отце, но я не говорю ему правду. Боюсь испортить мальчику жизнь. Что же мне, черт побери, делать?

— А как вы сами думаете?

— Думаю, в один прекрасный день я лишу себя жизни.

— Вы думали о последствиях такого шага для вашего сына? Бруно, кажется?

— Да, Бруно. Иногда у меня возникает желание отправить письмо Рою, рассказать в нем всю правду, написать, что, когда он получит его, я уже буду мертва. Ему всегда хотелось иметь детей. Он мог бы приехать сюда и забрать Бруно в Англию.

Она говорила еще несколько минут. Наконец доктор Эберштарк бросил взгляд на часы на стене.

— Нам придется на этом остановиться, — сказал он. — Увидимся в четверг. Вас этот день устраивает?

Выйдя из кабинета доктора Эберштарка на улицу, Сэнди пошла по тротуару вдоль Виденмайерштрассе — улицы с четырехполосным движением. Потом застыла и в раздумье остановила взгляд на широком травянистом берегу Изара по ту сторону оживленной улицы.

Она думала о только что закончившемся сеансе. Сколько было таких сеансов? Иногда она уходила от Эберштарка в хорошем настроении, бодрой и сильной, иногда, как сейчас, в смятении большем, чем обычно.

Перед ней с шумом проносились машины, а Сэнди думала о том, что, может быть, пришло наконец время рассказать Рою о Бруно. Об их сыне.

Это наверняка испортит ему блаженство медового месяца. Интересно, как воспримет такое известие эта его красотка блондинка?

Как он сам его воспримет?

Идея у нее уже была. Рой очень добрый в душе человек.

Добрый и ответственный.

Он возьмет на себя ответственность, ведь выбора у него просто не будет. Но насколько на самом деле он любит эту свою куколку? Когда *они*жили вместе, он постоянно уверял ее, Сэнди, что не мог бы жить без нее. Однако ж, похоже, живет и неплохо себя чувствует.

Ей вдруг захотелось прогуляться по берегу Изара, пройтись до Английского сада. Прогулка будет ей на пользу, поможет немного прочистить голову.

Эту чертову несчастную голову.

На мгновение она мысленно перенеслась в Брайтон, в Англию, где машины идут по другой стороне дороги. Она посмотрела направо и увидела, что дорога пуста. Сэнди ступила с тротуара и тут же услышала резкий гудок клаксона, а потом и визг тормозов на сухом асфальтобетоне.

Кремовое такси-«мерседес» ударило ее в бок.

119

Понедельник, 11 ноября

Еще один День сурка, подумал Рой Грейс, стоя в носках и складывая на лоток туфли, пиджак, мобильный, лэптоп, часы и ремень. Точно то же самое он делал неделю назад, час в час и, может быть, даже минута в минуту.

Он проследовал за Клио через рамку металлодетектора, который, к счастью, не пискнул ни на ней, ни на нем. Грейс снова надел туфли. Волнение нарастало. Ему снова удалось припрятать от нее билеты и сохранить в тайне, что они летят бизнес-классом.

Пожалуй, сейчас волнения было больше, чем неделю назад. Оно подогревалось твердой уверенностью, что теперь их ничто не остановит.

И тут зазвонил телефон.

Он посмотрел на Клио, и она усмехнулась.

Грейс взял сотовый с серого лотка и посмотрел на дисплей. *«Номер не определен»* почти наверняка означало, что звонят с работы.

— Не буду отвечать!

— Ответишь, — усмехнулась она и поцеловала его.

— Нет, не отвечу! — Он дал отбой.

Через несколько секунд телефон зазвонил снова. Что делать? Звонить мог кто угодно и по какой угодно причине. Но на этот раз ему и вправду было все равно. Какая бы проблема ни возникла — если это проблема, — на ближайшие дни она — не его.

— Рой Грейс.

— Вот видишь! — возликовала Клио.

Он ухмыльнулся и послал ей воздушный поцелуй.

— Ты где, старичок? В гондоле под Риальто?

— Очень смешно. Хочешь, чтобы я купил тебе корнетто?

— Хотя бы одно!

— Послушай, я только что прошел контроль в Гатуике. Можно перезвонить позже?

— Можно, но я не хочу тревожить тебя в медовый месяц.

— Только что потревожил. Что случилось?

— Кое-что есть. Брайс Лорен сейчас в тюрьме Льюис по обвинению в убийстве, так? Значит, никакого залога, и он пробудет там до конца суда. Так вот он все равно пытается ее достать. Она позвонила мне недавно, очень расстроенная. Получила имейл с рисунком — похоже, от Лорена.

— По-моему, в Льюисе у заключенных доступа к электронной почте нет? — Грейс жестом извинился перед Клио. — И что за рисунок?

— Она в перекрестье прицела, с повязкой на глазу и в окружении пламени. И такая вот подпись: «Королеве ветра. Радуйся последним дням на земле».

— Вэн Моррисон.

— Вэн Моррисон?

— Песня.

— Радуйся последним дням на земле?

— Нет! Королева ветра! Queen of the Slipstream! Я думал, ты свою музыку знаешь.

— Ну да, знаю, но только не этот ваш треш белого человека.

Грейс с ухмылкой взял с досмотрового лотка ремень и, держа телефон у уха, начал продевать его в пояс брюк.

— Ладно, расскажи мне еще о рисунке.

— Я поговорил с заместителем начальника тюрьмы Аланом Сеттерингтоном. Он допускает возможность посылки имейла из тюрьмы, хотя там и действует запрет на Интернет. Или же у Лорена есть сообщник. Но я вот и подумал, что тебе стоит узнать и кое-что еще. По словам Сеттерингтона, один заключенный рассказал ему сегодня утром, что Лорен ищет киллера и хочет заказать Рэд. За положительный результат обещает пятьдесят штук.

— Нашел желающего?

— Похоже, что пока еще нет. Тот, к кому он обращался, и дал информацию Сеттерингтону.

— Ты сам что об этом думаешь?

— Если найдем те самые пятьдесят штук, то, считай, и планы Лорена расстроим.

— Вот и я то же самое подумал, — согласился Грейс. — Так что мы идем в ногу. Хорошо бы, если бы Сеттерингтон организовал прослушку Лорена. Нам надо знать каждое его слово. Поправка, *тебе* надо знать.

— Что-то ты, босс, не очень разволновался, — заметил Гленн Брэнсон.

— А зачем волноваться, когда начальником ты, а я в тебя верю! Удачной недели! До следующего понедельника.

— Да, но… погоди, старичок…

Рой Грейс дал отбой. Потом, подумав, и вообще выключил телефон. Двадцать лет он работал не покладая рук ради безопасности Брайтона и Хоува, да и всего Суссекса. Как-нибудь недельку справятся без него.

— Никогда не видела, чтобы ты так делал, — широко улыбнулась Клио.

— Я и медовый месяц с тобой не проводил. — Он обнял ее одной рукой. — И не намерен впустую терять даже секунду.

Клио посмотрела на него с теплой улыбкой:

— И почему мне в это не верится? Ты — и без включенного телефона. — Она покачала головой. — Этого не случится!

— Случится.

— И ты не будешь каждый час проверять сообщения?

— Ну, может быть, разок проверю. На всякий случай…

— Вот видишь, не сможешь. Да я этого и не хочу. Не хочу, чтобы ты менялся. Я люблю тебя таким, какой ты есть.

Она обняла его за шею и поцеловала.

120

Вторник, 12 ноября

Чертово полотенце, которым он занавесил окошечко, чтобы отгородиться от лампы коридора, упало, и камеру заполнил чахлый желтоватый свет. И как только можно спать на этой невообразимо узкой, жесткой койке при этом проклятом свете, думал Брайс Лорен.

Он повернулся — бог знает в который раз, — чувствуя под щекой жесткое одеяло и дрожа от холода. Левый, забинтованный, глаз все равно болел — после острых коготков той сучки. Тюремный доктор договаривался о приеме у специалиста, обеспокоенный тем, что повреждения могут быть необратимыми и тогда он ослепнет на один глаз.

Он еще поквитается с Рэд за это.

Где-то в блоке заключенный закричал во сне. Наверное, приснился кошмар. Само это место было кошмаром. В голове вихрился туман злых мыслей. И планов. Да-да, он строил планы. Они рождались постоянно. Над одним он сейчас работал. Прекрасный план! Мастерский! Если удастся, Рэд уже никогда-никогда не будет чувствовать себя в безопасности. До конца жизни.

Которая, если все пройдет как надо, будет довольно-таки короткой.

Он вдруг услышал звук падающих капель. Как будто кто-то не закрыл кран. Кто? Где? В соседней камере? И давно это? Или, может, он сам оставил открытым кран? Или капает в туалете?

Он закрыл глаза, чтобы не слышать, но стало только хуже. Звук стал громче, капли падали быстрее. Теперь он ясно слышал журчание воды, едва ли не отдающее эхом в безмолвии ночи.

Потом — запах бензина.

Он нахмурился.

Бензин?

У кого здесь бензин? Его ведь не используют в обогревателях?

Запах становился сильнее.

Звук напоминал плеск накатывающей на берег волны.

Охваченный внезапной тревогой, он спустил ноги с койки.

Они коснулись чего-то мокрого.

Он осторожно шагнул вперед. *Черт*. Залило уже весь пол. Залило бензином. *Вот же дерьмо!*

Плеск не стихал. Уровень поднимался с каждой секундой.

Да что же, черт возьми, происходит?

По другую сторону двери камеры заключенного 076569 другой заключенный блока предварительного содержания продолжал тискать бутыль — такими пользуются велосипедисты, — выпуская три пинты бензина через обычную трубочку, просунутую в отверстие для пожарного шланга, в камеру Брайса Лорена.

— Эй! — Голос Лорена дрожал от паники. — Эй, что происходит?

— Пора посветить! — ответил ему голос с мягкой ирландской мелодичностью. Человек за дверью включил фонарик и посветил себе на лицо как раз у самой решетки. — Бу!

Лорен отпрянул, и незнакомец рассмеялся.

— Ты кто такой? — спросил Лорен, шаря по стене и никак не находя выключатель.

— Друг друга, которому ты не сильно нравишься. Тут мы с ним схожи. Нам не нравятся мужчины, которые обижают женщин. А ты обидел многих. Тебе ведь нравится играть с огнем, а?

— Надзиратель! — крикнул уже серьезно испуганный Лорен и, вспомнив, что надзирателям не нравится, когда их так называют, поправился: — Офицер! Офицер!

— На этом этаже сегодня только один дежурный, — объяснил ирландец. — Ему ты тоже сильно не нравишься. Видишь ли, пару недель назад ты убил его кузена и сжег тело. Помнишь? На поле для гольфа? Доктор Карл Мерфи?

— Офицер!

— Расслабься, Брайс, ему это неинтересно. Он придет, когда я позову, и отведет меня в камеру. Потом откроет твою и бросит сюда бутылку. Если эксперты и найдут от нее какие-то остатки, то решат — учитывая твои постоянные угрозы покончить с собой, — что ты сам ее пронес. Я бы так и подумал.

— Офицер! — в ужасе завопил Брайс. — Офицер! Офицер! Офицер!

Ирландец вдруг сунул в рот сигарету, крутанул колесико пластмассовой зажигалки и прикурил.

При виде огня Брайс запрыгал по темной камере. Ирландец затянулся.

— Потуши ее! Ради бога, потуши!

— Успокойся! Ну и ну, я просто удивляюсь. Такой опытный пироманьяк, а боишься сигареты. Не усвоил основ? А ведь каждый, кто пробовал, знает, что от сигареты бензин не загорится: слишком низкая температура.

Он снова затянулся.

— Но ты — дерьмовый обидчик женщин, — продолжал ирландец. — Если в сигарету, в середину, положить немножко магния, то, как только пламя достигнет магния, она сразу вспыхнет. В нашем случае это произойдет через пять секунд.

С этими словами он протолкнул выкуренную наполовину сигарету через пожарное отверстие.

БЛАГОДАРНОСТИ

Этот роман был написан благодаря телефонному звонку, полученному мной полтора года назад от старшего суперинтендента Нева Кемпа, теперь — дивизионного коммандера полиции Брайтона и Хоува. Он рассказал мне о деле, которое, как он полагал, могло меня заинтересовать и воодушевить на написание книги. Он оказался прав по обоим пунктам, и я перед ним в неоплатном долгу — за то, что он вывел меня на дорогу, которая привела к «Пусть ты умрешь».

Старший суперинтендент в отставке Дэвид Гейлор, как всегда, оказывал мне огромную помощь не только в разработке сюжетов, но и в том, чтобы заставить самого Роя Грейса и всю его команду думать и действовать так, как на их месте могли думать и действовать реальные полицейские. Я также должен выделить старшего инспектора Джейсона Тингли, который ознакомил меня с работой тех людей и организаций, что участвовали в суссекской кампании «Белая лента» против домашнего насилия.

Также я хотел бы поблагодарить всех тех офицеров и служащих полиции Суссекса, которые постоянно и охотно приходили мне на помощь и давали советы: главного констебля Мартина Ричардса, награжденного Королевской медалью «За заслуги в полиции» (QPM), комиссара по делам полиции и борьбе с преступностью Кэти Борн, бывшего старшего суперинтендента Грэма Бартлета, детектива-суперинтендента Пола Фернелла, детектива старшего инспектора Ника Мэя, инспектора Энди Килла, сержанта Джонатана Хартли, констебля Эндрю Данклинга, сержанта Фила Тейлора, Рея Пэкема из отдела высоких технологий и Колина Бойса.

Громадное спасибо Алану Сеттерингтону, заместителю начальника тюрьмы Льюиса, и многим людям из Суссекской пожарно-спасательной службы: Мэтту Уэйнрайту, который не только открыл передо мной двери Уэртингского пожарного депо, но и научил меня множеству настольных фокусов; Тони Маккорду, начальнику пожарно-спасательной службы Восточного Суссекса, и его жене Джен Маккорд, оказавшим мне безмерную помощь; Тони Гарру, главному пожарному дознавателю; Марку Хоббсу; Джулии Гилберт-Кинг; Шэрон Милнер; Рою Бараклафу; начальнику смены Даррену Уикенсу.

А также многим из тех, кто занимается борьбой с домашним насилием: Линдсей Джордан, руководителю группы Саутдаунской домашней ассоциации; Саре Финдлей, главе «Домашней стратегии» (городской совет района Льюис), которая дала мне информацию по «Проекту „Убежище“»; Трейси О’Рурк Берр; Сьюзи Риджвелл; Пенни Батлер; Фин Касл, Кейт Дэйл, Наоми Бос и Кэрис Дженкинс из организации «Восход»; Трише Бернал, которая столь откровенно рассказала мне о трагической смерти ее дочери Клер от рук преследовавшего ее бывшего бойфренда; бывшую главу муниципалитета Брайтона и Хоува Джулиет Смит; психолога Зои Лодрик, которая великодушно посвятила многие часы своего времени работе над ключевыми главами.

Патологоанатомам Марку Ховарду, Бену Свифту и Найджелу Киркэму, врачу-ортопеду Хейдну Келли, Джулии Фрит из агентства «Мишон Маккей», Грэму Рэнду из «Рэнд & Компани», Нику Фитцхерберту и Нику Боннеру.

Как всегда, выражаю бесконечную признательность неутомимому Крису Уэббу из «МакСервис», которому множество раз удавалось восстанавливать мой компьютер после того, как я ронял его, и сохранять утраченные файлы.

Особая благодарность Анне Хэнкок, Хелен Шенстон и Сью Анселл, читавшим и помогавшим мне со всеми написанными мной книгами, а также Мартину и Джейн Диплок и Николе Митчелл.

Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне такого прекрасного агента и удивительного друга, как Кэрол Блейк. И за свою рекламную команду, о которой можно только мечтать, в составе Тони Малликена, Софи Рэнсом и Бекки Шорт из агентства «Мидас». У меня просто не хватает слов для того, чтобы высказать надлежащую благодарность всем сотрудникам издательства «Макмиллан», но я хотел бы отдельно выделить из них Джеффа Даффилда, Анну Бонд, моего замечательного редактора Уэйна Брукса, а также моего литературного редактора, наделенного безграничным терпением, Сьюзен Опи, как и всех моих американских коллег: Энди Мартина, редактора Марка Резника, специалистов по печати и рекламе Гектора Де Джима и Пола Хокмана из «Минотавра», Елену Стоукс и Таню Фаррелл из «Вундеркинда» и всех остальных членов «команды Джеймса» в США!

Огромное, огромное спасибо моему во всех отношениях совершенному и обладающему бесконечным терпением личному секретарю Линде Бакли.

Трем моим чудесным собакам, Фебе, Оскару и Коко, которые всегда со мной и ждут, что я выведу их на прогулку, едва встану из-за письменного стола, готовые в любой момент напомнить о том, что есть жизнь и помимо клавиатуры и компьютера.

Я всегда буду помнить о моем друге Джиме Херберте, который так поддерживал меня и, к несчастью, умер, пока я писал эту книгу.

Спасибо вам, мои читатели. Ваши сообщения, которые приходили на мою электронную почту, в Твиттер, Фейсбук и на мой сайт, постоянно заряжают меня энергией!

Питер Джеймс
Суссекс, Англия

scary@pavilion.co.uk
www.peterjames.com
www.facebook.com/peterjames.roygrace
www.twitter.com/peterjamesuk

Примечания

1

Девятнадцатая лунка — шутливое название бара при гольф-клубе. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Прибыли! (*фр.*)

3

Петух в вине (*фр.*).

4

Гвоздь программы, главная достопримечательность (*фр.*).

5

Лайф-коучинг — система профессиональных взаимоотношений между специалистом по персональному росту (коучем) и клиентом, выражающаяся в поддержке и сопровождении человека до получения им необходимого результата в соответствии с его запросом.

6

Территориальная армия — создана в 1920 г. как резерв первой очереди сухопутных войск, с 1967 г. реорганизована в территориальный армейский добровольческий резерв.

7

Да, мой дорогой? *(нем.)*

8

Grace *(англ.)* — благодать.

9

*Элиот Т. С.*Маленький Гиддинг / Пер. В. Постникова.

10

Рой и Гленн обыгрывают имя Льюиса Хэмилтона, темнокожего гонщика «Формулы-1».